

1914.

Годъ 22.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—••—
АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена

1914.

1914.

Годъ 22.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1914.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 23 мая 1914 г.

№ 1265.

Ректоръ: В. Алехтеевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Приложения.

Стр.

Г. Ф. Церетели. Новые комедии Менандра	257—495
Prof. D. Karl Konrad Grass. Die russischen Sekten. II. . . I—XI и	449—480

Если мы сопоставим теперь этотъ разсказъ Гигина, особенно же ту часть его, гдѣ говорится о двухъ пастухахъ и объ ихъ тяжбѣ, съ соотвѣтствующей сценой „Третейскаго суда“, то мы увидимъ, что Менандръ, хотя и переноситъ дѣйствіе въ другую обстановку и въ другія условія, почти что не отходитъ отъ Еврипида какъ въ расположеніи, такъ и въ трактовкѣ заимствованнаго имъ матеріала. И дѣйствительно, оставивъ въ сторонѣ сказочныя подробности, онъ не измѣняетъ однако ни одной изъ тѣхъ деталей, которыя могутъ пригодиться ему и изъ которыхъ при желаніи можно скомпановать сценку, словно выхваченную изъ настоящей жизни. Такъ, напр., онъ не трогаетъ основного мотива ссоры: какъ у Еврипида, такъ и у него эта ссора начинается изъ за имущества найденыша, причѣмъ если у Еврипида пастухъ, получившій ребенка, видитъ въ этомъ имуществѣ „*insignia ingenuitatis*“, то и Сирискъ требуетъ у Дава *τὰ γυναικίματα* не ради личной выгоды, а для того, чтобы помочь ребенку установить въ послѣдствіи свое свободное происхожденіе. Далѣе, какъ у Еврипида, такъ и у Менандра разборъ тяжбы возлагается на лицо, не знающее, что оно приходится ребенку дѣдомъ. Наконецъ, насколько можно судить объ этомъ по Гигину, пастухи, выступавшіе въ „Алопѣ“, начинали передъ Керкіономъ настоящій *ἀγὼν λόγων*, т. е. поступали не иначе, чѣмъ Давъ и Сирискъ въ „Третейскомъ судѣ“. И мнѣ кажется, что безусловно правъ Welcker¹⁾, который настолько не сомнѣвается въ наличности подобнаго агона, что считаетъ возможнымъ сказать: „*der Prozess der beiden Hirten vor dem Könige ist bei Hygin ganz so angelegt, wie er dem Euripides zu einer glänzenden Gerichtsscene dienen konnte*“. Вѣдь мы знаемъ, что у Еврипида, дѣйствительно, было большое пристрастіе къ устройству такихъ сценъ, въ которыхъ два лица вступали въ споръ передъ третьимъ, и которыя являлись какъ бы отголоскомъ настоящихъ судьбищъ, столь любимыхъ афинянами. Ввиду всего этого мы имѣемъ нѣкоторое право думать, что и тяжба Сириска съ Давомъ была составлена Менандромъ примѣнительно къ сценѣ суда въ „Алопѣ“, или, иначе, что Менандръ былъ обязанъ трагедіи какъ разъ той сценкой, о которой, между прочимъ, упоминаетъ Квинтиліанъ²⁾.

1) Welcker, o. c., 713.

2) Inst. orat., X, 1, 70.

Итакъ, изъ сказаннаго нами явствуетъ, что въ основѣ „Третьскаго суда“ лежитъ часть того мѣста, который Еврипидъ взялъ сюжетомъ для своей „Алопы“, и что, сверхъ того, тотъ же Еврипидъ помогъ Менандру и въ созданіи эпизодичной сцены, давшей заглавіе комедіи. Но, кромѣ всего нами указаннаго, есть въ „Третьскомъ судѣ“ еще одна маленькая подробность, тоже, повидимому, заимствованная изъ „Алопы“, а именно, упоминаніе о *πορφύρα πέριουξ*, о „пурпурномъ лоскуткѣ“, который находится среди вещицъ ребенка, перебираемыхъ Сирискомъ. Правда, этотъ предметъ не имѣетъ большого значенія и не изъ за него начинается споръ между Сирискомъ и Онисимомъ. Но тѣмъ не менѣе я былъ бы не прочь усматривать въ немъ своего рода отдаленное воспоминаніе о той „*vestis regia*“, „*scissa vestis*“, которая играетъ такую важную роль въ „Алопѣ“ и по которой Керкионъ убѣждается въ виновности своей дочери. Однако, если въ „Алопѣ“ главная роль при *ἀναγνώρισισ* удѣляется одеждѣ царевны, то въ „Третьскомъ судѣ“ на первомъ мѣстѣ стоитъ эпизодъ съ перстнемъ Харисія, т. е. деталь, которой нѣтъ въ трагедіи Еврипида. И все таки, хотя ея нѣтъ въ „Алопѣ“, она находится на лицо въ другой Еврипидовской пьесѣ, а именно, въ той самой „Авгѣ“, о которой говорится въ заключительныхъ стихахъ нашей комедіи (ст. 583 сл., а также ст. 585 сл.).

Что касается до содержанія „Авги“, то оно въ общихъ чертахъ извѣстно намъ по одному отрывку изъ *Progymnasmata* Моисея Хоренскаго, по отрывку, начало котораго звучитъ такъ: „*dum in Arcadiae quadam urbe festum Minervae celebraretur, cum eiusdem sacerdote Augea Alei filia choreas in nocturnis sacris agitante rem Hercules habuit, qui et huius furti testem ei reliquit anulum. illa ex eo gravis Telephum peperit, quod nomen ex eventu adhaesit*“¹⁾. Если сопоставить приведенный нами текстъ съ той фавулой, на которой построенъ „Третьскій судъ“ Менандра, то окажется, что эта фавула почти совпадаетъ съ основнымъ сюжетомъ „Авги“. И дѣйствительно, въ обѣихъ пьесахъ мы имѣемъ дѣло съ дѣвушкой, опозоренной во время ночного бдѣнія и удержавшей на па-

1) Mos. Choren. *Progymn.* lib. III, exempl. 3 (= Mai, *Eusebii Chron. (Mediolani)*, 294). Ср. Nauck², о. с., 436 sq. Первымъ указаль на это Wilamowitz-Moellendorf, *Analecta Euripidea*, 189.

мать о своемъ позорѣ перстень насильника. Мало того, этотъ перстень, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ Моисея, способствуетъ въ „Авгѣ“ тому, что Гераклъ признаетъ по нему ребенка и спасаетъ мать послѣдняго отъ грозившей ей смерти¹⁾, т. е., иными словами, мы имѣемъ передъ собой, правда, въ нѣсколько иной, болѣе трагичной формѣ, ту же развязку, которую даетъ намъ и „Третьейскій судъ“. Наконецъ, если мы начнемъ просматривать отрывки изъ „Авги“, то изъ одного изъ нихъ, относившагося, повидимому, къ рѣчи Геракла, намъ станетъ извѣстнымъ, что Гераклъ произвелъ насиліе подъ вліяніемъ опьяненія, о чемъ онъ и говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ:

*vñv δ' οἶνος ἐξέστησέ μ' · ὁμολογῶ δέ σε
ἀδικεῖν, τὸ δ' ἀδίκημ' ἐγένετ' οὐχ ἐκούσιον²⁾.*

Но въ такомъ случаѣ его поступокъ и причина, вызвавшая послѣдній, оказываются вполне идентичными со всѣмъ тѣмъ, что знаемъ мы о Харисіи, частью изъ его собственныхъ словъ, частью изъ словъ Онисима и Габротононъ. А разъ это такъ, то еврипидовскій Гераклъ, выступавшій въ „Авгѣ“, является своего рода прототипомъ τῶν μικρῶν μετράκιων τῶν τοῦ Μενάνδρου, которые отличаются склонностью къ буйству и обычнымъ извиненіемъ которыхъ бываетъ ссылка на „ночь, вино и молодость“³⁾.

Итакъ, связь между „Авгой“ и „Третьейскимъ судомъ“ на лицо, причемъ эта зависимость нашей комедіи отъ

1) Mos. Choren., l. c.: jam Augeae pater stupro cognito exandescens Telephum quidem deserto loco ablici, ubi is a cerva nutritus est, Augeam autem abysso submergi mandavit. interim Hercules ad eam regionem delatus deque re gesta sua ex anulo admonitus et puerum ex se genitum eripuit et parentem ipsam ab instante mortis discrimine expedit.

2) Eurip. fr. 265 (= Nauck², o. c., 437). Совершенно также, какъ явствуетъ это изъ его словъ, поступилъ и Ксуѳъ въ „Ионѣ“: ср., по крайней мѣрѣ, Jon, 551 sqq.

3) Stavenhagen въ своей статьѣ „Epileptones und Nekyra“ (= Hermes, 45 (1910), 582) склоненъ думать, что и мотивъ супруга, который, вернувшись домой изъ путешествія, находитъ свою жену беременной и который, несмотря на всю свою любовь къ ней, отдаляется отъ нея, — что и этотъ мотивъ, столь обычный въ „новой“ комедіи, восходитъ тоже къ Еврипиду и, въ частности, къ его трагедіи „Алкмена“. По поводу „Алкмены“ см. Engelmann, Archäologische Studien zu den Tragikern, 52, а также Decharme, Euripide et l'esprit de son théâtre, 261 sq.

„Авги“ не менѣе разительна, чѣмъ указанная нами выше зависимость ея отъ „Алопы“. Но только, если послѣдняя не упоминается и не цитруется Менандромъ въ текстѣ его комедіи, то, наоборотъ, объ „Авгѣ“ онъ говоритъ въ концѣ „Третьскаго суда“ устами Онисима и даже приводитъ изъ нея два стиха, взятые, повидимому, изъ защитительнаго монолога самой героини, съ которымъ она могла обращаться, напр., къ своему отцу Алею¹⁾. Такимъ образомъ, Менандръ какъ бы указываетъ на одинъ изъ своихъ источниковъ, и притомъ какъ разъ на тотъ, который, до нѣкоторой степени, послужилъ для него исходной точкой при созданіи фабулы его пьесы. Но коль скоро мы можемъ установить съ неопровержимой очевидностью, что въ основѣ „Третьскаго суда“ лежатъ двѣ пьесы Еврипида, то ничто, кажется, не мѣшаетъ намъ заключать, что „сюжетъ этой комедіи Менандра представляетъ собой контаминацію двухъ трагическихъ сюжетовъ“²⁾, — мысль, которую Bodin формулируетъ такъ: (Ménandre) empruntait à l'Augé et à l'Alopé par une sorte de contamination le point de départ de sa pièce et le thème d'une de ses plus jolies scènes³⁾.

Эта установка факта сюжетной зависимости Менандра отъ Еврипида, позволяетъ намъ поднять еще одинъ вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, можно ли опредѣлить съ точностью, насколько близко стоялъ нашъ комикъ къ излюбленному имъ трагику при передачѣ отдѣльных деталей и подробностей уже не сюжетнаго, а скорѣе структурнаго характера. Объ этомъ вопросѣ намъ еще придется говорить впослѣдствіи, при разборѣ одной сценки изъ „Отрѣзанной косы“, гдѣ все, и структура, и общій тонъ выдержаны въ чисто-еврипидовскомъ духѣ. Но и по отношенію къ „Третьскому суду“ у насъ, думается мнѣ, есть кое-какія данныя, которыя даютъ возможность, если и не рѣшить, то, по крайней мѣрѣ, затронуть интересующую насъ проблему.

1) Eur. fr. 920 (≠ Nauck², о. с., 658):

*ἡ φύσις ἐβούλεθ', ἢ νόμων οὐδὲν μέλει.
γυνὴ δ' ἐπ' ἀντὶ τῶ δ' ἔφρ.*

Т. е.:

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.
Удѣлъ жены родить!

2) Варнеке, о. с., 94.

3) Bodin, о. с., 74.

Нѣсколько выше мной уже было указано на то, что сцену суда въ нашей комедіи можно было бы разсматривать, какъ сцену, навѣянную Еврипидомъ. Коснемся теперъ этого вопроса подробнѣе.

Быть можетъ, ни одинъ изъ греческихъ драматиковъ не любилъ до такой степени, какъ Еврипидъ, вставлять въ свои пьесы сцены споровъ и словесныхъ состязаній, построенныхъ къ тому же по всѣмъ правиламъ риторики и ораторскаго искусства. Эти состязанія, которыя съ полнымъ правомъ можно называть агонами, носили у Еврипида двоякій характеръ, а именно, или судебный, или же чисто риторическій¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ они, какъ извѣстно, представляли собой ничто иное, какъ настоящія декламациі на отвлеченныя темы, произносимыя двумя лицами, и притомъ такъ, что или одно лицо выступало въ защиту какого нибудь тезиса, а другое опровергало послѣдній, или же каждый изъ спорящихъ персонажей развивалъ и обосновывалъ свой собственный тезисъ, діаметрально противоположный тезису его противника. Къ числу подобныхъ декламацийъ относятся знаменитый споръ между Ликомъ и Амфитріономъ въ „*Ἡρακλῆος μακρόμενος*“ (ст. 160—203) на тему о недостаткахъ и достоинствахъ лука, какъ оборонительнаго и наступательнаго оружія²⁾, а также споръ между Зетомъ и Амфіономъ въ „*Ἀντιόπῃ*“ (fr. 185, 187, 188, 198, 199)³⁾ на тему о томъ, что лучше и предпочтительнѣе, жизнь ли созерцательная, направленная на развитіе интеллектуальной стороны челоуѣка, или же жизнь практическая, въ которой на первомъ мѣстѣ долженъ стоять не интеллектъ, но физическая сила.

Однако, эти декламациі не имѣютъ къ намъ прямого отношенія, ибо онѣ, насколько намъ извѣстно, не отразились на идущей вслѣдъ за Еврипидомъ комедіи Менандра, и не отразились, конечно, потому, что стояли слишкомъ уже далеко отъ проявленій дѣйствительной жизни, которая только и интересовала нашего комика. Но есть въ трагедіяхъ Еврипида и другіе примѣры споровъ, тѣ самые, которые, какъ я сказалъ

1) Decharme, о. с., 50 sqq.

2) См. по поводу этого спора Wilamowitz-Moellendorf², Euripides Herakles, I, 139—140.

3) Nauck², Trag. gr. fragm., 414—416, 419—421.

выше, носить „судебный“ характер и которые самъ Еврипидъ называетъ *ἀμιλλα λόγων* (Suppl., v. 428) или же *ἀγών* (ibid., v. 427). Вотъ на этихъ спорахъ я и хотѣлъ бы остановиться, причемъ наиболѣе типичными я склоненъ былъ бы считать тѣ изъ нихъ, которые находятся въ „Гекубѣ“ (ст. 1132—1251), въ „Троянкахъ“ (ст. 914—1059) и въ „Гераклидахъ“ (ст. 134—231).

Отмѣтимъ сперва, что во всѣхъ этихъ спорахъ, какъ и въ вышеуказанныхъ декламацияхъ, чувствуется сильный привкусъ риторики, настолько сильный, что въ каждой изъ двухъ рѣчей, составляющихъ споръ, можно безъ большого труда различить необходимыя составныя части любой судебной рѣчи, а именно, *προοίμιον, διήγησις, ἀπόδειξις* и *ἐπίλογος*. Далѣе, нельзя отрицать и того, что всѣ эти словесныя состязанія очень богаты всевозможными софистическими вывертами и что, наконецъ, кое-гдѣ въ нихъ можно подмѣтить и тѣ фигуры украшенія, отъ которыхъ не свободенъ даже Лисій, несмотря на всю простоту своего стиля. Впрочемъ, всѣ эти частности имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе. Для насъ гораздо важнѣе другое, а именно, чисто внѣшній видъ споровъ, которые строятся обыкновенно такъ, что тяжущіеся имѣютъ своего особаго судью, руководящаго словопреніемъ и выносящаго въ концѣ концовъ приговоръ. Такъ въ „Гекубѣ“, въ спорѣ Гекубы съ Полиместоромъ, судьей является Агамемнонъ, въ „Троянкахъ“ споръ между Еленой и Гекубой рѣшаетъ Менелай, а въ „Гераклидахъ“ такую же роль посредника между аргивскимъ вѣстникомъ и Юлаемъ беретъ на себя царь Демофонтъ. Интересно затѣмъ и то обстоятельство, что каждому такому спору предшествуетъ всегда болѣе или менѣе оживленное столкновеніе между противниками, столкновеніе, конецъ которому кладетъ обыкновенно лицо, выступающее въ качествѣ третейскаго судьи и вводящее благодаря этому простую перебранку въ рамки настоящаго судебного разбирательства.

Если мы обратимся теперь отъ еврипидовскихъ „агоновъ“ къ той сценкѣ судьбища, которую даетъ намъ комедія Менандра, то мы замѣтимъ безъ особаго труда, что эта сценка скомпанована въ еврипидовскомъ духѣ. Правда, мы не найдемъ въ рѣчахъ Дава и Сириска ни явныхъ слѣдовъ

риторики¹⁾, ни повышенного трагического тона²⁾. Правда, объ рѣчи трудно разбить на строго-отграниченныя одна отъ другой составныя части, рекомендуемыя правилами ораторскаго искусства. Ничего подобнаго, какъ мнѣ кажется, въ нашей сценкѣ нѣтъ, да и не должно быть, коль скоро Меландръ хочетъ дать примѣръ обычной житейской тяжбы, которую ведутъ простые рабы, не искушенные въ тайнахъ краснорѣчія и руководящіеся просто на просто присущимъ имъ здравымъ смысломъ и хитростью. Ну, а если Сирискъ, какъ человѣкъ, нѣсколько болѣе цивилизованный, чѣмъ его противникъ, и старается прежде всего выяснитъ вопросъ о правѣ и справедливости, то эта подробность, равно какъ и отличающее Сирииска стремленіе говорить покрасивѣе, да посложнѣе, вовсе не вносятъ въ идущій передъ нами споръ чего либо неестественнаго: вѣдь въ Сирискѣ мы имѣемъ типъ человѣка, который кое-что видѣлъ, кое-что слышалъ и который очень не прочь блеснуть какъ своимъ развитіемъ, такъ и своей образованностью! Такимъ образомъ, и эмфазъ Сирииска и его періоды, состоящіе изъ плохо-пригнанныхъ другъ къ другу фразъ³⁾, — всё это не только не опровергаетъ, но наоборотъ подтверждаетъ наши слова о томъ, что въ рѣчахъ рабовъ нѣтъ никакого риторическаго привкуса. И тѣмъ не менѣе отъ всей сценки вѣетъ чѣмъ-то еврипидовскимъ!

Такъ, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе ея внѣшнее устройство, почти что совпадающее съ устройствомъ „агоновъ“ у Еврипида. И дѣйствительно, сперва мы присутствуемъ при простой перебранкѣ между Давомъ и Сирискомъ, при перебранкѣ, конецъ которой кладетъ вмѣша-

1) Если не считать слѣдующей игры словъ, выдержанной въ духѣ настоящей риторической *σχημα* (ст. 102): *οὐχ εὐρεσία τοῦτ' ἐστίν, ἀλλ' ἀφαρρασία*. Ср. Ter. Andr., 218: *inceptiost amentium, haud amantium*. Cic. Verr. IV, 5, 10: *quod putabant ereptionem esse, non emptiorem*.

2) Единственнымъ пассажемъ „Третьякаго суда“, въ которомъ можно констатировать наличность трагическаго, нѣсколько приподнятаго тона, будетъ монологъ Харисія (ст. 487 слл.). Въ немъ, дѣйствительно, есть и эмфазъ и то, что Аристотель обозначаетъ словомъ *σεμνότης*. Что же касается до остальнаго текста пьесы, то и его общій тонъ, и обороты, и выборъ словъ, — всё это поражаетъ своей естественностью и простотой, своей близостью къ обыкновенной разговорной рѣчи.

3) Legrand, о. с., 335 sq.

тельство Смикрина, какъ третейскаго судьи, выбраннаго спорящими. Затѣмъ начинаются рѣчи сторонъ, представляющія собой два строго-выдержанныхъ монолога, которые идутъ одинъ за другимъ, почти безъ перерывовъ, если не считать за таковыя выпадъ Сириска и не имѣющіе прямого отношенія къ дѣлу вопросы Смикрина. Эти монологи Дава и Сириска, напоминающіе своей простотой и безыскусственностью рассказы еврипидовскихъ „вѣстниковъ“, напоминаютъ въ то же время и рѣчи тѣхъ лицъ, которыя спорятъ въ „Гекубѣ“, въ „Троянкахъ“ и въ „Гераклидахъ“¹⁾. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ въ нихъ краткихъ, перебивающихъ другъ друга репликъ, которыя наблюдаются въ агонахъ аристофановскихъ комедій, но видимъ длинныя, своего рода судебныя рѣчи, выдержанныя сверхъ того хотъ и въ простомъ, но въ безусловно серьезномъ тонѣ, въ тонѣ настоящаго спора, не заключающаго въ себѣ ничего комическаго²⁾.

Т. е., иными словами, въ спорѣ Дава и Сириска можно и должно усматривать отзвуки еврипидовской трагедіи, которая, повліявъ въ нашемъ случаѣ на фабулу комедіи, повліяла вмѣстѣ съ тѣмъ и на структурную сторону послѣдней, поскольку дѣло касается разобранной нами сценки третейскаго суда. А что Менандръ вообще, подобно Еврипиду, любилъ украшать свои пьесы такого рода сценами, объ этомъ свидѣтельствуетъ и Квинтиліанъ, говорящій слѣдующее: „*mihi orator probari in opere suo videtur, nisi forte aut illa moralia iudicia, quae Epitrepontes, Epicleros, Locroe habent, aut meditationes in Psophodoe, Nomothete, Hupobolimaео non omnibus oratoriis numeris sunt absolutae*“³⁾. Изъ этихъ, приведенныхъ нами, словъ Квинтиліана можно, помимо всего прочаго, вывести, что сцены судовъ у Менандра „не выполнялись согласно всѣмъ требованіямъ ораторской техники“, — упрекъ, котораго ученый риторъ не дѣлаетъ, между прочимъ, Еврипиду, находя, что послѣдній „*et dicendo ac respondendo cui-*

1) Иначе думаетъ Б. В. Варнеке (о. с., 37), который сближаетъ сцену суда нашей комедіи какъ разъ съ сценами сходныхъ судовъ у Аристофана.

2) Небольшую долю комизма можно усматривать лишь въ томъ, какъ держатся спорящіе рабы. Однако, этотъ комизмъ, лежащій скорѣе въ ихъ характерахъ, чѣмъ въ ихъ словахъ, отнюдь не подчеркивается поэтомъ: онъ только чувствуется.

3) Quintil. inst. orat., X, 1, 70.

libet eorum, qui fuerunt in foro disertis, comparandus est“¹⁾. Но для насъ лично этотъ упрекъ Квинтилиана представляетъ драгоценную подробность, которая косвенно подтверждаетъ всё то, что говорилось нами выше по поводу отсутствія въ рѣчахъ Дава и Сириуса риторическихъ прикрасъ и чисториторическихъ построений. И дѣйствительно, сравнивая Еврипида съ Менандромъ и видя въ послѣднемъ подражателя перваго, Квинтилианъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ограничиваетъ обоихъ поэтовъ, что „настоящій ораторъ“, Еврипидъ, какъ бы противопоставляется „не настоящему“, Менандру, хотя и этотъ „не настоящій ораторъ“, какъ говоритъ тотъ же Квинтилианъ, „diligenter lectus ad cuncta, quae praecipimus, effingenda sufficiat“²⁾. Итакъ, упрекая Менандра за недостаточное соблюденіе правилъ риторики³⁾ и не отрицая въ то-же время того вліянія, которое имѣлъ на него Еврипидъ, Квинтилианъ даетъ намъ довольно вѣрную картину той тѣсной зависимости комедіи Менандра отъ трагедіи Еврипида, которую мы можемъ провѣрить теперь по „Третьейскому суду“ и которая, какъ это оказывается, распространялась иногда и на фабулу пьесъ и даже на нѣкоторыя детали чисто-структурнаго характера⁴⁾.

Но это не значитъ, конечно, что каждая пьеса „новой“ комедіи находилась въ такой неразрывной связи съ трагедіей. Въ всякаго сомнѣнія бывало и такъ, что мѣсто трагедіи занимала иногда „древняя“ комедія, что въ свою очередь отражалось на многомъ и, въ частности, на тонѣ зависящихъ отъ нея пьесъ. И очень возможно, что такой именно случай имѣемъ мы въ *Rudens* Плавта, въ комедіи, оригиналь которой восходитъ къ Дифилу⁵⁾. Здѣсь, какъ и въ „Третьейскомъ судѣ“, мы имѣемъ сцену спора изъ за *γυαρίσματα* между рыбакомъ Грипомъ и рабомъ Трохаліономъ, спора, который приводитъ противниковъ къ суду предъ ли-

1) Ibid., X, 1, 68.

2) Ср. *ibid.*, X, 1, 69: hunc (i. e. Euripidem) et admiratus maxime est, ut saepe testatur, et secutus, quamquam in opere diverso, Menander.

3) Ibid., X, 1, 69.

4) Ср. также то, что говорится нами ниже по поводу частичной связи „Третьейскаго суда“ съ „Алkestидой“ Еврипида (стр. 283).

5) Ср. Plaut. *Rudens*, 32 sq.:

primūm dum huic esse nomen urbi Diphilus
Cyrenas voluit.

цомъ особаго посредника, а именно, предъ лицомъ Демонета, хозяина Грипа (ст. 1052—1128).

Однако, этотъ споръ, нѣкоторыя подробности и основная тема котораго совпадаютъ со споромъ изъ „Третьскаго суда“¹⁾, заключаетъ въ себѣ то различіе, что въ немъ почти не видно судебной подкладки, которая наоборотъ выступаетъ очень ярко у Менандра. Въ связи же съ этимъ, и рѣчи тяжущихся не укладываются въ рамки настоящихъ рѣчей, а сводятся къ краткимъ репликамъ, имѣющимъ характеръ простой перебранки. Такимъ образомъ, сцена суда въ *Rudens* рѣзко отличается отъ подобной же сцены въ нашей комедіи, и если эта послѣдняя сцена носить на себѣ ясный отпечатокъ Еврипида, то первая такого отпечатка не имѣетъ. Конечно, какъ правильно замѣчаетъ Б. В. Варнеке²⁾, трудно сказать, на чей счетъ надо относить это различіе, на счетъ ли Дифила или на счетъ Плавта. Но все таки мнѣ кажется, что не будетъ слишкомъ рискованнымъ, если мы выскажемся въ пользу греческаго комика, и вотъ въ силу какихъ соображеній. Насколько намъ извѣстно, Дифиль, хоть онъ и принадлежалъ къ числу представителей „новой“ комедіи, стоялъ гораздо ближе къ комедіи „средней“, или, иначе, къ той комедіи, которая не успѣла еще отдѣлаться отъ буффоннаго характера „древней“³⁾. Ввиду этого вполне возможно, что и споръ въ *Rudens*, нѣсколько напоминающій собой аристофановскіе агоны, восходитъ къ самому Дифилу, хотя внѣ всякаго сомнѣнія Плавтъ, который вообще довольно свободно относился къ греческимъ оригиналамъ, и могъ произвести въ немъ разнаго рода перемѣны. Но даже если мое предположеніе и не выдерживаетъ серьезной кри-

1) Такъ, напр., Грипъ и Трохаліонъ все время перебиваютъ другъ друга, а Демонетъ, какъ и Смикринъ, то и дѣло прибѣгаетъ къ угрозамъ. Далѣе, Трахаліонъ, какъ правильно отмѣчаетъ это Б. В. Варнеке (о. с., 36), „желаетъ выяснитъ судомъ вопросъ: *quo modo habeas id refert, iurene an iniuria*“, т. е., иными словами, онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Сирискъ. Наконецъ, самъ Демонетъ, рѣшающій споръ о *sternidia*, оказывается, какъ и Смикринъ, лицомъ заинтересованнымъ: вѣдь Палестра, которой принадлежитъ ящичекъ, найденный Грипомъ, есть дочь Демонета, имъ нѣкогда утерянная. Такъ обр., если Смикринъ, присуждая вещи Сириску, спасаетъ тѣмъ самымъ своего внука, то Демонетъ послѣ разбора *sternidia* находитъ свою дочь.

2) Б. В. Варнеке, о. с., 37.

3) См. Denis, *La comédie grecque*, II, 415 sqq.

тики, всё таки можно сказать съ полной увѣренностью, что сцену суда въ *Rudens* Плавта нельзя сближать съ таковой же сценой въ комедіи Менандра, „Третейскій судъ“, какъ это иногда дѣлается¹⁾, ибо обѣ сцены восходятъ къ различнымъ источникамъ, насколько можно судить объ этомъ по ихъ устройству и тону.

Итакъ, изъ всего мною сказаннаго вытекаетъ, что Менандръ стоялъ въ сравнительно близкой зависимости отъ Еврипида, въ зависимости, сводившейся не только къ развитію и къ углубленію нѣкоторыхъ взглядовъ и прецептовъ трагика, но и къ перенесенію на почву комедіи кое-какихъ структурныхъ и сюжетныхъ частныхъ, которыя, впрочемъ, подвергались со стороны комика разнаго рода измѣненіямъ и упрощеніямъ сообразно требованіямъ того жанра, который онъ создавалъ и въ которомъ работалъ. Благодаря этому, усвоивая кое-что у Еврипида, Менандръ умѣлъ оставаться оригинальнымъ и самобытнымъ, какъ оставался самобытнымъ и Мольеръ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, какъ, напр., въ комедіи „Скупой“, доходитъ до очень близкой передачи своего оригинала.

9.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о томъ вліяніи, которое оказала на „Третейскій судъ“ трагедія Еврипида. Попробуемъ теперь коснуться другой, не менѣе интересной проблемы, а именно, вопроса о вліяніи „Третейскаго суда“ на пьесу Аполлодора Каристскаго *Ἐχρῶς*, послужившую въ свою очередь оригиналомъ для *Несуга* Теренція²⁾, и при-

1) *Vodin-Mazon*, о. с., 290.

2) Въ пользу мнѣнія о томъ, что оригиналомъ для *Несуга* Теренція была *Ἐχρῶς* Аполлодора говоритъ слѣдующее: во-первыхъ, *Донатъ* въ своемъ комментарий къ *Несуга* въ шести мѣстахъ (*Нес.*, 58, 214, 286, 380, 440, 620) сравниваетъ Теренціевскій текстъ съ текстомъ Аполлодора (см. *Коск.* о. с., III, 283—284); во вторыхъ, тотъ же *Донатъ* (*praef. ad Нес.* 1) дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: *haec fabula Apollodori dicitur esse graeca, nam et ipsa et Phormio ab eodem dicuntur esse translatae, cum reliquae quattuor sint Menandri comici*; въ третьихъ, въ *Vita Terenti* (*Aeli Donati commentum Terenti*, ed. *Wessner*, I, 10) мы читаемъ: *duae ab Apollodoro translatae esse dicuntur comoediae, Phormio et Несуга, quattuor reliquae a Menandro*. Наконецъ, всѣ рукописи Теренція говорятъ то-же, что и *Донатъ* (*graeca Apollodori*), и только одинъ *cod. Vembinus* замѣчаетъ: *graeca Menandri*. Слова *cod. Vembinus* отстаиваетъ *Nepesini*, *De Terentio eiusque fontibus*, 56—57. См. од-

томъ оригиналомъ, который, насколько можно судить объ этомъ по Донату¹⁾, почти что не подвергся измѣненіямъ со стороны своего римскаго переводчика.

Такимъ образомъ, въ Несуга Теренція мы имѣемъ своего рода точное отображеніе греческаго подлинника, для насъ навсегда утеряннаго, и можемъ поэтому съ полнымъ правомъ сравнить замѣняющую его римскую пьесу съ нашей, которая еще Сидонію Аполлинарію казалась комедіей „*similis argumenti*“²⁾. И дѣйствительно, какъ въ „Третьемъ судѣ“, такъ и въ Несуга, мы имѣемъ дѣло съ юношей, который совершаетъ насиліе надъ неизвѣстной ему дѣвушкой и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, женится на ней, но такъ, что ни онъ, ни она не узнаютъ другъ друга. Мало того, въ обѣихъ пьесахъ молодой вскорѣ послѣ брака уѣзжаетъ, а молодая родитъ въ его отсутствіе ребенка, — обстоятельство, которое заставляетъ мужа отдалиться отъ жены, несмотря на всю его любовь къ ней. Далѣе, въ силу этой любви мужъ, хоть и отдаляется отъ жены, не отсылаетъ еѣ однако отъ себя къ тестю, но всячески старается скрыть отъ другихъ ея проступокъ, дабы не навлечь на нее разнаго рода непріятностей. Наконецъ, какъ въ „Третьемъ судѣ“, такъ и въ Несуга, дѣло разъясняется благодаря перстню, причемъ въ этомъ разъясненіи главную роль играетъ гетера, — въ Несуга Бахида, а въ „Третьемъ судѣ“ — Габротононъ. Изъ всего сказаннаго ясно, что обѣ пьесы достаточно близки другъ къ другу и что въ ихъ содержаніи заключается цѣлый рядъ сходныхъ подробностей, которыя какъ будто позволяютъ считать ихъ за *fabulae similis argumenti*, какъ дѣлаетъ это Сидоній Аполлинарій.

нако: Б. В. Варнеке, о. с., 38 и Schanz, Geschichte der römischen Literatur, I, 1, 145 sq. (здѣсь указана и вся остальная литература по этому вопросу). Весь вопросъ о связи между *Ἐπιτρέποντες* и Несуга разобралъ недавно Stavenhagen, *Epitrepontes und Hecyra* (= *Hermes*, 45 (1910), 576—582).

1) По крайней мѣрѣ, Донатъ только въ двухъ мѣстахъ отмѣчаетъ тѣ перемѣны, которыя были сдѣланы Теренціемъ. Ср. его слова къ ст. 816 и 825.

2) *Sid. Apol., Epist. IV, 12* (= *Migne, Patr. lat.*, 58, 517): *nuper ego filiusque communis Terentianae Hecyrae sales ruminabamus; studentii assidebam naturae meminens et professionis oblitus. Quoque absolutius rhythmos comicos incitata docilitate sequeretur, ipse etiam fabulam similis argumenti, id est, Epitrepontem Menandri in manibus habebam.*

Однако, несмотря на всё сходство въ сюжетѣ, есть между обѣими комедіями и большое различіе, не только внѣшняго, но и внутренняго характера, — различіе, на которомъ намъ и придется остановиться поподробнѣе.

Прежде всего, въ Несуга, вопреки обычаю „новой“ комедіи и въ противоположность „Третьейскому суду“, нѣтъ раба, похожаго по своему положенію и по своей роли на Онисима, т. е., нѣтъ раба, посвященнаго во всѣ тайны своего господина и принимающаго близкое участіе въ интригѣ. Вѣдь Парменонъ изъ Несуга почти не участвуетъ въ дѣйствіи: онъ всё время удаляется Памфиломъ, какъ ненужный и лишній свидѣтель, только мѣшающій планамъ своего барина!¹⁾ Затѣмъ, согласно выраженію Доната, въ пьесѣ выступаютъ, „benivolae socius“, т. е. благорасположенныя къ молодымъ свекровь и теща, — персонажи, которыхъ нѣтъ въ „Третьейскомъ судѣ“. Наконецъ, и сама Бакхида, въ отличіе отъ Габротононъ, оказывается тѣсно связанной съ Памфиломъ: вѣдь Памфилъ до своего вступленія въ бракъ жилъ съ ней и былъ настолько къ ней расположенъ, что женился на Филуменѣ лишь въ угоду своему отцу, противъ своей воли, въ силу чего, пока не развилась въ немъ любовь къ женѣ, еще старался поддерживать съ гетерой прежнія отношенія. Такимъ образомъ, Бакхида, улаживающая разнь между молодыми супругами, приноситъ извѣстнаго рода жертву, что дѣлаетъ изъ нея „bona meretrix“, и вполнѣ позволяетъ ей говорить про себя (ст. 834 сл.):

etsi hóc meretrices áliae nolunt; néque enim est in
remí nóstram,
ut quisquam amator núptiis laetétur.

Вотъ всѣ эти подробности, имѣющія мѣсто въ Несуга и имѣвшія его въ *Æжорá* Аполлодора, не совпадаютъ съ тѣми деталями, которыя заключаются въ „Третьейскомъ судѣ“, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ явствуетъ это изъ Доната, были „новинками“ и въ общей практикѣ „новой“ комедіи. По крайней мѣрѣ, Донатъ считаетъ вполнѣ естественнымъ

1) Cp. Don. Hec., 359: et simul notandum, quod in hac fabula ridicule vexatur usque ad ultimum servus et ablegatur, cum sit et piger et curiosus. См. Le o², Plaut. Forschungen, 141, 2.

сказать про комедию Теренція слѣдующее: *in tota comoedia hoc agitur, ut res novae fiant nec tamen abhorreant a consuetudine: inducuntur enim benivolae socrus, verecunda nurus, lenissimus in uxorem maritus et item deditus matri suae, meretrix bona*¹⁾. Правда, типъ мужа, влюбленнаго въ свою жену, типъ, на который продолжаютъ смотрѣть, какъ на „анти-менандровскій“²⁾, и который выдѣляется Донатомъ, какъ нѣчто необычное, — этотъ типъ находитъ себѣ хорошую параллель въ Харисіи изъ „Третейскаго суда“, въ Харисіи, сколкомъ съ котораго онъ и является. Необычнымъ же въ этомъ типѣ будетъ только то, что теренціевскій или, вѣрнѣе, аполлодорскій мужъ, кромѣ жены, любитъ еще и свою мать, Со-страту, — подробность, дѣйствительно, не встрѣчающаяся въ дошедшихъ до насъ пьесахъ „новой“ комедіи.

Какъ бы то ни было, новымъ, по сравненію съ „Третейскимъ судомъ“, оказывается въ пьесѣ Аполлодора: во-первыхъ, типъ раба, стоящаго вдали отъ дѣйствія; во-вторыхъ, типъ доброй свекрови, расположенной къ своей невѣсткѣ³⁾; въ-третьихъ, типъ meretrix, поставленной въ иное положеніе, чѣмъ Габротононъ, и, наконецъ, въ четвертыхъ, типъ сына, колеблющагося между любовью къ женѣ и любовью къ матери. Таковъ будетъ тотъ фонъ, на которомъ Аполлодоръ и строитъ свою комедию въ параллель къ комедіи Менандра, послужившей для него исходной точкой. Но этотъ фонъ, не похожій на фонъ „Третейскаго суда“, не является тѣмъ единственнымъ, что отграничиваетъ пьесу Аполлодора отъ пьесы Менандра. Напротивъ того, онъ служитъ только послѣдствіемъ другихъ измѣненій внутренняго характера, и притомъ измѣненій очень глубокихъ и очень существенныхъ, ибо они касаются самой сути пьесы, а именно, ея основной проблемы, которую авторъ конструируетъ на свой ладъ, дабы и здѣсь „*novae res fiant*“.

Однако, для того, чтобы понять, въ чемъ заключаются эти измѣненія, намъ придется выяснитъ еще разъ ту проблему, которая ставится самимъ Менандромъ въ его „Тре-

1) Don. praef. ad. Нес., I, 9.

2) Leo², Plaut. Forschungen, 141, 2. См. однако Б. В. Варнеке, о. с., 39, 1.

3) Ср. Don., Нес. 198: *conatur Terentius adversum famam socrum bonam reperire.*

тейскомъ судѣ“, и на наличность которой впервые обратилъ вниманіе Stavenhagen въ своей статьѣ „Epitepontes und Heкуга“¹⁾.

Согласно мнѣнію Stavenhagen'a, съ которымъ я могу только согласиться, „фигура Харисія занимаетъ въ нашей пьесѣ совсѣмъ особое положеніе“. Особенность же этого положенія состоитъ въ томъ, что черезъ посредство Харисія Менандръ старается провести мысль о необходимости смотрѣть на женщинъ нѣсколько иначе, чѣмъ смотрѣли на нихъ въ его время. Правда, онъ не ставитъ передъ нами вопроса о женскомъ равноправіи во всей его ширинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выдвигаетъ на первое мѣсто ту часть этого вопроса, при рѣшеніи которой въ пользу женщинъ послѣднія почти что приравняются къ мужчинамъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. И дѣйствительно, какая мысль больше всего волнуетъ Харисія послѣ того, какъ онъ, до той поры увѣренный въ своей нравственной чистотѣ, убѣждается въ своей грѣховности? Мысль о томъ, что если на немъ, на мужчинѣ, лежитъ грѣхъ, то онъ не можетъ быть судьей согрѣшившей женщины. И лишь только эта мысль встаетъ передъ нимъ во всей своей ясности, онъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ ему поступать дальше. Памфилы, какъ грѣшной женщины, для него больше не существуетъ. Онъ видитъ въ ней просто на просто такого же человѣка, какъ онъ самъ, человѣка, впавшаго въ грѣхъ, какъ и онъ, т. е., иными словами, Харисій кладетъ конецъ ходячему мнѣнію о томъ, что только однимъ мужчинамъ всё дозволено. Согласно его мнѣнію, или, вѣрнѣе, мнѣнію поэта, это — пустой предрасудокъ, противорѣчащій законамъ природы, законамъ той *φύσις*, которая одинакова для всѣхъ людей, будь то мужчина или женщина. Къ этой же гуманной мысли Харисій приходитъ благодаря той любви, которую онъ испытываетъ къ Памфилѣ, — благодаря любви, которая и руководитъ имъ въ его борьбѣ между склонностью къ женѣ и мужской гордостью.

Правда, благодаря большимъ лакунамъ въ роли Харисія мы не въ состояніи прослѣдить съ точностью постепенное развитіе того конфликта, который происходитъ въ его

1) Hermes, 45 (1910), 581 sq.

душѣ. Но всетаки отдѣльные моменты этого конфликта вырисовываются довольно ярко, и мы можемъ сказать, что если сразу, вслѣдъ за доносомъ Онисима, на Харисію и находить гнѣвъ, побуждающій его отдалиться отъ Памфилы и купить Габротононъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ его любовь къ женѣ, не затихающая ни на одну минуту, сперва заставляеть его жалѣть о фактѣ доноса (ст. 207 сл.), затѣмъ отвращаетъ отъ удовольствій, среди которыхъ онъ хотѣлъ забыться (ст. 215 слл.; 420₇) и, наконецъ, проведя его черезъ рядъ душевныхъ мученій, приводитъ къ тому, что онъ начинаетъ жалѣть Памфилу и относиться съ презрѣніемъ къ самому себѣ. Такимъ образомъ, передъ нами развивается настоящая психологическая драма, основнымъ двигателемъ которой оказывается любовь, но любовь настоящая, а не только чувственная. И вотъ эта любовь и помогаетъ Харисію поставить и благополучно рѣшить вопросъ объ относительномъ равноправіи женщинъ, въ которыхъ герой Менандра научается видѣть такихъ же людей, какъ и онъ самъ, т. е. людей слабыхъ, не застрахованныхъ ни отъ грѣха, ни отъ ошибокъ, въ чемъ бы онѣ ни выражались.

Но разъ Харисій приходитъ къ подобной мысли, то для него въ дѣлѣ примиренія съ женой оказывается уже ненужной и обычная *force majeure* „новой“ комедіи, т. е. *ἀναγνώρισις*, какъ правильно отмѣчаетъ это Stavenhagen¹⁾. А если тѣмъ не менѣе *ἀναγνώρισις* имѣется у насъ на лицо, то это, согласно мнѣнію того же Stavenhagen'a, нужно объяснять не столько ходомъ дѣйствія пьесы, сколько подчиненіемъ поэта условіямъ обычая, соблюденія котораго могли требовать консервативные вкусы публики, не доросшей еще до пониманія новыхъ для нея идей Менандра²⁾.

Спрашивается теперь, какъ отнесся Аполлодоръ къ проблемѣ, поставленной его предшественникомъ? Stavenhagen полагаетъ, что онъ или не понялъ ея, или же не обратилъ на нее должнаго вниманія³⁾. И дѣйствительно, все, что осталось отъ этой проблемы, сводится въ „Несуга“ — такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется — къ слѣдующимъ двумъ сти-

1) Stavenhagen, о. с., 582.

2) Stavenhagen, о. с., 582.

3) Stavenhagen, о. с., 582.

хамъ, на которые мнѣ уже приходилось указывать (стр. 218) и которые представляютъ собой мимолетное замѣчаніе, не имѣющее серьезнаго значенія (ст. 662 сл.):

censén te posse réperire ullam múlierem,
quae cáreat culpa? an qui non delincúnt viri?

Эти слова Лахеса, отца Памфила, къ сожалѣнію оставлены въ сторонѣ Stavenhagen'омъ. А между тѣмъ, какъ они сами, такъ и ихъ положеніе въ пьесѣ — они занимаютъ мѣсто простой ремарки — лишній разъ указываютъ на то, что проблема Менандра была для Аполлодора пустымъ звукомъ, на который онъ не могъ и не умѣлъ отозваться. Но такъ какъ, съ другой стороны, эта проблема находилась въ „Третьскомъ судѣ“ на лицо и такъ какъ она красной нитью тянулась по всей пьесѣ, то Аполлоторъ, проходя мимо нея, всё таки не могъ миновать её безусловно, и вотъ результатомъ такого, чисто-внѣшняго отношенія къ ней и явился слабый отзвукъ ввидѣ приведенныхъ нами стиховъ, значеніе и смыслъ которыхъ ослаблены помимо всего прочаго и тѣми стихами, которые имъ предшествуютъ (ср. ст. 655 сл.).

Но коль скоро Аполлоторъ отошелъ отъ разбора Менандровской проблемы и коль скоро она не представляла для него никакого интереса, то онъ долженъ былъ перенести центръ своего вниманія на другое и сообразно съ этимъ перестроить всю пьесу, что онъ, дѣйствительно, и сдѣлалъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ заключалась перестройка Аполлодора.

Это — большая заслуга со стороны Stavenhagen'a, что онъ первый взялся за рѣшеніе отмѣченнаго нами вопроса, и притомъ не только взялся, но и рѣшилъ его безусловно исчерпывающимъ образомъ. Поэтому и намъ въ нашихъ послѣдующихъ разсужденіяхъ то и дѣло придется опираться на него, хотя мы и не можемъ согласиться съ нѣкоторыми его доводами имѣющими, впрочемъ, лишь второстепенное значеніе¹⁾.

1) Я имѣю ввиду попытку Stavenhagen'a доказать, что на мѣстѣ повѣствовательнаго монолога Бакхиды (ст. 816 сл.), который мы имѣемъ въ Несуга Теренція, у Аполлодора въ его *Ехора* находился діалогъ между герой и юношей. Равнымъ образомъ, не убѣдительно для меня и мысль Stavenhagen'a о томъ, что весь пятый актъ теренціевской Несуга не совпадалъ съ соотвѣтствующимъ актомъ греческой пьесы. По моему мнѣнію для такого рода сужденій у насъ слишкомъ мало данныхъ!

Итакъ, что же дѣлаетъ Аполлоторъ съ „Третьскимъ судомъ“, превращая его въ „*Evros*“? Сохраняя мотивъ юноши, продолжающаго любить свою введенную въ грѣхъ жену, Аполлоторъ остается исключительно при детальной разработкѣ этого мотива, причемъ главное, чего онъ хочетъ достигнуть, это — изобразить исторію тѣхъ конфликтовъ, въ которые долженъ попадать Памфилъ, сохраняющій, несмотря ни на что, вѣрность своей Филуменѣ и желающій, во что бы то ни стало, скрыть отъ досужихъ людей ея грѣхъ, дабы спасти ея отъ разнаго рода толковъ и пересудъ¹⁾.

Но для того, чтобы сдѣлать это положеніе Памфила какъ можно болѣе затруднительнымъ и сложнымъ, Аполлотору надо было внести въ свой оригиналъ, т. е. въ „Третьскій судъ“, кое-какія измѣненія, которыя и свелись у него къ слѣдующему. Прежде всего, дѣло рисуется у него такъ, что, до проникновенія Памфила въ тайну Филумены, эта тайна была извѣстна только самой Филуменѣ, да ея матери, Мирринѣ. Объясняется же это тѣмъ, что насиліе, которому подверглась Филумена, было совершено надъ ней не во время праздника, какъ то было съ Памфилой изъ „Третьскаго суда“, а на какой-то пустынной и далекой улицѣ (ст. 828), гдѣ никого въ тотъ моментъ не было. Такимъ образомъ, тайна молодой женщины находится въ рукахъ только двухъ близкихъ ей людей, а именно, мужа и матери. Далѣе, сохраненію тайны отъ любопытныхъ глазъ способствуетъ и то, что ребенокъ, являющійся послѣдствіемъ совершеннаго надъ Филуменой насилія, родится у нея на десятый мѣсяць послѣ ея вступленія въ бракъ, а не на пятый, какъ у Памфила. Т. е., иными словами, съ внѣшней стороны все обстоитъ гладко, но какъ разъ это внѣшнее благополучіе и является для самого Памфила роковымъ. Роковымъ же является оно потому, что, женившись на Филуменѣ противъ своей воли, Памфилъ не жилъ съ ней вплоть до своего отъѣзда, — не жилъ даже тогда, когда уже успѣлъ полюбить ее. А не жилъ онъ съ ней по той причинѣ, что долгое время не могъ отвыкнуть отъ своей прежней любовницы, Бакхиды, съ которой и послѣ

1) Stavenhagen, o. c., 578.

свадьбы старался поддерживать старыя отношенія и отъ которой отдалился лишь тогда, когда она (ст. 159)

maligna multo et magis procaх facta ilico est.

Значить, ребенокъ Филумены, на котораго родные Памфила смотрять какъ на его законнаго сына, на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему: онъ для него *alienus puer!* И все таки Памфиль продолжаетъ любить жену, причемъ трудность его положенія усугубляется еще и тѣмъ, что онъ все время колеблется между желаніемъ оберечь Филумену отъ сплетенъ и нежеланіемъ примириться съ фактомъ своего позора. И вотъ, не поднимая вопроса о незаконности ребенка, онъ старается найти другія основанія и другіе поводы къ разводу. Но такъ какъ эти основанія слишкомъ уже ничтожны¹⁾, то мало по малу они приводятъ лишь къ тому, что какъ Лахесь, отецъ Памфила, такъ и Фидиппъ, его тесть, начинаютъ усматривать въ дѣйствіяхъ юноши простое желаніе отдѣлаться отъ Филумены и вернуться къ Бакхидѣ. Однимъ словомъ дѣло слагается такъ, что для Памфила нѣтъ выхода: стремленіе примирить двѣ непримиримыя вещи, а именно, спасти отъ пересудовъ жену и вмѣстѣ съ тѣмъ найти спасеніе для самого себя, — это стремленіе оказывается невыполнимымъ. Но благодаря ему передъ нами рисуется ясная картина тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ конфликтовъ, которые мучать Памфила вплоть до того момента, пока въ завязавшуюся путаницу не вмѣшивается Бакхида и не доводитъ дѣла до благополучнаго конца. Такимъ образомъ, главная мысль аполодоровской *Ἐκφορά* это — показать борьбу обманутаго мужа съ самимъ собой и съ людьми его окружающими, борьбу, основаніемъ которой служитъ любовь къ женѣ и невозможность отдѣлаться отъ ходячаго взгляда на согрѣшившую женщину. Ну, а для того, чтобы придать этой борьбѣ по-

1) Сперва Памфиль предлогомъ своего желанія разойтись съ женой выставляеть то обстоятельство, что Филумена худо относится къ его матери, Состратѣ (ст. 470 сл.); затѣмъ, когда этотъ предлогъ отпадаетъ въ виду того, что Сострата, дабы не мѣшать счастью своего сына, намѣрена совсѣмъ уѣхать изъ города, Памфиль находитъ иной предлогъ, а именно: онъ не хочетъ жить съ женой на томъ основаніи, что она скрыла отъ него рожденіе ребенка, котораго и родила не въ его домѣ, но въ домѣ своихъ родителей, куда нарочно для этой цѣли и переѣхала (ст. 655 сл.).

больше драматизма, поэтъ и набрасываетъ тотъ фонъ, о которомъ мы говорили выше и цѣлью котораго служить одно: затруднить положеніе героя и сдѣлать его безвыходнымъ.

Когда же, благодаря Бакхидѣ, выясняется, что виновникомъ насилія надъ Филуменой былъ самъ Памфилъ, и когда, благодаря этому, жизнь молодыхъ супруговъ можетъ снова войти въ нормальную колею, то Памфилъ заботится лишь о томъ, чтобы его проступокъ не сдѣлался извѣстнымъ его отцу и тестю (ст. 865 слл.). Что же касается до какихъ нибудь болѣе глубокихъ мыслей по этому поводу, то онъ не приходитъ ему въ голову, т. е., иными словами, мы еще одинъ лишній разъ видимъ, что проблема Менандра вовсе не интересовала Аполлодора, а тѣмъ болѣе его alter ego, Теренція.

10.

Выяснивъ, поскольку это было возможно, ту связь, которая существовала между „Третейскимъ судомъ“ и трагедіей Еврипида и параллельно съ этимъ затронувъ вопросъ объ обратномъ вліяніи нашей пьесы на *Ἐκνυρά* Аполлодора Каристскаго, мы должны отмѣтить теперь тѣ частности „Третейскаго суда“, въ которыхъ можно было бы видѣть отраженіе „древней“ комедіи, а именно, комедіи Аристофана. Коснемся сперва комическаго элемента. Какъ это видно изъ сохранившихся частей пьесы, мы напрасно стали бы искать въ ней того частью неудержимо-веселаго, частью насмѣшливо-сатирическаго тона, которымъ въ большей или меньшей степени проникнуты всѣ произведенія аристофановской музыки. Этотъ тонъ чуждъ „Третейскому суду“, какъ чуждъ онъ, впрочемъ, и другимъ пьесамъ „новой“ комедіи, не унаслѣдовавшей отъ „древней“ ни ея слишкомъ откровенной грубости, ни ея язвительнаго смѣха, ни ея разнузданнаго, подчасъ обценнаго, веселья и шутокъ. Тонъ „Третейскаго суда“ иной: онъ почти что серьезенъ, а потому и элементъ комизма ослабленъ въ пьесѣ до послѣдней степени. И дѣйствительно, въ чемъ этотъ элементъ выражается? Въ языкѣ? Но тутъ Менандръ идетъ совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ Аристофанъ. Такъ, напр., мы не встрѣчаемъ у него ни рассчитанныхъ на смѣхъ новыхъ и сложныхъ словообразованій, ни вѣчной игры словами, ни намѣреннаго подбора такихъ выраженій, въ которыхъ заключается или грубый

каламбуръ, или ярко выраженное буффонство, или же стремление обозначить всё своимъ собственнымъ именемъ. Ввиду своей склонности къ подлинному реализму, Менандръ старается давать тотъ языкъ, на которомъ могли говорить въ его время и который всецѣло соприкасался бы съ дѣйствительностью, а не съ фикціей. И вотъ, придерживаясь въ общемъ чисто аттического говора, онъ по преимуществу беретъ не литературный языкъ, но языкъ обыденной рѣчи, тотъ языкъ, которымъ пользовалось современное ему образованное общество и въ которомъ, согласно Плутарху, то и дѣло попадались *τὰ κατὰ χρείαν ὀνόματα*. Но такъ какъ греческій языкъ ко времени Менандра уже заключалъ въ себѣ много словъ и рѣченій, заимствованныхъ изъ другихъ діалектовъ, то и эти слова попадаютъ иногда у нашего комика, равно какъ попадаютъ у него изрѣдка и обороты, взятые изъ трагическаго стиля, обороты, о которыхъ будетъ сказано ниже¹⁾. Итакъ, Менандровскій языкъ, поскольку дѣло касается выбора словъ, стоитъ довольно далеко отъ языка аристофановской комедіи, причемъ къ нему съ полнымъ правомъ можно было бы примѣнить слѣдующія слова Цицерона: *apud (comicos poetas) nisi quod versiculi sunt, nihil est aliud cotidiani dissimile sermonis*²⁾. Равнымъ образомъ, и при постройкѣ отдѣльныхъ фразъ и періодовъ у Менандра замѣчается та-же тенденція какъ можно ближе подходить къ разговорной рѣчи и, воспроизводя её, не впадать ни въ излишнюю литературность, ни въ излишній комизмъ. А для того, чтобы убѣдиться въ вѣрности моего замѣчанія, достаточно прочесть любой пассажъ изъ „Третьякаго суда“, хотя бы, напр., отрывокъ изъ рѣчей Дава и Сириска. И когда мы прочтемъ его, то какая особенность въ постройкѣ фразъ прежде всего бросится намъ въ глаза? Та особенность, что внѣшняя форма каждой фразы не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка выдѣланности или излишней правильности и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей рѣчи нѣтъ настоящей періодичности и соразмѣрности отдѣльныхъ частей. Это — именно разговорная рѣчь, рѣчь быстрая и мѣстами непре-

1) Bruhn, Ueber den Wortschatz des Menander. Diss. Jena. 1910; Legend, o. c., 329 sqq.

2) Cic. orat. 20, 67.

вильная, такая рѣчь, въ которой и разстановка словъ, и сведеніе ихъ въ группы, и способъ образованія изъ этихъ группъ отдѣльныхъ фразъ, — всё, рѣшительно всё, зависитъ отъ индивидуальности говорящаго, отъ степени его развитія, отъ тѣхъ эффектовъ и чувствъ, во власти которыхъ онъ находится. Для того же, чтобы сдѣлать такую рѣчь еще болѣе живой, сжатой и бойкой, Менандръ вводитъ въ нее массу асиндетовъ, парентезъ и эллипсовъ; то и дѣло переходитъ отъ прямой рѣчи къ косвенной; то и дѣло вставляетъ разныя восклицанія, вопросы и тому подобное¹⁾. Особенно же характерна въ этомъ отношеніи его склонность къ асиндетамъ, къ такъ наз. *ἀσύνδετος τρόπος*, который риторомъ Θεοномъ характеризуется такъ: *ἔστι δὲ καὶ ἄλλος τρόπος ἀσύνδετος καλούμενος, ὅτ' ἂν τοὺς συνδέοντα τὴν φράσιν συνδέσμοις παραλείπωμεν*²⁾. Но благодаря этому намѣренному опущенію разныхъ связующихъ и скрѣпляющихъ частицъ, вся фраза превращается въ группу свободно стоящихъ словъ, что и даетъ ту *λέξις λελυμένη*, которую риторъ Димитрій считаетъ за особенность Менандровскаго стиля³⁾ и про которую онъ говоритъ, что такая рѣчь „ἀναγκάσει καὶ τὸν μὴ θέλοντα ὑποκρίνεσθαι“, тогда какъ „εἰ συνδήσασ εἴποις . . . πολλὴν ἀπάθειαν τοῖς συνδέσμοις συμβαλεῖς. πᾶν δὲ τὸ ἀπαθὲς ἀνυπόκριτον“⁴⁾. Но коль скоро *λέξις λελυμένη* является особенно пригодной для *ὑπόκρισις*, для игры, то это, говоря словами Legrand'a⁵⁾, обозначаетъ только одно, а именно, „qu'il se rapprochait, par son décousu même, du langage réellement parlé“.

Изъ всего нами сказаннаго, причемъ это сказанное въ такой же мѣрѣ приложимо къ „Третьейскому суду“, какъ и къ

1) Ср. Epit., 33 sqq.; 59 sq.; 4, 5, 23, 37—38; 85 sq.; 68 sqq. Массу примѣровъ на всѣ эти особенности приводитъ Legrand, о. с., 338 sq.

2) Theop. progymn. 23 (= Walz, Rhetores graeci, I, 196).

3) Demetr. de elocut. 193 (= Walz, о. с., IX, 86): *ἐναγώνιος μὲν οὖν ἴσασ μᾶλλον ἢ διαλελυμένη λέξις . ἢ δ' αὐτὴ καὶ ὑποκριτικὴ καλεῖται . κινε γὰρ ὑπόκρισιν ἢ λύσιν . γραφικὴ δὲ λέξις ἢ ἐνανάγνωστος . αὐτὴ δὲ ἐστὶν ἢ σνηρητημένη καὶ οἷον ἠσφαλισμένη τοῖς συνδέσμοις . διὰ τοῦτο δὲ καὶ Μέγανδρον ὑποκρίνονται, λελυμένον ἐν τοῖς πλείστοις, Φιλήμονα δὲ ἀναγινώσκουσιν.*

4) Dem. de elocut. 194 (= Walz, о. с., IX, 86). Подробно обо всемъ этомъ говоритъ Legrand, о. с., 335 sqq.

5) Legrand, о. с., 337.

остальнымъ пьесамъ Менандра, вытекаетъ, что языкъ Менандровскихъ комедій и съ точки зрѣнія лексическаго матеріала, и съ точки зрѣнія фразеологіи заключаетъ въ себѣ очень мало общаго съ языкомъ „древней“ комедіи. И всё таки, то тамъ, то сямъ можно находить у Менандра кое-какіе аристофановскіе отзвуки, которые отражаются не столько на самомъ языкѣ, сколько на манерѣ возбужденія смѣха путемъ чистаристофановскихъ приемовъ. Такъ, напр., поскольку дѣло касается „Третьякаго суда“, мы встрѣчаемъ въ немъ одинъ разъ столь часто примѣняемую Аристофаномъ фигуру *παρὰ προσδοκίαν*, фигуру, которую риторъ Тиверій характеризуетъ такъ: *παρὰ προσδοκίαν δέ ἐστιν, ὅταν ἄλλο τοῦ ἀκροατοῦ προσδεχομένου, ἄλλα μετὰ τινοσ χάριτος ἐπενέγκῃ*¹⁾. Вотъ эту фигуру, состоящую въ томъ, что говорящій, имѣя ввиду одно слово, внезапно замѣняетъ его другимъ, или одинаково начинающимся, или же совсѣмъ различнымъ, даетъ намъ ст. 358—359: *ἐκτεμεῖν | δίδωμ' ἔμαντοῦ τοῦσ ὁ... δόντασ*, въ которомъ глаголь *ἐκτεμεῖν*²⁾ требуетъ въ сущности обценнаго выраженія *δῶρεωσ*, замѣненнаго однако другимъ, вполне приличнымъ словомъ, начинающимся съ той же буквы. Хорошей же параллелью къ этому приведенному нами пассажи можетъ служить *Agist. Nub.*, 710:

δάκνουσι μ' ἐξέρποντες οἱ κορ... ἰνθιοι,

гдѣ слово *κορίνθιοι* поставлено вмѣсто ожидаемаго *κόρεωσ*, какъ явствуетъ это и изъ слѣдующихъ словъ схолиаста: *δέον οἱ κόρεωσ εἰπεῖν, κορίνθιοι εἶπεν*³⁾. Далѣе, къ числу аристофановскихъ приемовъ отнесъ бы я и тотъ видъ фигуры *τὸ κατ' ἀποσιώπησιν*, при которомъ говорящій, яко-бы для соблюденія приличія, не произноситъ непристойнаго слова, безъ труда однако выводимаго изъ смысла всей фразы. Хорошую же характеристику подобной апосіопезы даетъ риторъ

1) Tib. de figuris, 16 (= Walz, o. c., VIII, 544).

2) Ср., напр., Plaut. Aul., 250 sq.:

si hercle ego te non elinguandam dederо usque ab radicibus,
impero auctorque sum ut tú me quovis castrandum loces.

3) Ср. также Aristoph. Acharn., 18: *οὕτωσ ἐδήχθην ὑπὸ κο... νίασ τὰσ ὄφρῶσ (κονίασ в.м. κόρεωσ)*; Pax 176: *κεῖ μὴ φυλάξει χ... ορτάσω τὸν κἀνθαρὸν (χορτάσω в.м. χεσοῦμαι)*; ibid., 440: *μὰ Δι', ἀλλ' ἐν εἰρήνῃ διαγαγεῖν τὸν βίον | ἔχονθ' ἑταίραν καὶ σκαλ... εὔοντ' ἄνθρακασ (σκαλεῖονθ' в.м. σκαλαθύροντα).*

Тиверій, формулирующей её сл. обр.: ἀποσιώπησις δὲ ἐστὶν ὅταν μέλλων λέγειν πρᾶγμα αὐτὸ μὲν ἀποσιώπησῃ, τὴν δὲ ὑπόνοιαν αὐτοῦ καταλίπη¹⁾. Такъ вотъ эту апосіопезу встрѣчаемъ мы въ ст. 578—580:

(Ον.) τότε γὰρ οὐμὸς δεσπότης
τοῖς Ταυροπολίοις... (Σμ.) Σωφρόνη. (Ον.) ταύτην λαβὼν
χορῶν ἀνασπασθεῖσαν... αἰσθάνει γε; (Σμ.) ναί —,

въ которыхъ послѣ слова ἀνασπασθεῖσαν должно было бы стоять или *κατήσχυνε* или *διεκώρησεν*. А настоящую параллель къ этимъ стихамъ Менандра можно было бы видѣть въ Arist. Vesp., 1178:

ἔπειτα δ' ὡς ὁ Καρδοπίων τὴν μητέρα....,

гдѣ схоліастъ дѣлаетъ отъ себя прибавку: *λείπει ἔτυπεν*²⁾. Не мѣшаетъ, сверхъ того, отмѣтить, что и вся заключительная сцена „Третьскаго суда“, въ которой находится разобранный нами пассажъ, выдержана поэтомъ въ духѣ легкаго фарса, нѣсколько напоминающаго собой заключительныя сценки аристофановскихъ пьесъ, хотя это сходство и будетъ не инымъ, чѣмъ сходство неясной тѣни съ предметомъ, который её отбрасываетъ. Наконецъ, для полноты изложенія слѣдовало бы указать еще на одну подробность, которую любили примѣнять Аристофанъ и „средняя“ комедія и отзвуки которой можно находить иногда и у Менандра, а именно, подробность, суть которой заключается въ пользованіи трагическимъ стилемъ исключительно въ цѣляхъ усиленія комическаго эффекта, — приемъ, который обозначался въ греческомъ языкѣ терминомъ *παράτραγωδεῖν*. Но мнѣ лично кажется, что именно въ „Третьскомъ судѣ“ этой подробности нѣтъ на лицо, если только не считать за неё примѣненія въ самомъ концѣ пьесы двухстишной цитаты изъ „Авги“ Еврипида (ст. 583—584), цитаты, рассчитанной, конечно, на смѣхъ зрителей и вызывающей со стороны

1) Tib. de fig. 10 (= Walz, o. c., VIII, 536).

2) Ср. также Aristoph. Aves, 441 sqq.:

(Α.) μήτε δάχνειν τούτους ἐμέ,
μήτ' ὀρχίπεδ' ἔλκειν, μήτ' ὀρύττειν... (Β.) οὔτι που
τόν...; οὐδαμῶς. (Α.) οὐκ, ἀλλὰ τῷ ὀφθαλμῷ λέγω.

Schol.: μὴ διασπᾶν τοὺς ὀρχεῖς, μὴ ὀρύττειν τὸν πρῶτον: τὸν πρῶτον γὰρ δεικνύς φησὶν, οὔτι που τόν. См. еще Theocr., I, 105: οὐ λέγεται τὴν Κύπριν ὁ βούβηλος...; и Schol.: *λείπει καταισχύναί*.

Смикрина негодующій возгласъ: *οὐ μοι χολήν | κινεῖσ παδαυνομένην*. Вообще же, если повышенный тонъ и попадаетъ кое-гдѣ въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ нашей комедіи, то это дѣлается поэтомъ не всегда для усиленія комизма. Напротивъ того, иногда при посредствѣ подобнаго тона поэтъ хочетъ изобразить нѣсколько приподнятое настроеніе своихъ героевъ, выбитыхъ изъ колеи какимъ либо неожиданнымъ событіемъ и утратившихъ благодаря этому свое прежнее, сравнительно спокойное состояніе. Такъ, напр., монологъ Харисія, находящагося подъ властью горькихъ думъ о самомъ себѣ, начинается совѣмъ въ духѣ трагической *σειμνότητος*, которая, впрочемъ, выдерживается не на долго и очень скоро уступаетъ мѣсто обычному тону, тону естественной рѣчи, хотя и не лишенной нѣкотораго эмфаза и волненія (ст. 487—492). Вѣдь, недаромъ, Горацій въ своей „*Ars poetica*“ говоритъ про комедію:

interdum tamen et vocem comoedia tollit,
iratusque Chremes tumido dilitigat ore.

Впрочемъ, бываетъ иногда и такъ, что повышенный тонъ, не будучи пародіей трагическаго, не выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и состоянія душевнаго волненія, какъ видимъ мы это въ приложеніи къ Сириску, любящему время отъ времени брать высокія нотки, лишь потому, что такой стиль рѣчи кажется ему признакомъ образованности (ср. ст. 15—19). Но само собой разумѣется, что тутъ мы находимся уже предъ наличностью комическаго эффекта, принаровленнаго однако къ *ἥθος* даннаго лица, а потому и не имѣющаго ничего общаго съ тѣми эффектами, которые путемъ того же трагическаго тона достигаются Аристофаномъ и „средней“ комедіей¹⁾.

Итакъ, поскольку дѣло касается „Третейскаго суда“, то если объектомъ нашихъ наблюденій будетъ служить языкъ пьесы и примѣненіе нѣкоторыхъ комическихъ приемовъ, намъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ удастся установить точки соприкосновенія между „Третейскимъ судомъ“ и комедіями Аристофана. Однако, и эти точки соприкосновенія не будутъ отличаться ни особой рельефностью, ни особой значительностью, что и понятно. Вѣдь Менандръ, согласно остроумному

1) По поводу трагическаго тона въ комедіи ср. Leo², *Plaut. Forschungen*, 135 sq., и также Legrand, о. с., 607 sq.

замѣчанію Legrand¹⁾, не даромъ былъ ученикомъ Теофраста. У послѣдняго онъ долженъ былъ научиться основнымъ теоріямъ Аристотеля о томъ, что такое смѣхъ, въ чемъ заключается истинно-смѣшное, чѣмъ это истинно-смѣшное отличается отъ плоскаго и какой стороной смѣха должна заниматься комедія²⁾. Съ другой же стороны, стремленіе Менандра къ подлинному реализму, въ чемъ опять таки можно, а можетъ быть, и нужно усматривать вліяніе той-же перипатетической школы³⁾, должно было отвлекать поэта отъ всякой карриатуры и буффонства и, наоборотъ, привлекать къ комизму подлинному, взятому изъ жизни и заключающемуся частью въ особенностяхъ того или другого характера, частью же въ подробностяхъ того или другого положенія. Такой именно серьезный комизмъ и находимъ мы въ „Третьейскомъ судѣ“, гдѣ всѣ смѣшныя стороны, коль скоро онѣ находятся на лицо, объясняются сами собой, какъ естественное послѣдствіе разнаго рода complicatій и условій жизни.

Но если въ вопросѣ о комическомъ элементѣ вліяніе „древней“ комедіи оказывается столь незначительнымъ и поверхностнымъ, то по отношенію къ чему другому сказалось оно въ „Третьейскомъ судѣ“ яснѣе? Прежде всего, оно сказалось въ немъ, равно какъ и въ другихъ пьесахъ Менандра, въ слѣдующей подробности. Если у Аристофана дѣйствующія лица любятъ обращаться къ публикѣ въ своихъ монологахъ-прологахъ, слѣдующихъ за вводной діалогической сценкой, и любятъ излагать въ нихъ *τοῦ δράματος τὸν λόγον*, то этотъ условный приемъ не былъ окончательно отброшенъ и Менандромъ, причѣмъ примѣнялся онъ имъ не только въ прологахъ, но и въ монологахъ повѣствовательнаго характера, стоящихъ въ серединѣ пьесы, какъ видимъ мы это по рѣчи Онисима, предшествующей выходному монологу Харисія (ст. 457 слл.). И дѣйствительно, Онисимъ, въ ужасѣ выбѣгающій изъ дома и повѣствующій зрителямъ, къ которымъ онъ обращается со словами *ὦ ἄνδρες*, обо всемъ, что только что произошло въ домѣ, нѣсколько напоминаетъ собой аристофановскіе персонажи: онъ, какъ и они, говоритъ съ публикой, онъ, какъ и

1) Legrand, о. с., 622 sq.

2) См. Arist. Ethic. Nicom., p. 1127B—1128B.

3) Э. Ф. Зѣлинскій, Геродъ и его бытовые сценки, 6.

они, знакомить её съ происшедшимъ. Но на этомъ кончается сходство и начинается различіе. Такъ, прежде всего, Онисимъ излагаетъ зрителямъ *τὸν λόγον* не пьесы, а одного опредѣленнаго момента, только что имѣвшаго мѣсто въ дѣйствіи. Во вторыхъ же, — и это гораздо важнѣе — его монологъ играетъ роль своего рода введенія, обусловливающаго собой выходъ Харисія и его рѣчь. Но такой обусловливающий монологъ, стоящій въ серединѣ пьесы, уже не есть нѣчто аристофановское: прецедентъ къ нему мы находимъ не въ „древней“ комедіи, но, какъ отмѣтилъ это Leo¹⁾, въ трагедіи, а именно, въ трагедіи Еврипида „Алкѣста“, въ той ея сценѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются слуга Адмета и Гераклъ (ст. 747—802). Какъ и въ „Третейскомъ судѣ“, выходъ слуги въ „Алкѣстѣ“ вызывается необычнымъ поведеніемъ Геракла, которое и описывается слугой въ монологѣ, предшествующемъ выходу и монологу самого героя. Далѣе, въ „Алкѣстѣ“, какъ и въ „Третейскомъ судѣ“, это описаніе слуги находитъ себѣ подтвержденіе въ рѣчи Геракла, и, наконецъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ, вся сцена имѣетъ важное значеніе для дальнѣйшаго хода дѣйствія. Но разъ всё это такъ, то связь между Аристофаномъ и „Третейскимъ судомъ“ сведется къ очень и очень небольшому: къ обращенію актера къ публикѣ со словами *ὦ ἄνδρες*.

Итакъ, пока намъ не удалось установить факта существеннаго воздѣйствія „древней“ комедіи на нашу пьесу. Наоборотъ, мы съ достаточной очевидностью показали, что это воздѣйствіе свелось въ нашемъ случаѣ къ однимъ мелочамъ, къ воспроизведенію нѣкоторыхъ мелкихъ пережитковъ, не имѣющихъ особеннаго значенія. Посмотримъ теперь, не найдется ли какого нибудь болѣе обильнаго для нашихъ разсужденій матеріала, если мы затронемъ структурную часть „Третейскаго суда“. Въ одной изъ предшествующихъ главъ (гл. 8) нами уже было указано на то, что въ этомъ отношеніи нѣкоторую, и притомъ, очень важную роль сыгралъ для Менандра Еврипидъ, и что сцену суда между Давомъ и Сирискомъ можно было бы сопоставлять съ агонами нѣкоторыхъ Еврипидовскихъ трагедій. Спрашивается теперь, не найдется ли въ нашей пьесѣ такихъ же ясныхъ слѣдовъ ея

1) Leo, Der Monolog im Drama, 84.

структурной зависимости отъ Аристофана? Къ сожалѣнiю, отвѣтить вполне опредѣленно на этотъ вопросъ будетъ довольно трудно, и вотъ почему. Въ сохранившейся части пьесы такихъ слѣдовъ мы не видимъ. Но они были на лицо, если только правильно возстановляется нами самое начало комедiи, отъ котораго, какъ мы это видѣли, дошли лишь отдѣльные, разрозненные фрагменты. Въдь, согласно нашей реконструкци, пьеса открывалась диалогической сценкой, за которой слѣдовалъ разъяснительный монологъ. Основанiе же для подобной реконструкци даютъ отчасти сами фрагменты, отчасти та аналогiя, которую представляетъ пьеса Менандра „Отрѣзанная коса“, начинавшаяся съ диалога и переходившая затѣмъ на монологъ, приносимый богиней Невѣдѣнiя.

Точно также построено было и начало комедiи „Герой“, въ которой вслѣдъ за вводной диалогической сценкой, представляющей бесѣду двухъ рабовъ, шелъ монологъ, приносимый самимъ *Ἦρωσ θεός* (стр. 97). Но такого рода устройство вводныхъ частей въ комедiяхъ принадлежитъ, какъ доказалъ это Лео¹⁾, къ числу приемовъ Аристофана, и притомъ къ числу приемовъ, которые съ большой интенсивностью проводились имъ въ противовѣсъ Еврипиду, любившему начинать свои пьесы съ пролога въ формѣ монологической рѣчи. Отсюда вытекаетъ, что, находя у Менандра такое сочетанiе диалога и монолога, при которомъ диалогъ открываетъ пьесу, а монологъ, идущий за нимъ, служитъ его разъясненiемъ и дополненiемъ, мы можемъ видѣть здѣсь отраженiе аристофановской манеры или, иначе, манеры „древней“ комедiи²⁾. Но мнѣ кажется, что не во внѣшнемъ устройствѣ только сказывается эта близость и сходство: она сказывается, пожалуй, и въ сути самого содержанiя, насколько можно судить объ этомъ по начальной сценкѣ изъ „Героя“. И дѣйствительно, если мы сопоставимъ съ этой сценкой соответствующiя сценки изъ „Всадниковъ“ или „Мира“, то мы увидимъ слѣдующее: какъ у Менандра, такъ и у Аристофана начальныя диалогическiя партii служатъ какъ бы вступле-

1) Лео², о. с., 191 sq.

2) Такъ построена *expositio* въ „Мирѣ“, „Осахъ“, „Всадникахъ“, и наконецъ въ „Птицахъ“.

ніемъ къ настоящему дѣйствию, его мотивировкой, такъ сказать. Въ нихъ же самихъ этого дѣйствія нѣтъ, въ нихъ, думается мнѣ, заключается только передача тѣхъ переживаній и чувствованій, которыя выпали на долю выступающихъ передъ зрителями лицъ благодаря ряду фактовъ, имѣвшихъ мѣсто раньше, и притомъ такихъ фактовъ, которые и обусловливаютъ собой дѣйствіе пьесы. А такъ какъ одной передачи этихъ чувствованій оказывается недостаточно для того, чтобы зрители уяснили себѣ, въ чемъ тутъ дѣло, то къ діалогической партіи приставляется разъяснительный монологъ, — своего рода разгадка предложенной раньше загадки. Такимъ образомъ, вводная часть стоитъ сама по себѣ: она есть ничто иное, какъ рекапитуляція того, что было до начала дѣйствія, и ея единственной цѣлью является ознакомленіе зрителей съ тѣмъ, безъ чего и само дѣйствіе не имѣло бы своего *raison d'être*.

Однако, несмотря на всё сходство аристофановскихъ „*expositiones*“ съ менандровскими, есть въ послѣднихъ одна черта или, вѣрнѣе, подробность, которая представляетъ собой нѣчто новое, неизвѣстное „древней“ комедіи, и которая заключается въ слѣдующемъ. Въ то время, какъ аристофановскіе персонажи, выступающіе въ начальныхъ партіяхъ, почти что не носятъ на себѣ слѣдовъ индивидуализаціи, тѣ же персонажи у Менандра подвергаются самой тщательной обработкѣ со стороны своихъ характеровъ, какъ явствуетъ это изъ „Героя“ и изъ соответствующихъ фрагментовъ „Третейскаго суда“. Но благодаря этому и сами вводныя сценки, хотя и продолжаютъ, съ внѣшней стороны, играть прежнюю роль простого вступленія, вырастаютъ въ своемъ общемъ значеніи и превращаются въ тонкія бытовыя картинки, въ которыхъ мы находимъ уже не трафаретныя, комическія типы, но настоящихъ людей, настоящіе индивидуальныя характеры, или отличные другъ отъ друга, или же, во всякомъ случаѣ, другъ на друга не похожіе.

Итакъ, поскольку дѣло касается структурной стороны „Третейскаго суда“ и „Героя“, мы можемъ сказать, что „древняя“ комедія отразилась здѣсь довольно ясно, и что, такимъ образомъ, не одна только еврипидовская трагедія была для Менандра обращикомъ, которымъ онъ время отъ времени пользовался.

11.

Но кромѣ вопроса о в водныхъ частяхъ комедіи, вопроса, только что нами разобраннаго, есть и другой вопросъ, который тоже слѣдуетъ подводить подѣ общую проблему о структурной зависимости комедіи Менандра отъ комедіи Аристофана, а именно, вопросъ о хорѣ, объ его роли и значеніи. Однако, при разрѣшеніи этого вопроса намъ придется выйти изъ тѣсныхъ рамокъ „Третейскаго суда“ и волей-неволей взять его во всей его цѣлости, въ приложеніи ко всѣмъ пьесамъ Менандра, и даже не одного Менандра, но вообще — къ пьесамъ „средней и „новой“ комедіи.

Вопросъ о хорѣ и объ участи, постигшей его въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя испытала на себѣ греческая комедія, вопросъ не новый. Уже давно, еще до открытія Каирскаго кодекса, ставился онъ въ наукѣ, причемъ одни ученые, какъ Lüders¹⁾, Bethe²⁾ и Christ³⁾, высказывались за полное отсутствіе хора, а другіе, какъ, напр., Reisch⁴⁾, склонялись къ той мысли, что хоръ продолжалъ существовать и въ трансформированной комедіи, но исключительно на положеніи дополнительнаго элемента, не нужнаго для дѣйствія и всецѣло отъ него оторваннаго. Приэтомъ, защитники послѣдняго мнѣнія старались обосновать его слѣдующимъ образомъ. Прежде всего они указывали на литературныя свидѣтельства, а именно, на слова Эсхина⁵⁾ и Аристотеля⁶⁾, изъ которыхъ явствуетъ, что въ комедіи демосееновскаго времени хоръ еще былъ ея составной частью, хотя это и не значить, конечно, что онъ былъ настоящимъ дѣйствующимъ лицомъ на манеръ хора въ большинствѣ аристофановскихъ пьесъ.

1) Lüders, Die Dionysischen Künstler, 116 sqq.

2) Bethe, Prolegomena, 245 sqq.

3) Christ, Das Theater des Polyklet im Epidauros (= Sitzungsber. d. Münch. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl. (1894), 25 sq.). Ср. также Christ⁴⁾; Griech. Literaturgeschichte, 317.

4) Reisch, Chor (= Wissowa, Pauly's Real-Encyclopädie, III, 2403); Dörpfeld-Reisch, Das gr. Theater, 258; Körte, Die Komödienpapyri von Ghorân (= Hermes, 43 (1908), 41); Körte, Neue Jahrbücher für das Kl. Altertum, V (1900), 81 sqq.; Leo, Der Monolog im Drama, 41.

5) Aesch. I, 157: *ὅς εἰς πρῆξις ὧν ἰδεῖν τοσοῦτον ἀπέχει τῶν αἰσχυρῶν, ὥστε πρόφην ἐν τοῖς κατ' ἀγροῦς Διονυσίοις κωμῶδων ὄντων ἐν Κολλυτῶ καὶ Παρμένοντος τοῦ κωμικοῦ εἰπόντος τι πρὸς τὸν χορὸν ἀνάπαιστον. . . . οὐδένα ἐπελάμβανεν εἰς τὸ μειράκιον, ἀλλ' εἶς σε πάντες.*

6) Arist. Pol. III, 3, 1276b.

Далѣ, въ пользу существованія хора говорятъ и нѣкоторые, дошедшіе до насъ лирическіе отрывки изъ пьесъ „средней“ комедіи, отрывки, на которые приходится смотрѣть, какъ на остатки хоровыхъ партій¹⁾, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не доказываютъ, что эти партіи играли въ соответствующихъ пьесахъ какую нибудь существенную роль.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи находится цѣлый рядъ эпиграфическихъ данныхъ, изъ которыхъ можно вывести, что комическіе хоры существовали даже во II в. до Р. X. Такъ, напр., о комическомъ хорѣ упоминается въ одной делосской надписи 279 г.²⁾; о 7 *χορευταὶ κομικοὶ* говорится въ одновременныхъ ей дельфійскихъ надписяхъ, содержащихъ въ себѣ списокъ технитовъ, выступавшихъ на праздникъ Сотерій³⁾, и, наконецъ, о 4 *χορευταὶ κομικοὶ* говоритъ намъ дельфійская же надпись II в. до Р. X.⁴⁾ Всѣ эти, дополняющіе другъ друга, факты свидѣтельствуютъ о томъ, что комическій хоръ находился на лицо даже и тогда, когда комедія, какъ таковая, уже не имѣла почти ничего общаго со своимъ прототипомъ, а именно, съ комедіей „древней“. Но, съ другой стороны, всё это оказывается еще очень недостаточнымъ для разсужденія о томъ, какова была роль этого хора, во что онъ, въ сущности говоря, выродился и дѣйствительно ли былъ онъ для каждой комической пьесы чѣмъ нибудь безусловно и притомъ органически необходимымъ.

Постепенное вырожденіе хора и потеря имъ своего *raison d'être* замѣчается уже у Аристофана. Такъ, если въ болѣе древнихъ комедіяхъ послѣдняго (ср. „Ахарняне“ или „Всадники“) хоръ является настоящимъ *πρόσωπον*, заинтересованнымъ въ ходѣ дѣйствія, то въ „Экклезиазусахъ“ и, особенно, въ „Богатствѣ“ онъ сходитъ на положеніе простого придатка, удержаніе котораго въ организмѣ пьесы объясняется лишь одной традиціей. И дѣйствительно, въ „Богатствѣ“, если не считать *παρόδος*, у хора нѣтъ особыхъ,

1) Meineke, Com. graec. fragmenta, I, 298 sqq.

2) Bulletin de correspondance hellénique, XIV (1890), 396, l. 85.

3) Wescher-Foucart, Inscriptions de Delphes (Paris 1866), n. 3, l. 67—75; n. 4, l. 69—75; n. 5, l. 73—79; n. 6, l. 71—77.

4) Εφημερίς αρχαιολογική, 1883, 163. См. Körte, о. с., 41, а также Legrand, о. с., 422, 5.

связанныхъ съ пьесой пѣсенъ. Эти пѣсни оказываются ненужными для дѣйствія, равно какъ не нуженъ для него и самъ хоръ, ибо дѣйствіе идетъ безъ участія хора, который тѣмъ не менѣе остается на лицо. Т. е., иными словами, хора нѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть, а на наличность его указываетъ помѣта χοροῦ, стоящая послѣ ст. 321, 626, 770, 801, 957, 1096, 1170¹⁾ и знаменующая собой, по всей вѣроятности, то, что въ отмѣченныхъ нами мѣстахъ хоръ, при пустой сценѣ, исполнялъ особые номера, или, иначе, что онъ былъ предназначенъ для заполнения антрактовъ.

На это же самое намекаютъ, повидимому, и слѣдующія, не вполне ясныя слова анонимаго автора XI биографіи Аристофана²⁾: *πάλιν δὲ ἐκλελοιπότεος καὶ τοῦ χορηγεῖν τὸν Πλοῦτον γράψας εἰς τὸ διαναλαύεσθαι τὰ σκηρικὰ πρόσωπα καὶ μετασκευάζεσθαι ἐπιγράψει χοροῦ φθεγγόμενος ἐν ἐκείνοισι, ἃ καὶ ὀρώμεν τοὺς νεοὺς οὕτως ἐπιγράφοντας ζήλω Ἀριστοφάνου*. Изъ этихъ словъ, въ которыхъ, какъ говоритъ Koerte³⁾, „Aufführung und Buchausgabe sind hoffnungslos durcheinander geworfen“, видно все таки, что съ сценической точки зрѣнія хоръ былъ нуженъ для наступавшихъ въ дѣйствіи паузъ или, иначе, что онъ заполнялъ ихъ, давая актерамъ время для отдыха и переодѣванья. Что же касается до устройства текста пьесъ въ рукописяхъ, то здѣсь помѣта χοροῦ указывала просто на просто на конецъ акта и на происходящую послѣ этого паузу, которая при воспроизведеніи пьесы на сценѣ заполнялась пѣсней хора, носившей случайный характеръ и не имѣвшей прямого отношенія къ дѣйствию, а потому и опускаемой въ текстъ.

Какъ бы то ни было, и слова анонима, и роль хора въ „Богатствѣ“ и „Экклезиазусахъ“ съ достаточной ясностью говорятъ за то, что при закатѣ „древней“ комедіи хоръ, не исчезнувъ фактически, исчезъ изъ нея, какъ *πρόσωπον*, — фактъ, который долженъ былъ найти себѣ продолженіе и въ комедіи „средней“. Но къ сожалѣнію, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, мы не можемъ сказать, какъ въ

1) Такая же помѣта находится и въ „Экклезиазусахъ“ послѣ ст. 729, 876 и 1111, равно какъ есть она и въ „Облакахъ“ послѣ ст. 888.

2) Dübner, Scholia in Aristophanem, XXVIII, 72 sqq.

3) Koerte, о. с., 39.

своемъ послѣдовательномъ развитіи шло это выдѣленіе хора изъ комедіи и что новаго было внесено сюда представителями „средняго“ комическаго жанра.

Мы можемъ предполагать только, на основаніи дошедшихъ до насъ лирическихъ отрывковъ (см. выше), что въ нѣкоторыхъ пьесахъ „средней“ комедіи хоръ имѣлъ особыя партіи, не представлявшія собой простыхъ *ἐμβόλιμα* и не служившія только для заполнения антрактовъ. Но это не значитъ еще, что всѣ партіи хора носили такой характеръ и что, съ другой стороны, не было въ „средней“ комедіи и такихъ пьесъ, въ которыхъ хоръ не былъ бы сведенъ къ простому выступленію пѣвцовъ, исполнявшихъ какія нибудь пѣсни во время наступившей паузы.

Напротивъ того, это послѣднее предположеніе вполне возможно, тѣмъ болѣе, что такое выдѣленіе хора явилось бы лишь естественнымъ развитіемъ того принципа, который проводится уже въ „Богатствѣ“ Аристофана и который, какъ мы это сейчасъ увидимъ, становится доминирующимъ въ „новой“ комедіи. Однимъ словомъ, поскольку дѣло касается комедіи „средней“, то можно, кажется, думать, что въ ней наблюдалась еще по отношенію къ хору нѣкоторая двойственность или, иначе, что „средняя“ комедія не успѣла еще окончательно отдѣлаться отъ хора: она, такъ сказать, остановилась на полдорогѣ.

Зато, если мы перейдемъ къ „новой“ комедіи, мы прежде всего замѣтимъ, что въ ней какъ будто нѣтъ чисто-лирическихъ размѣровъ, т. е., размѣровъ, указывающихъ на наличность хоровыхъ партій. По крайней мѣрѣ, среди сохранившихся отрывковъ можно указать только на одинъ, вложенный въ анапесты, а именно, на отрывокъ изъ *Λευκαδία* Менандра¹⁾. Но если этотъ отрывокъ и могъ относиться къ пѣснѣ хора, то, съ другой стороны, какъ замѣчаетъ Leo²⁾, онъ могъ и не принадлежать къ ней. Помимо же этого отрывка у насъ нѣтъ никакихъ другихъ, которые были бы облечены въ форму лирической пѣсни. Напротивъ того, всё, что сохранилось отъ „новой“ комедіи,

1) Kock, o. c., III, 89, fr. 312. См. Meineke, o. c., I, 443, а также Leo, *Der Monolog im Drama*, 41.

2) Leo, o. c., 41.

включая сюда и новонайденныя пьесы Менандра, допускаетъ лишь два размѣра, а именно, ямбическій триметръ и трохаическій тетраметръ, — фактъ, который какъ бы подтверждаетъ правильность слѣдующихъ словъ Гефестіона о размѣрахъ у главнаго представителя „новой“ комедіи: *πῆ μὲν γὰρ τετράμετρα ἐν τῷ αὐτῷ ποιήματι, πῆ δὲ τρίμετρα εὐρίσκειται* ¹⁾.

Но разъ это такъ, то слѣдуетъ, кажется, думать, что „новая“ комедія не знала хора въ томъ смыслѣ, въ какомъ знала его „средняя“, т. е., хора, участвующаго въ дѣйствиіи путемъ исполненія особой, связанной съ дѣйствиємъ пѣсни. Такой хоръ, отдаленно напоминавшій собою хоръ „древней“ комедіи, былъ, повидимому, чуждъ ей и ею не примѣнялся. Вѣдь недаромъ, нѣтъ его ни въ одной изъ четырехъ пьесъ, сохраненныхъ Каирскимъ кодексомъ, и недаромъ въ „Героѣ“, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, онъ не фигурируетъ въ качествѣ особаго *πρόσωπον*: о немъ вовсе не упоминается, его какъ бы совсѣмъ нѣтъ, онъ, такъ сказать, выдѣленъ изъ пьесы, какъ нѣчто, не имѣющее къ ней прямого отношенія и если существующее, то само по себѣ.

Т. е., иными словами, хору дана роль à part, но такая роль, которая протекаетъ внѣ пьесы. Единственнымъ же указаніемъ на то, что хоръ, будучи изъятъ изъ комедіи, всё таки оставался при ней, служитъ помѣта *χοροῦ*, та самая помѣта, которую мы уже видѣли у Аристофана и толкованіе которой заключается, помимо вышеприведенныхъ словъ анонима автора аристофановской біографіи, въ слѣдующемъ пассажѣ изъ Эвантія: *res admonuit poetas, ut primo quidem chorus tollerent, locum eis relinquentes, ut Menander fecit* ²⁾.

Вотъ эта помѣта, знаменующая собою, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находится, шла пауза и появлялся хоръ, заполнявшій антрактъ своимъ выступленіемъ, — эта помѣта встрѣчается въ пьесахъ „новой“ комедіи не одинъ разъ. И дѣйствительно, мы находимъ её въ „Третейскомъ судѣ“ послѣ ст. 201, въ „Саміанкѣ“ послѣ ст. 270, въ „Отрѣзанной кося“ послѣ ст. 76, да сверхъ того она же попадаетъ намъ

1) Meineke, о. с., I, 442; Leo, о. с., 41. Ср. также: Leo, *Χορον* (= *Hermes*, 43 (1908), 310).

2) Euanthius de comoedia, III, 1 (= Kaibel, *Com. gr. fragm.*, I, 1, 65).

въ Порфирьевскомъ отрывкѣ II b (см. стр. 120) послѣ ст. 13 и, наконецъ, въ Горанскихъ фрагментахъ, которые даютъ еѣ дважды¹⁾. Приэтомъ, ни разу вслѣдъ за помѣтой не идетъ той пѣсни, которую исполнялъ хоръ, и ни разу не дѣлается намека на то, что онъ былъ занятъ именно пѣсней, а не пляской.

Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ, повидимому, вслѣдъ за Коерте²⁾, считать, что на обязанности хора лежало какъ разъ исполненіе пѣсни, ибо это гораздо болѣе подходило бы къ традиціямъ комическаго хора, который всегда былъ хоромъ поющимъ, а не только хоромъ танцующимъ. Тотъ же фактъ, что пѣсень хора не сохранилось, можно было бы объяснять тѣмъ, что эти пѣсни, какъ не имѣющія отношенія къ дѣйствію, а, можетъ быть, даже и не написанныя самимъ авторомъ той или другой пьесы, не вносились въ рукописный текстъ, какъ не внесены онѣ и въ текстъ аристофановскаго „Богатства“ и „Экклезіазусъ“.

Итакъ, согласно нашему убѣжденію хоръ, выступавшій въ антрактахъ и указывавшій своимъ появленіемъ на конецъ cadaго даннаго акта, былъ хоромъ, исполнявшимъ какую-нибудь пѣсню, но пѣсню, не стоявшую въ связи съ дѣйствіемъ пьесы.

Однако, если отъ этихъ пѣсень, носившихъ чисто-случайный характеръ, не сохранилось ни одной строчки, то нельзя ли всё таки найти въ текстѣ комедій чего либо такого, что указывало бы, пусть даже на самую внѣшнюю, связь хора съ отдѣльными моментами дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, нельзя ли найти въ этомъ текстѣ какихъ-нибудь намековъ на предстоящее въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ появленіе хора? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ придется обратиться къ разбору всѣхъ тѣхъ пассажей, гдѣ находится помѣта $\chi\omicron\rho\omicron\upsilon$, причемъ прежде всего мы остановимся на Порфирьевскомъ отрывкѣ II b.

Въ этомъ отрывкѣ передъ $\chi\omicron\rho\omicron\upsilon$ стоятъ слѣдующіе стихи:

*ἴωμεν, ὡς καὶ μετακυλλίων ὄχλος
εἰς τὸν τόπον τὸς ἔρχεθ' ὑποβεβρεγμένων,
οἷσ] μὴ ἐνοχλεῖν εὐκαιρὸν εἶναι μοι δοκεῖ.*

1) Bulletin de correspondance hellénique, XXX (1906), 106 (par. I, fr. 1, col. II 8) и 148 (par. II, fr. 5, 4).

2) Körte, o. c., 40.

Стихи эти произносятся однимъ изъ персонажей, послѣ чего какъ онъ, такъ и его собесѣдникъ, уходятъ со сцены, уступая мѣсто входящему на нее хору.

Совершенно такую же ситуацию видимъ мы и въ „Отрѣзанной косѣ“ (ст. 71—73): здѣсь, какъ и въ Порфирьевскомъ отрывкѣ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ обращаетъ вниманіе другихъ на приближеніе толпы подвыпившихъ юношей, что до нѣкоторой степени является причиной ухода всѣхъ со сцены, на которой и выступаетъ хоръ, о чемъ можно судить по помѣтѣ *χοροῦ*.

Наконецъ, совсѣмъ такой же прецедентъ встрѣчался, какъ отмѣтилъ это Leo¹⁾, и въ одной пьесѣ Алексида, что явствуется изъ слѣдующаго фрагмента²⁾:

*καὶ γὰρ <μεθύσων> ἐπὶ κῶμον ἀνθρώπων ὄρω
πλήθος προσιδν, ὡς τῶν καλῶν τε ἀγαθῶν
ἐνθάδε συνόντων · μὴ γένοιτό μοι μόνω
νύκτωρ ἀπαντῆσαι καλῶς πεπραγῶσιν
ὄμῃν περὶ τὸν βαλλισμὸν · οὐ γὰρ ἂν ποτε
δοιμάτιον ἀπενέγκαιμι μὴ φύσασ πτερά.*

Зато нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ „Саміанкѣ“ и въ „Третейскомъ судѣ“. И дѣйствительно, какъ въ той, такъ и въ другой пьесѣ передъ ремаркой *χοροῦ* нѣтъ никакого указанія на возможное появленіе хора, если только не считать за это въ „Третейскомъ судѣ“ ст. 195: *νυνὶ μὲν οὖν συνάγουσι*, а въ „Саміанкѣ“ ст. 268: *τᾶνδον εὐτροπέη*; — стихъ, имѣющій отношеніе къ приготавливающемуся брачному торжеству.

Наконецъ, не мѣшаетъ отмѣтить, что и въ *Hautontimoumenos* Теренція, въ пьесѣ, восходящей къ *Ἐαυτὸν τιμωροῦμενος* Менандра, есть, какъ доказываетъ это Skutsch³⁾, намекъ на то, что въ греческомъ подлинникѣ первый актъ пьесы кончался обычной помѣтой *χοροῦ*, которой предшествовало заявленіе одного изъ персонажей насчетъ готовящейся

1) Leo, *Χορον* (= *Hermes*, 43 (1908), 308 sqq).

2) Alex. fr. 107 (= Kock, o. c., II, 333). Слово *μεθύσων* дополнено Leo.

3) Skutsch, *Χορον bei Terenz* (= *Hermes*, 47 (1912), 141 sqq.).

у него пирушки и о необходимости пригласить на нее одного из его пріятелей¹⁾).

Спрашивается теперъ, какой выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ нами пассажей? Bethe, основываясь главнымъ образомъ на мѣстахъ изъ Алексиды, изъ „Отрѣзанной косы“ и изъ Порфирьевскаго отрывка II в, думаетъ, что хоръ, появлявшійся во время перваго антракта, вслѣдъ за указывающими на его появленіе словами какого нибудь дѣйствующаго лица, оставался затѣмъ на сценѣ во все время дѣйствія пьесы, какъ было это и въ „древней“ комедіи²⁾. Приэтомъ, подобный хоръ, согласно мнѣнію того-же Bethe, не мѣнялъ своихъ масокъ и, оставаясь однимъ и тѣмъ-же, постоянно присутствующимъ хоромъ, изображалъ собой толпу подвыпившихъ юношей, *κῶμος μεθύοντων*³⁾. Но само собой разумѣется, что коль скоро такой хоръ, всецѣло оторванный отъ дѣйствія и вѣчно сохраняющій одинъ и тотъ-же обликъ, не сходилъ послѣ перваго антракта со сцены, то при концахъ послѣдующихъ актовъ уже не приходилось отмѣчать его выступленіе какой нибудь соотвѣтствующей тирадой⁴⁾. Онъ просто на просто, лишь только сцена становилась пустой отъ актеровъ, начиналъ свою, связанную съ пѣсней, пляску, а зрители, видя дѣйствующій хоръ, до той поры стоявшій въ сторонѣ, понимали, что начинается интермедія, отдѣляющая одинъ актъ отъ другого.

Такимъ образомъ, согласно мнѣнію Bethe, указаніе на

1) Ср. Ter. Hautontim., 168 sqq. :

sed ut dici tempus est,
tempust monere me hunc vicinum Phanium,
ad cenam ut veniat: ibo, visam si domist.

См. также Б. В. В а р н е к е, Мелкія замѣтки къ Плавту (= Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, августъ, отд. класс. филол., 376 сл.). Здѣсь очень наглядно доказывается, что и въ *Rudens* Плавта можно изъ словъ входящаго на сцену юноши Плесидиппа (ст. 89—93) вывести, что въ первичной редакціи пьесы Плесидиппъ, „появлялся на сценѣ не одинъ, а въ сопровожденіи хора изъ своихъ *πρόπολοι*, подобно хотя бы Ипполиту въ трагедіи Еврипида. Тѣ же самые хоревты затѣмъ въ началѣ 2-го акта являлись опять, но уже рыбаками“.

2) Bethe, *Der Chor bei Menander* (= *Berichte über die Verhandlungen der Königl. sächs. Gesellschaft der Wiss. zu Leipzig, phil.-hist. Kl.*, 60 (1908), 221).

3) Bethe, o. c., 214 и 222.

4) Bethe, o. c., 223.

вступающей на сцену хоръ дѣлалось только въ концѣ перваго акта¹⁾, и притомъ вѣчно въ одной и той-же формѣ, ибо хоръ всегда представлялъ собой неизмѣнный *κῶμος*.

Я не буду отрицать, что гипотеза, высказанная Bethe, отличается остроуміемъ и что при ней связь хора „новой“ комедии съ хоромъ комедіи „древней“ принимаетъ очень ясный и отчетливый видъ. И тѣмъ не менѣе, эта гипотеза, несмотря на всю свою завлекательность, врядъ ли можетъ быть принята во всей ея цѣлости, ибо противъ нея говоритъ цѣлый рядъ соображеній, уже высказанныхъ разными учеными.

Такъ, прежде всего, я вполне согласенъ съ Croiset, что „rien n'eut été plus monotone que de voir reparaître entre tous les actes une pareille troupe“, т. е., несмѣняемую толпу подвыпившихъ юношей²⁾. Правда, Bethe говоритъ, что „надо еще доказать“, что этого не могло быть. Но, съ другой стороны, врядъ ли можно считать за подтвержденіе гипотезы Bethe и тотъ фактъ, что аналогичный „перманентный“ хоръ мы встрѣчаемъ въ греческой трагедіи и комедіи V в. до Р. X³⁾. И дѣйствительно, надо еще доказать, что комедія Менандра сохранила въ неприкосновенности старый обычай, въ чемъ а priori можно сомнѣваться⁴⁾ и для обоснованія чего у насъ нѣтъ до сихъ поръ никакихъ положительныхъ данныхъ.

Но зато у насъ есть кое-что, какъ будто говорящее противъ Bethe, и это кое-что сводится къ слѣдующему. Такъ, прежде всего, очень трудно представить себѣ, чтобы комедія Менандра, стремящаяся къ воспроизведенію настоящей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начала до конца построенная на принципѣ вести дѣйствіе такъ, чтобы всякая тайна и всякій въ тишинѣ обдумываемый планъ не имѣли никакихъ постороннихъ свидѣтелей, — чтобы эта комедія допускала наличность постоянного, неуходящаго хора, нахожденіе котораго на

1) Bethe, о. с., 223 sq. Ср. van Leeuwen²⁾, о. с., 16, 5.

2) Croiset, Ménandre. L'Arbitrage (Paris 1908), 62. Эти слова Croiset направлены противъ мнѣнія van Leeuwen'a (о. с., 16, 5), но такъ какъ гипотеза Bethe о перманентномъ хорѣ есть, въ сущности говоря, ничто иное, какъ развитіе и обоснованіе мысли голландскаго ученаго, то замѣчаніе Croiset съ полнымъ правомъ можетъ быть приложено и къ теоріи Bethe.

3) Bethe, о. с., 223, 1.

4) Legrand, о. с., 425, 1.

сценѣ могло только нарушать иллюзію и ставить дѣйствующихъ лицъ въ необходимость дѣлать видъ, будто они не замѣчаютъ хоревтовъ, которые, присутствуя для зрителей, должны были казаться отсутствующими для актеровъ ¹⁾).

Съ другой же стороны, можно сомнѣваться и въ томъ, что хоревты въ теченіе всей пьесы не мѣняли своихъ масокъ, сохраняя такимъ образомъ всё время одинъ и тотъ-же обликъ. Мыслимо, конечно, что иногда дѣло обстояло и такъ, какъ рисуетъ его Bethe, но очень сомнительно, чтобы оно обстояло такъ всегда.

И мнѣ кажется, что хорошимъ доказательствомъ, говорящимъ противъ излишней прямолинейности Bethe, служить какъ разъ остроумное наблюденіе Б. В. Варнеке, сдѣланное имъ надъ Rudens Плавта, гдѣ сперва хоръ изображаетъ товарищей юноши Плесидиппа, а затѣмъ — рыбаковъ, выступающихъ съ особой, включенной въ текстъ, пѣсней ²⁾). Правда, эта пѣсня, имѣющая отношеніе къ дѣйствию и вовсе не являющаяся одной интермедіей, указываетъ, что оригиналъ Rudens относился еще къ той порѣ, когда комическій хоръ не успѣлъ разъ и навсегда превратиться въ простую внѣшнюю добавку, вовсе не связанную съ организмомъ пьесы. Но какъ бы то ни было, для насъ въ данный моментъ важно только то, что, на основаніи Rudens, мы можемъ, повидимому, предполагать, что хоръ въ „новой“ комедіи могъ иногда мѣнять свой обликъ или, иначе, что утвержденіе Bethe о несмѣняемости масокъ у хоревтовъ должно быть нѣсколько ограничено.

Итакъ, мнѣ не вѣрится, чтобы хоръ „новой“ комедіи, и въ частности комедіи Менандра, былъ хоромъ перманентнымъ, удерживающимъ втеченіи пьесы всегда одинъ и тѣ-же маски. Не вѣрится мнѣ также и въ то, что этотъ хоръ представлялъ собой только одинъ *κῶμος μεθύωντων* и что, наконецъ, вступленію этого хора на сцену въ концѣ первыхъ актовъ предшествовала всегда одна и та-же тирада, говорящая въ той или другой формѣ о приближеніи толпы подвыпившихъ юношей.

Что до меня, то я представляю себѣ всё дѣло нѣсколько иначе, а именно, представляю его слѣдующимъ об-

1) Leo, Der Monolog im Drama, 39—40.

2) Б. В. Варнеке, о. с., 377 сл. Ср. стр. 293, 1.

разомъ. Прежде всего, я не думаю чтобы хоры „новой“ комедии были всегда „ganz und gar unpersönlich und ohne jede Beziehung zur Handlung und ihren Trägern“¹⁾. Я думаю, наоборотъ, что кое-какое отношеніе къ дѣйствию и къ дѣйствующимъ лицамъ у хора иногда было, хотя это отношеніе и сводилось исключительно къ одной внѣшности. Къ этой мысли приводитъ меня и отмѣченное выше (стр. 293, 1) предположеніе Б. В. Варнеке о слѣдахъ хора въ первомъ актѣ Плавтовскаго *Rudens*, гдѣ хоревты изображали собой друзей юноши Плесидиппа и, какъ таковыя, хотя и оставались на положеніи *χορὰ πρόσωπα*, были внѣшнимъ образомъ все таки причастны къ дѣйствию пьесы. По аналогіи же съ подобнымъ хоромъ можно было бы — и я не нахожу этого слишкомъ рискованнымъ — считать, что и хоры въ „Третьейскомъ судѣ“, въ „Отрѣзанной кость“ и въ „Саміанкѣ“ тоже изображали собой лицъ, яко-бы имѣющихъ отношеніе къ героямъ пьесъ, а именно; къ Харисію, къ Полемону и къ Мосхіону, — предположеніе, которое уже было высказано Koerte²⁾ и съ которымъ я считаю возможнымъ согласиться.

Но коль скоро мы допустимъ это, то намъ придется ограничить и мысль Bethe о хорѣ, какъ о безразличномъ *κῶμος*, причемъ единственное, что окажется возможнымъ сохранить, будетъ предположеніе о томъ, что иногда хоръ представлялъ собой и веселую толпу юношей, возвращавшихся въ шумной процессіи съ пирушки³⁾.

Приэтомъ, что касается до тирады, отмѣчающей появленіе хора, то, конечно, всего естественнѣе думать, что такая тирада помѣщалась въ концѣ перваго акта, при первомъ выступленіи хоревтовъ передъ публикой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли можно допустить, чтобы эта тирада имѣла всегда ту форму, которую она имѣетъ въ „Отрѣзанной кость“ и въ Порфирьевскомъ отрывкѣ II в. Я скорѣе готовъ былъ бы склоняться къ мысли, что форма тирады

1) Bethe, о. с., 221.

2) Koerte, *Χορὸν* (= *Hermes*, 43 (1908), 301 sqq.); Leo, *Der neue Menander* (= *Hermes*, 43 (1908), 166 sq.); Carps, *Four plays of Menander*, 33, 144; Croiset, *Ménandre. L'Arbitrage*, 38; Robert, *Scenes aus Menanders Komödien*, 91; Zuretti, *Menandro. Scene e frammenti*, 78 и 217.

3) Legrand, о. с., 425. Такой, напримѣръ, *κῶμος* выступаетъ въ „Отрѣзанной кость“.

зависѣла отъ требованій той ситуаціи, при которой появлялся хоръ, и что, наконецъ, сама тирада могла иногда и не заключать въ себѣ ясныхъ указаній на приближеніе послѣдняго. Такъ, напр., если мы примемъ гипотезу Skutsch'a насчетъ хора въ Neautontimomenos Теренція¹⁾, то намекомъ на приближеніе хоревтовъ будутъ слѣдующія слова уходящаго со сцены Хремета:

tempust monere me hunc vicinum Phanium,
ad cenam ut veniat: ibo, visam si domist.

Съ этими словами Хреметъ удалялся, и на опустѣвшую сцену вступалъ хоръ, изображавшій его пріятелей, приглашенныхъ на пиръ по случаю праздника въ честь Діониса. Этотъ хоръ, въ отсутствіе Хремета, и заполнялъ антрактъ пѣніемъ и пляской, а затѣмъ входилъ въ домъ старика на положеніи его гостей, на что и намекають, повидимому, слова, возвращающагося Хремета: *egomet convivas morog*²⁾. Равнымъ образомъ, и въ „Третейскомъ судѣ“ замѣчаніе Онисима: *vivi mēn oūn συνάγουσα* можетъ, какъ мнѣ кажется, относиться только къ входящему на сцену хору, который могъ изображать гостей Харисія, идущихъ къ нему на пирушку³⁾, и который, по удаленіи Онисима и Сириска, исполнялъ свой антрактный номеръ, на что и указываетъ помѣта *χοροῦ*.

Итакъ, я думаю, что заключительная тирада, отмѣчающая приходъ хоревтовъ, вовсе не была въ пьесахъ „новой“ комедіи одноформенной, причемъ очень возможно, что во всѣхъ остальныхъ актахъ, кромѣ перваго, этой тирады и не было, а если она и была, то ея форма врядъ ли могла быть столь опредѣленной, какъ въ первомъ актѣ: вѣдь для зрителей, уже ознакомленныхъ съ хоромъ, послѣдующіе его выходы не могли казаться необоснованными, ибо онъ, какъ ни какъ, а былъ для нихъ лицомъ, связаннымъ, хотя бы и внѣшнимъ образомъ, съ героями разыгрываемой передъ ними пьесы!

Съ другой же стороны, очень возможно, что „новая“ комедія въ своей борьбѣ съ хоромъ и въ своемъ стремленіи подойти, какъ можно ближе, къ подлинной дѣйствитель-

1) Skutsch, o. c., 141 sqq.

2) Skutsch, o. c., 143.

3) См. мое примѣчаніе къ ст. 195 (стр. 146, 2).

ности, для достиженія которой хоръ былъ всё таки помѣхой, — что эта комедія нарушала иногда даже и эту, чисто-внѣшнюю связь хора съ пьесой и ограничивалась только тѣмъ, что „les choreutes paraissaient à la fin de chaque acte, disparaissaient avant le retour des acteurs sans que rien fit la moindre allusion à leur présence; leurs exercices formaient des intermèdes, au sens le plus strict de ce mot“¹⁾.

Однимъ словомъ, я не думаю, чтобы въ „новой“ комедіи, какъ разъ по отношенію къ хору, царствовала неподвижная традиція, не допускавшая никакой эволюціи. Наоборотъ, гораздо естественнѣе предполагать, что при постепенномъ развитіи комедіи и приближеніи ея къ жизни, она старалась отдѣлываться и отъ такого архаизма, какъ хоръ, стѣснявшій ее и требовавшій обоснованія для своего выхода на сцену. Поэтому-то и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на ряду съ хоромъ, такъ или иначе причастнымъ къ дѣйствию, могли быть въ „новой“ комедіи и такіе случаи, когда хоръ, появляясь въ концѣ актовъ, просто на просто заполнялъ паузу своимъ пѣніемъ и пляской, причемъ выходы этого хора ничѣмъ не обосновывались и не объяснялись. Такимъ образомъ, согласно нашему убѣжденію, роль и значеніе хора въ „новой“ комедіи не представляли собой чего-либо законченнаго и разъ навсегда установленнаго; напротивъ того, всё это постоянно мѣнялось, а тайною цѣлью этихъ измѣненій было желаніе покончить съ хоромъ совсѣмъ, что и удалось сдѣлать римской комедіи въ лицѣ ея послѣдняго представителя, а именно, Теренція.

1) Legrand, о. с., 425.

III.

С а м і а н к а.

1.

Среди пьесъ Менандра, открытыхъ Лефевромъ¹⁾, четвертое мѣсто по порядку занимаетъ въ Каирскомъ кодексѣ та комедія, которой издатели дали названіе „*Σαμία*“²⁾. Правда, въ рукописи заглавіе пьесы не сохранилось, но тѣмъ не менѣе предположеніе издателей вполнѣ правдоподобно. Во-первыхъ, въ репертуарѣ Менандра дѣйствительно существовала комедія „*Σαμία*“³⁾, во-вторыхъ, роль, которую играетъ въ нашей пьесѣ женщина съ Самоса, очень значительна, и въ-третьихъ, эта женщина, именуемая Хрисидой, два раза обозначается словомъ „Саміанка“ (ст. 50 и 139). Такимъ образомъ, данныхъ для фиксированія пьесы опредѣленнымъ заглавіемъ вполнѣ достаточно, причемъ эти данныя какъ будто не исключаютъ возможности того, что пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, есть, дѣйствительно, „*Σαμία*“ Менандра.

Комедія дошла до насъ не въ полномъ видѣ: мы полагаемъ приблизительно одной ея третью, заключающей въ себѣ 342 стиха, которые распредѣляются между тремя актами

1) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre, Le Caire 1907. Lefebvre², Papyrus de Ménandre, (Le Caire 1911), 34—43.

2) Въ правильности этого названія сомнѣвается только одинъ Harmon. См. его замѣтку: Samia an Titthe? (= Berl. Philol. Woch. 1910, col. 1109).

3) Отъ нея сохранился всего на всего одинъ незначительный отрывокъ. См. Kock, III, fr. 437: *φέρει τὸν λιβανωτὸν ὃν δ' ἐπίθεα τὸ πῦρ, Τρύφη*. Слово *Τρύφη* добыто Скалигеромъ изъ рукописнаго *τρύφη*. Если же эта конъектура Скалигера правильна, то можно предполагать, что въ пьесѣ выступала рабыня, по имени *Τρύφη*. Ср. Kock, o. c., III, 126 и Meipcke, Menandri et Philemonis reliquiae, 154, а также Warncke, Menandrea (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1909, февраль, отд. класс. филол., 75) и Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 101.

и которые расположены на одномъ кватерніонѣ, сохранившемся однако не въ цѣлости. Такъ, нѣсколько пострадали первыя двѣ страницы, въ которыхъ не хватаетъ 3—4 строкъ сверху, затѣмъ пропалъ средній листъ кватерніона, т. е., страницы 7—10, и, наконецъ, не достаеъ двухъ послѣднихъ страницъ, т. е., 15 и 16¹⁾). Такимъ образомъ, при среднемъ разсчетѣ въ 35 строкъ на страницу²⁾), исчезло около 210 стиховъ, что вмѣстѣ съ сохранившимися 342 стихами составитъ приблизительно комплексъ въ 550 строкъ съ небольшимъ, помѣщавшихся на упомянутомъ нами кватерніонѣ. Но даже и въ томъ случаѣ, если мы, нѣсколько повысивъ разсчетъ, доведемъ число стиховъ до 600, этого числа всё таки будетъ мало для того, чтобы считать, что комедія Менандра дошла до насъ въ сравнительной цѣлости: слишкомъ уже ничтоженъ былъ бы при подобномъ условіи ея объемъ и слишкомъ бы сильно противорѣчило это практикѣ „новой“ комедіи, пьесы которой, если судить по Плавту и Теренцію, заключаютъ въ себѣ обыкновенно не менѣе 1000 стиховъ.

Однако, помимо этой, чисто-формальной причины, есть и другія основанія, въ силу которыхъ намъ приходится считать, что „Саміанка“ занимала собой не только тотъ кватерніонъ, о которомъ шла рѣчь выше, но и часть кватерніона ему предшествовавшего, тогда какъ самый конецъ ея, до насъ не дошедшій, захватывалъ, по всей вѣроятности, начало новаго кватерніона, слѣдовавшаго за нашимъ непосредственно, если не думать только, что для этого конца хватало и тѣхъ двухъ страницъ, которыя замыкали нашъ кватерніонъ и которыя до насъ не дошли, т. е., страницы 15—16³⁾).

Въ чемъ же заключаются эти основанія, склоняющія насъ къ мысли, что мы стоимъ не передъ самымъ началомъ пьесы, а приблизительно передъ серединой ея? Онѣ заключаются въ слѣдующемъ.

Въ своемъ настоящемъ видѣ комедія открывается на-

1) См. Lefebvre², о. с., III и Koerte², о. с., XXX.

2) Число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 33—38. См. Koerte², о. с., XII.

3) Общій видъ всего нашего кватерніона, при тѣхъ обозначеніяхъ, которыя даются каждой отдѣльной страницѣ его Л е ф е б р о м ъ (о. с., III) и К е р т е (о. с.), будетъ таковъ: $G_{1-2}, I_{3-4}, F_{1-2}, < \text{асипа въ 4 страницы} >, F_{3-4}, I_{1-2}, < G_{3-4} >$.

половину сохранившимся монологомъ, который какъ будто имѣетъ характеръ обычнаго пролога, излагающаго тѣ событія, которыя необходимо знать зрителямъ для пониманія дальнѣйшаго. Но одновременно съ этой ролью путеводаителя монологъ заключаетъ въ себѣ какъ будто бы и искусно скрытую завязку, благодаря которой зритель словно попадаетъ въ самый центръ дѣйствія, именно этой завязкой и вызываемаго къ жизни. Однимъ словомъ, ничто какъ будто не мѣшаетъ думать, что отмѣченный нами монологъ, частью котораго мы располагаемъ, открывалъ собой комедію, на манеръ того, какъ бываетъ это у Аристофана, Плавта и Теренція, не говоря уже объ Еврипидѣ и самомъ Менандрѣ, слѣдовавшемъ иногда по слѣдамъ послѣдняго¹⁾. И тѣмъ не менѣе, есть въ этомъ монологѣ нѣкоторыя детали, которыя заставляютъ меня отказаться отъ мысли, что онъ былъ началомъ комедіи, — детали, которыя намъ и придется разобрать подробно, тѣмъ болѣе, что на первый взглядъ онъ ускользаютъ отъ вниманія и кажутся не столь важными, каковы на самомъ дѣлѣ²⁾.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ изложенію причинъ того, почему монологъ не могъ открывать собой пьесы, намъ, для ясности, придется установить общую ситуацію, которая предшествовала дѣйствию пьесы, причемъ данныя для этого мы возьмемъ отчасти изъ текста, отчасти же изъ простыхъ предположеній, которыя кажутся намъ болѣе или менѣе вѣроятными. Какова же будетъ эта ситуація? Она, какъ мы ее себѣ представляемъ, будетъ такова.

Аѳинянинъ Демей, человѣкъ пожилой, богатый и слабохарактерный, сожительствуетъ съ Хрисидой, уроженкой острова Самоса, которую нѣкогда онъ спасъ отъ нищеты (ст. 163—164)

1) См. введеніе (стр. 27), а также „Земледѣльца“ (IV, 2).

2) Въ своей статьѣ „Комедія Менаандра Саміанка“ (С.-Петербургъ 1909), я смотрѣлъ на этотъ монологъ иначе, а именно, я видѣлъ въ немъ непосредственное начало пьесы. Такъ же думали Б. В. Варнеке, Новая комедія Менаандра, 101; Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43, 161); Leo, Der Monolog im Drama, 79 и Zuretti, Menandro. Scene e frammenti, 268. Иначе поступали Robert, Der neue Menander, 6 sqq., который относилъ монологъ къ серединѣ второго дѣйствія, и van Leeuwen²⁾, Menandri fragmenta, 118, который тоже считалъ, что не хватаетъ всего перваго акта. Ср. также van Leeuwen, Menander (= Mnesosyne, 37 [1909], 120), гдѣ онъ повторяетъ свое мнѣніе, и Koerte²⁾, о. с., XXXI.

и къ которой чувствуетъ глубокую привязанность. Но не меньшимъ расположеніемъ съ его стороны пользуется и его приѣмный сынъ Мосхіонъ, юноша тихій и скромный (ст. 129), какъ будто непохожій на тѣхъ молодыхъ людей, которые проводятъ время среди кутежей и гетеръ. Однако, несмотря на свое обычное послушаніе, онъ незадолго до начала дѣйствія пьесы успѣлъ чѣмъ-то разгнѣвать своего отца, такъ что отношенія между нимъ и старикомъ стали одно время натянутыми (ср. ст. 117 сл.)¹⁾. Правда, мы не знаемъ, что было причиной этого конфликта, но можно думать, что тутъ замѣшались какіе-то слухи насчетъ амурныхъ похожденій юноши, — обстоятельство, которое и вынудило Демею составить планъ о женитьбѣ Мосхіона на какой нибудь подходящей дѣвушкѣ, причѣмъ выборъ его остановился на Плангѣ, дочери его сосѣда и пріятеля Никерата. Заручившись согласіемъ послѣдняго, Демея сразу объявилъ сыну о своемъ рѣшеніи женить его на Плангѣ, думая такимъ образомъ вывести всё на чистую воду²⁾. И дѣйствительно, если бы Мосхіонъ заупрямился, то онъ доказалъ бы этимъ, что слухи, дошедшіе до Демеи, были справедливы и что у него въ самомъ дѣлѣ есть на сторонѣ любовная интрига. Но расчеты старика не оправдались: Мосхіонъ съ радостью принялъ вѣсть объ ожидающемъ его бракѣ (ст. 120), и, благодаря этому, „оправдался“ (ст. 119) передъ отцомъ, рѣшившимъ, что всѣ слухи не имѣютъ подъ собой никакого основанія и что его сынъ по прежнему представляетъ изъ себя образецъ, достойный подражанія (ст. 57 сл.).

А между тѣмъ пословица о томъ, что „дыма безъ огня не бываетъ“, оказалась и на этотъ разъ вполне правильной, и если тайна Мосхіона не вскрылась передъ Демеей сразу, то произошло это не вслѣдствіи отсутствія тайны, а просто потому, что выбранная для юноши дѣвушка была какъ разъ той, на которой уже раньше остановился его выборъ. Дѣло въ томъ, что Мосхіонъ, повидимому, на общій манеръ другихъ юношей „новой“ комедіи, совершилъ надъ Плангѣ на-

1) См. Carrs, о с., 224.

2) Приблизительно такъ-же поступаетъ и Симонъ въ „Andria“ Теренція, когда онъ хочетъ убѣдиться въ томъ, правильны или неправильны его подозрѣнія насчетъ склонности его сына, Памфила, къ дѣвушкѣ Гликерѣ. Ср. Ter. Andr., 155 sqq.

силіе (ст. 301)¹⁾, но затѣмъ не покинулъ своей жертвы, а привязался къ ней и, не прекращая установившейся между ними близости, выжидалъ удобнаго момента для того, чтобы посвятить отца въ свою тайну и выпросить у него согласіе на женитьбу.

Почему онъ не сдѣлалъ этого сразу, мы не знаемъ, но можно предполагать, что его, какъ и Эскина въ „Adelphoe“ Теренція, удерживалъ отъ признанія стыдъ передъ Демеей и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленная надежда на то, что дѣло какъ нибудь образуется, и притомъ образуется само собой, безъ всякаго ущерба для его гордости и доброй славы²⁾. Какъ бы то ни было, но Мосхіонъ медлилъ, а тѣмъ временемъ его связь съ Плангò зашла такъ далеко, что Плангò оказалась матерью, и Мосхіонъ очутился въ положеніи отца, не знающаго, что ему дѣлать съ ребенкомъ, существованіе котораго надо было скрывать и отъ Демей и отъ Никерата, дабы спасти и себя и Плангò отъ излишнихъ непріятностей и упрековъ.

И вотъ Мосхіонъ идетъ на такой шагъ, который кажется ему наиболѣе вѣрнымъ и безопаснымъ, а именно, съ вѣдома своей старой няни и довѣреннаго раба Парменона (ст. 34, 38 сл., 304 слл.), онъ рѣшается перенести ребенка въ домъ своего отца и вручить его отцовской любовницѣ Хрисидѣ съ тѣмъ, чтобы та выдала его за найденыша, котораго она хочетъ оставить у себя и воспитывать (ср. ст. 140, 159, 195 сл)³⁾.

1) Приблизительно такую же ситуацію имѣемъ мы и въ Adelphoe Теренція. Тамъ юноша Эскинъ подъ вліяніемъ опьяненія насилуетъ свободно-рожденную дѣвушку, но затѣмъ, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, приноситъ повинную матери своей жертвы и даетъ обѣщаніе жениться на дѣвушкѣ, которая приходится ему по душѣ и которую онъ считаетъ за свою невѣсту. См. Ter. Adelph., 465—474.

2) Совершенно также поступаетъ и Эскинъ изъ Adelphoe Теренція: онъ тоже скрываетъ свой проступокъ отъ своего пріемнаго отца Микіона, ибо ему стыдно послѣдняго. См. Ter. Adelph., 681 sqq.

3) Такъ думаетъ van Leeuwen² (о. с., 117), съ которымъ я вполне согласенъ и мнѣніе котораго я считаю за наиболѣе правдоподобное. Мое же личное мнѣніе, отъ котораго я отказался и которое было высказано мной въ моей статьѣ „Комедія Менандра Саміанка“, стр. 5, сводилось къ слѣдующему: я думалъ, что дѣло надо представлять себѣ такъ, что одновременно съ рожденіемъ ребенка у Плангò родится дитя и у Хрисиды, дитя, которое затѣмъ умираетъ и на мѣсто котораго Хрисиды беретъ ребенка Мосхіона.

Хрисида исполняетъ волю Мосхіона и мало по малу уламываетъ Демею, который, скрѣпя сердце, соглашается, хотя и противъ своей воли (ср. ст. 139 сл. и, въ особенности, ст. 63 сл.), исполнить просьбу Хрисиды, достигающей такимъ образомъ того, чего ей хотѣлось и что входило въ интересы какъ Мосхіона, такъ и Плангò. Благодаря всему этому, ребенокъ оказывается временно пристроеннымъ, а молодые люди получаютъ возможность жить спокойно въ ожиданіи того, пока измѣнившіяся обстоятельства не помогутъ окончательно уладить дѣла. Между тѣмъ, согласно волѣ случая, обстоятельства, какъ мы это видѣли, дѣйствительно измѣняются и бракъ молодыхъ людей становится дѣломъ рѣшеннымъ и для всѣхъ желательнымъ.

Все, мною изложенное, является предшествующимъ тому, съ чего начинается дѣйствіе пьесы, причемъ кое-что изъ этого предшествующаго должно было, какъ мнѣ кажется, трактоваться въ той части комедіи, которая стояла передъ дошедшимъ до насъ монологомъ. Но что именно могло трактоваться въ ней? Конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ, опредѣленно будетъ дѣломъ нѣсколько труднымъ, ибо въ нашемъ распоряженіи имѣются только намеки, да и то не особенно яснаго характера. И тѣмъ не менѣе, разъ эти намеки имѣются, мы можемъ взяться за попытку построить гипотезу, претендующую на нѣкоторую вѣроятность. Исходнымъ же пунктомъ для этой гипотезы будутъ слѣдующія слова, произносимыя Демеей и имѣющія отношеніе къ Мосхіону (ст. 115 сл.):

вѣдь если бы мой сынъ свершилъ проступокъ свой
въ угоду похоти, терзаемый любовью,
иль злобься на меня, — то мысли бы его

Такъ же думалъ и Zigetti (о. с., 264), который выставилъ однако и другую гипотезу, а именно: дѣйствуя по приглашенію съ Мосхіономъ, Хрисида, когда для Плангò приходило время родить, выдавала себя тоже за женщину, ожидающую ребенка, и затѣмъ, когда Плангò разрѣшалась отъ бремени, брала дитя послѣдней, какъ будто бы это было ея собственное, прижитое ею отъ Демеи. Ср. также Koerte², о. с., XXXI и Robert, Der neue Meppander, 6. Наконецъ, согласно Carrs'у (о. с., 225), мысль котораго я считаю неприемлемой, выходитъ, что въ домѣ Демеи находятся два ребенка, одинъ, принадлежащій Хрисидѣ, другой — Плангò, причемъ послѣдній, ошибочно принимаемый Демеей за перваго, и кладетъ начало всей дальнѣйшей путаницѣ.

не разнились отъ тѣхъ, при коихъ былъ онъ раньше, и онъ тогда бы мнѣ во всемъ перечить сталъ.

Но нынѣ предо мной онъ оправдался: вѣсть о бракѣ принялъ онъ изъ устъ моихъ съ восторгомъ.

Какъ бы ни стали мы разсматривать эти слова, но одно является въ нихъ несомнѣннымъ, а именно, что они намекаютъ на какое-то столкновение между отцомъ и сыномъ, окончившееся, впрочемъ, благополучно. Приэтомъ, какъ я уже говорилъ выше, причиной подобнаго столкновения могли быть слухи о любовныхъ похожденияхъ Мосхiona, а содержанiемъ — горячiй обмѣнъ словами, при которомъ сынъ не хотѣлъ уступать отцу и суть котораго могла заключаться: со стороны Демеи — въ требованii отъ сына немедленнаго согласiя на женитьбу, а со стороны Мосхiona — въ нежеланii исполнить это, пока онъ не узнавалъ, что въ невѣсты прочитъ ему та самая Плангò, къ которой онъ уже и раньше питалъ серьезную склонность. И вотъ, когда онъ узнавалъ про это, его мысли, при которыхъ „онъ былъ раньше“, сразу мѣнялись, и онъ, еще недавно желавшii „перечить“ Демеѣ, переходилъ снова къ послушанii и, такимъ образомъ, „оправдывался“ въ глазахъ своего отца, еще недавно имъ недовольнаго. Но если я правильно толкую смыслъ отмѣченнаго мною пассажа, то можно думать, что этотъ пассажъ заключаетъ въ себѣ намекъ на какую-то сценку, которая только что разыгрывалась передъ зрителями и въ которой подробно развивалось всё то, о чемъ теперь Демея говоритъ лишь мимоходомъ, какъ о вещи, не требующей болѣе подробнаго изложенiя, ибо она въ достаточной мѣрѣ всѣмъ уже извѣстна.

Да, но можетъ быть это будетъ не совсѣмъ сценично повторять, хотя бы и съ помощью неясныхъ намековъ, о томъ, что недавно разыгрывалось на сценѣ? Что касается меня, то я не вижу тутъ чего либо не сценичнаго, тѣмъ болѣе, что намеки, дѣлаемые Демеей, такъ общи и расплывчаты, что не могутъ внести въ дѣйствiе нежелательнаго и скучнаго повторенiя. Да къ тому же, изъ дальнѣйшаго хода дѣйствiя видно, какъ мнѣ кажется, что намекамъ Демеи должно было предшествовать что нибудь, болѣе, чѣмъ они, существенное, если только не полагать, что это существенное заключалось въ недошедшемъ до насъ началѣ монолога. И

дѣйствительно, приведенные мною выше стихи будутъ слишкомъ уже непонятны, если не считать, что подробности, въ нихъ отмѣченныя, были предварительно гдѣ нибудь освѣщены и развиты. Но если онѣ были развиты въ монологѣ, то тогда ихъ повтореніе, спустя какіе нибудь 100 стиховъ, было бы нѣсколько страннымъ и какъ будто излишнимъ. Зато если эти подробности излагались черезъ посредство настоящаго дѣйствія, т. е., если онѣ затрагивались въ отдѣльной сценкѣ или же въ комплексѣ сенокъ, относящихся къ особому акту, то тогда, будучи развиты тамъ надлежащимъ образомъ, онѣ вполне могли быть затронуты потомъ мимоходомъ, какъ нѣчто, о чемъ уже шла рѣчь выше. Однимъ словомъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ мною соображеній, я считаю возможнымъ думать, что бесѣда между Демеей и Мосхіономъ принадлежала къ числу тѣхъ частей комедіи, которыя изображались на сценѣ путемъ дѣйствія, а не путемъ разсказа, и что сверхъ того она входила въ составъ акта, предшествовавшаго монологу, или, иначе, что монологъ, начинающій пьесу въ ея настоящемъ видѣ, не начиналъ ея, когда она была цѣлой, но открывалъ собой всего на всего второй актъ¹⁾. Далѣе, не подлежитъ, на мой взглядъ, никакому сомнѣнію и то, что бесѣда отца съ сыномъ не могла сама по себѣ наполнять цѣлаго акта, но была лишь одной изъ частей послѣдняго, входящихъ въ него какъ составной, хотя и очень существенный моментъ. О томъ же, что кромѣ этой бесѣды относилось къ утерянному для насъ акту и чего касались другія его сцены, — объ этомъ трудно составить себѣ опредѣленное понятіе, равно какъ очень трудно судить и о томъ, какое изъ дѣйствующихъ лицъ произносило вступительный монологъ-прологъ, если только съ монолога, а не съ диалогической сценки начиналось дѣйствіе пьесы. Наконецъ, мы не можемъ быть увѣрены и въ томъ, извѣстенъ ли намъ весь составъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, или же, наоборотъ, были въ ней и такіе персонажи, роли которыхъ не дошли до насъ и отъ которыхъ не сохранилось даже именъ, указывающихъ на то или иное значеніе ихъ въ пьесѣ.

Правда, въ единственномъ отрывкѣ изъ „Саміанки“, сохраненномъ не Каирскимъ кодексомъ, а аттицистомъ Фрини-

1) См. Carps, о. с., 227.

хомъ¹⁾, упоминается, повидимому, рабыня Трифа (*Τριφνη*)²⁾; но даже если этот персонажъ и участвовалъ въ дѣйстви, то все таки роль его остается для насъ неясной, такъ какъ отъ нея не дошло до насъ ни одного фрагмента. Поэтому, мы никоимъ образомъ не можемъ идти вслѣдъ за Робертомъ, который въ своей реконструкціи „Саміанки“ удѣляетъ этой Трифѣ довольно много мѣста въ первомъ, недошедшемъ до насъ актѣ, причѣмъ дѣлаетъ это безъ какихъ бы то ни было солидныхъ оснований, если не считать за таковыя отнесеніе къ роли Трифы ряда неизвѣстно куда принадлежащихъ отрывковъ³⁾. Но не менѣе произвольно поступаетъ Робертъ и дальше, когда въ погонѣ за недостающими персонажами вводитъ, напр., въ текстъ „Саміанки“ отрывки LP, хотя и входящіе въ составъ Каирскаго кодекса, но принадлежащіе къ какой-то другой пьесѣ, не имѣющей съ нашей ничего общаго, кромѣ имени „Мосхіонъ“⁴⁾, встрѣчающагося однако не въ одной „Саміанкѣ“, а и въ „Отрѣзанной косѣ“. Зато, благодаря отнесенію къ „Саміанкѣ“ отрывковъ LP, Робертъ добываетъ для себя двухъ новыхъ персонажей, а именно, Херею и Лакеса, съ которыми затѣмъ не знаетъ, что дѣлать, и которые остаются для него простымъ балластомъ, что и понятно: вѣдь они участвовали не въ „Саміанкѣ“, а въ другой комедіи, какъ это и доказано теперь Кёрте и Лефевромъ⁵⁾. Но коль скоро дѣло обстоитъ такъ, то и всѣ соображенія Роберта падаютъ, а вмѣстѣ съ ними исчезаютъ изъ „Саміанки“ и тѣ дополнительныя дѣйствующія лица, которыя были взяты имъ изъ отрывковъ LP. Итакъ, мы не можемъ сказать, были или не были въ нашей пьесѣ другіе персонажи, кромѣ тѣхъ, которые выступаютъ въ сохранныхъ Каирскимъ кодексомъ частяхъ комедіи, но зато мы можемъ сказать, что если они и были, то они не имѣли ничего общаго съ персонажами, созданными Робертомъ. Значитъ, если мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о дополнительныхъ

1) Phryn. ecl., 187 (ed. Lobesck).

2) См. стр. 299, 2.

3) Robert, Der neue Menander, 6 sqq., а также 34 sqq.

4) См. Robert, о. с., 6.

5) Koerte², о. с., XLIII; Lefebvre², о. с., XVI sqq. Очень хорошо доказываетъ несостоятельность гипотезы Роберта Б. В. Варнеке, Новая комедіи Менандра, 100 слл.

персонажахъ, вопросъ, котораго мы не можемъ рѣшить надлежащимъ образомъ, то единственнымъ положительнымъ результатомъ нашихъ разсужденій будетъ лишь установка того факта, что сохранившейся части пьесы предшествовалъ не дошедшій до насъ, особый актъ, въ которомъ набрасывался основной фонъ для развиваемой дальше интриги. Посмотримъ теперь, какъ развивается эта интрига и какъ ведется дѣйствіе въ переданныхъ намъ Каирскимъ кодексомъ остаткахъ „Саміанки“. Согласно нашей гипотезѣ, бесѣда Демеи съ Мосхіономъ кончалась тѣмъ, что Мосхіонъ соглашался на бракъ съ Плангò, причемъ, кромѣ Демеи и его сына, нѣкоторое участіе во всемъ дѣлѣ долженъ былъ принимать и отецъ Плангò, Никератъ, который, какъ мнѣ кажется, тоже выступалъ въ первомъ актѣ, тѣмъ болѣе, что его роль отца невѣсты какъ будто требовала, чтобы и онъ появлялся передъ зрителями. Да къ тому же, въ концѣ второго акта мы видимъ его возвращающимся изъ города съ овцой, купленной для жертвоприношенія по случаю готовящагося брачнаго торжества, — обстоятельство, которое позволяетъ предполагать, что въ начальномъ дѣйствіи пьесы Никератъ, хотя бы на манеръ Эвкліона изъ *Aulularia* Плавта, могъ сперва давать свое согласіе на выдачу Плангò замужъ, а затѣмъ уходитъ въ городъ за соотвѣтствующими покупками (ст. 184 слл.). И мнѣ кажется, что нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что конецъ перваго акта могъ быть скомпанованъ по образцу конца третьяго, или, иначе, что онъ могъ замыкаться уходомъ Демеи и Никерата, удаляющихся для того, чтобы, каждый по своему, позаботиться обо всемъ, что нужно для подготавливаемаго празднества (ср. ст. 268). Такимъ образомъ, первый актъ могъ заканчиваться всеобщимъ ожиданіемъ веселья и радости, причемъ ничто какъ будто не предсказывало ни неприяностей, ни осложненій, но, наоборотъ, всё складывалось какъ нельзя лучше и безоблачнѣе. Зато съ наступленіемъ второго акта всё мѣнялось, и передъ глазами зрителей начинала развертываться картина внезапно наступившей разрухи, которой еще недавно нельзя было предвидѣть и которая вскрывалась съ первыхъ же словъ выходящаго на сцену Демеи. И дѣйствительно, когда въ началѣ второго акта Демея показывается передъ зрителями, мы видимъ въ немъ уже не благодушнаго человѣка, довольнаго своей судьбой и

вѣрящаго до самозабвенія въ своихъ близкихъ. Демей выходитъ на сцену взволнованнымъ, поколебленнымъ въ своихъ недавнихъ мечтахъ, выходитъ для того, чтобы передъ лицомъ зрителей повѣдать про тѣ бѣды, которыя неожиданно стряслись надъ нимъ. Мысли одна другой чернѣе охватываютъ его голову; одно подозрѣнiе вызываетъ за собой другое; силъ, чтобы стряхнуть и разсѣять ихъ, нѣтъ, — однимъ словомъ, передъ нами — выбитый изъ колеи человѣкъ, не знающій, что ему дѣлать и какъ съ собой справиться. Но съ чего же начались всѣ бѣдствія Демей? Да съ того, что онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ неясныхъ словъ старой няни Мосхиона, словъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что дитя, кормимое Хрисидой, принадлежитъ не ему, а Мосхиону. Отсюда и пошли всѣ его подозрѣнiя, причемъ, благодаря незнанiю настоящаго положенiя дѣлъ, Демей думаетъ, что онъ стоитъ передъ уродливымъ фактомъ сожителства сына съ любовницей отца. Само собой разумѣется, онъ приходитъ въ ужасъ. Но этотъ ужасъ Демей кажется намъ вполне понятнымъ и естественнымъ. Равнымъ образомъ, и завязка дѣйствiя на почвѣ недоразумѣнiя, вызваннаго недостаточной освѣдомленностью заинтересованнаго лица, не заключаетъ въ себѣ ничего натянутаго. Наоборотъ, она въ высшей степени драматична и красива, а наивный рассказъ Демей о недавнихъ приготовленiяхъ къ брачному торжеству, въ которыхъ старикъ изъ любви къ сыну принималъ личное участiе и среди которыхъ онъ и узналъ поразившую его подробность, звучитъ очень трогательно и отличается рѣдкой наглядностью.

Однако, наиболѣе ясное представленiе обо всемъ этомъ можетъ дать намъ только самый текстъ пьесы, къ которому мы и обратимся теперь, предпославъ ему списокъ дѣйствующихъ лицъ и обозначивъ роль cadaго изъ нихъ въ отдѣльности.

Дѣйствующiя лица¹⁾.

Демей, отецъ Мосхиона, богатый старикъ.

Парменонъ, рабъ Демей, довѣренное лицо Мосхиона.

1) Переводъ сдѣланъ по Koerte², о. с., 44 sqq. Во вниманiе приняты также: J. van Leeuwen², о. с., 119 sqq.; Sudhaus, о. с., 23 sqq.; Robert, о. с., 49 sqq.; Carps, о. с., 237 sqq.; Bodin-Mazon, о. с., 319 sqq.; Jensen, De Menandri codice Cairensi (= Rheinisches Museum, 56 (1910), 554 sqq.); Zuretti, о. с., 268 sqq.

Хрисида, любовница Демеи, бывшая гетера, родомъ съ Самоса.
Никератъ, отецъ Плангò, возлюбленной Мосхіона, старикъ.
Мосхіонъ, сынъ Демеи, юноша.

Поваръ.

Статисты: старая няня Мосхіона,
поваренокъ.

Хоръ: особыхъ партій хоръ не имѣеть. Онъ выступаетъ
только въ концѣ каждого дѣйствія, въ качествѣ
музыкально-вокальной интермедии.

(Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Афинахъ).

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

[Сцена представляетъ собой городскую улицу. Въ глубинѣ
сцены два дома, стоящіе по сосѣдству. Одинъ изъ нихъ принад-
лежитъ Демею, другой — Никерату. Въ моментъ начала дѣйствія
изъ перваго дома выходитъ самъ Демея. Онъ чѣмъ-то взволнованъ
и разстроенъ. По его виду можно судить, что съ нимъ случилось
какое-то несчастье].

Демея¹⁾.

- G₁. Вернулся я домой и, ну, что было мочи,
Для свадьбы хлопотать! Домашнимъ въ двухъ словахъ
Я дѣло выяснилъ, велѣлъ все приготовить,
Что нужно: домъ прибрать, пирогъ испечь, ячмень
Въ корзину высыпать²⁾... Работа закипѣла... 5
- (10) Отъ спѣшки поднялась, извѣстно, кутерьма...
Захныкало дитя, — его, чтобъ не мѣшало,
Кидаютъ на кровать. А челядь сразу вся

1) Стиху, съ котораго я начинаю переводъ, предшествуютъ остатки
трехъ стиховъ, оставляемыхъ мной въ сторонѣ ввиду ихъ фрагментарности.

2) Подъ „пирогомъ“ разумѣется такъ наз. „брачный пирогъ“ (*πλακοῦσ
уακιχῶσ*), приготавливаемый изъ пшеничной муки, къ которой примѣшивался
сесамъ (*σῆσαμον*), символъ плодородія. См. S a r r s, о. с., 238, 7. Для каж-
додневной же ѣды употреблялся хлѣбъ, который дѣлали изъ простого яч-
меня (*μαῖζα*). Что же касается до „корзины съ ячменемъ“, то она имѣла от-
ношеніе къ жертвенному обряду (*προτέλεια*), совершаемому передъ брач-
нымъ пиромъ, причѣмъ въ ней находились: повязки для жертвеннаго жи-
вотнаго (*στέμματα*), ножъ для его закланія (*μάχαρα*) и ячменные зерна (*ὀυ-
λαί*), которыми его осыпали. По поводу выраженія: *ἐνάρχεσθαι κανοῦν* —
„зачинать корзину“ см. S p e n g e l, Opferbräuche der Griechen, 47—49.

- Кричить : „муки, воды! гдѣ уголья, гдѣ масло?“
 Я самъ вель выдачу, я помогаль слегка. 10
 И вотъ пришлось мнѣ спуститься въ кладовую.
 Тамъ я замѣшкался: хотѣль побольше я
 (15) Припасовъ захватить, да съ выборомъ, конечно. —
 Сижу я въ кладовой, а сверху въ этотъ мигъ
 Вдругъ сходитъ женщина какая-то, спускаясь 15
 Какъ разъ въ ту комнату, что рядомъ (тамъ у насъ
 Прядильня, изъ нея жъ есть выходъ въ кладовую
 (20) И лѣстница наверхъ). Та женщина была
 Когда-то мамкою Мосхіона, рабыней,
 Ну, а теперь она свободна... Увидавъ 20
 Ребенка — плакаль онъ, валяясь безъ призора —
 Она, не вѣдая, что самъ я — въ кладовой,
 (25) Рѣшила, что болтать ей можно безъ опаски.
 Къ ребенку подойдя, старуха и начни
 Обычныя слова: „малюточка, голубчикъ, 25
 Сокровище мое! Гдѣ мама-то твоя?“
 Цѣлуетъ старая ребеночка, качаетъ...
 (30) Когда же пересталъ онъ плакать, про себя
 Она и говоритъ: „обидѣли старуху!
 Мосхіонъ-то, — давно-ль такимъ же крошкой былъ! 30
 Небось, умѣла я ласкать его, да нянчить,
 А нынче, какъ онъ самъ сынкомъ обзавелся,
 С₂ <Я, вишь, и не нужна>, другой дитя <вручили!>

¹⁾
 (36) Рабыня въ этотъ мигъ вбѣгаетъ со двора.
 Старуха ей: „Стыдись! Хоть вымойте ребенка! 35
 Про малаго забыть, когда его отецъ
 Вступаетъ въ бракъ, — суди, ну, статочное-ль дѣло?“
 (40) А та въ отвѣтъ: „Балда! Чего звонишь во всю?
 Вѣдь самъ-то здѣсь“. — „Да ну? А гдѣ?“ —
 „Здѣсь, въ кладовушкѣ“.
- И сразу о другомъ она заводитъ рѣчь:

1) Здѣсь въ рукописи не хватаетъ около четырехъ стиховъ, да кромѣ того стихи 34—35 дошли въ однихъ обрывкахъ, не позволяющихъ угадать ихъ содержаніе. Можно, впрочемъ, думать, что эти стихи заключали въ себѣ дальнѣйшія причитанія старухи на тему о томъ, какой образцовой няней была она и какой невнимательной оказалась предпочтенная ей женщина.

- „Иди-ка, нянюшка, сама¹⁾ зоветь... скорѣе“ 40
 И тутъ-же: „Пронесло! Онъ, вѣрно, не слыхаль!“
 „Ишь дернуло меня, на горе разболталась“,
 (45) Сказала старая и изъ прядильни вонъ.
 Я вышелъ вслѣдъ за ней, совсѣмъ такимъ, какъ прежде
 Вошелъ, — не суетясь, какъ будто ничего 45
 Не слыхаль, не узналь, а на дворѣ встрѣчаю
 (50) Саміанку: она, когда я мимо шель, —
 Давала крошкѣ грудь²⁾. Но, значитъ, этотъ крошка
 И впрямь ея сынокъ. А кто же былъ отцомъ?
 Я или... Господа, нѣтъ, я не продолжаю 55
 (55) И подозрѣнію чужда душа моя!³⁾
 Я лишь про то сказалъ, что видѣль самъ и слышалъ,
 И гнѣва нѣтъ во мнѣ... Богами поклянусь,
 Что сына знаю я: онъ былъ на рѣдкость скромнымъ,
 Ну, и почтительнымъ онъ былъ ко мнѣ всегда. 60
 (60) Но лишь припомню я, что старая болтушка
 Когда-то нянею Мосхіона была,
 Что отъ меня тайкомъ она шептаться смѣеть,
 Да какъ увижу ту, что, мнѣ наперекоръ, —
 Чадолюбивая! — ребенка отстояла, 65
 Чтобъ выкормить его, — я, право, самъ не свой! —
 I₃ Ага! Мнѣ повезло! Идетъ Парменонъ съ рынка.
 (66) Сейчасъ онъ будетъ здѣсь... Пообожду, пока
 Онъ этихъ чужаковъ не доведетъ до двери.
 (Отходить въ сторону).

Явленіе второе.

[На сценѣ появляется рабъ Парменонъ, держащій на плечахъ корзину, наполненную провизіей. Его сопровождаетъ поваръ съ поваренкомъ, которыхъ онъ подрядилъ на рынкѣ для приготовления параднаго обѣда].

1) Подъ словомъ „сама“ (въ греч. текстѣ стоитъ *αὐτή*) разумѣется Хрисиды, являющаяся какъ бы „хозяйкой“ того дома, въ которомъ ея сожитель Демей играетъ роль „хозяина“.

2) Ср. по этому поводу слѣдующія слова Коерте² (о. с., XXXI): *Tum e cella egressus Chrysidem infanti mammam praebentem videre sibi videtur.*

3) При переводѣ я слѣдую рукописному чтенію: *οὐθ' ἄλλοῦ*, которое, на мой взглядъ, предпочтительнѣе коньектуры Wilamowitz'a: *οὐθ' ἄλλοῦ*, вводимой въ текстъ Коерте.

Парменонъ.

Эй, поваръ! Не пойму, зачѣмъ тебѣ таскать 70
 Съ собой ножи? Вѣдь ты, клянусь богами, можешь
 (70) Зарѣзать безъ ножа... одною болтовней.

Поваръ.

Невѣжда!

Парменонъ.

Я?

Поваръ.

По мнѣ, ты что-то въ этомъ родѣ!
 Балясы что-ль точу, коль спрашиваю, сколько
 Накрыть столовъ, да много-ль женщинъ ждешь, 75
 Да скоро ли обѣдъ, да нужно-ль раздобыться
 (75) Распорядителемъ, да хватить ли у васъ
 Посуды всяческой, да есть ли въ кухнѣ крыша,
 Да всё ли на лицо? ¹⁾

1) Тотъ тонъ, въ которомъ говоритъ поваръ, является обычнымъ тономъ повара „средней“ и „новой“ комеди, равно какъ нѣтъ ничего новаго и въ содержаніи его рѣчи. Что же касается перечисляемыхъ имъ подробностей, то про нихъ можно сказать слѣдующее. О „столахъ“ поваръ спрашиваетъ потому, что количествомъ столовъ опредѣлялось и количество гостей: вѣдь передъ каждой *κλίνη*, на которой помѣщалось двое, ставился одинъ маленькій столъ! О „женщинахъ“ говорится отдѣльно потому, что женщины, если только онѣ не были гетерами (см. „Третейскій судъ“, ст. 217 сл.), возлежали за отдѣльными столами. Наконецъ, что касается „распорядителя“ (*τραπεζοποιός*), то онъ соотвѣтствуетъ лат. *strucior*, причемъ, если на обязанности повара лежало приготовленіе обѣда и общій надзоръ за кухней, то въ обязанности „распорядителя“ входилъ общій присмотръ за подачей обѣда, за прислугою и за посудой. Ср. *Antiph. fr. 152* (= Коск, о. с., II, 73):

*προσέλαβον ἐλθὼν τούτονι
 τραπεζοποιόν, ὅς πλυνεῖ σκεύη, λύχνουσ
 ἐτοιμάσει, σπονδάσ ποήσει, τᾶλλ' ὕσα
 τούτῳ προσήχει.*

Вопросъ насчетъ „посуды“ объясняется тѣмъ, что повара, если посуды въ домѣ не хватало, давали на прокатъ свою (см. стр. 112, 1). Наконецъ, вопросъ о „крытой кухнѣ“ имѣетъ свое обоснованіе въ томъ, что въ нѣкоторыхъ домахъ кухня помѣщалась подъ открытымъ небомъ. Ср. *Alex. fr. 173* (= Коск, о. с., II, 362):

*Α. δαπάνιον ἔστιν; Β. ἔστι. Α. καὶ κάπνην ἔχει;
 Β. δηλονότι. Β. μή μοι δηλον' ἄλλ' ἔχει κάπνην;
 Β. ἔχει. Α. κακόν, εἰ τύφουσαν. Β. ἀπολεῖ μ' οὐτοσί.*

Парменонъ.

Любезный, рѣжешь ты
Не какъ нибудь, — меня ты рознялъ на кусочки, 80
Не замѣчая самъ.

Поваръ.

Эхъ, попадетъ!

Парменонъ.

Тебѣ-жь
(80) Достанется за всё! Ну, живо въ домъ!

Явленіе третье.

[Поваръ съ поваренкомъ входятъ въ домъ. Парменонъ хочетъ идти за ними, но въ этотъ моментъ Дедея выдвигается впередъ и окликаетъ его по имени].

Дедея.

Парменонъ!

Парменонъ.

Меня зовутъ?

Дедея.

Тебя.

Парменонъ (оборачиваясь).

А здравствуй, господинъ!

Дедея.

Корзину съ плечъ долой и маршъ сюда.

Парменонъ (оробѣвъ).

Въ часъ добрый!

Дедея (про себя).

Отъ этого, небось, не скроется ничто, — 85
Про всё разнохаетъ! Недаромъ онъ умѣетъ
(85) Въ чужое носъ совать... Вотъ къ дому подошелъ
И стукнулъ въ дверь!

Парменонъ.

Исполни всё, Хрисиды,
Что нужно повару, да нянюшку держи
Ты отъ бутылочки подальше... (не отходя отъ двери).

Что прикажешь

90

Мнѣ, господинъ?

Демей.

Что прикажу? Отъ двери прочь!

(90) Сюда... поближе!

Парменонъ (приближаясь)

Здѣсь!

Демей.

Послушай-ка, Парменонъ.
Всей дюжиной боговъ клянусь, что я тебя —
На то причины есть! — драть не хочу!

Парменонъ (струсивъ).

За что-же

Меня, да драть? За что?

Демей.

За то, что тайну скрылъ.

95

Парменонъ.

(95) Діонисъ, Аполлонъ, спаситель Зевсъ, Асклепій, —
Клянусь, что я....

Демей.

Молчи, не нужно этихъ клятвъ!
Ты словъ моихъ пока не понялъ.

Парменонъ.

Ну, а если

Я вру тебѣ, пусть мнѣ —

Демей (указывая на окно,
гдѣ видна Хрисиды).

Смотри сюда.

Парменонъ.

Смотрю.

Демея.

I₄ Ребенокъ этотъ... чей?

Парменонъ.

Ребенокъ?

Демея.

Знать желяю, 100

Ребенокъ кѣмъ рожденъ?

Парменонъ.

Хрисидой.

Демея.

Кто отецъ?

Парменонъ.

(100) Ты, господинъ.

Демея.

А, лжець! Ты смерти стѣишь!

Парменонъ.

Смерти?

Демея.

Я знаю точно все... Мнѣ сказано: Мосхionъ —
Отець малюточки, ты — съ сыномъ заодно,
Ну, а Самiанка... она дитя питаетъ!

105

Парменонъ.

Кѣмъ сказано?

Демея.

Никѣмъ... Отвѣтъ же: кто отецъ

(105) Ребенку?

Парменонъ.

Господинъ, я ужъ сказалъ; скрывать же...

Демея.

Скрывать? Рабы, ко мнѣ! Плетей сюда, чтобъ драть
Пройдоху этого.

Парменонъ.

Не надо, ради бога!

Демя.

Порукой Гелій мнѣ, что будешь ты съ клеймомъ. 110

Парменонъ.

Ты заклеймишь меня?

Демя.

Не медля!

Парменонъ.

Сгибъ я, бѣдный! (Убѣгаетъ).

Демя.

(110) Стой, каторжникъ! Куда? Лови его! — О градъ
Кекроповой страны, о ты, эфиръ далекій!

(Спохватываясь).

Демя, что съ тобой? Чего вопишь, дуракъ?

Сдержись, мужчиной будь! Передъ тобой Мосхионъ 115

Не виновать ни въ чемъ . . . Быть можетъ, рѣчь моя

Звучить рискованно, но, господа, въ ней — правда!

(115) Вѣдь если бы мой сынъ свершилъ проступокъ свой

Въ угоду похоти, терзаемый любовью,

Иль злобясь на меня, — то мысли бы его 120

Не разнились отъ тѣхъ, при коихъ былъ онъ раньше,

И онъ тогда бы мнѣ во всемъ перечить сталъ!

Но нынѣ предо мной онъ оправдался: вѣсть

(120) О бракъ принялъ онъ изъ устъ моихъ съ восторгомъ,

Не потому, что страсть владѣла имъ, какъ мнѣ 125

Сначала думалось: изъ рукъ моей Елены¹⁾

1) Называя Хрисиду „Еленой“, Демя хочетъ подчеркнуть этимъ всю развратность своей любовницы, увлекшейся молодостью Мосхиона и совратившей его съ пути истины. Вѣдь въ „комедіи“ имя „Елена“ было своего рода синонимомъ всякой невѣрной жены, измѣняющей своему мужу! Carps (о. с., 251, прим.) очень кстати отмѣчаетъ, что на слова: *τὴν ἐμὴν Ἑλένην* можно было бы смотрѣть, какъ на реминисценцію сл. стиха изъ еврипидовскаго „Телефа“: *ὄψ ἀπολοῦμαι | τῆσ σῆσ Ἑλένης εἴνεκα* (= Nauck², о. с., 587, fr. 722).

- Хотѣлъ онъ вырваться, — всему она виной!
 Навѣрняка, мой сынъ былъ выпивши, собою
 (125) Владѣть уже не могъ, — она и завлекла!
 Не мало дѣлъ такихъ творить вино да юность, 130
 Сбивая съ толку тѣхъ, кто не вредилъ своимъ
 До той поры ни въ чемъ... Ну, можно ли повѣрить,
 Чтобъ кроткій, да къ чужимъ внимательный, мой сынъ
 (130) Мнѣ гадость учинилъ. Онъ не пойдетъ на это,
 Хотя бы десять разъ пріемнымъ сыномъ былъ, 135
 F₁ А не роднымъ... По мнѣ, вся суть въ одномъ лишь нравѣ!
 Зато она — дрянцо, впрямь уличная шваль! —
 Демея, что съ тобой? Тутъ ругань не поможетъ!
 (135) Ну, будь мужчиной ты, страсть заглуши, простишь
 Съ любовью и таи, поскольку хватить силы, 140
 Несчастье про себя, — для сына, а ее,
 Исчадье Самоса, ты вышвырни изъ дома
 Тормашкой внизъ, къ чертямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что
 (140) Подобрала дитя, о прочемъ же ни слова!
 Нѣтъ, губы закуси, скрѣпись, героемъ будь! 145

Явленіе четвертое.

[Въ то время, какъ Демея, стараясь побороть охватившее его волненіе, стоитъ погруженный въ свои думы, изъ дома Демеи показывается поварь, чѣмъ-то раздраженный и кого-то ищущій. За нимъ слѣдуетъ поваренокъ].

П о в а р ь.

А нѣтъ-ли здѣсь его, — за дверью? Рабъ, Парменонъ! —
 Молодчикъ улизнулъ, а мнѣ и не помочь!

Д е м е я (отталкивая повара).

(145) Съ дороги прочь!

П о в а р ь (обращаясь къ поваренку).

Геракль! Что это, малый, — а?
 Вломился въ домъ старикъ: съ ума онъ, вѣрно, спятилъ!
 Иль что другое съ нимъ? А впрочемъ, мнѣ-то что! 150
 (Изъ дома доносятся крики Демеи).

Сдается мнѣ, старикъ рехнулся. Посидономъ
 Клянусь, что это — такъ! Ужъ больно онъ кричитъ! —

- (150) Вотъ будетъ хорошо, коль вся посуда ляжетъ,
 Попавшись подъ ноги, въ лоскъ передъ нимъ! Гремить
 Дверями онъ. Проваль тебя возьми, Парменонъ.
 Вишь затащилъ куда! — Къ сторонкѣ отойду! (Уходитъ) ¹⁾.

Явленіе пятое.

[Изъ дома поспѣшно выходитъ Демея. За нимъ слѣдуетъ Хрисиды съ ребенкомъ на рукахъ и старуха, няня Мосхіона].

Демея.

Не слышишь? Вонъ пошла!

Хрисиды.

Куда мнѣ дѣться, бѣдной? 156

Демея.

Къ чертямъ?

Хрисиды.

Ой, лихо мнѣ!

Демея.

Да, лихо, — это такъ! —

- (156) Разжалобить слезой не хочешь-ли? Заставлю
 Тебя покончить...

Хрисиды.

Съ чѣмъ?

Демея.

Ни съ чѣмъ! Есть у тебя
 Старуха и дитя. Проваливай, да живо! 160

Хрисиды.

Ужъ не за то-ль, что я дитя подобрала,
 Ты гонишь и...

1) Поваръ отходить, повидимому, въ переулокъ, въ *angiportum*. Ср. Ter. Phorm., 891: *sed hinc concedam in angiportum hoc proximum*.

Демея.

За что еще?¹⁾ Я за ребенка

(160) Гоню, — за этотъ грѣхъ!

Хрисиди.

Мнѣ не понять тебя!

Демея.

Ты не умѣла жить въ довольствѣ!

Хрисиди.

Не умѣла?

Да что ты говоришь?

Демея.

Хрисиди, ты ко мнѣ

165

Ну, прямо въ рублищѣ пришла, — небось, забыла?

Хрисиди.

Такъ что-жъ изъ этого?

Демея.

Я для тебя былъ всѣмъ,

(165) Пока жилось тебѣ не важно!

Хрисиди.

Ну, а нынче?

Демея.

Молчи! Твое — съ тобой! Вдобавокъ же даю

F₂ Тебѣ рабыню я, и денегъ. Вонъ изъ дома!

170

Хрисиди (про себя).

Припадокъ гнѣва съ нимъ, — попробую смягчить! —
Послушай, дорогой.

1) Демея, усматривая въ вырвавшемся у Хрисиды „и“ желаніе Хрисиды продолжать перечисленіе ея дальнѣйшихъ проступковъ, думаетъ, что она хочетъ сознаться въ совершении того грѣха, въ которомъ онъ ее подозреваетъ, т. е., въ сожительствѣ съ Мосхиономъ. Поэтому-то, видя, что она останавливается на полусловѣ, онъ и задаетъ ей вопросъ: „за что еще“, на который однако не получаетъ никакого отвѣта, и въ силу этого выставляетъ причиной ея изгнанія только то, что она „подобрала ребенка“.

Демя.

Чего тебѣ?

Хрисиди.

Не мучь!

Демя.

(170) Другая женщина теперь мой кровь оцѣнить,
И будетъ за него признательна богамъ!

Хрисиди.

Что это значить?

Демя.

Ты обзавелась сыночкомъ,
Ты получила все!

175

Хрисиди.

Тутъ вовсе нѣтъ грѣха!
И всё таки, коль ты...

Демя.

Скажи еще словечко, —
Вмигъ съѣзжу по башкѣ!

Хрисиди.

(175) И, молча, въ домъ вхожу. (Идетъ къ дому).
И подѣломъ! Молчу,

Демя.

Какъ важно! По заслугамъ
Оцѣнишь ты себя лишь въ городѣ. Вѣдь тамъ
Всего за десять драхмъ бѣгутъ на пиръ гетеры,
Подобныя тебѣ, и безъ просыпу пьютъ,
Пока не глянетъ смерть, а коли не успѣютъ
(180) Скончаться въ-время, — то впроголодь сидятъ!
Познаешь это ты не хуже, чѣмъ другія,
И лишь тогда поймешь, кто ты и чѣмъ грѣшна!
Стой, гдѣ стоишь!

180

185

(Уходитъ въ домъ и запираетъ за собой дверь).

Хрисиди.

Увы! Горька моя судьбина! (Плачетъ).

Явленіе шестое.

[На сцену входитъ Никератъ, возвращающійся изъ города. Онъ ведетъ за собой тощую овцу и, погруженный въ свои мысли, сначала не замѣчаетъ Хрисиду, которая продолжаетъ стоять у дома Демеи и горько плакать. Около нея находится старая няня Мосхіона, держащая на рукахъ ребенка].

Никератъ.

Овечка въ самый разъ для жертвы подойдетъ
(185) Богинямъ и богамъ: кровь есть въ ней, селезенка
Раздута хорошо, и печень недурна.
Костей же, сколько хошь! Все, значить, есть,

что нужно 190

Для Олимпійцевъ, — да! Друзей же угощу
Я... шкуркой, на куски ее разрѣзавъ: шкурка
(190) Въдь это — мой удѣлъ! (Замѣчаетъ Хрисиду).
Геракль! Что вижу я?
Хрисиды, у дверей, въ слезахъ! Она ли это?
Она и есть! (Обращаясь къ Хрисидѣ.)
Что тамъ стряслось?

Хрисиды (плача).

А то, что выгналъ 195

Меня твой добрый другъ. Ну, вотъ и все!

Никератъ (пораженный).

Геракль!

Неужто онъ, — Демея?

Хрисиды.

Онъ.

Никератъ.

За что?

Хрисиды.

За сына.

Никератъ.

(195) Да сказывали мнѣ жена и дочь, что ты —
Вишь угорѣлая! — дитя взяла и кормишь.
Но въдь Демея добръ?

Хрисиды.

Сперва не злился онъ, 200

А тамъ, повременивъ, и распалился гнѣвомъ, —
Внезапно. Самъ суди: онъ отдалъ мнѣ приказъ
Все въ домѣ честию-честь для свадьбы подготовить.

(200) Я занялась. Вдругъ онъ—рехнулся, знать! — вбѣжалъ
И... выгнать изъ дому.

Никератъ.

Демея? Видно спятилъ? 205

2.

Словами Никерата обрывается въ рукописи первый фрагментъ пьесы и вмѣстѣ съ тѣмъ второй актъ въ его настоящемъ, неполномъ видѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что послѣ бесѣды Хрисиды съ Никератомъ дѣйствіе врядъ ли могло затягиваться на долгое время. Повидимому, не хватаетъ очень немногаго, а именно, конца разговора, который долженъ былъ приводить къ тому, что Никератъ — мы не знаемъ, въ силу какихъ побужденій — предлагалъ Хрисидѣ пріютъ въ своемъ домѣ. А что дѣло обстояло дѣйствительно такъ, и что Хрисиды, временно оставшаяся безъ пристанища, находила его затѣмъ именно у Никерата, видно изъ дальнѣйшаго, гдѣ раздраженный Никератъ въ свою очередь гонитъ Хрисиду изъ своего жилища.

Однимъ словомъ, я рисую себѣ возможное окончаніе второго акта слѣдующимъ образомъ: Никератъ, который въ своемъ разговорѣ съ Хрисидой не разъ выражалъ удивленіе поступку Демеи, слышшаго до той поры за человѣка благодушнаго и мягкаго, подъ конецъ обращался къ дѣвушкѣ со словами утѣшенія и гостепріимно открывалъ передъ ней двери своего дома, приглашая устроиться тамъ съ ребенкомъ и старухой, няней Мосхіона. Въ моментъ же перехода изгнанницы съ одного пепелища на другое, появлялся, повидимому, хоръ, изображавшій, надо думать, пріятелей Мосхіона, шедшихъ къ своему другу на свадьбу, причемъ это появленіе хора и замыкало собой второй актъ, который съ полнымъ правомъ можно было бы назвать „актомъ недоразумѣній“.

Что же касается до лакуны, идущей въ рукописи за словами Никерата: *Δημέας χολῆ* — „Демея? Видно спятилъ“

(ст. 201), то, по расчетамъ Koerte¹⁾, она могла равняться максимумъ одному листу, т. е., четыремъ страницамъ, или, иначе, отъ конца перваго отрывка до начала втораго не хватаетъ круглымъ счетомъ 140 стиховъ. Небольшое количество этихъ стиховъ будетъ падать на конецъ втораго акта, а вся остальная масса придется на долю тѣхъ сценъ, которыя шли за вторымъ актомъ, какъ части одного или двухъ дѣйствій. Эти пропавшія сцены и содержали въ себѣ изложеніе цѣлаго ряда посредствующихъ событій и подробностей, являвшихся своего рода обоснованіемъ той второй части пьесы, которая дошла до насъ и которая начинается ст. 202, вводящимъ насъ въ середину разговора Демей съ Никератомъ. Но благодаря полному отсутствію фрагментовъ, которые можно было бы съ нѣкоторой увѣренностью считать принадлежностью этихъ пропавшихъ сценъ, намъ въ высшей степени трудно представить себѣ, что именно было ихъ содержаніемъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что нѣкоторую помощь приноситъ здѣсь какъ разъ вторая часть (ст. 202 слл.), изъ которой, какъ бы отрывочна она ни была, мы можемъ усмотрѣть, что фактамъ, въ ней излагаемымъ, предшествовало прежде всего полное разубѣжденіе Демей въ его подозрѣніяхъ насчетъ Мосхіона (ст. 206). Но путемъ какихъ эволюцій достигался этотъ результатъ, сказать трудно. Мы можемъ только думать на основаніи, напримѣръ, словъ Мосхіона (ср. его монологъ, ст. 271—272), что у Демей послѣ изгнанія Хрисиды происходило какое-то объясненіе съ сыномъ, въ результатъ чего Демей и узнавалъ всю подноготную, до той поры отъ него скрытую. Вѣдь недаромъ же Мосхіонъ говоритъ:

когда напраслину, что на меня взводили,
стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я.

Само собой разумѣется, что юноша не произнесъ бы этихъ словъ, если бы образъ дѣйствій Демей соотвѣтствовалъ тому рѣшенію, которое онъ принялъ во второмъ актѣ и которое онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ (ст. 136 сл.):

таи, поскольку хватитъ силы,
несчастье про себя, — для сына.

1) Koerte², о. с., XXX.

Повидимому, это благое намѣреніе такъ и осталось невыполненнымъ, равно какъ и слова (ст. 141):

ты губы закуси, скрѣпись, геройсь будь!

Ясно, что Демея, не желавшій по-началу вмѣшивать сына въ свои подозрѣнія, затѣмъ, подъ вліяніемъ гнѣва, забывалъ о своемъ первоначальномъ планѣ и напускался съ упреками на Мосхіона, которому, чтобы защититься, приходилось волей-неволей посвятить отца во всѣ свои тайны. Возможно также, что въ своей оправдательной рѣчи Мосхіонъ входилъ и въ изложеніе причинъ, заставившихъ его рѣшиться на переносъ ребенка изъ дома Никерата въ домъ Демеи, причемъ главной причиной онъ могъ выставить суровый характеръ Никерата, всегда готоваго на разнаго рода крайности. Какъ бы то ни было, Демея въ концѣ концовъ убѣждался въ невинности Хрисиды и Мосхіона, которыхъ онъ напрасно задѣлъ обиднымъ подозрѣніемъ и, такимъ образомъ, пьеса постепенно входила въ фазисъ выясненій того недоразумѣнія, которое и вызвало массу всевозможныхъ complicationъ. Итакъ, согласно моему мнѣнію, утерянный для насъ третій актъ содержалъ въ себѣ, между прочимъ, бесѣду Мосхіона съ Демеей, причемъ эта бесѣда могла стоять очень близко къ самому началу акта.

Но если Демея узнавалъ всю правду относительно фиктивного ребенка Хрисиды изъ устъ своего сына Мосхіона, то, повидимому, и Никерату удавалось какимъ-то образомъ проникнуть въ тайну своей дочери, Плангѳ. По крайней мѣрѣ, когда прерванное лакуной теченіе пьесы снова возобновляется, то Никератъ уже выступаетъ передъ нами въ видѣ человѣка, обуреваемого довольно определенными подозрѣніями. Правда, онъ не знаетъ еще всего происшедшаго во всей его полнотѣ. Иначе не сталъ бы Демея говорить по его адресу (ст. 221 сл.):

остается лишь одно:

рассказать ему, въ чемъ дѣло, —

равно какъ не имѣли бы смысла и слѣдующія слова того-же Демеи:

Зевсомъ я клянусь, что онъ,
какъ узнаеть, въ чемъ тутъ дѣло, забушаетъ, заореть.

Отсюда ясно, что кое въ чемъ Никератъ еще не освѣ-

домлень. Но во всякомъ случаѣ, позоръ дочери ему уже извѣстенъ, неизвѣстно только, кто былъ ея соблазнителемъ.

Спрашивается теперь, кто могъ намекнуть Никерату на несчастіе, имѣющее мѣсто въ его семьѣ, или, вѣрнѣе, путемъ стеченія какихъ обстоятельствъ могъ Никератъ узнать о томъ, что скрывалось отъ него такъ долго и съ такой тщательностью? Carrs¹⁾ думаетъ и, кажется, не безъ основанія, что такимъ лицомъ, наполовину открывающимъ истину, былъ никто иной, какъ самъ Демея. И дѣйствительно, Демея, уже знающій про тайну Мосхіона и про его склонность къ Плангѣ, могъ намекнуть Никерату на то, что у послѣдней есть ребенокъ, неизвѣстно, отъ кого прижитый. Но одновременно съ этимъ онъ, дабы смягчить впечатлѣніе отъ своихъ словъ, долженъ былъ заявить Никерату и о томъ, что, несмотря на приключившееся съ Плангѣ несчастіе, Мосхіонъ все таки согласенъ жениться на ней и что такимъ образомъ всё можетъ устроиться вполнѣ благополучно. Доказательствомъ же того, что не кто либо другой, а именно Демея былъ человѣкомъ, открывающимъ глаза Никерату, служатъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующія слова Никерата, съ которыми онъ обращается къ Демеѣ и изъ которыхъ, какъ будто, видно, что Никератъ уже слышалъ кое-что отъ Демеи, хотя это „кое-что“ и было передано ему не полностью (ст. 238 сл.):

Ты, Демея, обижаешь, — вижу я,
что тебѣ про всё извѣстно.

Однако, изъ всего, предшествующаго этимъ словамъ, поскольку сохранилось оно въ рукописи (ст. 202 сл.), нельзя вывести ничего такого, что обосновывало бы ихъ, если только не думать, что соотвѣтствующее обоснованіе находилось выше, въ утерянныхъ для насъ частяхъ пьесы. И въ самомъ дѣлѣ, коль скоро Демея уже успѣлъ поговорить съ Никератомъ насчетъ Плангѣ и оказался благодаря этому человѣкомъ, знающимъ про тайну дѣвушки, то само собой разумѣется, что Никератъ можетъ подозрѣвать его и въ томъ, что онъ знаетъ больше того, что имъ пока сказано, или, иначе, что онъ знаетъ не только про грѣхъ дѣвушки, но и про то, кто былъ ея соблазнителемъ. Недаромъ же, высказавъ предположеніе,

1) Carrs, o. c., 228.

что Демеѣ „всѣ извѣстно“, Никератъ продолжаетъ затѣмъ еще болѣе опредѣленно и рѣшительно (ст. 240 сл.):

ужь не твой ли сынъ меня
обработалъ?

Но подобное заявленіе только въ томъ случаѣ будетъ имѣть свой *raison d'être*, если мы предположимъ, что у Демеи до той бесѣды съ Никератомъ, которую сохранилъ папирусъ и которая начинается съ ст. 202, уже былъ особый разговоръ, до насъ не дошедшій, — разговоръ, который и даль Никерату полную возможность дойти, хотя бы и предположительно, до открытія настоящей правды. Если же эти наши соображенія правильны, то придется думать, что въ третьемъ актѣ, кромѣ діалогической сцены между Демеей и Мосхиономъ, была аналогичная сцена между тѣмъ-же Демеей и Никератомъ, причеиъ обѣ эти сцены какъ бы начинали собой распутываніе тѣхъ недоразумѣній, которыя, какъ мы это видѣли, и занимали во второмъ актѣ первенствующее или, вѣрнѣе, исключительное положеніе.

Однако, если Демея, пріоткрывая истину и стараяся смягчить её въ глазахъ Никерата обѣщаніемъ, несмотря ни на что, женить Мосхиона на Плангѣ, — если Демея, поступая такъ, думалъ, что Никератъ успокоится и что такимъ путемъ уляжется вся, поднятая Демеей, кутерьма, то онъ горько ошибался, ибо не таковъ былъ характеръ Никерата, чтобы мириться сразу съ испытаннымъ имъ безчестіемъ. И дѣйствительно, когда кончается лагуна и снова начинается прерванное ею дѣйствіе, то мы видимъ передъ собой раздраженнаго Никерата, который не хочетъ сдаваться ни на какіе доводы Демеи и который поглощенъ только одной мыслью, — узнать, во что бы то ни стало, имя обольстителя своей дочери. Что же касается Демеи, этого случайнаго виновника всей приключившейся путаницы, то онъ на этотъ разъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы не дать разыгаться новой бурѣ, для него теперь нежелательной и лишней, въ силу чего онъ и совѣтуетъ Никерату соблюдать спокойствіе и дѣйствовать осторожно. Но оскорбленный въ своихъ чувствахъ и взглядахъ Никератъ уже не поддается голосу разсудка и поэтому, несмотря на совѣты пріятели, онъ все-таки даетъ волю своему гнѣву, результатомъ котораго

и является все то, о чемъ говорятъ намъ послѣдующія сцены комедіи, относимыя мной къ началу четвертаго дѣйствія ¹⁾).

Къ сожалѣнію только, эти сцены не представляютъ собой настоящаго начала, открывавшаго актъ въ его полномъ видѣ. Не хватаетъ, повидимому, нѣсколькихъ десятковъ стиховъ, въ которыхъ и заключалось обоснованіе дальнѣйшихъ шаговъ Никерата, предпринимаемыхъ имъ вслѣдъ за словами Демеи, дошедшими до насъ тоже не полностью. Такимъ образомъ, сохранившійся текстъ вводитъ насъ прямо *in medias res*, и мы присутствуемъ благодаря этому уже при завершеніи всего того, что подготовлялось выше и о чемъ мы можемъ судить лишь съ большой долей неопредѣленности.

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе первое.

[На сценѣ находятся Демей и Никератъ, занятые оживленной бесѣдой. Подъ вліяніемъ бесѣды Никератъ приходитъ въ волненіе, которое все усиливается. Демей же старается успокоить друга, но это ему не удается].

Демей.

Г_в Ну, а если въ домъ вернуться? ²⁾

Никератъ.

Пустяки! Погибло всё!

Все къ концу идетъ, на смарку! (Бросается къ себѣ въ домъ).

Демей.

Зевсомъ я клянусь, что онъ,

Какъ узнаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, забушуетъ, заоретъ!
(205) Онъ вѣдь грубъ, свинья свиньею, такъ и лѣзетъ
напроломъ! ³⁾

1) Возможно, впрочемъ, что эти сцены вмѣстѣ съ тѣми, которыя заполняли нѣкогда лакуну и которыя не дошли до насъ, входили въ составъ не четвертаго, а третьяго акта. Въ такомъ случаѣ вся наша комедія распадалась не на пять актовъ, а всего на всего на четыре.

2) При переводѣ этого полу-стиха я слѣдую чтенію Лефевра: *ἀλλὰ πάλιν ἐλθόν*. Что же касается до Керте, то онъ вмѣсто *ἀλλὰ* читаетъ: *ἔλλα*.

3) Словами „свинья свиньею“ я перевожу греч. *σκατοφάγος*, синонимомъ къ которому будетъ латинское *stercoreus* (Plaut., *Miles glor.*, 90). Ср. Phot. Lexic.: *σκατοφάγος* · *ἀλάσκατος*. Это-же слово встрѣчается у Менандра

Надо жь было мысли дикой мнѣ втемяшиться въ
башку! 210

Эхъ, клянусь самимъ Гефестомъ, смерти стою я!
(Слушаетъ).

Геракль!

Что онъ крикнулъ? Не ошибся: онъ велитъ подать огня,
Говорить: „спалю ребенка“. Внучка, значить, своего

(210) Опаленнымъ я увижу? Дверью хлопнулъ!
(На порогъ показывается Никерать).

Предо мной

Ураганъ какой-то, буря, но отнюдь не человѣкъ! 215

Явленіе второе.

[Изъ дома, самъ себя не помня отъ гнѣва и волненія, выходитъ Никерать. Словно не понимая, что онъ дѣлаетъ, онъ направляется къ Демей, который смотритъ на него съ ужасомъ].

Никерать.

Слышь, Демей, вѣдь Хрисиды ополчилась на меня,
Строитъ козни, да какія...

Демей.

Неужели?

Никерать.

Дочь, жену

Убѣдила не сдаваться мнѣ ни въ чемъ, про все молчать,
При себѣ ребенка держитъ, мнѣ на зло, да говорить:

(215) „Не отдамъ“. — Не удивляйся, если я своей рукой 220
Съ этой женщиной расправлюсь!

(Хочетъ идти къ себѣ въ домъ).

Демей.

Ты сказалъ: „своей рукой?“

еще въ „Отрѣзанной кости“ (ст. 204) и въ отр. 825 (= Коск, о. с., III, 222).
Что же касается словъ: *αὐθέκαστος τῷ τρόπῳ*, которыя я передаю черезъ:
„такъ и лѣзетъ напроломъ“, то слово *αὐθέκαστος*, взятое, какъ здѣсь,
въ дурномъ смыслѣ, всего ближе можно, какъ мнѣ кажется, передать черезъ
наше „самодуръ“, причемъ въ такомъ же смыслѣ даетъ его и Мел. fr. 843
(= Коск, о. с., III, 226). Ср. Phryg. eclog. 349 (ed. Lobesck): *αὐθέκαστότης ἀλλόχου*
τὸ μὲν οὖν αὐθέκαστος κάλλιστον ὄνομα, τὸ δὲ παρὰ τοῦτο πεποιημένον αὐθέκαστότης κίβδηλον.

Никератъ.

Но она всѣ тайны знаетъ!

Демея.

Никератъ, смотри, не смѣй.

Никератъ.

Я сказалъ впередъ: такъ будетъ! (Съ поспѣшностью
входитъ въ домъ.)

Демея (съ ужасомъ).

Обезумѣлъ, самъ не свой!

Ишь, какъ въ домъ влетѣлъ! Гдѣ выходъ,
передрагамъ гдѣ конецъ?

(220) Не бывалъ еще ни разу я въ подобной кутерьмѣ, 225
Въ томъ порукою мнѣ боги! Остается лишь одно:
Разсказать ему, въ чемъ дѣло. — Аполлонъ, вновь
дверь гремить!

Явленіе третье.

[Изъ дома Никерата выбѣгаетъ Хрисиды съ ребенкомъ на рукахъ. За ней въ отдаленіи показывается Никератъ, вооруженный палкой].

Хрисиды.

Горе мнѣ! Куда дѣваться? Что мнѣ дѣлать? У меня
Вырветъ онъ дитя!

Демея.

Хрисиды!

Хрисиды.

Кто зоветъ? (Замѣчаетъ Демею).

Демея.

Ты въ домъ бѣги!

Никератъ (вслѣдъ Хрисидѣ).

(225) Эй, куда?

Демея (про себя).

Сегодня, значить, не уйти мнѣ, Аполлонъ, 230
Отъ борьбы! (Загораживая дорогу Никерату).

Чего ты хочешь? Ты за кѣмъ бѣжишь?

Никератъ (въ гнѣвѣ).

Уйди!

Не мѣшай ты мнѣ, Демея! Дай ребенкомъ завладѣть,
Тайну выпытать у женщинъ!

Демея.

Онъ свихнулся! Это что?

Ты меня ударить хочешь?

Никератъ.

И ударю.

Демея.

Съ глазъ долой!

(230) Дамъ я сдачи! (Старается удержать Никерата).

Эй, Хрисида, ты спасайся: онъ сильнѣй! 235

Никератъ.

Ты меня коснулся первый, — при свидѣтеляхъ скажу!

Демея.

Да, но ты вѣдь лѣзешь съ палкой на свободную, — за ней
Ты гоняешься!

Никератъ.

Лгунишка!

Демея.

Самъ лгунишка!

Никератъ.

Не отдашь

Мнѣ ребенка?

Демея.

Шутишь, видно! Мой — ребенокъ!

Никератъ.

Нѣтъ, не твой!

Демея.

(235) Бьютъ меня! Внемлите, люди!

Никератъ (видя, что Хрисида вошла въ
домъ Демеи).

Каркай громче! Въ домъ взойду 240

Г₄ И съ Хрисидою покончу!

Демея (про себя).

Что тутъ дѣлать? Дѣло дряннѣ!
Не позволю! (Становится противъ Никерата).
Стой на мѣстѣ!

Никератъ.

Осторожнѣй! Руки прочь!

Демея.

Успокойся!

Никератъ (съ горечью).

Ты, Демея, обижаешь, — вижу я,
Что тебѣ про все извѣстно.

Демея.

Такъ меня ты и шпыняй,
(240) А ее оставь, не трогай!

Никератъ.

Ужъ не твой ли сынъ меня 245

Обработалъ?

Демея.

Что за враки! Онъ возьметъ твою Плангд.
Ну, а съ ней струсилось другое! — Прогуляйся-ка со мной
Здѣсь немножко!

Никератъ.

Я согласенъ.

Демея.

И душой воспринянь опять! —
(245) Отъ трагическихъ поэтовъ ты, небось, слыхаль не разъ,
Какъ Зевесъ подъ видомъ злата черезъ крышу
въ домъ проникъ 250
И затворницу-дѣвицу на любовь съ собой склонилъ?

Никератъ.

Ну, такъ что-жь?

Демея.

А то, что надо быть готовымъ ко всему! —
Не течетъ ли въ домѣ крыша?

Никератъ.

Протекаетъ чуть не вся! —
Да, но это вѣдь не къ дѣлу!

Демея.

Зевсъ то золотомъ бывалъ,
(250) То дождемъ, — вотъ видишь, милый. Онъ и тутъ
не безъ грѣха! 255
Скоро-жъ мы нашли причину!

Никератъ.

За носъ водишь!

Демея.

Вотъ, ужъ нѣтъ!
Ты не хуже, чѣмъ Акрисій, — ну, нисколько!
Если-жъ Зевсъ
Дочь его почтилъ любовью, то твою —

Никератъ.

О горе мнѣ!

Я Мосхиономъ отдѣланъ!

Демея.

Онъ возьметъ твою Плангò!
(255) Ты не бойся! — А въ ребенкѣ — знаю я навѣрняка — 260
Богъ виной! Назвать не трудно сотни божескихъ дѣтей,
Что ютятся средь народа. Гдѣ-жъ тутъ ужасъ? —
самъ суди!
Хэрефонъ — онъ будетъ первымъ — сытъ, не
тратя ни гроша.
Ты сочтешь его за бога?

Никератъ.

Ну, сочту! Что жъ дѣлать мнѣ?
(260) Не ругаться жъ по пустому!

Демея.

Никератъ, а ты — умень! 265
Вотъ Андроклъ! Живетъ безъ срока, рыщетъ,
блещетъ, денегъ тьма,

Кудри, — тѣ всегда чернѣютъ: ихъ и смерть не
 побѣлить,
 Хоть зарѣжь, все будетъ юнымъ! — Чѣмъ, скажи,
 Андроклъ не богъ?
 Пусть, что было, къ счастью будетъ! Эиміамъ
 ты воскури
 (265) И берись за жертвы: скоро за ПлангѠ мой сынъ
 придетъ. 270
 Поневолѣ онъ смирился, сталъ разумникомъ опять,
 Если-жъ въ чемъ и былъ онъ грѣшенъ, этотъ
 грѣхъ ему прости!

Никератъ.

Въ домѣ всё ты справилъ?

Демея.

Справлю!

Никератъ.

Ну, за мной помѣхи нѣтъ!

Демея.

Ишь ты умникъ! (Никератъ уходитъ къ себѣ).

Благодаренъ отъ души я всѣмъ богамъ:

(270) Въдъ неправдой оказалось то, чего боялся я!

(Уходитъ). 275

Музыкальная интермедія.

Дѣйствіе пятое.

Явленіе первое.

[На сцену медленными шагами входитъ Мосхіонъ, возвращающійся изъ города. Онъ мраченъ. Видно, что его гнететъ какая-то неотступная мысль, отъ которой онъ не можетъ освободиться].

Мосхіонъ.

I₁ Когда напраслину, что на меня взводили,
 Стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я, —
 Мнѣ думалось: съ меня и этого довольно.
 Но вотъ, когда я сталъ всё толкомъ разбирать,

- (275) Да взвѣшивать, — тогда я духомъ возмутился. 280
 Теперь я самъ не свой отъ гнѣва на отца
 За то, что онъ меня такъ грубо заподозрилъ! —
 Будь у меня съ Плангò все гладко, не мѣшай
 Мнѣ клятва, да любовь, да время, да привычка,
- (280) Что сдѣлали меня теперь ея рабомъ, — 285
 Отецъ бы не посмѣлъ въ глаза мнѣ бросить снова
 Такой напраслины: я-бъ скрылся съ глазъ долой,
 Изъ города бѣжалъ куда-нибудь, — ну, въ Бактры,
 Иль въ Карію, и тамъ освоился бъ съ копьемъ!
- (285) Но держишь ты меня, моя Плангò! Не сдѣлать 290
 Мнѣ шага смѣлаго, не въ силахъ я! Эротъ,
 Властитель думъ моихъ, лишилъ меня свободы!
 И всё-жъ не смѣю я отдѣлаться молчкомъ,
 Какъ трусъ, какъ рабъ какой. По крайней мѣрѣ,
 словомъ,
- (290) Коль не могу другимъ, отца я допеку. 295
 „Прощай“ скажу. Тогда на будущее время
 Остережется онъ обиды наносить,
 Увидѣвъ, что на нихъ я не смотрю сквозь пальцы!
 (Замѣчаетъ приближающагося Парменона).
 Вотъ во-время сюда какъ разъ подходитъ тотъ,
- (295) Кого сильнѣе всѣхъ хотѣлося мнѣ видѣть! 300

Явленіе второе.

[На сцену робко входитъ Парменонъ. Онъ то и дѣло останавливается, оглядывается по сторонамъ, прислушивается и, наконецъ, овладѣваетъ собой. Замѣтно, что какія-то соображенія мало по малу придаютъ ему смѣлости. Москіона, отошедшаго къ сторонѣ, онъ не видитъ].

Парменонъ.

- Тобой, владыка Зевсъ, клянусь, что поступилъ
 Я просто, какъ дуракъ, какъ жалкая скотина!
 Не согрѣшивъ ни въ чемъ, я струсилъ и бѣжалъ
 Отъ барина . . . Но что-жъ мной сдѣлано такого,
- (300) Что бѣгство вызвало? Давай-ка, разберемъ 305
 Мы все по косточкамъ. Барченокъ нашъ съ дѣвицей
 Свободной пошалилъ. Ну, а Парменонъ въ чемъ
 Здѣсь виновать? Она и понесла. Парменонъ
 Опять какъ будто чистъ! Малютка къ намъ попалъ.

- (305) Принесъ его барчукъ, не я! Вдругъ изъ
домашнихъ, 310
 Не знаю, кто, возьми, да тайну и открой.
 I₂ Ну, а Парменонъ, — онъ, что сдѣлалъ здѣсь худого?
 Да ровно ничего! Зачѣмъ же ты бѣжалъ,
 Пустая голова и трусь первостепенный?
 (310) Смѣшно сказать! — клеймомъ мнѣ баринъ
пригрозилъ, 315
 Чтобъ правду всю узнать! Да не одно ль и то же,
 Клеймень ты будешь зря, иль по заслугамъ? Тутъ,
 Куда ни кинь, все клинъ!

Мосхионъ.

Парменонъ!

Парменонъ (замѣчая Мосхиона).
 Здравствуй, баринъ!

Мосхионъ.

- Съ своею болтовней покончи, да иди
 (315) Скорѣе въ домъ!

Парменонъ.

Зачѣмъ?

Мосхионъ.

Ты вынесешь оттуда
 Дорожный плащъ и мечъ! 320

Парменонъ (пораженный).

Мечъ, ты сказалъ?

Мосхионъ (нетерпѣливо).

Живѣй!

Парменонъ.

А онъ тебѣ на что?

Мосхионъ.

Безъ лишнихъ словъ! Исполни,
 Что сказано. Пошелъ!

Парменонъ.

Скажи, въ чемъ дѣло!

Мосхіонъ.

Я

Ремень возьму.

Парменонъ.

Зачѣмъ? Иду и такъ!

Мосхіонъ.

Чего же

Ты медлишь? (Парменонъ уходитъ).

Вотъ сейчасъ придетъ отецъ, начнетъ 325

(320) Просить: „останься здѣсь!“ Но я къ его молениямъ,

Пока что, буду глухъ — такъ надо! — а потомъ

Увижу, что пора, и подчинюсь . . . Вотъ только бѣ

Повѣрили, что я исполню все, чего,

Клянусь Діонисомъ, исполнить я не въ силахъ! 330

Готово! Онъ идетъ: пріотворилась дверь!

Явленіе третье.

[Мосхіонъ стоитъ, отвернувшись въ сторону. Между тѣмъ изъ дома Демей быстро выходитъ Парменонъ. Видъ у него радостный и таинственный].

Парменонъ.

(335) Мнится мнѣ, что ты остался всѣхъ событій позади!

Ничего-то ты не знаешь, ни о чемъ не слышалъ ты,

И бурлишь себѣ безъ толку! Въ домъ взойди:

узнаешь все!

Мосхіонъ.

Ты принесъ?

Парменонъ.

Готовятъ свадьбу, ужъ кратеръ съ виномъ стоитъ,

И куреня пожираетъ жаръ Гефестова огня! 336

Мосхіонъ.

(330) Ты принесъ?

Парменонъ.

Въ тебѣ задержка, ждуть тебя давнымъ давно!

Мосхіонъ.

Ждуть?

Парменонъ.

Чтобъ факель...

Мосхионъ.

Что-жъ ты медлишь?

Парменонъ.

Повезло тебѣ, барчукъ!

Бури нѣтъ! Да что съ тобою?

Мосхионъ.

Ты, — совѣты мнѣ давать?

Рабъ негодный! (Даетъ Пармену пощечину).

Парменонъ.

Охъ, Мосхионъ, что ты сдѣлалъ?

Мосхионъ.

Живо въ домъ,

340

Выноси скорѣе вещи!

Парменонъ.

Въ самый ротъ заѣхалъ мнѣ!

Мосхионъ.

(335) Ты опять бормочешь что-то?

Парменонъ.

Нѣтъ, иду! — Не повезло!

Незадача!

Мосхионъ.

Снова медлишь?

Парменонъ.

Свадьбу правятъ, — я не лгу!

Мосхионъ.

Въ домъ, скорѣй! Потомъ расскажешь!

(Парменонъ уходитъ).

Ну, теперь отецъ придетъ.

Да, но если не попросить онъ остаться? Если вдругъ, 345

Гнѣвный, мнѣ на дверь укажетъ, — что тутъ

дѣлать? Упустилъ

Я изъ виду случай этотъ! Не поступить такъ отецъ!
 (340) Ну, а если вдругъ поступить? — Рухнетъ все тогда, и я,
 Повернувъ назадъ оглобли, буду въ чистыхъ дуракахъ!

Слова Мосхиона замыкаютъ собой второй и послѣдній фрагментъ „Саміанки“, и мы остаемся въ полной неизвѣстности на счетъ того, обманулъ или не обманулъ юноша въ своихъ ожиданіяхъ. Одно только можно считать непреложнымъ, а именно, счастливый выходъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изъ только что пережитыхъ ими треволненій. Само собой разумѣется, что Мосхионъ въ концѣ концовъ женится на своей Плангѣ, что Хрисида снова водворяется въ домъ Демеи, что Никератъ безусловно успокаивается, увидѣвъ бесполезность своихъ страховъ, и что, наравнѣ съ этими лицами, немножко счастья достается и на долю Парменона, не говоря уже о самомъ Демеѣ, главномъ виновникѣ всей сумятицы. Итакъ, съ этой стороны ничего неопредѣленнаго быть не можетъ: тутъ все безусловно ясно! Равнымъ образомъ, врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что до нормальнаго конца пьесы не хватаетъ очень немногаго. Утрачено, вѣроятно, какихъ нибудь двѣ-три сценки, носившихъ приблизительно такой-же характеръ, какъ соотвѣтствующія заключительныя сценки въ „Отрѣзанной косъ“.

И дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы дѣйствіе послѣ того поворота, который оно сдѣлало благодаря Мосхиону, могло затягиваться еще на долгое время! Гораздо естественнѣе думать, что мы стоимъ недалеко отъ того момента, когда распустится послѣдній узелъ, завязанный богиней Невѣдѣнія, и зрители воочию увидятъ, что „съ божьей помощью и худое можетъ иногда приводить къ хорошему“. Такимъ образомъ, и „Саміанка“, какъ всякая пьеса „новой“ комедіи, завершалась на обычный ладъ, по обычному шаблону, завершалась всеобщимъ довольствомъ и счастьемъ, причемъ очень возможно и то, что Хрисида, какъ думаетъ Carps¹⁾, находила своего отца, оказывалась дочерью аѣинскаго гражданина и, благодаря этому, входя снова въ домъ Демеи, входила въ него уже на положеніи жены, а не простой наложницы.

1) Carps, о. с., 230.

3.

Я не буду отрицать, что при томъ возстановленіи общаго хода дѣйствія, которое дано мной въ дополненіе и разъясненіе перевода, очень многое осталось неяснымъ и недостаточно обоснованнымъ. Я знаю, что цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, не получилъ надлежащаго отвѣта, что цѣлый рядъ подробностей прошелъ незамѣченнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, что та сравнительная наивность въ развитіи дѣйствія, та малая запутанность его, которая проглядываетъ въ моей реконструкціи, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ сохранившемся текстѣ, если я вѣрно его понимаю и оцѣниваю. Дѣло въ томъ, что изъ четырехъ ново-найденныхъ пьесъ Менандра „Саміанка“, по преимуществу, какъ мнѣ кажется, является такой комедіей, въ которой сложная по внѣшности фабула разработана довольно примитивно.

Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе любопытная градація въ смыслѣ переноса тяжести дѣйствія съ одного лица на другое. Такъ, первый актъ есть удѣлъ Демей: все дѣйствіе возникаетъ благодаря его гнѣву и всѣ дальнѣйшія событія исходятъ исключительно отъ него. Онъ стоитъ въ центрѣ, а около него въ роли страдательнаго элемента находится Хрисиды, въ роли успокаивающаго — Никератъ. Затѣмъ происходитъ обратное: мѣсто Демей занимаетъ Никератъ, страдаетъ снова Хрисиды, успокоеніе вноситъ Демей. Наконецъ, картина въ третій разъ мѣняется: гнѣвъ, до той поры владѣвшій Демеей и Никератомъ, охватываетъ Мосхіона, который, подобно двумъ вышеупомянутымъ лицамъ, и даетъ пьесѣ новое направленіе. Такимъ образомъ, получается своего рода преемственность въ переносѣ съ одного лица на другое опредѣленнаго душевнаго движенія, причемъ только благодаря этому переносу пьеса и переходитъ изъ одного акта въ другой. Однимъ словомъ, образуется нѣчто похожее на *λαμπάδηδρομία*, во время которой одинъ участникъ, пробѣжавъ извѣстное пространство, передавалъ свой факелъ другому, другой — третьему и т. д., пока факелъ не достигалъ цѣли.

Надо сознаться, что подобная прогрессивность дѣйствія заключаетъ въ себѣ нѣчто искусственное и, какъ мнѣ ка-

жется, врядъ ли можетъ быть сочтена за ловкій приѣмъ со стороны автора. Вѣдь все время чувствуется, что дѣйствіе не свободно, что оно направляется рукой комика и что въ немъ нѣтъ того естественнаго, самодовлѣющаго порыва, который мы видимъ, напримѣръ, въ „Третьемъ Судѣ“ (*Ἐπιτροπείας*), гдѣ все развивается какъ-то само собой, безъ всякой натянутости и принужденія. Конечно, вполне возможно, что эта примитивность въ развитіи дѣйствія не выступала съ такой рѣзкостью, когда пьеса была не рядомъ фрагментовъ, а стройнымъ цѣлымъ, одинаково развитымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Тогда, вѣроятно, многіе недостатки композиціи не выходили наружу, и дѣйствіе протекало сравнительно гладко, а не такими размѣренными скачками, какъ въ настоящее время. И все-таки особенность, на которую мной было указано, должна была имѣть мѣсто, хотя и не въ столь сильной степени, какъ теперь!

Но разъ дѣйствіе имѣетъ свой *raison d'être* не въ самомъ себѣ, не въ природѣ своей, а исключительно въ побужденіяхъ извнѣ; если оно не замираетъ лишь потому, что постоянно въ критическій моментъ находитъ для себя по волѣ автора новаго носителя, который даетъ ему нужный толчокъ, то можно ли такое дѣйствіе называть настоящимъ, органически-развивающимся дѣйствіемъ? Я лично думаю, что нельзя. Если мы всмотримся въ ходъ пьесы, поскольку онъ различимъ въ ея отрывкахъ, то мы увидимъ, что пьесу можно считать остановившейся въ ея развитіи съ того момента, какъ Демей узнаетъ всю правду. И если, тѣмъ не менѣе, дѣйствіе продолжается, то происходитъ это не органическимъ путемъ, а путемъ придуманныхъ подробностей, которыя сами по себѣ изъ дѣйствія не вытекаютъ. Такъ, напр., мы не понимаемъ, почему Демей, видя, что Никератъ находится на пути къ открытію тайны, хранить ее про себя, хотя и знаетъ, что это открытіе можетъ предупредить рядъ нежелательныхъ послѣдствій, иначе неизбѣжныхъ, ввиду характера Никерата. Равнымъ образомъ, мы не понимаемъ, почему Мосхіонъ послѣ того, какъ дѣло его, благодаря объясненію съ отцомъ, уладилось и приняло вполне благопріятное теченіе, вдругъ заднимъ числомъ начинаетъ ощущать обиду и такъ сильно принимаетъ ее къ сердцу, что готовъ покинуть родину и идти въ наемники. Всѣ эти вопросы остаются открытыми. Ко-

нечно, намъ могутъ возразить, что искомый отвѣтъ находился какъ разъ въ утраченныхъ частяхъ комедіи. Но врядъ ли это дѣйствительно такъ, и не вѣрнѣ ли будетъ относить всѣ эти темныя стороны пьесы на счетъ недостаточной умѣлости самого комика?

Но мыслимо ли себѣ представить, чтобы Менандръ, авторъ „Третейскаго суда“ и „Отрѣзанной косы“, — чтобы этотъ Менандръ, который поражаетъ насъ своимъ умѣніемъ вести дѣйствіе такъ, что почти никогда не ощущается въ немъ ни принужденія, ни вымученности, не сумѣлъ въ „Саміанкѣ“ показать столь обычныхъ въ немъ качествъ перво-класснаго драматурга? Мнѣ думается, что хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ могло бы дать любопытное соображеніе, высказанное Коерте въ его статьѣ „Menander“¹⁾.

Въ этой статьѣ-отчетѣ о новонайденныхъ пьесахъ Менандра Коерте, между прочимъ, держится того взгляда, что „Саміанка“ представляетъ собой юношеское произведеніе поэта, когда онъ находился еще подъ вліяніемъ представителей „средней“ комедіи. Подтверженіе же своему взгляду Коерте усматриваетъ не только въ „нѣсколько неумѣлой техникѣ драмы“, но и „въ присутствіи личныхъ нападокъ“, выдержанныхъ въ духѣ древняго и средняго, но отнюдь не новаго комическаго жанра. И дѣйствительно, въ „Саміанкѣ“ мы встрѣчаемся съ насмѣшками, направленными какъ противъ извѣстнаго намъ изъ средней комедіи паразита Хэрефона (ст. 258 слл.), такъ и противъ какого-то молодящагося старика Андрокла (ст. 261 слл.), т. е. встрѣчаемся съ сатирой личнаго характера, для которой въ новой комедіи какъ будто не должно быть мѣста и которая попадаетъ въ ней лишь какъ отзвукъ старой манеры, постепенно выходящей изъ моды и наблюдаемой у Менандра только ввидѣ исключенія. При этомъ, однако, и Менандръ, какъ бы рѣдко ни прибѣгалъ онъ къ личной сатирѣ, пользовался ею, повидимому, не во всѣ періоды своего творчества. По крайней мѣрѣ, изъ четырехъ пьесъ нашего комика, въ которыхъ попадаетъ имя Хэрефона, а именно: Ὁρῆ, (fr. 364 Коск), Ἀνδρογύνη (fr. 56 Коск), Μέθη (fr. 320 Коск) и Κερύφαλος (fr. 277 Коск), двѣ первыхъ от-

1) Archiv für Papyrusforschung, IV, 516 sq. Ср. также Коерте², Menandrea, XXXIII.

носятся къ началу его поэтической дѣятельности, т. е. къ тому времени, когда онъ не успѣлъ еще выйти изъ подъ вліянія средней комедіи ¹⁾. Что же касается послѣдней, то для нея личность паразита Хэрефона была, на ряду съ другими подобнаго же сорта людьми, одной изъ наиболѣе любимыхъ мишеней для насмѣшекъ, и мы то и дѣло встрѣчаемся съ Хэрефономъ въ цѣломъ рядѣ отрывковъ изъ произведений Антифана, Алексида, Тимокла, Тимоѳея и Никострата ²⁾, а также современника Менандра, Аполлодора изъ Гелы ³⁾. Равнымъ образомъ, такой же мишенью для насмѣшекъ служилъ для поэтовъ средней комедіи и упоминаемый въ „Саміанкѣ“ Андрокль, — личность, намъ ближе не знакомая, хотя его именемъ и была названа одна пьеса комика Софила, какъ доказалъ это недавно Breitenbach въ своей работѣ „De genere quodam titulorum comoediae atticae“ (Basileae 1908), 46 sq. Но коль скоро въ „Саміанкѣ“ мы находимъ ясно выраженные слѣды личной сатиры, да къ тому-же сатиры, направленной противъ тѣхъ, кого вышучивала уже средняя комедія, то не будетъ слишкомъ смѣлымъ предполагать, что „Саміанка“, вмѣстѣ съ *Ἄορῆ* и *Ἀνδρογύγνος*, была создана Менандромъ еще въ ту пору, когда онъ не успѣлъ проложить своей собственной дороги или, иначе, что въ „Саміанкѣ“, какъ выражается Koerte ⁴⁾, „hat Menanders Kunst eben noch nicht ihre φύσις ausgebildet,

1) Согласно единодушному свидѣтельству древности, *Ἄορῆ* была первой пьесой Менандра, которой онъ и дебютировалъ на драматическомъ прищѣ. Что же касается года ея постановки, то если слѣдовать „Паросской Хроникѣ“ (Magtog Parium, В 18, р. 22, ed. Jacoby), этимъ годомъ будетъ 315 годъ до Р. X. Ср. Clark, Cl. Phil. I, 313 sqq. Но гораздо больше вѣроятности заключаетъ въ себѣ показаніе Евсевія, согласно которому драма Менандра *Ἄορῆ* была поставлена въ 325/4 году (= ol. 114,4), причемъ съ этимъ показаніемъ совпадутъ и слова Анопум. de comoedia graeca, 71 (= Kaibel, Com. gr. fragm., I, 1, р. 9), если мы вм. невѣрнаго имени архонта *Διοκλέους* будемъ читать вмѣстѣ съ Legrand, Revue des études grecques, 16 (1903), 358 — *Ἀντικλέους*. Относительно же *Ἀνδρογύγνος* достаточно указать на то, что въ этой пьесѣ упоминалась Ламійская война (fr. 52 Kock), откуда ясно, что постановка *Ἀνδρογύγνος* падаетъ почти на одно время съ постановкой *Ἄορῆ*.

2) Antiph., *Σχῆθαι* (fr. 199 Kock); Alex., *Συναποθνήσκοντες* (fr. 210 Kock) и *Φυγίς* (fr. 257 Kock); Timocl., *Ἐπιστολαί* (fr. 9 Kock); Timoth., *Κυνάριον* (fr. 1 Kock); Nicostr., *Τοκιστής* (fr. 25 Kock).

3) Apollod. Gel., *Ἰέρεια* (fr. 24 Kock) и *Σφαττομένη* (fr. 26 Kock).

4) O. s., 517.

sie schleppt noch die Eierschalen der mittleren Komödie mit sich“. Съ другой же стороны, въ пользу этого предположенія говоритъ и отмѣченная нами выше недостаточная опытность автора въ дѣлѣ драматическаго искусства и, наконецъ, еще кое-какія частности, къ разбору которыхъ мы теперь и перейдемъ и среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ способъ обработки комическаго элемента и та форма, въ которую этотъ элементъ вкладывается.

Нѣсколько выше, а именно, въ „Третьейскомъ судѣ“, мнѣ уже приходилось разбирать вопросъ о „комизмѣ“ у Менандра, причѣмъ этотъ комизмъ я счелъ возможнымъ назвать „серьезнымъ комизмомъ“, да къ тому же такимъ, который выходитъ наружу по бѣльшей части самъ собой, безъ замѣтнаго вмѣшательства со стороны поэта“¹⁾. Однако, въ приложеніи къ „Саміанкѣ“, эти мои слова должны быть нѣсколько ограничены, ибо тотъ комизмъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, отливаетъ, хотя и не вездѣ, чѣмъ-то, напоминающимъ собой древнюю комедію съ присущимъ ей *κατ' ἐξοχήν* буффонствомъ. И дѣйствительно, достаточнo прочесть отъ начала до конца сценку столкновения Демей съ Никератомъ, чтобы на насъ пахнуло знакомымъ намъ аристофановскимъ духомъ, хоть и смягченнымъ въ сильной степени тѣми новыми вкусами и вѣяніями, которыя были внесены въ комическій жанръ „новой“ комедіей. Такъ, прежде всего, въ сценкѣ нѣтъ ни одной обценности, ни одного слишкомъ фривольнаго жеста, или же рассчитанной на грубый эффектъ нецензурной шутки²⁾. Только кое-гдѣ, да и то въ соотвѣтствіи съ нѣсколько грубоватымъ характеромъ Никерата, Менандръ допускаетъ такія выраженія, какъ *κέρραχθι* (ст. 235), — „каркай“, *ἐντεθροίωκεν* (ст. 241) — „обработалъ“, *ἐσχεύακεν* (ст. 254) — „отдѣлалъ“, *βουκολεῖσ* (ст. 251) — „водишь за носъ“ и т. д.³⁾.

1) См. Введение, стр. 24.

2) Если не считать ст. 253, то въ пьесѣ, дѣйствительно, нѣтъ ни одной нецензурности. А впрочемъ, и этотъ стихъ: *εἰ δ' ἐκείνην ἤξιωσε* (ср. *μοιχεύειν* или *διαγορεῖν*), *τήν γε σήν* —, съ допущенной въ немъ фигурой умолчания, представляетъ собой, въ сущности говоря, очень невинную обценность, напоминающую ст. 580 „Третьякаго суда“ (см. стр. 280).

3) Къ числу такихъ-же „крылатыхъ“ словечекъ метафорическаго характера относятся еще: *κατακόπτεισ* (ст. 77) — „ты меня рѣжешь“ (т. е., ты меня изводишь), *σκατοφάγος* (ст. 205) — „навозоѣдъ“ (т. е., свинья

Однако, и эти слова, взятые изъ обычной разговорной рѣчи, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что рѣзало бы слухъ, или казалось придуманнымъ для усиленія комическаго впечатлѣнія. Напротивъ того, заимствованныя изъ настоящей жизни, всѣ эти, и подобныя имъ, реченія придають всему разговору оттънокъ естественности и правдивости, но отнюдь не буффонной грубости, имѣющей цѣлью потѣшать зрителей.

Итакъ, съ точки зрѣнія выбора словъ я не вижу въ сценкѣ ничего, что было бы рассчитано на повышение комизма, равно какъ нѣтъ въ ней и вводимыхъ для той же цѣли такихъ словообразованій, которыя обращали бы на себя вниманіе своей необычностью или произвольностью. Т. е., иными словами, къ разбираемой нами сценкѣ, поскольку дѣло касается ея языка, въ полной мѣрѣ приложимо все то, о чемъ я говорилъ уже при характеристикѣ язычной стороны „Третьскаго суда“.

Но если въ этомъ отношеніи интересующая насъ сценка почти что не отличается отъ прочихъ комедій Менандра, то есть въ ней однако и такія частности, которыя не подходятъ къ обычной менандровской манерѣ и которыя, какъ было уже сказано, заставляють насъ вспоминать о древней комедіи и, въ особенности, о комедіи Аристофана. Къ этимъ частностямъ я хотѣлъ бы отнести прежде всего нѣсколько буффонный характеръ всей сценки, построенной такъ, что каждое слово и движеніе дѣйствующихъ въ ней персонажей производитъ, несмотря на всю кажущуюся драматичность отдѣльных моментовъ, впечатлѣніе рассчитанныхъ на смѣхъ чисто-комическихъ эффектовъ. Правда, въ этихъ эффектахъ нѣтъ бьющаго черезъ край аристофановскаго остроумія и находчивости: они довольно блѣдны и мало красочны. Но, несмотря на это, тонъ, въ которомъ они выдержаны, не есть тонъ того серьезнаго комизма, который мы видѣли въ „Героѣ“ и въ „Третьскомъ судѣ“ и который заключается не столько въ группировкѣ соотвѣтствующихъ положеній, сколько въ характерахъ выступающихъ въ пьесѣ лицъ. Комизмъ нашей сценки будетъ попроще и погрубѣе: онъ весь въ одной в н ѣ ш н о с т и, причемъ его кульминаціоннымъ пунктомъ

свинью), *εἰσφθάρῃθι* (ст. 229) — „сгинь, пропади“, *χαμαὶνὴ* (ст. 133) — „шваль“, „сволочь“, *κατάξω τὴν κεφαλὴν* (ст. 173) — „башку расшибу, по башкѣ съѣзжу,“ и т. д.

является рукопашная, въ которую вступаютъ оба старика послѣ краткаго обмѣна угрозами и увѣщаніями. Такимъ образомъ, Менандръ въ своей „Саміанкѣ“ еще не умѣетъ проводить того, что дѣлается въ послѣдствіи своего рода распознавательнымъ знакомъ его творчества, т. е., иными словами, внѣшній фарсъ, внѣшняя, довольно поверхностная, шутка играютъ въ „Саміанкѣ“ гораздо болѣе видную роль, чѣмъ комизмъ внутренній, получающійся изъ умѣлаго сопоставленія смѣшныхъ чертъ, которыя могутъ быть на лицо въ любомъ характерѣ и въ любой ситуаци и которыя не столько подчеркиваются, сколько просто чувствуются.

Наконецъ, если отъ комизма ситуаци мы перейдемъ къ тѣмъ шуткамъ, съ помощью которыхъ Менандръ старается усилить комическое впечатлѣніе вообще, то мы увидимъ, что эти шутки не заходятъ за предѣлы банальныхъ, а иногда и довольно пошлыхъ эффектовъ. И дѣйствительно, чѣмъ инымъ, какъ не банальностью отзываются опасенія Демеи увидѣть своего внука „опаленнымъ“, или же угрозы Никерата „зажарить“ ребенка и „убить“ Хрисиду? Нѣсколько лучше, конечно, скомпанована та часть рѣчи Демеи, гдѣ онъ старается доказать, что въ несчастіи, приключившемся съ Плангѳомъ, виноватъ самъ Зевесъ, и гдѣ онъ называетъ дѣвушку второй Данаей. Тутъ — это правда — нельзя отрицать личности настоящей неподдѣльной веселости и юмора, которые усугубляются еще тѣмъ, что Никератъ, какъ истинный тяжкодумъ, принимаетъ слова Демеи въ серьезъ и только подъ самый конецъ соображаетъ, что надъ нимъ просто на просто потѣшаются. Однако, и это красивое сопоставленіе Плангѳа съ Данаей, а въ особенности намеки на многолюбіе Зевса (ст. 249 сл.), не представляютъ собой чего либо оригинальнаго: вѣдь мы имѣемъ здѣсь одно изъ „общихъ мѣстъ“, то и дѣло повторяемыхъ въ греческой литературѣ! Достаточно указать, напр., на „Птицъ“ Аристофана (ст. 555 слл.), или на „Евнуха“ Теренція (ст. 588 слл.), гдѣ затрагивается приблизительно та-же тема, повидимому, общая для всей комедіи: недаромъ же фигурируетъ она, и притомъ не одинъ разъ, у Лукіана, этого знатока и перелagателя комическихъ пьесъ вообще и пьесъ Менандра въ частности¹⁾!

1) Luc., Somn. sive Gall., 13 (p. 722), а также Deor. conc. 6 (p. 531).

Но даже если мы и воздадимъ должное остроумію указаннаго нами пассажа, намъ все таки придется признать, что на немъ лежитъ ясный отпечатокъ фарса, тотъ отпечатокъ, который присущъ всей „Саміанкѣ“ и который приближаетъ ее болѣе, чѣмъ всякую другую пьесу Менандра, къ древней комедіи, про которую еще Leo сказалъ, что она была матерью „новой“¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, фарсовый отпечатокъ замѣтенъ во многихъ мѣстахъ нашей пьесы, и замѣтенъ настолько сильно, что его не затѣняютъ и не могутъ затѣнить даже болѣе серьезныя части комедіи, какъ, напр., начинающій пьесу монологъ Демеи, или же разговоръ послѣдняго съ Хрисидой. Ввиду этого я могу только согласиться съ Carrs'омъ, который называетъ „Саміанку“ „a farcical comedy“ и который хочетъ усматривать аналогію къ ней въ „Менэхмахъ“ Плавта, гдѣ дѣйствіе, построенное на сходствѣ двухъ братьевъ и на вытекающихъ отсюда коллизіяхъ, носитъ также очень ясно подчеркнутый фарсовый характеръ²⁾. Но соглашаясь съ этимъ, я не вижу однако достаточныхъ основаній для того, чтобы, вмѣстѣ съ Carrs'омъ, видѣть въ Менандрѣ, авторѣ „Саміанки“, „an innovator in this direction“³⁾, ибо для подобнаго заключенія еще недостаточно того обстоятельства, что „the original of the Menaechmi was composed a generation after Menander's death“. Не лучше ли, наоборотъ, думать, что, создавая „Саміанку“, Менандръ шелъ отчасти старой дорогой, которую проложила древняя комедія и которую видоизмѣнила средняя, т. е., дорогой постепеннаго перехода отъ сатиры и фарса къ болѣе серьезному жанру бытоописательнаго оттѣнка? И такъ какъ въ литературѣ ничто никогда не дѣлается скачками, то и по отношенію къ Менандру произошла самая обычная исторія, а именно, выступая на литературное поприще, Менандръ долженъ былъ, несмотря на всю оригинальность своего таланта, избыть общую судьбу всякаго поэта, т. е. онъ долженъ былъ отразить на себѣ старыя вліянія, которыя и сдѣлали то, что „Саміанка“, стоящая на своего рода перепутьи между старымъ и новымъ,

1) Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43 (1908), 165).

2) Carrs, о. с., 230.

3) Carrs, о. с., 230.

являетъ собой разительный примѣръ смѣшенія фарса съ одной стороны и бытовой комедіи съ другой. Итакъ, пока нами выяснено, что въ „Саміанкѣ“ имѣются налицо такія подробности, изъ которыхъ однѣ не замѣчаются въ болѣе зрѣлыхъ пьесахъ Менандра, а другія, если и замѣчаются, то не играютъ во всякомъ случаѣ важной роли и не подвергаются такой детальной обработкѣ, какъ здѣсь. Къ числу первыхъ относится, какъ мы это видѣли, „личная“ сатира, т. е. то, что греки обозначали терминомъ *διόμοιαστί κωμωδείν*, а къ числу вторыхъ явная склонность къ фарсу и желаніе смѣшить черезъ посредство разнаго рода грубыхъ эффектовъ, довольно банальнаго характера. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ относить и отмѣченную нами неискренность въ направленіи и веденіи дѣйствія, а также и нѣкоторое несоотвѣтствіе между поступками и характерами отдѣльныхъ персонажей. Такъ, напр., въ разобранной нами сценкѣ столкновенія Демей съ Никератомъ нѣсколько странной и необоснованной кажется внезапная отходчивость послѣдняго, который вдругъ, безъ достаточныхъ на то оснований, какъ-то сразу успокаивается и сразу переходитъ на дружескую бесѣду, да притомъ столь мирнаго оттѣнка, что его недавній гнѣвъ и неистовство кажутся чѣмъ-то наноснымъ и ненужнымъ. Да и вообще, герои „Саміанки“ дѣйствуютъ какими-то скачками, словно маріонетки, которыхъ дергаютъ за веревку, — однимъ словомъ, дѣйствуютъ такъ, какъ дѣйствуютъ многіе изъ персонажей аристофановскихъ пьесъ, то и дѣло переходящіе отъ неровностей къ неровностямъ и отъ крайностей къ крайностямъ, ничѣмъ не вызываемымъ и ничѣмъ настоящимъ образомъ не оправдываемымъ. Но всѣ эти, разсмотрѣнные нами, частности являются, въ сущности говоря, только подтвержденіемъ приведеннаго выше мнѣнія Koerte, слѣдую которому мы и можемъ теперь съ полнымъ правомъ смотрѣть на пьесу Менандра „Саміанку“, какъ на образецъ такой „новой“ комедіи, которая въ достаточной мѣрѣ отразила на себѣ особенности древняго комическаго жанра и которая, именно въ силу этого, и оказывается для насъ драгоценнымъ литературнымъ памятникомъ: вѣдь въ ней мы видимъ Менандра, будущаго создателя „мѣщанской драмы“, стоящимъ еще на перепутьи!

4.

Разобравъ вопросъ о зависимости „Саміанки“ отъ древней и средней комедіи, мы должны коснуться теперь другой, не менѣе интересной проблемы, а именно, мы должны посмотреть, отразилось ли на нашей пьесѣ вліяніе трагедіи, и если отразилось, то въ какой степени и въ чемъ. Коснемся прежде всего сюжетной стороны. При характеристикѣ и разборѣ „Третьскаго суда“ мы указывали уже на то, что эта комедія представляетъ собой своего рода контаминацію изъ „Авги“ и „Алопы“ Еврипида, приче́мъ какъ первая, такъ и вторая пьесы дали Менандру не только фабулу, но и матеріаль для постройки, по крайней мѣрѣ, одной и притомъ центральной сценки. Спрашивается теперь, можно ли подмѣтить нѣчто подобное и въ „Саміанкѣ“? По правдѣ говоря, отвѣтить на этотъ вопросъ вполне положительно оказывается дѣломъ довольно труднымъ, ибо у насъ въ данномъ случаѣ нѣтъ такихъ ясныхъ доказательствъ, какія имѣются по отношенію къ „Третьскому суду“. И тѣмъ не менѣе, совсѣмъ недавно была сдѣлана попытка найти среди Еврипидовскихъ пьесъ основу для нашей, приче́мъ попытка эта, принадлежащая Sehrт'у¹⁾, сводится къ слѣдующему. У Еврипида была трагедія „Фэниксъ“, содержаніе которой нѣсколько напоминало собой содержаніе „Ипполита“, ибо и въ ней выступалъ юноша, возбуждающій къ себѣ любовь, правда, не жены, но наложницы отца и затѣмъ, ввиду отказа удовлетворить страсть послѣдней, навлекающій на себя цѣлый рядъ бѣдствій. Какъ въ „Ипполитѣ“ Федра, такъ и здѣсь „ἀμνηστειτος γυνή“ Аминтора взводила клевету на юношу, обвиняя его передъ царемъ въ желаніи вовлечь ее въ грѣхъ, въ результатѣ чего разгнѣванный царь ослѣплялъ сына, а послѣдній уходилъ къ Пелею, и тамъ, черезъ посредство кентавра Хирона, вновь обрѣталъ зрѣніе и дѣлался владыкой Долоповъ²⁾. Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе еври-

1) Sehrт, о. с., 29 sqq.

2) Apollod. biblioth. III, 13, 8,3. По поводу трагедіи см. Welcker, Die griech. Tragödien, II, 803 sqq. Что же касается отрывковъ изъ „Феникса“ и различныхъ свидѣтельствъ древности относительно содержанія пьесы, то всѣ они сведены у A. Nauck², Trag. graec. fragmenta, 621 sqq.

пидовской драмы, въ которой общимъ съ нашей „Саміанкой“ будетъ только наличность наложницы и ошибочное подозрѣніе отца. Что же касается всего остального, то здѣсь трудно усмотрѣть что либо, хотя бы отдаленно напоминающее комедію Менандра, если не считать за таковое счастливый конецъ пьесы, показывающій, что она, подобно „Алкестѣ“, занимала въ соотвѣтствующей трилогіи или тетралогіи мѣсто „сатирической драмы“. Но всего этого, какъ мнѣ кажется, слишкомъ еще недостаточно для того сближенія, которое дѣлаетъ Sehrт, а тѣмъ болѣе для такого безапелляціоннаго вывода, какъ нижеслѣдующій: „*qua re cognita summo iure licet autumare Menandrum illam argumenti rationem, qua Phoenix Euripidis moveretur, Samiae consulto inseruisse*“. И дѣйствительно, если мы пойдемъ дорогой Sehrт'a, то съ такимъ же правомъ, съ какимъ дѣлаетъ это онъ, мы можемъ предполагать, что прототипомъ „Саміанки“ былъ не одинъ „Фэниксъ“, но и „Ипполитъ“ Еврипида, ибо и въ „Ипполитѣ“ разрабатывается та-же тема, съ той только разницей, что здѣсь роль искустельницы играетъ не наложница, а законная жена.

Итакъ, я считаю для себя абсолютно немислимымъ примкнуть къ гипотезѣ Sehrт'a, съ отпаденіемъ которой одновременно отпадаетъ и всякая возможность найти среди трагедій Еврипида такую пьесу, которая послужила бы основой для „Саміанки“, и притомъ основой, давшей ей почти что всю фабулу. А если подобная основа и существовала на самомъ дѣлѣ, хотя это и не необходимо, то во всякомъ случаѣ ею не могъ быть еврипидовскій „Фениксъ“, заключающій въ себѣ слишкомъ уже мало точекъ соприкосновенія съ „Саміанкой“, какъ можно судить объ этомъ по его содержанію, изложенному Аполлодоромъ.

Но если, поскольку дѣло касается сюжета, мы не можемъ найти для „Саміанки“ подходящей трагической основы, то кое-какіе трагическіе отзвуки все-таки различимы въ ней, хотя они и ограничиваются всего на всего четырьмя стихами, входящими въ тотъ монологъ Демеи, который идетъ вслѣдъ за его разговоромъ съ Парменономъ (ст. 110—114). И дѣйствительно, не говоря уже о повышенномъ тонѣ этихъ стиховъ, томъ тонѣ, которымъ „новая“ комедія пользуется иногда для обозначенія чувствъ гнѣва, страха или вообще

волненія¹⁾ и который, конечно, долженъ быть названъ трагическимъ, — не говоря уже объ этомъ, самый способъ выраженія, здѣсь примѣненный, живо напоминаетъ собой трагедію и въ частности трагедію Еврипида. Такъ, прежде всего, чисто-трагическимъ надо считать возгласъ Демеи, обращенный имъ къ *Κεκροπία χθών* и къ ээиру (ст. 110), возгласъ, къ которому можно найти немало параллелей въ различныхъ произведеніяхъ трагиковъ и для котораго имѣется между прочимъ хорошая аналогія въ слѣдующемъ восклицаніи Демеи изъ *Adelphoe* Теренція (ст. 790): *o caelum, o terra, o maria Neptuni*. Далѣе, что касается самой формы этого возгласа, то слова (ст. 110): *ὦ πόλισμα Κεκροπίας χθονός* заставляютъ вспоминать ст. 34 еврипидовскаго „Ипполита“: *ἐπεὶ δὲ Θησεὺς Κεκροπίαν λείπει χθόνα*, равно какъ выраженіе: *ὦ ταναόσ ἀϊθήρ* (ст. 111) оказывается заимствованнымъ изъ еврипидовскаго „Ореста“ (ст. 322)²⁾. Наконецъ, чисто-еврипидовской манерой отзывается и обращеніе Демеи къ самому себѣ въ ст. 111 слл. (ср. также ст. 134), — подробность, которая уже была отмѣчена Leo³⁾, указавшимъ на то, что подобный способъ обращенія героевъ къ самимъ себѣ во 2 лицѣ, съ присовокупленіемъ своего имени, впервые былъ введенъ въ трагедію Еврипидомъ. Однимъ словомъ, изъ всего нами указаннаго явствуется, что отмѣченный нами пассажъ носитъ на себѣ ясныя слѣды трагическаго стиля, взятаго однако не для комическихъ цѣлей, а исключительно для того, чтобы какъ можно болѣе выпукло обрисовать повышенное настроеніе героя, не владѣющаго собой и берущаго благодаря этому нѣсколько необычный тонъ, подобно тому, какъ такой же тонъ беретъ въ „Третьемъ судѣ“ и Харисій, выбитый изъ колеи разрывшимися надъ нимъ несчастіями (см. стр. 300). Но при этомъ не мѣшаетъ отмѣтить, что Демея, въ противоположность Харисію, гораздо скорѣе сходитъ на обычную рѣчь и что, въ силу этого, повышенное начало его монолога не такъ хорошо вяжется съ его дальнѣйшими словами, выдержанными въ духѣ обыденнаго разговора съ самимъ собою. Однако, чтобы тамъ ни было, трагическій стиль все-таки остается на

1) См. „Введеніе“, стр. 4.

2) Ср. также Eurip. Med., 771, гдѣ стоитъ слово „πόλισμα“ и Eurip. Ion, 1571, гдѣ встрѣчается выраженіе „Κεκροπία χθών“.

3) Leo, Der Monolog im Drama, 99 sqq.

лицо, и мы, такимъ образомъ, можемъ сказать, что комедія Менандра „Саміанка“, несмотря на всю близость свою къ древнему комическому жанру, заключаетъ въ себѣ и нѣкоторые слѣды еврипидовскаго вліянія, которое, правда, не проявляется въ ней съ такой опредѣленностью, какъ въ „Третьскомъ судѣ“, но которое тѣмъ не менѣе ощущается въ частностяхъ, хотя бы и второстепеннаго характера¹⁾.

Отмѣченными мною подробностями исчерпывается, какъ мнѣ кажется, все, въ чемъ можно было бы усматривать нѣкоторую связь между нашей пьесой и трагедіей, ибо что касается ея структурной стороны, то тутъ, ввиду недостаточности текста, трудно придти къ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе, что и устройство начальныхъ сценъ пьесы остается для насъ загадкой. Правда, въ нашемъ распоряженіи имѣется довольно длинный монологъ Демеи, открывающій комедію въ ея настоящемъ, неполномъ видѣ. Но и этотъ монологъ, который разсматривался раньше, какъ прологъ, выдержанный въ еврипидовскомъ духѣ, не можетъ имѣть для насъ большого значенія, коль скоро доказано, что онъ начиналъ не первый, а второй актъ пьесы. А если все-таки и слѣдуетъ сказать по его поводу нѣсколько словъ, то я былъ бы очень не прочь приравнять его по его значенію и формѣ къ рассказамъ трагическихъ вѣстниковъ и въ особенности вѣстниковъ, выступающихъ въ драмахъ Еврипида. И въ самомъ дѣлѣ, по своей наглядности, простотѣ и пластичности онъ, на мой взглядъ, дѣйствительно подходит къ еврипидовской рѣчи, которая, какъ разъ, въ рассказахъ вѣстниковъ достигала наибольшей естественности и умѣнія приближаться къ разговорному языку, не теряя притомъ своей трагической важности и обстоятельности. Такъ вотъ эта самая обстоятельность ярко сказывается и въ словахъ Демеи, который выступаетъ передъ зрителями съ своего рода отчетомъ, подобно тому, какъ съ такими же отчетами выступали и ἄγγελοι предъ лицомъ трагическихъ персонажей. Приэтомъ, какъ настоящій ἄγγελος, Демея входитъ въ самую мельчайшія

1) Подражаніе трагическому стилю слѣдуетъ усматривать еще въ ст. 329: *θυρίαμ' ἀνάπτειαι* <τι> *θῦρά θ' Ἡραίστου βίαι*, но здѣсь мы имѣемъ передъ собой скорѣе комическій эффектъ, такъ наз. *παράτραυφδία*, чѣмъ желаніе поэта придать стилю серьезность и положительность, какъ въ ст. 110—112.

детали всего происшедшаго, и только подъ самый конецъ разсказа нѣсколько отдалается отъ безпристрастнаго повѣствовательнаго тона, котораго онъ держался сперва, что и понятно: вѣдь все, о чемъ онъ повѣствуетъ, въ первую голову касается его самого, — онъ не только раскащикъ, онъ и участникъ происшедшаго! И быть можетъ, ни одинъ изъ монологовъ, которыми такъ богаты пьесы Менандра, не носить на себѣ столь наглядныхъ повѣствовательныхъ чертъ, и притомъ такихъ чертъ, которыя, будучи не къ мѣсту въ прологѣ, оказываются вполнѣ на мѣстѣ въ разсказѣ, съ котораго и начинаются дальнѣйшія осложненія въ ходѣ всего дѣйствія. Итакъ — повторяю еще разъ — я былъ бы не прочь разсматривать монологъ Демеи такъ, какъ я его разсматриваю, и видѣть въ немъ отраженіе еврипидовской манеры, но только еще болѣе приближенной къ жизни, а потому и лишенной трагической величавости и приподнятости. Вѣдь не надо забывать, что въ „Саміанкѣ“ мы имѣемъ дѣло съ бытовой комедіей, хотя и не стоящей еще на той высотѣ, на которой стоятъ „Третейскій судъ“ и „Отрѣзанная коса“, лучшія изъ дошедшихъ до насъ пьесъ Менандра!

Спрашивается теперь, что можемъ сказать мы, проанализировавъ „Саміанку“ съ точки зрѣнія веденія дѣйствія и ея зависимости отъ трагическаго и древняго комическаго жанра, — что можемъ сказать мы по поводу затронутой въ ней бытовой стороны и выведенныхъ въ ней типовъ и характеровъ? Что касается бытовой стороны, то ей въ „Саміанкѣ“ удѣлено не меньше мѣста и вниманія, чѣмъ въ любой изъ остальныхъ пьесъ Менандра, причемъ передъ нами проходитъ цѣлый рядъ дивныхъ жанровыхъ картинокъ, выхваченныхъ изъ настоящей жизни и иллюстрирующихъ тогдашній семейный и общественный укладъ, равно какъ и тогдашніе нравы и привычки, — однимъ словомъ, все то, что поэтомъ наблюдалось и среди чего онъ жилъ и дѣйствовалъ. Но само собой разумѣется, что всѣ эти проявленія жизни, на передачѣ которыхъ останавливается поэтъ, не поднимаются надъ уровнемъ ординарщины, какъ не поднимаются надъ нею и типы тѣхъ людей, которые выступаютъ въ пьесѣ въ качествѣ носителей дѣйствія. Но это и понятно: вѣдь Менандръ и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, является истолкователемъ и иллюстраторомъ сѣренькой обыденщины, той самой обыденщины, которая

не даетъ и не можетъ дать ни интересныхъ по сложности характеровъ, ни какихъ либо глубокихъ жизненныхъ положеній. Съ другой же стороны, ввиду фарсоваго оттѣнка, лежащаго на нашей пьесѣ, а также недостаточной еще умѣлости автора, тѣ картины быта, которыя даются въ „Саміанкѣ“, носятъ, несмотря на всю свою прелесть, нѣсколько поверхностный характеръ, чего нѣтъ, напр., въ „Третьейскомъ судѣ“, гдѣ гораздо яснѣе и рельефнѣе рисуется какъ сама жизнь, такъ и разныя бытовыя подробности, съ этой жизнью связанныя. Т. е., я хочу сказать, что въ картинахъ быта, набрасываемыхъ въ „Саміанкѣ“, нѣтъ надлежащей продуманности и законченности, вслѣдствіе чего онѣ всего скорѣе напоминаютъ собой моментальныя фотографіи, да къ тому-же снятыя, по большей части, съ малоинтересныхъ оригиналовъ. Такъ, напр., въ противоположность „Третьейскому суду“, въ „Саміанкѣ“ почти нѣтъ такихъ картинъ, которыя вскрывали бы внутреннія стороны жизни, выясняли бы сословныя отношенія, подчеркивали бы нѣкоторыя соціальныя условія и особенности. Напротивъ того, авторъ „Саміанки“ ограничивается въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что, набросавъ въ общихъ чертахъ жанровую картинку, сразу отходитъ отъ нея и берется затѣмъ за обработку какихъ нибудь графаретныхъ эффектовъ и подробностей. Благодаря этому, характеръ внѣшности, который проявляется въ способѣ веденія дѣйствія, проявляется не менѣе ярко и въ трактовкѣ всего жизненнаго уклада тѣхъ лицъ, которыя выступаютъ въ пьесѣ, что не мѣшаетъ, конечно, встрѣчать иногда удивительныя по выпуклости и жизненности картины, какъ, напр., изображеніе хлопотъ по поводу ожидаемаго брачнаго торжества, или описаніе разговора между няней Мосхіона и рабыней (ст. 1 сл.). Вотъ эти картины можно назвать дѣйствительно безукоризненными, и притомъ такими, которыя, перенося насъ въ обстановку того времени, сразу ставятъ насъ предъ лицомъ настоящихъ живыхъ людей, взятыхъ изъ подлинной жизни, но отнюдь не придуманныхъ поэтомъ.

Однимъ словомъ, знаніе жизни, умѣніе приглядываться къ различнымъ сторонамъ послѣдней, искусство брать изъ этой жизни то, что было въ ней типичнымъ, — все это уже находится на лицо у автора „Саміанки“ и то и дѣло выходитъ наружу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ-нѣтъ, да и ска-

жется неумѣніе автора развивать и углублять интересные моменты и положенія, равно какъ то и дѣло ощущается какая-то неровность и какое-то странное смѣшеніе стараго, трафаретнаго, съ желаніемъ внести нѣчто новое, а именно, замѣнить передачу однихъ внѣшнихъ подробностей углубленіемъ во внутреннія особенности наблюдаемыхъ объектовъ.

Но, быть можетъ, ни въ чемъ другомъ не сказывается съ такой опредѣленностью эта неровность, какъ въ обработкѣ характеровъ дѣйствующихъ въ пьесѣ персонажей, — любопытная частность, на которой намъ и придется остановиться подольше.

Мнѣ уже приходилось говорить выше, что Менандръ, въ противоположность „средней“ комедіи, старался выводить въ своихъ пьесахъ не столько простые, трафаретные типы, сколько индивидуальныя характеры, причемъ съ особенной яркостью сказывается это въ „Третьейскомъ судѣ“, гдѣ условнымъ типомъ является только одинъ поварь. Но это стремленіе къ индивидуализированію ходячихъ типовъ и умѣніе достигать послѣдняго, да притомъ такъ, что любой индивидуальный характеръ сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ типичныхъ особенностей, — это умѣніе, говорю я, еще не проявляется въ достаточной степени въ „Саміанкѣ“, на что уже было указано Capps'омъ¹⁾ и Zuretti²⁾. И дѣйствительно, если выключить Демею и, пожалуй, Хрисиду, то всѣ остальные персонажи окажутся самыми типичными представителями тѣхъ условныхъ группъ, которыя „новая“ комедія переняла у „средней“.

Возьмемъ, ради примѣра, поваря. Съ поваромъ, какъ рисуется онъ обыкновенно въ комедіи, мы уже встрѣчались въ „Третьейскомъ судѣ“, гдѣ ему удѣлена довольно большая роль чисто-фарсового характера. Приэтомъ мы видѣли, что чертами, характеризующими его по преимуществу, являются: *περιεργία*, *λαλία* и *ἀεργία*. Спрашивается теперь, что новаго прибавляетъ къ этому образу повара поварь изъ „Саміанки“? Ровно ничего такого, что отграничивало бы его, какъ характеръ, отъ сходнаго съ нимъ персонажа, выступающаго въ „Третьейскомъ

1) Capps, o. c., 230.

2) Zuretti, o. c., 266: i personaggi sono tutte figure e tipi, più che caratteri, ad eccezione di Demea, finamente disegnato; si vede l'unghia del leone.

судѣ“, ибо его отличительными чертами оказываются снова веселость, болтливость и склонность къ сплетнямъ и бездѣлю, т. е. обычныя типичныя черты, безъ которыхъ поварь, какъ таковой, — немислимъ въ представленіи комиковъ. Что же касается какихъ нибудь индивидуальных особенностей, то онѣ отсутствуютъ безусловно, благодаря чему поварь изъ „Саміанки“ и остается просто на просто однимъ изъ звеньевъ, составляющихъ обычный цеховой типъ, не больше. Равнымъ образомъ, такимъ же условнымъ, ходячимъ типомъ будетъ и няня Мосхіона, которая, хотя и не выступаетъ въ пьесѣ на положеніи настоящаго дѣйствующаго лица, все таки въ достаточной мѣрѣ обрисовывается передъ нами со словъ Демеи и Парменона, причѣмъ на основаніи этихъ словъ очень не трудно представить себѣ фигуру ворчливой старухи, страдающей къ тому же однимъ существеннымъ недостаткомъ: она не прочь хлебнуть лишняго (ст. 87 сл.). Но разъ это такъ, то типъ няни подойдетъ подъ общій какъ для „средней“, такъ и для „новой“ комедіи типъ старухи-пьяницы, то и дѣло попадающійся въ отрывкахъ изъ комиковъ, причѣмъ начало этому типу было положено еще Аристофаномъ и „древней“ комедіей¹⁾.

Впрочемъ, я не отрицаю, что оба, разобранные мной, персонажи играютъ роль простого аксессуара, оживляющаго дѣйствіе, но не имѣющаго для послѣдняго мало-мальски существеннаго значенія. Отсюда ясно, что поэтъ могъ и не углублять ихъ, а тѣмъ болѣе превращать изъ типовъ въ индивидуальные характеры! Слѣдовательно, намъ, для доказательства того, что въ „Саміанкѣ“ выводятся скорѣе типы, чѣмъ характеры, надо обратиться къ протагонистамъ, т. е. къ тѣмъ персонажамъ, которые и несутъ на себѣ все дѣйствіе пьесы.

Коснемся прежде всего Мосхіона и Парменона, воплощающихъ въ себѣ обычную для „новой“ комедіи пару: юношу и, посвященнаго въ его любовныя тайны, раба, — вѣчную пару, которая, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ продолжаетъ встрѣчаться потомъ даже у Мольера и Бомарше, какъ своего рода отзвукъ устарѣвшей сценической манеры.

1) См. Süss, De personarum antiquae comoediae atticae usu et origine, 129 sqq.

Что касается Мосхiona, то, поскольку роль его сохранилась въ пьесѣ, онъ — типичный представитель ампула *adulescens*. Въ немъ больше порывовъ, чѣмъ рѣшительности, больше склонности къ обдумыванію поступковъ, чѣмъ къ ихъ исполненію, т. е. онъ одинъ изъ тѣхъ, которые „не способны принять какое-нибудь рѣшеніе, и постоянно заявляютъ, что не знаютъ, что имъ дѣлать“¹⁾. Какъ и полагается *adulescens*, онъ весь ушелъ въ свою любовь: „Эротъ владѣетъ его думами“, „возлюбленная Плангò держитъ его въ своей власти“, „смѣлаго шага ему не сдѣлать“. Онъ можетъ только мечтать о томъ, что ему слѣдовало бы уйти отъ отца, но уйти на самомъ дѣлѣ онъ не въ состояніи: все, имъ переживаемое, а также и его слабый характеръ являются этому помѣхой. Одинъ только разъ кажется онъ уже готовымъ, если не къ серьезной роли, то, по крайней мѣрѣ, къ разыгрыванію таковой. Это, когда онъ хочетъ сдѣлать видъ, будто, не вынеся нанесенной ему обиды, онъ покидаетъ отчій домъ и идетъ на чужбину, чтобы тамъ размыкать свое горе. Но и тутъ очень скоро овладѣваютъ имъ сомнѣнія, страхи, неуверенность, и опять во всей своей очевидности выступаетъ основная черта его характера: безволіе. А такъ вообще Мосхiонъ — добрый малый, тихій и скромный (*κόσμιος*), могущій иногда вспылить, поступить опрометчиво, сдѣлать глупость, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступный глубокому чувству любви и привязанности, какъ видно это, напримѣръ, изъ его думъ о Плангò²⁾. Однако, если сдѣланная мной характеристика правильно отмѣчаетъ всѣ особенности, присущія Мосхiону, то легко видѣть, что въ лицѣ Мосхiона мы имѣемъ дѣло не съ индивидуальнымъ характеромъ, а съ простымъ типомъ *adulescens*, который не разъ попадаетъ въ греко-римской комедіи и который выдерживается обыкновенно въ одномъ и томъ же тонѣ, въ тонѣ „*amator fervidus*“, какъ говоритъ

1) Б. В. Варнеке. Роль *adulescens* въ древне-римской комедіи (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1908, августъ, отд. класс. филол., 317).

2) Я совершенно не вижу данныхъ для слѣдующей характеристики Мосхiона, которую предлагаетъ Робертъ (*Der neue Menander*, 9): „*Moschion stellt sich im folgenden, als ein von seinem Vater grenzenlos verwöhnter 115—117. 171—190. 195, arroganter, empfindlicher, launenhafter und doch energieloser 355—379, junger Herr heraus*“. Ср. Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 102.

Апулей¹⁾. Что же касается какихъ нибудь самобытныхъ чертъ, которыя дѣлали бы изъ Мосхіона опредѣленную личность, то ихъ мы подмѣтить не можемъ, если не считать только, что онѣ сказывались въ тѣхъ поступкахъ и думахъ юноши, изображенію которыхъ были посвящены сцены, до насъ не дошедшія. Но такъ какъ подобное предположеніе, въ сущности говоря, ни на чемъ не основано, то правильнѣе будетъ сказать, что образъ Мосхіона не достаточно углубленъ и развитъ Менандромъ: онъ набросанъ въ общихъ чертахъ, онъ не разработанъ детально, да къ тому же показанъ намъ почти исключительно съ внѣшней стороны, а не со стороны своихъ духовныхъ проявленій.

То-же самое хотѣлъ бы я сказать и по поводу Парменона, который, подобно Мосхіону, является опять таки скорѣе цеховымъ типомъ раба, чѣмъ характеромъ, въ надлежащей степени индивидуализированнымъ. И дѣйствительно, въ чемъ выражаются и къ чему сводятся отличительныя черты Парменона? Онѣ сводятся къ „сованію своего носа повсюду“, къ пронырству, къ трусости и къ наглости, т. е., къ тѣмъ особенностямъ, которыми обыкновенно и характеризуется *servus callidus*. Правда, у Парменона есть еще вѣрность и преданность своему „барченку“, своему *τρόφιμος*, для котораго онъ идетъ и готовъ идти на многое и тайну котораго онъ сохраняетъ въ полной ея неприкосновенности. Но эта черта, сближающая его съ Онисимомъ, не является чертой доминирующей, такой чертой, по которой можно было бы выдѣлять его изъ ряда остальныхъ рабовъ, выступающихъ въ пьесахъ „новой“ комедіи, подобно тому, какъ выдѣляетъ она Гету изъ *Adelphoe* Теренція. Вѣдь какъ ни какъ, а то, что, по преимуществу, присуще Парменону, немногимъ отличается отъ того, что находится на лицо уже у аристофановскихъ Каріона и Ксанеія, — этихъ родоначальниковъ типа раба вообще!

Итакъ, что касается особенностей Парменона, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что придавало бы образу Парменона что нибудь новое, только ему одному присущее, ввиду чего видѣтъ въ Парменонѣ индивидуальный характеръ будетъ, какъ мнѣ кажется, дѣломъ неправильнымъ. Но если Парменонъ, какъ одна изъ разновидностей типа

1) Apul. Flor., 16 (ed. Helm, p. 24).

раба, и не можетъ остановить на себѣ нашего вниманія, то есть всё таки въ роли, на него возложенной, одна частности, въ которой уже сказывается склонность Менандра къ проведению психологическаго анализа, та самая склонность, которая потомъ такъ ярко вырисовывается въ „Третьейскомъ судѣ“, напр., въ монологахъ Онисима и Харисія. Вотъ на такомъ же монологѣ Парменона мнѣ и хотѣлось бы теперь остановиться.

Въ этомъ монологѣ поэтъ, исходя изъ характера своего героя, изображаетъ, какъ, путемъ постепеннаго самоубѣжденія, данный человѣкъ старается разсѣять свои страхи, какъ съ помощью логическихъ обоснованій онъ идетъ къ относительному душевному успокоенію и какъ, наконецъ, этотъ человѣкъ, еще недавно трепетавшій, начинаетъ шутить надъ былой опасностью. Этотъ градаціонный переходъ отъ одного ощущенія къ другому проведенъ удивительно тонко, и подъ конецъ монолога уже начинаешь чувствовать, какъ робкая вначалѣ фигура Парменона постепенно выпрямляется, какъ Парменонъ снова вырастаетъ въ своихъ глазахъ и дѣлается опять тѣмъ несравненнымъ Парменономъ, надоедливымъ и нагловатымъ, какимъ мы знали его раньше и какимъ снова выступаетъ онъ въ послѣднихъ сценахъ комедіи. Но подобный анализъ переживаемыхъ человѣкомъ ощущеній уже не имѣетъ ничего общаго съ поверхностной обрисовкой какого нибудь условнаго типа: это — уже новая манера, это уже тотъ способъ, съ помощью котораго и совершается переходъ отъ комедіи типовъ къ комедіи индивидуальных характеровъ. Такимъ образомъ, при обрисовкѣ Парменона Менандръ дѣлаетъ большой шагъ впередъ по сравненію съ обрисовкой Мосхіона и повара; но еще болѣе замѣтный прогрессъ наблюдается у поэта при трактовкѣ имъ характера Демеи, т. е. того персонажа, который и вызываетъ всѣ дальнѣйшія драматическія коллизіи.

По природѣ своей Демея — добрый, благодушный человѣкъ, привыкшій къ спокойной жизни и не желающій отказывать себѣ въ томъ, что доставляетъ ему пріятность. Онъ, несмотря на свои пожилые годы, не хочетъ, а пожалуй, и не можетъ существовать безъ любви, безъ ласки; ему нужна уютная, теплая атмосфера; ему нужны люди, которые хорошо бы къ нему относились и которымъ бы онъ въ свою очередь могъ

высказывать свое расположение. Такихъ людей у него двое : приемный сынъ Мосхіонъ и любовница Хрисиды, причѣмъ именно эти два человѣка, по преимуществу, и заполняютъ собой его существованіе. Нѣжный отецъ не пересиливаетъ въ Демеѣ нѣжнаго любовника, — наоборотъ, оба отгѣнка любви словно дополняютъ другъ друга и даютъ Демеѣ нужное ему счастье. Но вотъ происходитъ катастрофа, которая выводитъ старика изъ его обычнаго благодушія. Въ немъ начинается борьба между отцомъ и любовникомъ. Эта борьба идетъ долго, ибо Демеѣ не хочется разочаровываться въ тѣхъ, кто ему дорогъ. Осудить обоихъ виновныхъ онъ не можетъ, оправдать ихъ онъ тоже не въ состояніи. Надо идти на компромиссъ, и вотъ мало-по-малу, все сильнѣе и сильнѣе, начинается звучать въ немъ голосъ оскорбленнаго любовника. Сообразно съ этимъ нѣжность отца къ сыну получаетъ особую окраску: Демея начинаетъ жалѣть Мосхіона, какъ жертву опытной кокетки. Но жалость къ сыну и желаніе оправдать его усиливаетъ раздраженіе противъ Хрисиды, которое тѣмъ болѣе ощутительно, что Демея не можетъ стать равнодушнымъ къ обольстительному образу своей невѣрной подруги. Ревность душитъ его, страсть продолжаетъ говорить въ немъ. Остается одно : рѣшить вопросъ сразу, — способъ, примѣняемый иногда и слабыми людьми, желающими хоть чѣмъ-нибудь скрыть отъ самихъ себя свою слабость. И тогда онъ, этотъ мягкій человѣкъ, выгоняетъ на улицу провинившуюся передъ нимъ женщину, стараясь убѣдить себя въ томъ, что этого шага требуетъ отъ него любовь къ сыну. Такимъ образомъ, буря, поднявшаяся въ душѣ Демеи, приводитъ его къ жестокости, но лишь только онъ сознаетъ свою ошибку, въ немъ сразу просыпается прежній Демея, природѣ котораго чуждъ всякій актъ насилія, и нравственный обликъ его становится снова благодушнымъ и терпимымъ, какимъ былъ до катастрофы. Такимъ образомъ, трактуя Демею, Менандръ очень ясно и очень отчетливо показываетъ намъ ту внутреннюю борьбу, которая идетъ въ его героѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показывая эту борьбу, онъ очень наглядными штрихами очерчиваетъ и характеръ старика, который, подходя кое въ чемъ подъ общій типъ „благодушнаго отца“, оказывается однако непохожимъ на него, поскольку дѣло касается его духовной жизни и проявленій его внутренняго „я“, его *τρόπος*.

Зато при обрисовкѣ Никерата Менандръ поступаетъ гораздо проще и шаблоннѣе. Такъ, прежде всего, не вдумываясь въ вопросъ о его характерѣ, онъ ставитъ его просто, какъ противоположность къ Демеѣ, какъ типъ раздражительнаго, грубаго и скупого старика, не способнаго къ воспріятію мало мальски тонкихъ ощущеній и чувствованій. Для его характеристики поэтъ находитъ вполнѣ достаточнымъ сказать, что онъ представляетъ собой *σκατοφάγος, αὐδέμαστοσ, τραχὺσ ἀνδρῶπιос*, и затѣмъ сразу переходитъ къ наглядному изображенію его дѣяній, какъ бы иллюстрирующихъ правильность этихъ эпитетовъ. Какихъ бы то ни было психологическихъ обоснованій при этомъ не приводится, и мы остаемся въ полной неизвѣстности насчетъ того, что происходитъ въ душѣ Никерата и чѣмъ отличается онъ, какъ таковой, отъ обычнаго типа раздражительнаго старика. Мало того, показавъ намъ, до какой уродливости можетъ доходить несдержанность Никерата, поэтъ какъ-то вдругъ, безъ достаточныхъ на то оснований, сразу сводитъ его на спокойное состояніе и, затѣмъ, удѣливъ ему роль глупаго Pantalone, удаляетъ его со сцены, какъ персонажъ, уже негодный для дѣйствія. Наконецъ, ни одна изъ характеризующихъ Никерата чертъ не углублена и не развита въ достаточной степени: онъ весь въ одной внѣшности, онъ ходячій типъ, не больше, почти что не подвергнутый индивидуализированію.

Переходимъ теперь къ Хрисидѣ. Я вполнѣ согласенъ съ Б. В. Варнеке¹⁾, что всего ближе подходитъ къ ней Баххида изъ „Несуга“ Теренція. Это сходство, какъ онъ вѣрно замѣтилъ, усиливается еще и той благородной ролью, которую играетъ Хрисида, спасая ребенка Мосхіона и ставя свои личные интересы ниже интересовъ юноши и его возлюбленной. Хрисида, дѣйствительно, настоящая *bona meretrix*! Но относительно разработки ея характера я повторилъ бы то, что нѣсколько выше сказалъ по поводу Никерата: характеръ дѣвушки едва намѣченъ Менандромъ. Поэтъ только мелькомъ показываетъ намъ свѣтлый образъ Хрисиды, нѣжной и ласковой, трогательной въ своей привязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя всякая борьба противна ея природѣ, умѣющей во имя этой привязанности бороться, не считаясь съ личными

1) Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 84 сл.

выгодами и невыгодами. Жаль одного, а именно, что поэтъ развертываетъ передъ нами одни поступки Хрисиды, а не ея душевныя движенія, какъ дѣлаетъ онъ это въ „Третьскомъ судѣ“ съ Габротононъ. Во всякомъ случаѣ, Хрисиды — одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ Менандра, умѣвшаго, подобно Еврипиду, то и дѣло рисовать обаятельные по своей прелести женскіе образы.

Изъ сдѣланныхъ мной характеристикъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы въ достаточной степени видно, что бѣльшая часть послѣднихъ трактована Менандромъ очень поверхностно и притомъ такъ, что гораздо ярче вырисовываются ихъ типичныя особенности, знаменующія собой ихъ принадлежность къ обычнымъ цеховымъ группамъ, чѣмъ особенности чисто-индивидуальнаго оттѣнка, которыя только и могутъ сдѣлать изъ каждаго даннаго лица опредѣленный характеръ. Но коль скоро это такъ, то, значить, комедію Менандра „Саміанку“ можно будетъ назвать, въ противоположность „Третьскому суду“, комедіей „типовъ“, а не „характеровъ“, что, въ связи съ другими, указанными выше деталями пьесы, въ свою очередь могло бы служить лишнимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія о томъ, что „Саміанку“ слѣдуетъ причислять къ раннимъ произведеніямъ Менандра, т. е. къ произведеніямъ того періода, когда онъ только еще начиналъ прокладывать свою собственную дорогу. Тогда станетъ для насъ понятной и та странная неровность при обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, на которую мы уже указывали выше, и та склонность къ воспроизведенію, по преимуществу, внѣшнихъ подробностей, которая отличала собой „среднюю“ комедію и которой почти незамѣтно въ лучшей пьесѣ Менандра, а именно, въ „Третьскомъ судѣ“.

IV

Земледѣлецъ.

1.

Комедія Менандра „Земледѣлецъ“ (*Γεωργός*) пользовалась въ древности, по крайней мѣрѣ, въ римское время, нѣкоторымъ успѣхомъ, если заключать объ этомъ по тому, что она упоминается Квинтилианомъ¹⁾ и фигурируетъ въ числѣ другихъ общеизвѣстныхъ пьесъ Менандра въ одной эпиграммѣ Фронтон²⁾. Что же касается насъ, то мы въ течение очень долгаго періода могли судить о пьесѣ лишь по нѣсколькимъ фрагментамъ изъ нея, сохраненнымъ по преимуществу Стоевемъ³⁾, пока, наконецъ, въ 1897 г. количество этихъ фрагментовъ не увеличилось благодаря пріобрѣтенному въ Египтѣ папирусному листку, содержащему въ себѣ почти 90 стиховъ изъ „Земледѣльца“⁴⁾.

Благодаря этой находкѣ, удачной еще и потому, что новонайденные стихи составляютъ связный текстъ, хотя мѣстами и сильно испорченный, получилась возможность отчасти исправить прежнія предположенія о пьесѣ⁵⁾, отчасти

1) Inst. orat. XI, 3, 91. Ср. также XII, 10, 25.

2) Anth. Pal. XII, 233:

*Τὴν ἀκτὴν Θησαυρὸν ἔχειν, κομφοδὲ, νομίζεις
οὐκ εἰδὼς αὐτὴν Φάσματος ὀξυτέρην.
Ποίησει σ' ὁ χρόνος Μισοῦμενον, εἴτα Γεωργόν,
καὶ τότε μαστεύσεις τὴν Περιχειρομένην.*

3) См. Коск, Com. att. fragm. III, 28 sqq.; Meineke, Fragm. com. graec. IV, 95 sqq.

4) Папирусъ хранится въ Женевской библиотекѣ за № 155. Объ исторіи находки см. Nicole, Le Laboureur de Ménandre (Genève 1898), 7.

5) Я имѣю въ виду гипотезу Meineke (о. с., 95), который, основываясь на томъ, что въ эпиграммѣ Фронтон²⁾ „cum Περιχειρομένη coniungitur Γεωργός“, полагалъ, что и эта пьеса относилась къ числу тѣхъ комедій, „in quibus quid amantium ζηλοτυπία efficere possit doceretur“. См. также Meineke, Menandri et Philemonis reliquiae, 34 sq.

проникнуть въ нѣкоторыя детали ея содержанія и въ характеристику выступающихъ въ ней персонажей. Но всего этого наука достигла не сразу. Когда въ 1897 г. вышло въ свѣтъ первое изданіе фрагментовъ, сдѣланное Nicole, то сейчасъ же выяснилось, что оно не отвѣчаетъ своему прямому назначенію и ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить настоящей базой для дальнѣйшей работы. Прежде всего, Nicole, по странной близорукости, не замѣтилъ, что куски папируса, принятые имъ за остатки двухъ отдѣльныхъ листовъ, на самомъ дѣлѣ образуютъ одинъ листъ; что листъ этотъ не есть часть свитка, а часть папируснаго кодекса¹⁾ и что, наконецъ, текстъ, сохранный папирусомъ, вовсе не распадается на рядъ разрозненныхъ сценъ, а представляетъ собой одно связанное цѣлое. Это наблюденіе, сдѣланное Блассомъ (Blass)²⁾, сразу свело на нѣтъ какъ публикацію Nicole'я, такъ и большинство статей, написанныхъ на основаніи послѣдней³⁾, и открыло собой новую эру въ исторіи разработки памятника, причемъ дѣйствительнымъ началомъ этой эры можно считать новое изданіе фрагментовъ, исполненное Гренфеллемъ и Гентомъ⁴⁾.

Только съ появленіемъ его въ свѣтъ филологическая наука получила настоящую исходную точку, и только теперь,

1) Если только не думать, какъ это дѣлаетъ Dziatzko въ своихъ „*Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens*“ (Leipzig 1900), 128, что рукопись „Земледѣльца“ состояла изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ въ кодексъ, листовъ. Dziatzko склоняется къ этому мнѣнію въ виду сравнительно большого формата листа (28,5 × 17,7 см.). Но можно ли считать этотъ фактъ серьезнымъ доказательствомъ? Вѣдь есть не мало *codices chartacei*, листы которыхъ превосходятъ своими размѣрами Женевскій папирусъ. Ср., напримѣръ, Каирскій кодексъ Менандра, въ которомъ, какъ говоритъ Кёрте (Menandrea, IX), „*singulae paginae habent altitudinem 30 centimetrorum, latitudinem 18 centimetrorum*“.

Для полноты прибавлю еще, что на верху лицевой стороны листа находится цифровое обозначеніе ζ (= 6), а на оборотной — ζ (= 7). Отсюда ясно, что первая страница рукописи не была пагинирована. Что касается числа строкъ, то на recto оно равняется 44, а на verso — 43. Значитъ, количество стиховъ, которые могли предшествовать нашимъ, круглымъ счетомъ равнялось 220, ибо первая страница, какъ не пагинированная, врядъ ли была заполнена письмомъ: она служила своего рода обложкой.

2) *Litt. Zentralbl.* 50 (1897), 1648—1650.

3) Напримѣръ, статью Schenkli'я, *Der Georgos des Menandros* (= *Oesterr. Jahresh.* I (1898), 49 sqq.).

4) Grenfell-Hunt, *Menander's Papyri*, Oxford 1898.

въ виду провѣрки рукописнаго чтенія, стала мыслимой конъектуральная работа. Такимъ образомъ, изданіе Гренфелля и Гента сыграло громадную роль въ дѣлѣ упорядоченія вопроса о новооткрытыхъ фрагментахъ и стало главной опорой для всей послѣдующей научной литературы, которая въ скоромъ времени приняла довольно значительные размѣры. Приэтомъ за установку текста, за восполненіе лакунъ, а также за освѣщеніе общей ситуациіи взялись лучшіе представители классической филологіи, какъ Блассъ¹⁾, Вейль²⁾, Кайбель³⁾ и Виламовиць-Мёллендорфъ⁴⁾. Всѣ они, по мѣрѣ силъ и таланта, старались внести необходимыя улучшенія въ пострадавшій отъ времени текстъ, и такъ или иначе, на основаніи разныхъ комбинацій, проникнуть въ тайну содержанія комедіи и, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ дать реконструкцію послѣдней⁵⁾.

Само собой разумѣется, что благодаря этой работѣ текстъ, сохраненный папирусомъ, мало по малу былъ приведенъ въ порядокъ и во многихъ мѣстахъ принялъ ту форму, за которую можно было высказаться, какъ за единственно вѣрную. Равнымъ образомъ, и при реконструкціяхъ содержанія, несмотря на всю ихъ различность, постепенно выяснились такіе пункты, которые нельзя было не счесть за безусловно положительныя, не возбуждающіе никакого сомнѣнія. Итакъ, работа корифеевъ филологіи, къ которымъ

1) Litt. Zentralbl. (1898), 775, а также Hermes, XXXIII (1898), 654 sqq.

2) Weil, Le Campagnard de Ménandre (=Revue des études grecques, 1898, 121 sqq.). Эта статья (она перепечатана Вейлемъ въ его „Etudes sur l'antiquité grecque“ (Paris 1900), 253 sqq.) написана уже послѣ изданія Гренфелля и Гента, а потому и должна считаться послѣднимъ словомъ французскаго ученаго, чего нельзя сказать про его же статью „Les nouveaux fragments de Ménandre“ (= Journal des Savants, 1897, 675 sqq.), опубликованную раньше.

3) Kaibel, Menanders *Γεωργός* (= Nachr. d. K. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Cl., 1898, 146). Съ этой статьёй я не считаю, ибо она построена на невѣрномъ предположеніи, что въ „Земледѣльцѣ“, какъ и въ „Adelphoe“ Теренція, участвуютъ два брата.

4) Wilamowitz-Moellendorff, Die Reste des Landmannes von Menandros (на правахъ рукописи), а также „Der Landmann des Menandros“ (= Neue Jahrbücher für das Klass. Alt. II (1899), 513 sqq.).

5) Замѣчу, впрочемъ, что Виламовиць воздержался отъ реконструкціи и ограничился только исправленіемъ текста и выясненіемъ типовъ комедіи.

примкнулъ еще цѣлый рядъ другихъ знатоковъ древняго міра¹⁾, привела, въ концѣ концовъ, къ установленію цѣлой массы цѣнныхъ и непоколебимыхъ данныхъ, съ которыми уже можно было оперировать вполне свободно.

Конечно, наибольшая интенсивность въ разработкѣ текста „Земледѣльца“ падаетъ на годы, непосредственно идущіе за годомъ его открытія. А затѣмъ, когда на мѣстѣ жалкихъ и неполныхъ отрывковъ выстроился связный и притомъ почти безукоризненный по формѣ текстъ, интересъ къ новинкѣ ослабѣлъ, разработка ея почти прекратилась, и лишь въ 1908 г. наши фрагменты снова сдѣлались предметомъ изслѣдованія²⁾, чтобы затѣмъ, еще разъ провѣренными и коегдѣ исправленными, войти въ общее собраніе всѣхъ „Menandrea“, сдѣланное Кёрте³⁾.

2.

Изъ всего сказаннаго видно, что женевскіе фрагменты „Земледѣльца“ не представляютъ для науки безусловной новинки, что они уже многократно бывали предметомъ особой трактовки и что сказать по ихъ поводу что-нибудь безусловно новое, врядъ ли возможно. Но несмотря на это, я все-таки считаю нелишнимъ еще разъ взяться за нихъ и еще разъ попробовать, частью на основаніи построенныхъ раньше гипотезъ, частью путемъ ихъ ограниченія или исключенія, выставить такую реконструкцію пьесы, которая, какъ можно ближе, подходила бы и къ тексту, сохраненному папирусомъ, и къ тѣмъ отрывкамъ, которые были извѣстны намъ раньше. Однако, принимаясь за реконструкцію, я напередъ исключаю возможность распределенія всего дѣйствія по актамъ, какъ дѣлаетъ это Dziatzko (о. с.; 518 sqq.), ибо для подобнаго рас-

1) Упомяну двухъ наиболѣе крупныхъ: v. Leeuwen, Ad Menandri fragmentum nuper repertum (= Mnemosyne, XXVI (1898), 299—313; Dziatzko. Der Inhalt des Georgos von Menander (= Rh. Mus. 54 (1899), 497 sqq.; 55 (1900), 104 sqq.).

2) Préchac, Essai de restitution et d'interprétation d'un texte de Ménandre déjà connu (= Mélanges d'archéologie et d'histoire, XXVII (1908), 278 sqq.).

3) Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis ed. A. Körte² (Lipsiae 1912), 101 sqq. Ср. также Sudhaus, Menandri reliquiae nuper repertae (Bonn 1909), 58 sqq. и Kretschmar, De Menandri reliquiis nuper repertis (Lipsiae 1906), 5 sqq.

предѣленія у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Единственное, что мы въ состояніи сдѣлать, это — составить приблизительную картину, вовсе не претендующую на полноту и законченность. Но раньше, чѣмъ набросать эту картину, я позволю себѣ привести въ переводѣ весь текстъ Женевскаго папируса.

* * *

[Сцена, на которой происходитъ дѣйствіе, представляетъ собою городскую улицу. Въ глубинѣ сцены — два дома. Передъ однимъ изъ нихъ, болѣе богатымъ, находятся алтари, украшенные гирляндами цвѣтовъ; передъ другимъ, у входной двери, стоитъ какой-то юноша, который, повидимому, и хочетъ и не рѣшается постучаться въ нее].

Мосхіонъ¹⁾.

- 9 Я не былъ сорванцомъ, я не хотѣлъ дурного . . .
(Къ тому же юноша тогда въ деревнѣ жилъ!)
Но вотъ, пока въ Коринѣ я уѣзжалъ по дѣлу,
- (5) Здѣсь дѣло сладили, сгубившее меня. —
Я подѣ вечеръ домой вернулся, вижу: къ свадьбѣ 5
Готовятся, къ моей, но для меня чужой!
Всѣ алтари въ вѣнкахъ, отецъ же мой — за жертвой.
Онъ сватаетъ мнѣ дочь! Есть у меня сестра,
- (10) Но только сводная: ее отецъ мой прижилъ
Отъ той, что у него въ наложницахъ живетъ! — 10
Придумать не могу, какъ мнѣ уйти отъ горя,
Не вижу выхода . . . Мнѣ вѣдомо одно:
Покинувъ отчій домъ безъ дальнихъ разговоровъ,
- (15) Разстроивъ бѣгствомъ бракъ, — я погубить могу 15
Гедію милую, а это — грѣхъ не малый! —
Пора бы стукнуть въ дверь, да не рѣшусь никакъ.
А что, коль братъ ея вернулся изъ деревни,
И дома у себя? Я долженъ взвѣсить все . . .
- (20) Нѣтъ, я пока уйду и снова думать буду
Все объ одномъ: какъ мнѣ отъ свадьбы ускользнуть? 20
(Уходитъ).

[Дверь дома, у котораго стоялъ Мосхіонъ, открывается и изъ нея выходятъ двѣ женщины, одѣтыя бѣдно, но такъ, какъ одѣваются аинскія гражданки. Одна изъ нихъ, сравнительно молодая,

1) Имени юноши въ рукописи не сохранилось. Для удобства называю его Мосхіономъ.

по имени Миррина, обращается къ другой, уже очень старой, съ слѣдующими словами, заставляющими думать, что между женщинами уже шель какой-то разговоръ на тему, которая Миррину волнуетъ].

Миррина.

Какъ другу вѣрному, тебѣ, моя Филинна,
Ввѣряю я свои тревоги и печаль...
Вотъ каковы дѣла!

Филинна (съ горячностью, указывая на богатый домъ).

Дитя мое, ей богу,

(25) Теперь, прослушавъ все, толкнуться въ эту дверь
Была бы я не прочь, чтобъ, вызвавъ краснобая, 25
Въ глаза ему сказать, что думаю о немъ!

Миррина.

Филинна, перестань! Оставь его въ покоѣ!

Филинна.

(30) Въ покоѣ? Нѣтъ, пускай онъ сгинетъ! Ишь, подлець,
Обидѣлъ дѣвушку, — и, святость клятвъ нарушивъ,
Къ другой присватался...

Миррина (всматриваясь въ даль).

А вонъ и Давъ идетъ, 30

Слуга ихъ: это онъ вернулся изъ деревни!
Не стать ли въ сторону?

Филинна.

Зачѣмъ? Вѣдь намъ съ тобой
Нѣтъ дѣла до него!

Миррина.

А все же лучше будетъ! (Отходятъ).

[На сценѣ появляются два раба. Давъ и Сиръ, принадлежащіе владѣльцу богатаго дома и возвращающіеся въ данный моментъ изъ деревни. Оба они несутъ корзины, наполненныя цвѣтами и зеленью. По всему видно, что Давъ занимаетъ болѣе важное мѣсто въ домѣ, чѣмъ Сиръ. Это явствуетъ какъ изъ его одежды, такъ и изъ способа держать себя].

Давъ (обращаясь къ Сиру).

(35) Нигдѣ, по моему, ты поля не найдешь
Честнѣе нашего: на немъ и миртъ родится, 35

И дивный плющъ растетъ, и нѣтъ конца цвѣтамъ!
 А коль захочешь ты зерномъ его засѣять,
 Знай, все вернетъ оно, по совѣсти, сполна, —
 Безъ лишка, въ аккуратъ! — Ну, Сиръ, тащи живѣе
 (40) Поклажу въ домъ: она для свадьбы въ самый разъ! 40
 (Сиръ уходитъ. Давъ слѣдуетъ за нимъ, но замѣчаетъ
 Миррину и останавливается).
 Мирринѣ мой привѣтъ! Будь счастлива.

Миррина.

Ты также!

Давъ (важно).

Замѣтилъ я тебя, почтенная, не вдругъ.
 Ну, какъ живешь? Сейчасъ я дамъ тебѣ отвѣдать
 Благоую вѣсть, иль нѣтъ, событіе: оно
 Z Навѣрно сбудется, коль пожелаютъ боги! 45
 (46) А я, — я раньше всѣхъ о немъ тебѣ скажу! —
 Какъ разъ на этихъ дняхъ, копая виноградникъ,
 Клеѣнетъ --- у него сынокъ твой въ батракахъ —
 Разсѣкъ себѣ бедро, да какъ еще, — на славу...

Миррина.

Пропали мы!

Давъ.

Крѣпись и слушай до конца! 50
 (50) Какъ третій день пошелъ, у старика отъ раны
 Всю ногу разнесло, — до ужаса; потомъ
 Жаръ сильный сдѣлался; больному стало худо...

Филинна.

Проваль тебя возьми! Ужъ именно, что ты
 Благоую вѣсть принеси!

Давъ (пренебрежительно).

Помалкивай старуха... 55
 (55) И вотъ, когда ему внимательный уходъ
 Былъ нуженъ, всѣ рабы, что у него толпятся,
 Людишки грубые, — твердили лишь одно:
 „Пора околѣвать“. Но твой сынокъ на старца,
 Какъ на отца взглянулъ, досталъ цѣлебныхъ травъ 60
 (60) И началъ мазать, мыть, да растирать больного,

Носиль ему ѣду, и утѣшалъ, и вотъ,
Какъ ни былъ плохъ старикъ, его своей заботой
Поставиль на ноги...

Миррина.

О, милое дитя!

Д а в ъ (снисходительно).

- Да, спора нѣтъ, твой сынъ съ нимъ поступиль отмѣнно. 65
- (65) А онъ, очухавшись и обрѣтя досугъ, —
На время отложивъ труды свои и заступъ,
(Охъ, сѣро онъ живетъ!) сталъ юношу пытатъ
О всѣхъ дѣлахъ его, хотъ znalъ о нихъ сторонкой...
Твой сынъ о томъ, о семъ повѣдалъ; про сестру 70
- (70) И про тебя сказалъ, и что живете бѣдно.
Прошибло старика, понятно; отплатить
Рѣшилъ онъ юношѣ за всѣ его заботы, —
Ну, словомъ нашъ старикъ-затворникъ поумнѣлъ:
На дѣвочкѣ твоей вѣдь хочеть онъ жениться! 75
- (75) Вотъ главное, къ чему я рѣчь свою клониль. —
Они сейчасъ придутъ, захватятъ васъ, и снова
Къ себѣ въ деревню, маршъ! Отнынѣ съ нищетою
Ужъ не придется вамъ считаться, — съ этимъ звѣремъ
Упрямымъ, да притомъ невыносимымъ здѣсь, — 80
- (80) Средь жизни городской! Иль нужно быть богатымъ,
Иль жить на сторонѣ, гдѣ нищету твою
Не всякій разглядить. Для этого деревня
И одиночество — желаннѣе всего¹⁾.
Ну, вотъ и передалъ я вѣсть тебѣ благую, 85
Теперь прощай! (Уходитъ въ домъ).

Миррина.

Прощай! (Взволнованная начинаетъ ходить по сценѣ).

1) Приблизительно тѣ же мысли о преимуществахъ для бѣдныхъ деревенской жизни высказываются въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ „Πλόκιον“ Менандра (fragm. 406 Kock):

*κακῶς ὁ δεσπότης βεβούλευται πάνν.
ἐν ἀγορῇ γὰρ οἰκῶν οὐ σφόδρ' ἐξηλέγητο
τῆς μερίδος ὡν τῆσ οὐδαμοῦ τεταγμένον,
εἶχεν δὲ παραπέτασμα τὴν ἐρημίαν.*

Филинна (съ безпокойствомъ).

Да что съ тобой, дитя?

(85) Чего ты мечешься? Зачѣмъ ломаешь руки?

Миррина (съ отчаяніемъ).

Зачѣмъ? Я не пойму, что дѣлать мнѣ теперь!

* * *

Перейдемъ теперь къ разбору отрывка и заключающихся въ немъ подробностей. Изъ отрывка мной не переведенъ пока только одинъ послѣдній стихъ (о немъ скажу ниже) и остатки двухъ первыхъ стиховъ, отъ которыхъ сохранилось всего на всего три слова:

[.] *προσὼν πατρῶν*
[.] *ὑποφοβοῦμενος*

Смыслъ этихъ словъ для меня неясенъ. Можно сказать только, что юноша, произносящій монологъ, упоминалъ во второмъ стихѣ о какомъ-то лицѣ, предъ которымъ онъ ощущалъ робость, мѣшавшую ему быть откровеннымъ. Но кого онъ имѣлъ въ виду, опредѣлить трудно, если не думать только, что этимъ лицомъ былъ его отецъ. Причинъ же опасаться послѣдняго у юноши могло быть достаточно. Изъ текста видно, что онъ тайкомъ отъ отца сошелся съ какой-то дѣвушкой, дочерью Миррины, Гедіей, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшаго. Но сходясь съ ней, онъ вовсе не хотѣлъ брать за образецъ обыкновенныхъ кутящихъ юношей, заводящихъ временныя интрижки. Вѣдь недаромъ говоритъ онъ про себя:

Я не былъ сорванцомъ, я не хотѣлъ дурного¹⁾.

Нашъ юноша, котораго я называю Мосхиономъ, былъ, повидимому, болѣе *κόσμιος*, чѣмъ Мосхионъ, выступающій въ „Саміанкѣ“, и не менѣе *εὐσεβέστατος* по отношенію къ своему отцу, чѣмъ послѣдній. Въ виду этого я не думаю, что его связя съ дѣвушкой предшествовалъ какой-нибудь актъ насилія, въ родѣ поступка Эсхина въ „Adelphoe“ Теренція, и что словъ *persuásit* *nox amor vinum adulescētia*²⁾

1) Такъ, думается мнѣ, надо переводить стихъ:

ἦν δ' οὐ πονηρὸς οὐδ' ἐδόξουν ἑμαρτάνειν.

2) Тер. Adelph., 470.

къ нашему юношѣ прилагать нельзя. Мнѣ лично кажется, что въ „Земледѣльцѣ“ ситуація была нѣсколько иной. Сближеніе Мосхіона съ Гедіей могло произойти подѣ влияніемъ настоящей любви, а не подѣ влияніемъ ἀκολασία, о которой такъ часто говоритъ намъ комедія. Правда, мнѣ могутъ возразить, что моему предположенію противорѣчитъ стихъ 28 :

Обидѣлъ дѣвушку, — и, святость клятвъ нарушивъ,
Присватался къ другой...

Но мнѣ кажется, что слова „обидѣлъ дѣвушку“ (ἠδίκηκὸς τὴν κόρην) вовсе не заставляютъ насъ видѣть въ нихъ намекъ на актъ насилія¹⁾. Ἀδικία со стороны Мосхіона сводится скорѣе всего къ тому, что онъ — въ этомъ, по крайней мѣрѣ, подозрѣваютъ его близкіе къ Гедіи люди — намѣренъ бросить дѣвушку, съ которой раньше сожительствовалъ и которая, повидимому, затяжелѣла. И такъ, если я вѣрно оцѣниваю смыслъ стиха 28-го, Мосхіонъ абсолютно не подходитъ подѣ типъ тѣхъ юношей комедіи, которыхъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Эліанъ (Hist. ap. VII, 19): τὰ μικρὰ μείραμα τὰ τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς πανηγύρεσσιν ἀκόλαστα, и про которыхъ, дабы извинить ихъ дебоширство, приходится говорить, что оно humanumst. Такимъ образомъ, согласно моему предположенію, связи Мосхіона съ Гедіей вовсе не предшествовалъ актъ насилія. Содѣйствовать же этой связи или, вѣрнѣе, не препятствовать ей могла мать Гедіи, Миррина. Вѣдь въ комедіи примѣры подобнаго отношенія матерей, какъ родныхъ, такъ и пріемныхъ, встрѣчаются нерѣдко. Достаточно будетъ указать на мать Плангὸ въ „Саміанкѣ“, которая, какъ это видно изъ дѣйствія пьесы, покрывала дочь. И вотъ, пользуясь попустительствомъ Миррины, нашъ юноша въ теченіе нѣкотораго времени сожительствовалъ съ дѣвушкой, причемъ ему въ его приключеніи

1) Такъ понимаетъ и Dziatzko (о. с., 505), который думаетъ, правда, что сближеніе Мосхіона съ Гедіей произошло по общему образцу комедіи, т. е. per vim et impulsu adolescentiae, но вмѣстѣ съ тѣмъ обосновываетъ свое мнѣніе не на ст. 28, а на одномъ фрагментѣ изъ „Земледѣльца“ (о немъ скажу ниже), изъ котораго можно заключать, что братъ Гедіи хочеть привлечь соблазнителя сестры къ суду (конечно, по δίκη βιαιων), хотя не знаетъ ни его имени, ни, повидимому, и того, какъ произошло всё дѣло. Ср. также Grégnac, о. с., 286.

помогло и то обстоятельство, что братъ Гедіи (ср. стихъ 2) находился въ отсутствіи — онъ жилъ въ батракахъ у земледѣльца Клезнета (стихъ 48); — а, слѣдовательно, не могъ помѣшать Мосхіону въ его любовныхъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, самъ Мосхіонъ намекаетъ на это, когда говоритъ въ своемъ монологѣ:

Къ тому же юноша тогда въ деревнѣ жилъ.

Отсюда ясно, что, будь братъ Гедіи налицо, Мосхіону не удалась бы его авантюра. Вѣдь недаромъ онъ до такой степени боится этого брата, что не рѣшается даже войти въ домъ къ своей возлюбленной изъ опасенія встрѣтиться съ нимъ (ср. стихъ 17)! Итакъ, братъ Гедіи не только не помогаль и не содѣйствовалъ Мосхіону, но даже и не зналъ обо всемъ томъ, что случилось съ его сестрой за время его отсутствія. Тѣмъ не менѣе, въ немъ для Мосхіона таилась серьезная опасность, которая при случаѣ могла разстроить весь временно налаженный *modus vivendi*. Впрочемъ, первый ударъ послѣдовалъ не отсюда. Пока Мосхіонъ медлил и не рѣшался переговорить съ отцомъ по поводу своей любви, послѣдній, потому ли, что узналъ о связи сына съ бѣдной дѣвушкой, или просто потому, что нашель своевременнымъ наложить на него брачные узы, — рѣшилъ женить его на своей дочери, которую онъ прижилъ отъ наложницы, взятой имъ *ἐπ' ἐλευθέρουσι πασίῃ*¹⁾. Возможно даже, что, дѣйствуя такъ, онъ дѣйствовалъ просто подлѣяніемъ своей любовницы²⁾. Вѣдь недаромъ нашъ юноша говоритъ о послѣдней съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Какъ бы то ни было, отецъ Мосхіона не медлил, и въ отсутствіи сына, не заручившись предварительно его согласіемъ³⁾,

1) Подобные браки считались въ Аѳинахъ законными. См. Schœmann - Lipsius, Gr. Alt. I (1897), 375.

2) Wilamowitz-Moellendorf, Der Landmann des Menandros, 520.

3) Вѣдь отцы, насколько можно судить объ этомъ по комедіи, не всегда находили нужнымъ справляться съ желаніями сыновей, но часто по обшвенному усмотрѣнію выбирали для нихъ женъ и вообще регулировали ихъ жизнь. См. Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque (Lyon 1910), 276. Ср. также Ter. Andria, 238:

uxórem dare sese hódie mihi decrérat: nonne opórtuit
praescisse me ante? nóne prius commúnicatum opórtuit?

Такіе отцы, какъ Мисіо и Philto встрѣчаются въ комедіи рѣдко, и рѣдко можно слышать изъ устъ отцовъ такіа слова (Plaut. Trinummus, 395):

подготовилъ все для грядущей свадьбы, такъ что Мосхионъ, вернувшись изъ поѣздки, попалъ прямо на *προτέλεια*. И вотъ, подобно Клитофону изъ романа Ахилла Тація „τὰ κατὰ Δευκίππην καὶ Κλειτοφῶντα“, ему оставалось только воскликнуть: *ὡς δ' ἤκουσα, ἀπολώλειν καὶ ἐξήτουν μηχανήν, δι' ἧς ἂν ἀναβαλέσθαι δυναίμην τὸν γάμον*¹⁾. Пораженный неожиданнымъ происшествіемъ, о которомъ онъ, еще не входя въ домъ, могъ узнать или отъ рабовъ или отъ знакомыхъ, нашъ юноша, вернувшійся изъ Коринѳа подъ вечеръ (*ὕπὸ νόκτα*), повидимому, не зашелъ къ себѣ, а провель ночь гдѣ-то на сторонѣ, и только подъ утро направилъ свои шаги къ дому отца. Но и на этотъ разъ онъ не вошелъ въ него, ибо не хотѣлъ показываться на глаза близкимъ. Онъ рѣшилъ посѣтить свою возлюбленную, чтобы переговорить съ ней. Однако, и тутъ смѣлость ему измѣнила. Опасаясь отца, онъ въ то же время опасался и брата Гедіа, думая, вѣроятно, что Миррина, узнавъ о предстоящей свадьбѣ любовника своей дочери, вызвала сына и открыла ему все, происшедшее раньше. Однимъ словомъ, Мосхионъ боялся опасности съ двухъ сторонъ и, не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, не нашелъ ничего лучшаго, какъ въ теченіе долгаго времени (ср. стихъ 16) стоять у двери того дома, въ которомъ живетъ Гедія, и повѣрять самому себѣ всѣ свои печали и волненія²⁾. А впрочемъ, при слабомъ характерѣ Мосхиона, чтò было ему дѣлать? Пойти противъ воли отца и жениться на своей возлюбленной, благо она была или считалась свободной? Но это могло грозить цѣлымъ рядомъ неприятныхъ осложненій, особенно въ виду той матеріальной зависимости, въ которой находился почти каждый юноша комедіи по отношенію къ своему родителю³⁾. Или оставить

*sed hoc unum consolatur me atque animum meum,
quia qui nil aliud, quod sibi soli placet
consulit adversum filium, nugas agit.*

1) Achill. Tat. II, 12 (ed. Hirschig). Объ этомъ мѣстѣ, на которое указалъ Kretschmar (о. с., 16), почти съ увѣренностью можно сказать, что оно навѣяно Менандромъ и въ частности монологомъ, открывающимъ нашъ отрывокъ „Земледѣльца“.

2) Ср. Ter. Adelphoe, 633:

Pétri: horresco semper, ubi pultare hasce occipio miser.

3) Legrand, о. с., 277.

отцовскій домъ и временно удалиться на чужбину, какъ сдѣлалъ это Клинія въ „Nautontimomenos“, въ виду вѣчныхъ попрековъ Менедема? Конечно, этотъ шагъ былъ бы удобенъ: вѣдь недаромъ, хотя и по другому поводу, симулируетъ его Мосхіонъ въ „Саміанкѣ“! Но нашъ юноша и на него не рѣшается. Онъ считаетъ, что подобный шагъ погубитъ Гедію, и въ виду этого откидываетъ его, какъ нѣчто грѣховное. А погубить Гедію этотъ шагъ можетъ, скорѣе всего, потому, что Гедія — беременна, какъ беременна, напримѣръ, Памфила въ „Andria“ или Памфила въ „Adelphoe“. Итакъ, если, съ точки зрѣнія своей нерѣшительности и слабости, Мосхіонъ и является типичнымъ представителемъ типа *adulescens*¹⁾, то по отношенію къ любовному чувству, имъ владѣющему, онъ стоитъ нѣсколько выше обыкновенныхъ юношей комедіи. Наряду съ Мосхіономъ изъ „Саміанки“, онъ представляетъ собой типъ нѣжнаго любовника, для котораго интересы дѣвушки имѣютъ важное значеніе и который усматриваетъ въ любви не только физическую сторону.

Теперь, выяснивъ, по мѣрѣ возможности, какъ типъ самого юноши, такъ и всѣ тѣ подробности, которыя кажутся намъ наиболѣе вѣроятными, мы могли бы перейти къ сценѣ, идущей за монологомъ. Но предварительно не мѣшаетъ затронуть еще одинъ вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, монологомъ ли открывалось дѣйствіе пьесы, или же этому монологу предшествовала еще какая-нибудь вводная сценка. Я уже говорилъ выше, что число стиховъ, предшествовавшихъ сохранившейся части монолога, могло равняться приблизительно 220. Но такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы вводный монологъ былъ до такой степени длиннымъ или чтобы этотъ монологъ былъ до такой степени отдаленъ отъ начала пьесы, то остается предполагать слѣдующее. Изъ 5 страницъ папируса, которыя когда-то предшествовали нашимъ, одна должна была приходиться на долю заглавія пьесы, на *ὑπόθεσις* и на списокъ дѣйствующихъ лицъ (ср. *Ἦρωσ* Менандра). Что же касается 4-хъ остальныхъ, то часть ихъ была занята или однимъ монологомъ юноши, или вводной сценкой и моноло-

1) См. Б. В. Варнеке, Роль *adulescens* въ древне-римской комедіи (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1908, августъ, отд. класс. филол., 317).

гомъ, а другая, какъ думаетъ это Виламовиць¹⁾, заключала въ себѣ *γένος Μενάνδρου*. Спрашивается теперь, какъ же начиналась наша пьеса? По этому поводу мнѣнія расходятся. Большинство ученыхъ думаетъ, что пьеса открывалась монологомъ, излагающимъ „всѣ обстоятельства дѣла“; нѣкоторые же, какъ, напримѣръ, Dziatzko (о. с., 507), стоятъ за второе предположеніе, т. е. за то, что монологу предшествовала особая сценка на манеръ тѣхъ, которыя наблюдаются въ римской комедіи, а также, прибавлю отъ себя, и въ „*Ἦρωσ*“ Менандра. Мнѣніе же свое Dziatzko обосновываетъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что имя юноши, произносящаго монологъ, не встрѣчается въ сценѣ, идущей за монологомъ, откуда явствуется, что оно гдѣ-то уже упоминалось, хотя, по мнѣнію Dziatzko, самъ юноша врядъ ли могъ сообщить зрителямъ о томъ, какъ его зовутъ. Далѣе Dziatzko полагаетъ, что странно было бы юношѣ говорить обо всемъ томъ, что касалось возникновенія его любви, утаиванія послѣдней отъ отца и т. д., тѣмъ болѣе, что въ римской комедіи о такого рода вещахъ говорятъ обыкновенно не сами юноши, а родные ихъ возлюбленныхъ. И вотъ, на основаніи этихъ данныхъ, Dziatzko строитъ особую вводную сценку, въ которой должна была участвовать Миррина, общавшая тѣ свѣдѣнія, которыя были необходимы для пониманія дальнѣйшаго. Но всѣ эти доводы Dziatzko, на мой взглядъ, не выдерживаютъ критики. Конечно, въ виду того, что имя юноши не встрѣчается ни въ сохранившейся части монолога, ни въ сценѣ, идущей за нимъ, надо думать, что оно уже упоминалось выше. Съ этимъ согласится всякій. Но врядъ ли можно согласиться съ тѣмъ, что „самому юношѣ неудобно было назвать себя по имени“. Юноша могъ сдѣлать это на манеръ того, какъ дѣлаетъ это Мисіо въ „*Adelphoe*“²⁾. Далѣе, изъ того, что въ римской комедіи не самъ любовникъ является первымъ вѣстникомъ своей любви и связанныхъ съ ней complicationъ, еще не слѣдуетъ, что этого

1) Wilamowitz-Moellendorff, *Der Landmann des Menandros*, 530. Ср. также A. Körte², о. с., XLV.

2) Ter. *Adelph.*, 59:

haec fratri mecum non conveniunt neque placent.
venit ad me saepe clamans, quid agis Micio?’

не было въ комедіи греческой. Укажу на Демею въ „Саміанкѣ“, на этого сѣдовласаго любовника, повѣряющаго зрителямъ свои семейныя и любовныя невзгоды. Наконецъ, въ пользу предположенія объ отсутствіи особой вводной сцены говорятъ и слѣдующія слова Квинтиліана¹⁾: *cum mihi comœdi quoque pessime facere videantur, quod etiamsi juvenem agant, cum tamen in expositione aut senis sermo, ut in Hydriae prologo, aut mulieris, ut in Georgo (разумѣется, тоже въ прологѣ), incidit, tremula vel effeminata voce pronuntiant.* Но говоря такъ, Квинтиліанъ, согласно вѣрному замѣчанію Вейля²⁾, хотѣлъ сказать только одно, а именно: „*qu'un jeune homme faisait l'exposition de la pièce et que, dans le cours d'un récit animé, il rapportait les paroles d'une femme.*“ Въ виду всѣхъ этихъ, приведенныхъ мной, соображеній я и считаю безусловно доказаннымъ, что наша пьеса открывалась монологомъ юноши, который лично сообщалъ зрителямъ, какъ дѣлаетъ это Демей въ „Саміанкѣ“, обо всемъ томъ, что предшествовало его настоящему положенію, и, конечно, называлъ и свое имя.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшему. Само собой разумѣется, что поэтъ, изобразившій душевное состояніе представителя одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, долженъ былъ затѣмъ показать зрителямъ и чувствованія тѣхъ лицъ, которыя, принадлежа къ другой сторонѣ, должны были, не менѣе юноши, страдать отъ проектируемой свадьбы. И вотъ, въ качествѣ антитезы къ вводному монологу, Менандръ ставитъ передъ нами двухъ женщинъ, освѣщаетъ ихъ душевныя движенія и характеры, и заставляетъ насъ, такимъ образомъ, прислушиваться къ тому, что скажетъ *altera pars*. Но спрашивается, кого именно выводитъ Менандръ? Изъ папируса видно, что одна изъ женщинъ именуется Филинной, что она гораздо старше другой, ибо называетъ ее: „мое дитя“ (ст. 24 и 84) и что, наконецъ, она всецѣло предана своей собесѣдницѣ³⁾. Далѣе, изъ ея рѣчей, изъ ея способа вы-

1) *Inst. orat.* XI, 3, 91.

2) *Weil, Le Campagnard de Ménandre*, 125.

3) Отличную характеристику Филинны даетъ *Kaibel*, о. с., 154. Ср. также *Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древнеримской комедіей*, 143, гдѣ Филинна приравнивается по своему характеру къ Кантарѣ изъ *Adelphoe Теренція*.

ражаться можно заключать, что она обладает рѣшительнымъ и независимымъ характеромъ, что она скоро на рѣшенія (ст. 25) и что на ней незамѣтно особаго налета культурности (ст. 53). Однимъ словомъ, ея социальное положеніе врядъ ли можетъ быть высокимъ, хотя и нѣтъ никакихъ основаній считать ее за рабыню или за вольноотпущенную. Гораздо естественнѣе видѣть въ ней женщину изъ народа, сохранившую и въ городѣ присущія ей особенности и повадки. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ ея собесѣдница. Мягкій и нѣжный тонъ, въ которомъ она ведетъ свою рѣчь, полное отсутствіе рѣзкости въ выраженіяхъ, умѣніе держать себя съ достоинствомъ, — все это указываетъ на то, что она стоитъ выше Филинны, что она гораздо культурнѣе послѣдней и что, наконецъ, характеръ у нея гораздо тоньше и женственнѣе. Но зато въ ея рѣчахъ проглядываетъ нѣкоторая робость, наложенная, повидимому, тяжелой жизнью и лишеніями, и полная растерянность предъ лицомъ грозящей опасности. Иными словами, Филинна и ея собесѣдница это — двѣ противоположности, два разнородныхъ типа, сопоставленные поэтомъ для полученія эффектовъ контраста, подобно тому, какъ для той же цѣли сопоставлены имъ Гета и Давъ въ комедіи „*Нрѡс*“, а также Сирискъ и Давъ въ „*Επιτροπέ-πουτѣс*“. Но за кого же надо принимать собесѣдницу Филинны? Правда, папирусь даетъ какъ бы прямое указаніе на то, что мы имѣемъ дѣло съ Мирриной. По крайней мѣрѣ, это можно выводить изъ словъ Дава (стихъ 41):

Мирринѣ мой привѣтъ! Будь счастлива!

Основываясь на этихъ словахъ, почти всѣ ученые, начиная съ Nicole'я, и усматривали въ женщинѣ, бесѣдующей съ Филинной, Миррину, а тотъ фактъ, что Филинна называетъ ее „мое дитя“, объясняли тѣмъ, что она — гораздо старше своей собесѣдницы и что, слѣдовательно, въ ея обращеніи нѣтъ ничего удивительнаго. Только одинъ van Leeuwen¹⁾, беря за исходную точку какъ разъ обращеніе Филинны, усумнился въ правильности обычнаго толкованія, и высказалъ предположеніе, что собесѣдницей Филинны является Гедія,

1) v. Leeuwen, o. c., 301 sqq. Ср. также то, что говоритъ по поводу неприемлемости гипотезы van Leeuwen'a Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древне-римской комедіей, 142 сл.

что Миррина выступаетъ сравнительно поздно (послѣ стиха 40), что въ теченіе всего разсказа Дава дѣвушка вмѣстѣ съ Филинной держатся въ сторонѣ и что, наконецъ, слова отчаянья произносить именно дѣвушка (ст. 86), а не Миррина. Эта гипотеза, несмотря на свою шаткость, была принята Gréchas'омъ, который, измѣнивъ въ ней кое-какія частности, попытался затѣмъ подкрѣпить ее доказательствами¹⁾. Разсмотримъ же теперь эти доказательства. Я оставляю въ сторонѣ довольно странное заявленіе Gréchas'a о томъ, что, разъ Миррина представляетъ собой „une femme du peuple“ (изъ чего это видно?), то „l'agitation et le désespoir exprimés par le vers 85 se laissent difficilement attribuer, quelle qu'en soit la cause, à une femme du peuple rompue au travail physique“ (о. с., 287). Не менѣе странно и другое замѣчаніе Gréchas'a, а именно, что слова:

Какъ другу вѣрному, тебѣ, моя Филинна,
Ввѣрю я свои тревоги и печаль,

потому не могутъ произноситься Мирриной, что это „supposerait déjà des sentiments compliqués“ (о. с., 288). Впрочемъ, эти доказательства самъ авторъ считаетъ „довольно слабыми“ и не они убѣждаютъ его въ правильности его гипотезы. Опуру для послѣдней Gréchas видитъ въ словахъ Филинны: „мое дитя“, въ ея горячности, которая лишь въ томъ случаѣ будетъ къ мѣсту, если считать, что старуха говоритъ съ самой покинутой дѣвушкой, которую она же и выкормила, далѣе въ нѣжномъ тонѣ собесѣдницы Филинны и, наконецъ, въ томъ воздѣйствіи, которыя производятъ на нее слова Дава (о. с., 288 сл.). Но, по правдѣ говоря, ни эти доказательства Gréchas'a, ни другіе второстепенные доводы, имъ приводимые, не убѣждаютъ меня въ томъ, что собесѣдницей Филинны является Гедія, т. е. сама дѣвушка, а не ея мать, какъ это обыкновенно думаютъ. Мало того, мнѣ кажется, что въ гипотезѣ французскаго ученаго есть одинъ пунктъ, который лучше всякой детальной критики опрокидываетъ все его построение. Я разумью ничѣмъ не обоснованный выходъ Миррины на

1) Gréchas (о. с., 287 sqq.) нѣсколько иначе распредѣляетъ стихи между дѣйствующими лицами. Согласно ему ст. 22 сл., 28, 33 сл., 85 (τὴ γὰρ;) говоритъ Гедія; ст. 24 сл., 29 сл., 53 сл., 84 сл. — Филинна, и наконецъ, ст. 41, 49, 54, 63, 84 (почти все одни восклицанія), 87 — Миррина.

сцену. И дѣйствительно, неужели можно считать серьезной мотивировкой этого выхода замѣчаніе Préchac'a (о. с., 289): „on comprend que l'arrivée de l'esclave (т. е. Дава) intéresse Murginè: en l'apercevant, ou en reconnaissant sa voix, elle accourt, car elle est pauvre“? И что же послѣ этого дѣлаетъ Миррина? Да ничего такого, что могло бы служить къ ея характеристикѣ: она стоитъ, какъ *καθὸν πρόσωπον*! Въ виду всего этого я не считаю возможнымъ присоединиться къ гипотезѣ Leeuwen-Préchac и продолжаю думать, что дѣйствующими лицами діалога, смѣняющаго собой монологъ Мосхіона, могутъ быть только Миррина съ Филинной, бесѣдой которыхъ мы теперь и займемся.

Благодаря тому, что событія, всполошившія какъ Мосхіона, такъ и семью его возлюбленной¹⁾, уже были съ достаточной полнотой затронуты въ монологѣ, для Менандра становилось совершенно излишнимъ еще разъ останавливаться на нихъ. Поэтому объ женщины, если и касаются этихъ событій, то не съ фактической стороны, а со стороны впечатлѣнія, которое они на нихъ производятъ. И лишь мѣстами можно замѣтить, какъ поэтъ съ присушимъ ему мастерствомъ незамѣтно вставляетъ какую-нибудь деталь, вносящую нѣчто новое въ общую ситуацію. Такъ, на примѣръ, слово „краснобай“ (*ἀλαζόν*) поставлено даромъ. Филинна, которая прилагаетъ его къ Мосхіону, хочетъ выразить имъ ту мысль, что „соловья баснями не кормятъ“, или, иначе, что разъ Мосхіонъ общалъ не бросать Гедію и все-таки бросилъ, то вѣрить ему больше нельзя: онъ — настоящій *ἀλαζόν*²⁾! Но разъ это такъ, то къ прежде извѣстнымъ намъ фактамъ прибавляется еще одинъ: Мосхіонъ за время своего сожителства съ дѣвушкой не разъ говорилъ ей и Мирринѣ о томъ, что лишь только его обстоятельства измѣнятся къ лучшему, онъ сейчасъ же прикроетъ свою связь бракомъ³⁾. И мы

1) За исключеніемъ, конечно, брата Гедіи, ни о чемъ не знающаго и находящагося къ тому же въ отсутствіи. О томъ, что онъ скоро вернется, мы узнаемъ изъ стиха 76.

2) Ср. Ter. Adolph., 621 :

satis diu dedisti vérba, sat adhuc túa nos frustratát fides.

3) Нѣчто въ этомъ родѣ даетъ и Ter. Adolph., 471 :

venit ípsus ultro lácrumans orans óbsecrans
fidém dans, jurans sé illam ducturúm domum.

охотно вѣримъ, что онъ, дѣйствительно, лелѣялъ эту мечту, ибо женитьба на сводной сестрѣ ему вовсе не улыбается. Но для женщинъ, незнающихъ всѣхъ подробностей, которыя имѣли мѣсто въ домѣ юноши, онъ является обманщикомъ, на котораго нельзя полагаться. Впрочемъ, гнѣвается на него Филинна, не щадящая крѣпкихъ словъ для выраженія своего негодованія. Что же касается Миррины, то она какъ-то ушла въ себя, а потому внѣшнимъ образомъ реагируетъ слабо: ея горе, какъ болѣе сильное, проявляется не въ шумѣ, а въ угнетенности духа. Къ тому же и по характеру своему она не способна шумѣть и кипятиться: на нее, наоборотъ, находятъ робость и растерянность, и всего лучше выражается это въ ея намѣреніи отойти въ сторону, когда она видитъ приближающагося къ ней Дава, хотя она и знаетъ, что именно отъ него могла бы получить наиболѣе точныя свѣдѣнія. Вообще, повторяю еще разъ, характеры и настроеніе обѣихъ женщинъ обрисованы Менандромъ до удивительности тонко и, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, съ исчерпывающей полнотой.

Но вотъ на сценѣ появляется Давъ, и картина сразу принимаетъ новый оттѣнокъ. Мы видимъ передъ собой еще одного представителя той богатой семьи, къ которой принадлежитъ Мосхіонъ. Правда, этотъ представитель занимаетъ въ ней второстепенное положеніе, ибо онъ — простой рабъ, простое орудіе въ рукахъ своего господина, т. е. отца Мосхіона. Но тѣмъ не менѣе, его фигура сразу переноситъ насъ въ обстановку, царствующую въ томъ домѣ, слугой котораго онъ является. Давъ привыкъ въ этомъ домѣ къ роскоши и богатству, и въ виду этого презираетъ бѣдность и бѣдныхъ. Съ другой стороны, вкусивъ всѣ прелести городской жизни, онъ презираетъ и деревню и ея обитателей, которые, по его мнѣнію, слишкомъ сѣры и неотесаны. Жить въ деревнѣ и заниматься сельской работой кажется ему чѣмъ-то уродливымъ и низкимъ. Деревня, это — удѣлъ бѣдности, но не удѣлъ настоящихъ людей, т. е. богатыхъ. И вотъ, Давъ, какъ бы отождествляя себя съ послѣдними, на каждомъ шагу старается выставить свое мнимое превосходство, свою культурность, свое развитіе. Такъ, на примѣръ, хорошимъ полемъ онъ, какъ человѣкъ культурный, считаетъ то, которое даетъ самъ-одинъ, но зато приноситъ массу цвѣтовъ и зелени, нужныхъ для разнаго рода украшеній и празднествъ. Рав-

нымъ образомъ, онъ съ обожаніемъ прислушивается къ своей рѣчи, и то и дѣло вставляетъ въ нее обороты попышнѣе, позатѣйливѣе, которые, мѣшаясь съ оборотами простонародными, грубыми, кажутся не на своемъ мѣстѣ и рѣжутъ ухо. Однимъ словомъ, видно по всему, что Давъ кое-чего наслушался у своихъ господъ, кое-чему научился, но понялъ все вкривь и вкосъ, и въ результатѣ, наглый уже отъ природы, сталъ еще наглѣе и надутѣе съ тѣми, конечно, кто, по его мнѣнію, не заслуживаетъ особаго вниманія. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ въ глазахъ Дава и Миррина. И вотъ онъ, не боясь отпора, все время говоритъ съ ней въ полу-ироническомъ, полу-насмѣшливомъ тонѣ. Чего стѣдить, на-примѣръ, его обращеніе:

Замѣтилъ я тебя, почтенная, не вдругъ...

Ну, какъ живешь? ¹⁾

А впрочемъ, и вся его рѣчь, съ виду добродушная и благожелательная, на самомъ дѣлѣ дышитъ глубокимъ презрѣніемъ къ Мирринѣ и, пожалуй, даже злорадствомъ. Надо думать, что похождения барченка, т. е. Мосхіона, ему извѣстны, имъ не одобряются, и потому онъ не прочь поглумиться надъ той, которую (хотя она и свободная женщина) онъ считаетъ за простую *anus pauperis* изъ числа тѣхъ, что сбываютъ своихъ дочерей богатымъ юношамъ. Возможно даже, что въ его преувеличенныхъ похвалахъ сыну Миррины и въ его разказѣ о намѣреніи земледѣльца Клеэнета жениться на Гедіи нужно тоже усматривать скрытую иронию и злорадство, вполне понятныя, если считать, что отношенія дѣвушки къ Мосхіону ему хорошо извѣстны ²⁾. Однимъ словомъ, Давъ представляетъ собой рѣдкій по выразительности типъ раба дерзкаго, наглаго и порочнаго, который сроднился

1) Не иначе, чѣмъ Давъ съ Мирриной, разговариваетъ въ „*Adelphoe*“ Теренція и Сиръ съ Демеей: ср. его слова (v. 373):

Ehem, Démea, haud aspéxeram te. quid agitur?

1) Чувствуя, что мой переводъ не достаточно ярко воспроизводитъ подлинникъ, привожу и греческій текстъ:

*οὐ σε καθέσθων, γεννητὴ καὶ κοσμία
γύναι. τί πρόττεισ;*

2) Wilamowitz-Moellendorff, о. с., 522.

съ рабствомъ и въ устахъ котораго не были бы странны слѣдующія слова:

*ὡς κρείττον ἐστὶ δεσπότου χρηστοῦ τυχεῖν
ἢ ζῆν ταπεινῶς καὶ κακῶς ἐλεύθερον ¹⁾.*

Но интересный, какъ типъ, Давъ не менѣе интересенъ для насъ и потому, что его рѣчь заключаетъ въ себѣ новыя данныя для развитія дѣйствія пьесы. Прежде всего, мы узнаемъ изъ нея нѣкоторыя подробности относительно сына Миррины, т. е. того самаго юноши, котораго такъ боялся Мосхионъ (ср. ст. 17), а во-вторыхъ, передъ нами выступаетъ еще одно лицо, которому предстояло играть въ пьесѣ важную роль, а именно, земледѣлецъ Клеэнетъ. Уже изъ монолога Мосхиона мы знали, что сынъ Миррины находится въ деревнѣ, но мы не знали, о какой деревнѣ идетъ рѣчь. Теперь для насъ становится яснымъ, что юноша служитъ работникомъ у Клеэнета, что этотъ Клеэнетъ, по образцу Менедема въ „Nautopitogimenes“, самъ, съ помощью рабовъ и вольнонаемныхъ, воздѣлываетъ свою землю и что, наконецъ, жизнь, которую ведетъ онъ, а слѣдовательно, и всѣ, находящіяся подъ его началомъ, отличается суровымъ, чисто трудовымъ характеромъ. Далѣе, изъ словъ Дава явствуетъ, что юноша живетъ на сторонѣ исключительно ради заработка, чтобы поддерживать имъ свою мать и сестру. А о томъ, что потеря этого заработка была бы тяжелымъ ударомъ для семьи, можно судить по восклицанію Миррины, которое вырывается у нея при извѣстіи о болѣзни Клеэнета (ст. 49). Однимъ словомъ, если раньше мы могли только догадываться о матеріальной необезпеченности Миррины, то теперь, послѣ разсказа Дава, этотъ пунктъ становится для насъ безусловно яснымъ, причемъ такъ и кажется, что видишь передъ собой два различныхъ міра, діаметрально противоположныхъ другъ другу и другъ друга исключаютыхъ, а именно, міръ семьи Мосхиона и тотъ міръ, въ которомъ вращается Миррина и ея дѣти. Впрочемъ, судьба, до сихъ поръ враждебно относившаяся къ послѣднимъ, какъ будто хочетъ исправить свою прежнюю ошибку. И вотъ для Миррины, благодаря услугъ, оказанной ея сыномъ Клеэнету, открывается путь къ спасенію отъ бѣдности: Клеэнетъ хочетъ жениться на ея дочери, Ге-

1) Philem. fr. 227 (= К о с к, II, 536). См. также, М е и н е к е, о. с., IV, 55.

ди, и такимъ образомъ вызволить всю семью изъ тѣхъ мытарствъ, которыя она до сихъ поръ испытывала. Но эта вѣсть не радуешь Миррину, а наоборотъ приводитъ ее въ отчаянье. Конечно, всего проще отчаянье Миррины можно было бы объяснить тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится ея дочь и которое трудно скрыть отъ посторонняго глаза. Но оказывается, что не столько это обстоятельство волнуешь Миррину: по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ она на него не ссылается и о немъ не упоминаетъ. Причина волненія заключается въ другомъ, и объ этомъ довольно ясно говоритъ стихъ 87, мной пока не переведенный. Къ нему намъ и придется обратиться теперь для разрѣшенія вопроса.

3.

Согласно той формѣ, которая придана этому стиху въ изданіи Кёрте, онъ читается слѣдующимъ образомъ:

[ἐπε]ὶ τίνοσ ἢ παῖσ ἔστι; τοῦτ' ἄκου[ε ν]ῦν,

и можетъ быть переведенъ такъ:

Кто дѣвушка — отецъ? Ты выслушай меня.

Я не буду подробно разсуждать о томъ, что словамъ *τίνοσ ἢ παῖσ ἔστι* можно придавать только тотъ смыслъ, который приданъ имъ въ моемъ переводѣ, и что ихъ нельзя переводить такъ, какъ переводили ихъ Вейль, Вилаговицъ и другіе, а именно: „кому же достанется дѣвушка (т. е. Гедія)?“ Все это уже доказано Dziatzko ¹⁾ и повторено Préchac'омъ ²⁾, а слѣдовательно, не нуждается въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ. Для насъ гораздо важнѣе тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи восклицанія Миррины. Прежде всего, благодаря этому восклицанію, мы до нѣкоторой степени проникаемъ въ причину того волненія, которое вызвали въ Мирринѣ слова Дава. Оказывается, что, помимо связи дѣвушки съ Мосхіономъ, есть еще и другія, болѣе серьезныя обстоя-

1) Dziatzko, o. c., 512: Die Frage kann nicht die Bedeutung haben, welche v. Wilamowitz in seiner Uebersetzung hineinlegt: „Wer soll das Mädchen haben?“ Das müsste *τίνοσ γὰρ ἔσται*; heissen. Als Frau gehört sie noch keinem der beiden Bewerber, als Geliebte sicher dem Einen.

2) Préchac, o. c., 295.

тельства, которыя мѣшаютъ ея браку съ земледѣльцемъ. Заключаются же они въ тайнѣ происхожденія Гедіи, на что и намекають слова Миррины: „кто дѣвушка — отецъ“. По мнѣнію Dziatzko ¹⁾, эти слова заставляютъ предполагать: или что Мирринѣ вообще неизвѣстны родители Гедіи, или же, что ей неизвѣстенъ только отецъ дѣвушки. Въ первомъ случаѣ Гедія будетъ простымъ найденышемъ, взятымъ на воспитаніе и выдаваемымъ Мирриной за родную дочь; во второмъ же случаѣ Миррина можетъ приходиться дѣвушкѣ родной матерью, если думать, что она въ дни своей юности сдѣлалась жертвой насилія со стороны какого-то неизвѣстнаго и затѣмъ родила ребенка, а именно, Гедію. Выставивъ эти двѣ возможности, Dziatzko переходитъ къ разбору каждой изъ нихъ, причемъ ходъ его разсужденій будетъ приблизительно слѣдующимъ. Предположимъ сперва, что Гедія — дочь Миррины. Разъ это такъ, то изъ героевъ комедіи, намъ пока извѣстныхъ, отцомъ дѣвушки могутъ быть или Клеэнетъ, или богатый сосѣдь Миррины, т. е. отецъ Мосхіона. Но послѣднее, если принимать во вниманіе приемы „новой“ комедіи, невозможно. Вѣдь, согласно этимъ приемамъ, разъ какое-нибудь лицо совершило актъ насилія, повлекшій за собой рожденіе ребенка, а затѣмъ вступило въ бракъ (или въ сожительство) съ другой женщиной, то признанію (*ἀναγνώρισις*) ребенка отцомъ должно предшествовать одно изъ двухъ: или смерть супруги этого лица, какъ видимъ мы это въ „Epidicus“ Плавта, или же смерть любовницы, хотя бы и случайной, какъ наблюдается это въ „Phormio“ Теренція. Между тѣмъ, въ нашей комедіи оказались бы въ живыхъ обѣ женщины, такъ или иначе связанные съ отцомъ Мосхіона, а именно, Миррина и *γυνή*, взятая имъ *ἐπ' ἐλευθέρους παῖσιν*, — фактъ, который повлекъ бы за собой рядъ новыхъ и нежелательныхъ для комедіи осложненій. Остается, значитъ, Клеэнетъ. Но, по мнѣнію Dziatzko, противъ этого говорятъ, во-первыхъ, слова Дава, изъ которыхъ явствуетъ, что Клеэнетъ отличался всегда суровымъ образомъ жизни (ср. ст. 67); а во-вторыхъ, слѣдующій фрагментъ изъ „Земледѣльца“, сохранный Стоеемъ ²⁾:

1) Dziatzko, o. c., 512 sqq.

2) Stob. Flor. 105, 28=fr. 94 Kock.

Кто бѣ ни былъ тотъ, кто насмѣялся грубо
 Надъ вашей бѣдностью, — онъ жалокъ потому,
 Что можетъ самъ вкусить того, надъ чѣмъ глумился!
 Пусть онъ богатъ, и все жъ его богатство — тлѣнь:
 Вѣдь колесо судьбы и повернуться можетъ!

Подобная рѣчь, какъ думаетъ Dziatzko¹⁾, была бы странной въ устахъ Клеэнета, если бы онъ, упрекающій теперь соблазнителя Гедіи, самъ нѣкогда совершилъ поступокъ, еще болѣе грубый и низкій. Вѣдь наличность подобнаго факта въ его жизни повредила бы цѣльности его образа и „внесла бы въ обрисовку его характера ложный штрихъ“. Но можетъ быть, продолжаетъ Dziatzko, отцомъ дѣвушки было какое-нибудь неизвѣстное намъ лицо, напримѣръ, братъ отца Мосхіона, который въ концѣ пьесы „durch Adoption des Mädchens oder Heirat der Myrrhine jenem die fehlende Legitimität verschaffen könnte“²⁾. Однако, и это предположеніе не удовлетворяетъ Dziatzko. Онъ думаетъ, что если бы у Миррины былъ внѣ-брачный ребенокъ, она не могла бы выйти замужъ за какого-нибудь аѳинянина, а между тѣмъ этотъ фактъ имѣлъ мѣсто, такъ какъ у Миррины есть еще сынъ, въ законномъ происхожденіи котораго нѣтъ сомнѣній. Если же думать, что актъ насилія надъ Мирриной произошелъ уже въ то время, когда она находилась замужемъ, и притомъ въ отсутствіе мужа, куда-то уѣхавшаго и назадъ не вернувшася, „so wäre, falls das Kind nicht mehr unbedingt ehelich gelten konnte, seine Aussetzung die Regel gewesen“³⁾. И вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, къ которымъ присоединяется еще и тотъ фактъ, что Гедія нигдѣ не называется „дочерью“ Миррины, а исключительно „дѣвушкой“ (κόρη), Dziatzko приходитъ къ выводу, что Гедія — найденышъ, взятый Мирриной на воспитаніе и выдаваемый ею въ теченіе ряда лѣтъ за родную дочь. Но какъ дочь Миррины, Гедія все время шла за свободорожденную, за аѳинскую гражданку, на что, какъ найденышъ, не имѣла права. А такъ какъ всякій, ложно выдававшій себя за свободнаго, коль скоро его обманъ выходилъ наружу, подлежалъ продажѣ въ рабство,

1) Dziatzko, о. с., 514.

2) Dziatzko, о. с., 514.

3) Dziatzko, о. с., 515.

то Миррина и должна была бояться брака Гедіи съ Клеэнетомъ. Вѣдь послѣдній, узнавъ истину, могъ начать дѣло, и тогда Гедіи грозила бы участь простой рабыни! Почему же въ такомъ случаѣ допустила Миррина сожительство Гедіи съ Мосхіономъ? Допустила въ надеждѣ на то, что когда-нибудь найдутся подлинныя родители дѣвушки и это дастъ Мосхіону возможность жениться на его возлюбленной, конечно, если родители послѣдней окажутся свободорожденными. Найти же этихъ родителей Миррина надѣялась съ помощью тѣхъ *υπορίσματα*, тѣхъ распознавательныхъ знаковъ, которые, какъ повѣствуетъ „новая“ комедія, обыкновенно оставались при брошенныхъ дѣтяхъ и которые, слѣдовательно, были найдены Мирриной и при Гедіи. Итакъ, Гедія, по мнѣнію Dziatzko, найденышъ. Кто же, спрашивается теперь, родители дѣвушки? Dziatzko думаетъ, что ими могутъ быть только отецъ Мосхіона и его сожительница. Нѣкогда, по неизвѣстной намъ причинѣ, они бросили своего ребенка, и вотъ теперь, спустя много лѣтъ, снова находятъ его и принимаютъ обратно въ свою семью, на манеръ того, какъ дѣлаетъ это Хреметъ въ „*Nautontimorumenos*“. Такова въ общихъ чертахъ — гипотеза Dziatzko, почти буквально воспроизведенная Préchac'омъ¹⁾, — гипотеза, которой нельзя отказать ни въ остроуміи, ни въ вѣроятности, хотя меня лично она и не совсѣмъ удовлетворяетъ.

Впрочемъ я не буду входить въ детальную критику какъ самой гипотезы, такъ и тѣхъ основаній, которыя привели къ ней Dziatzko. Я ограничусь лишь тѣмъ, что отмѣчу тѣ пункты, съ которыми несогласенъ и которые, на мой взглядъ, могутъ быть истолкованы иначе. Сюда прежде всего относится заявленіе Dziatzko о томъ, что въ Клеэнетѣ нельзя видѣть обидчика Миррины или, что то же, отца Гедіи. Dziatzko, какъ мы видѣли это выше, считаетъ, что при подобномъ предположеніи былъ бы внесенъ ложный штрихъ въ обрисовку личности земледѣльца. Но такъ ли это? Правда, тотъ Клеэнетъ, который выступаетъ передъ нами, представляетъ собой человѣка серьезнаго и строгаго, привыкшаго къ трудамъ и суровой жизни. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ всегда былъ такимъ. По крайней мѣрѣ, изъ текста ничего

1) Préchac, o. c., 296 sqq.

подобнаго вывести нельзя. Да къ тому же и сама древняя комедія говоритъ намъ, что одно дѣло — человѣкъ въ старости, другое — онъ же въ молодости. Ср., напримѣръ, слова Перифана изъ „Epidicus“ Плавта (vv. 391 sq.):

[quasi] non plúruma
malefácta mea essent sólida in adulescéntia¹⁾.

Вотъ такой же „крупный“ поступокъ или, выражаясь словами Эліана (Epist. rust. 15), *θεοριδὸν καὶ νεανικὸν ἔργον*, могъ въ юности совершить и нашъ Клеэнетъ, чтò не помѣшало ему впослѣдствіи измѣниться до неузнаваемости и сдѣлаться настоящимъ отшельникомъ, вторымъ Тимономъ-мизантропомъ, полнымъ благородныхъ мыслей. Вѣдь если въ „Hautontimorumenos“ в орчливый Менедемъ — сразу послѣ ухода своего сына превращается, именно вслѣдствіе этого ухода, въ добраго и мягкаго старика, то тѣмъ паче могъ измѣниться за срокъ цѣлой жизни Клеэнетъ, каковъ бы онъ ни былъ въ дни своей юности. Итакъ, я считаю, что Клеэнетъ могъ быть обидчикомъ Миррины, а слѣдовательно, и отцомъ той самой дѣвушки, къ которой теперь, не зная, что она — его дочь, онъ сватается.

Во-вторыхъ, восклицаніе Миррины: „кто дѣвушкѣ — отецъ“, не надо понимать непременно въ томъ смыслѣ, что Миррина не знаетъ родителей (вѣрнѣе, отца) Гедіи. Это восклицаніе можно разсматривать, какъ своего рода риторическій вопросъ, на который Миррина ждетъ отвѣта отъ самой себя и который является только лишнимъ показателемъ ея взволнованности. Но разъ это такъ, то вовсе не исключена возможность, что Миррина знаетъ, кто именно — отецъ дѣвушки. Этимъ отцомъ является Клеэнетъ. Скажу больше. При такомъ пониманіи словъ Миррины ея волненіе и отчаяніе дѣлаются еще болѣе понятными и трагичными, тогда какъ при объясненіи Dziatzko вся ситуація сильно теряетъ въ драматизмѣ, не говоря уже о томъ, что страхъ Миррины передъ проблематичной опасностью, которой можетъ подверг-

1) Ср. также Ter. Neaut. 213 sqq., гдѣ юноша Клитифонъ, характеризуя своего отца, Хремета, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ хорошую характеристику отцовъ вообще, тѣхъ отцовъ, которые, забывая о своихъ юношескихъ проступкахъ, требуютъ отъ молодежи, чтобы она руководилась ихъ старческой безстрастностью.

нуться Гедія, въ случаѣ выхода ея замужъ за Клеэнета, производить нѣсколько натянутое впечатлѣніе. Итакъ, я думаю, что отцомъ Гедіи будетъ Клеэнеть, а матерью — Миррина¹⁾.

Далѣе, и тотъ фактъ, что Гедія нигдѣ не называется „дочерью“ Миррины, а исключительно „дѣвушкой“ (*κόρη, παῖς*), вовсе не кажется мнѣ говорящимъ противъ выставленнаго мной предположенія. Во-первыхъ, не надо забывать, что до насъ дошелъ всего на всего маленькій отрывокъ, а во-вторыхъ, неужели изъ того, что именно въ этомъ отрывкѣ нѣтъ слова „дочь“, можно заключать, какъ это дѣлаетъ Dziatzko, что Гедія не дочь Миррины, а — приемышь. Я лично думаю, что нельзя. Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы указать еще на стихи 58 сл., которые, какъ мнѣ кажется, тоже подтверждаютъ мою гипотезу:

Но твой сынокъ на старца,
Какъ на отца, взглянулъ.

Само собой разумѣется, что въ этихъ словахъ Дава не можетъ быть сознательнаго намека на прошлое Миррины: Давъ его не знаетъ! Ему хочется просто на просто поглотиться надъ юношей, въ дѣйствіяхъ котораго онъ не прочь усматривать низкую угодливость передъ богатымъ старикомъ. И тѣмъ не менѣе, намекъ тутъ налицо. Только онъ сдѣланъ самимъ поэтомъ, и если пока еще не вполне ясенъ для зрителей, то сразу припомнится имъ въ послѣдствіи, когда станетъ извѣстнымъ, что юноша, ухаживая за постороннимъ человекомъ, какъ за роднымъ отцомъ, на самомъ дѣлѣ спасалъ отъ гибели именно родного отца, а не посторонняго человѣка. Но если это мое замѣчаніе правильно, то намъ слѣдовало бы и здѣсь усматривать примѣръ той самой *praestitutio*, о которой мнѣ приходилось говорить выше (стр. 72) и цѣль которой заключалась въ подготовленіи зрителей къ воспріятію новыхъ, неожиданныхъ эффектовъ, имѣющихъ большое значеніе для хода всего дѣйствія пьесы.

Однимъ словомъ, на основаніи всего сказаннаго, я считаю себя вправѣ отклонить гипотезу Dziatzko и остановиться

1) Впервые на возможность этого предположенія указалъ van Leeuwen (о. с., 301), а затѣмъ нѣсколько подробнѣе развилъ его Koerte² (о. с., XLV). См. W. Christ⁵, Geschichte d. griech. Litt., II, 1, 32.

на новомъ, приведенномъ мною предположеніи, которое мнѣ лично кажется и болѣе простымъ и болѣе естественнымъ.

Попробуемъ теперъ выяснитъ кое-какія подробности, связанныя съ нашей гипотезой, хотя я и знаю напередъ, что всѣ онѣ будутъ носить чисто гадательный характеръ. Актъ насилія, произведенный Клеэнетомъ надъ Мирриной, могъ имѣть мѣсто или до ея замужества или послѣ него ¹⁾. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что Миррина, по образцу Памфилы изъ „Третьскаго суда“, скрыла отъ мужа происшедшее съ ней несчастіе, надѣясь на то, что, когда ребенокъ родится, она тайкомъ сбудетъ его на сторону съ помощью какого-нибудь довѣреннаго лица. Ведя разсужденія дальше, можно предположить еще, что мужъ Миррины уѣхалъ по торговымъ дѣламъ (мотивъ нерѣдкій въ комедіи) и не вернулся обратно, благодаря чему Миррина, уже находившаяся въ интересномъ положеніи, съ полнымъ правомъ могла быть причислена къ разряду тѣхъ женщинъ, *ἄσαι ἀν τελευτήσαντος τοῦ ἀνδρὸς σκήπτονται κρείν* ²⁾. Какъ бы то ни было, но у Миррины родилось двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка (ср. то же число въ „Отрѣзанной кость“ и въ „Героѣ“), которыхъ она не бросила на произволь судьбы, но оставила при себѣ и стала воспитывать, въ надеждѣ, что со временемъ они станутъ для нея подспорьемъ. Съ этими-то дѣтьми и встрѣчаемся мы въ комедіи, причемъ сынъ Миррины оказывается служащимъ какъ разъ у Клеэнета. Но само собой разумѣется, что ни старикъ, ни юноша не знаютъ о той родственной связи, которая ихъ связываетъ. О ней знаетъ только Миррина, но и она до поры до времени не находитъ нужнымъ вскрывать ее, пока, наконецъ, благодаря игрѣ Случая, не наступаетъ такой моментъ, котораго Миррина не ожидала: отецъ, самъ того не подозрѣвая, начинаетъ свататься къ родной дочери! Было отъ чего прійти въ ужасъ, и этотъ ужасъ, очень хорошо выраженъ простыми словами Миррины: *ἔπει τίνος ἢ παῖσ ἔστι*“, съ которыми она обращается къ Филиннѣ, своему старому и испытанному другу, посвященному, впро-

1) Если только думать, что Миррина вообще была замужемъ. Вѣдь сначала она могла жить въ другомъ мѣстѣ, не непременно въ Афинахъ, и лишь впоследствии могла переселиться въ городъ, гдѣ и стала выдавать себя за вдову, оставшуюся послѣ смерти мужа съ двумя дѣтьми на рукахъ.

2) Arist. 'Αθ. πολ. 56, 7.

чемъ, не во всѣ тайны своей собесѣдницы. Только исключительное по своей трагичности положеніе заставляетъ Миррину вскрыть теперь всю подноготную своей прежней жизни, и эта подноготная могла излагаться ею въ особомъ монологѣ, до насъ не дошедшемъ, началомъ котораго и служили слова:

Кто дѣвушкѣ — отецъ?! Ты выслушай меня!

4.

Теперь послѣ выясненія всѣхъ подробностей, которыя, по моему мнѣнію, можно выводить изъ стиха 87, мнѣ остается разобрать тѣ немногочисленные фрагменты „Земледѣльца“, которые были извѣстны намъ раньше изъ Стоева и другихъ авторовъ, — тѣмъ болѣе, что эти фрагменты на фонѣ нашего отрывка получаютъ новое освѣщеніе и въ свою очередь кое въ чемъ дополняютъ его. Итакъ, переходимъ къ нимъ.

Изъ словъ Дава (стихъ 76) мы уже знаемъ, что Клеэнетъ вмѣстѣ съ сыномъ Миррины находятся на пути въ городъ и что съ минуты на минуту можно ожидать ихъ прибытія. Отсюда ясно, что въ сценахъ, слѣдовавшихъ за монологомъ Миррины (не были ли эти сцены началомъ второго акта?), они должны были выступать въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ. Но отъ этихъ сценъ, повидимому, ничего не сохранилось, ибо дошедшіе до насъ отрывки сюда, какъ мнѣ кажется, относиться не могутъ. Можно, впрочемъ, думать, что однимъ изъ первыхъ этаповъ въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія была встрѣча Клеэнета съ Мирриной, встрѣча, которая могла происходить приблизительно такъ же, какъ происходитъ аналогичная встрѣча Перифана и Филиппы въ „Epidicus“ Плавта (vv. 534 sqq.). Послѣ этой встрѣчи вопросъ о сватовствѣ Клеэнета сходилъ, конечно, на нѣтъ, и весь интересъ пьесы сосредоточивался уже исключительно на Гедии или, вѣрнѣе, на ея неудачной любви. Само собой разумѣется, что тайна этой любви должна была мало по малу вскрываться передъ Клеэнетомъ и юношей, котораго, къ слову сказать, звали Горгіемъ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ имя соблазнителя дѣвушки дѣ-

1) Иначе думали Nicole, Blass и Weil, полагавшіе, что Горгіи это — богатый сосѣдъ Миррины, отецъ Мосхіона. Однако, ср. „*Novae Mennandra*“, гдѣ имя Горгіи приложено какъ разъ къ юношѣ, а не къ старику.

лалось извѣстнымъ какъ старику, такъ и юношѣ, не сразу. Вѣдь иначе не сталъ бы Клеэнеть¹⁾ выразаться объ этомъ соблазнитель такъ неопредѣленно, какъ въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ (fr. 94 Kock = fr. 2 Koerte):

Кто бъ ни былъ тотъ, кто насмѣялся грубо
Надъ вашей бѣдностью, — онъ жалокъ потому,
Что можетъ самъ вкусить того, надъ чѣмъ глумился.
Пусть онъ богатъ, — и все жъ его богатство тлѣнь!
Вѣдь колесо судьбы и повернуться можетъ.

Изъ этихъ словъ ясно, что если виновникомъ позора дѣвушки Клеэнеть и считаетъ одного изъ тѣхъ *μερόνια ἀνόλαστα*, подвиги которыхъ засвидѣтельствованы комедіей, то, во всякомъ случаѣ, имени этого *μερόνιον* онъ еще не знаетъ. Какъ бы то ни было, но несчастіе Гедіи должно было подѣйствовать удручающимъ образомъ и на брата ея, т. е. на Горгія, и надо думать, что не мало горькихъ словъ произнесъ онъ по этому поводу, если принять во вниманіе тѣ рѣчи Клеэнета, которыхъ мы сейчасъ коснемся. Горячій и экспансивный по природѣ, Горгій, повидимому, не хотѣлъ оставаться простымъ зрителемъ всего происходящаго. Ему хотѣлось найти обидчика, наказать его, унижить. И вотъ, какъ бы отвѣтомъ на эти желанія являются слѣдующія слова Клеэнета (fr. 95 Kock = fr. 3 Koerte):

Тотъ, Горгій, выше всѣхъ, кто власти надъ собою
Умѣетъ не терять въ минуты злыхъ обидъ,
А раздражительность и гнѣвные порывы, —
Все это говорить про мелочность души!

Однако, если къ человѣку обращаются съ подобною рѣчью, то ясно, что онъ находится внѣ себя, что онъ способенъ на крайности и что для пользы самого дѣла его необходимо обуздать и успокоить. Но вотъ имя обидчика становится извѣстнымъ. Это — Мосхіонъ, сынъ богатаго сосѣда Миррины. Само собой разумѣется, что гнѣвъ снова охватываетъ Горгія. Пусть обидчикъ богатъ, а онъ, Горгій, бѣденъ. Вѣдь передъ закономъ, передъ правомъ всѣ равны, а слѣдо-

1) Только Клеэнету и можно приписывать какъ этотъ отрывокъ, такъ и всѣ остальные. Къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ пьесы они не подойдутъ.

вательно, къ суду и долженъ обращаться обиженный. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ на это Клеэнетъ (fr. 93 Kock = fr. 1 Koerte):

На бѣднаго глядятъ съ презрѣніемъ, мой Горгій,
Хотя бы говорилъ онъ правду. Мыслятъ всѣ,
Что цѣль его рѣчей — одно любостяжанье.
И даже если онъ обиженъ, — онъ идетъ,
Коль рваный плащъ на немъ, за низкаго пройдоху.

Однимъ словомъ, Клеэнетъ всѣми силами старается удержать Горгія отъ всякаго рискованнаго и необдуманнаго шага, подобно тому, какъ въ „Отрѣзанной кость“ такую же роль сдерживающаго элемента играетъ Патэкъ по отношенію къ Полемону. Вообще я думаю, что сходство между Патэкомъ и Клеэнетомъ можно распространять и дальше, но, конечно, не по отношенію къ характерамъ обоихъ лицъ (тутъ они различны), а по отношенію къ той важной, почти доминирующей роли, которую они играютъ. Вѣдь недаромъ же наша пьеса называется „Земледѣльцемъ“. Уже изъ одного этого можно было бы заключать, что Клеэнету было отведено въ ней подобающее мѣсто. Но мнѣ кажется, что и всѣ подробности, мною выше указанныя, въ свою очередь подтверждаютъ мое предположеніе о томъ, что Клеэнетъ, какъ и Патэкъ, дѣлался въ концѣ концовъ своего рода руководителемъ дѣйствія. Да иначе и быть не могло, если только вѣрна наша гипотеза о тѣсной связи, существовавшей между земледѣльцемъ и дѣтьми Миррины. А разъ это такъ, то кто, какъ не Клеэнетъ, долженъ былъ браться за устройство того дѣла, въ которомъ страдательнымъ элементомъ являлась его собственная дочь? И вотъ, я думаю, что Клеэнетъ дѣйствительно выступалъ посредникомъ, и не только посредникомъ, а настоящимъ устройтелемъ брака. Такъ, на примѣръ, сперва онъ могъ вести бесѣду съ Мосхіономъ по поводу его чувствъ къ Гедіи и, узнавъ отъ него всю правду, вполне могъ говорить ему слѣдующія слова (fr. 100 Kock = fr. 5 Koerte):

Ты рехнулся? Вотъ умора! Самъ въ свободную влюбленъ,
И молчитъ себѣ и смотритъ, какъ другіе для него
Мастерятъ напрасно свадьбу.

А затѣмъ у Клеэнета должно было быть столкновеніе съ отцомъ Мосхіона. Отецъ же этотъ могъ до нѣкоторой степени напоминать собой Симона изъ „Andria“ Теренція,

такъ что роль Клеэнета совпадала бы тутъ съ ролью Критона изъ той же *Andria*, т. е. съ ролью человѣка, который спокойно и съ достоинствомъ выносить дерзости со стороны раздражительнаго богача и мало по малу обезоруживаетъ его и подчиняетъ своей волѣ¹⁾. Къ этому моменту въ дѣйствіи нашей комедіи и могъ бы относиться слѣдующій отрывокъ, характерный для Клеэнета, какъ для земледѣльца, гордящагося своимъ ремесломъ и презирающаго праздную городскую жизнь (fr. 97 + fr. 627 Kock = fr. 4 Koerte):

Да, я — мужикъ, — объ этомъ я не спорю.
Я въ городскихъ дѣлахъ неопытенъ совсѣмъ,
Но долгой жизни путь иной вручилъ мнѣ опытъ.
Итакъ не презирай ты рѣчи мужика!²⁾

Внѣ всякаго сомнѣнія, эти „рѣчи“ одерживали въ концѣ концовъ побѣду надъ упорствомъ капризнаго богача, и результатомъ ихъ являлась женитьба Мосхіона на Гедіи, причемъ не исключена возможность и того, что Клеэнетъ въ свою очередь вступалъ въ бракъ съ Мирриной, благодаря чему Гедія и Горгіи дѣлались прямыми наследниками его состоянія. Ну, а какая же участь выпадала на долю „сводной“ сестры Мосхіона, его недавней невѣсты? Ее, по всей вѣроятности, выдавали замужъ за Горгія, и, такимъ образомъ, объ семьи, еще недавно чуждые другъ другу, сливались теперь по прихоти Судьбы въ одно дружное цѣлое, а на смѣну недавнимъ тревоженіямъ и безпокойствамъ приходило личное счастье, къ которому вѣдь и стремятся всегда всѣ герои Менандра.

1) Ср. Weil, о. с., 136.

2) Не рѣчами ли Менандровскаго земледѣльца навѣяны слѣдующій пассажъ у Эліана (*Epist. rust.* 20): *μη τοῖνον γε ω ρυῶν καταφρόνει ἔστι γάρ τις καὶ ἐνταῦθα σοφία, γλώττη μὲν οὐ πεποιτισμένη οὐδὲ καλλωπιζομένη λόγων δυνάμει, σιῶσα δ' εὖ μάλα καὶ δι' αὐτοῦ τοῦ βίου τὴν ἀρετὴν ὁμολογοῦσα?* Далѣе, мнѣ кажется, что къ „Земледѣльцу“ и, въ частности, къ рѣчамъ Клеэнета, можно было бы относить и слѣдующій фрагментъ, сохранный Лукіаномъ (*Zeῦσ τραυφῶσα*, 32 = fr. adesp. 227 Kock):

ἀγροικία εἰμι τὴν σκάρην σκάρην λέγων.

Эти слова были бы вполне уместны въ устахъ Клеэнета, врага всякой дипломатіи! Тотъ же фактъ что Цеца приводитъ этотъ стихъ, какъ взятый у Аристофана, не заслуживаетъ большаго вниманія: на свидѣтельства Цецы вообще полагаться нельзя!

v.

Отрѣзанная коса.

1.

Наши свѣдѣнія о комедіи Менандра „*Περικειρομένη*“ въ теченіе долгаго времени ограничивались двумя-тремя незначительными отрывками изъ нея¹⁾, да кое-какими, очень поверхностными намеками древнихъ авторовъ, на основаніи которыхъ трудно было даже въ самыхъ общихъ чертахъ представить себѣ приблизительное содержаніе пьесы²⁾. Но въ 1899 г. число отрывковъ значительно увеличилось благодаря папирусу изъ Оксиринха, который далъ намъ цѣлую сцену, относящуюся къ концу комедіи, и притомъ такую сцену, которая сразу ознакомила насъ съ массой новыхъ подробностей и деталей, до той поры неизвѣстныхъ³⁾. Затѣмъ, въ 1907 г. мы, благодаря открытію Лефевромъ Каирскаго кодекса, получили уже окончательную возможность судить о пьесѣ, если и не во всей ея полнотѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ значительной ея части, хотя многое въ ходѣ дѣйствія и продолжало оставаться для насъ не совсѣмъ яснымъ и довольно

1) Meineke, Menandri et Philemonis reliquiae, 136 sqq.; Meineke, Fragm. comic. graec., IV, 185 sq.; Kock, Com. graec. fragm., III, 111 sq.

2) Philostr. epist. 16 и 61 (ed. Kayser, II, 232, 253); Agathias, Anth. Palat. 5, 217 (ed. Stadtmüller I, 174), а также Tibull. I, 10, 53 sqq.; Lucian. Dial. meretr. 8, 1 и, въ особенности, Schol. Bemb. in Ter. Eun. I, 16 (= Umpfenbach, Hermes, II (1867), 344): videtur Detonsa[m] Peric <eir> omenen Menandri <tan>gere: in qua fabula miles suspicione percussus adulterii gladio amatae amputat c[ri]nes. Cp. Legrand, Les „dialogues des courtisanes“ comparés avec la comédie (= Revue des études grecques XXI (1908), 64).

3) Grenfell-Hunt, The Oxyrhynchus Papyri, II, 11 sqq., n. CCXI; Weil, Deux comédies de Ménandre (= Etudes sur l'antiquité grecque (Paris 1900), 273 sqq.); Kretschmar, De Menandri reliquiis nuper repertis (Lipsiae 1906), 80 sqq.

запутанным¹⁾. Но вотъ, годъ спустя, въ томъ же Египтѣ были найдены два пергаменныхъ листка (3 в. по Р. Х.) — они хранятся теперь въ Лейпцигѣ за № 613 —, содержащiе частью уже извѣстные изъ Каирскаго кодекса, частью новые отрывки все изъ той-же „*Περικειρομένη*“, и съ этого момента научная разработка пьесы вступила въ болѣе опредѣленный фазисъ, такъ какъ пергаменные листки заполнили рядъ лакунъ и, до нѣкоторой степени, помогли выяснить рядъ недоразумѣній²⁾. Наконецъ, не мѣшаетъ отмѣтить, что въ самое послѣднее время къ числу уже упомянутыхъ нами рукописей прибавилась еще одна, а именно, Гейдельбергскiй папирусъ 219 (2 в. по Р. Х.), заключающiй въ себѣ остатки 18 стиховъ, но, къ сожалѣнiю, стиховъ, которые являются плоскими дублетами ст. 42—59, въ гораздо лучшемъ видѣ сохранныхъ уже Каирскимъ кодексомъ³⁾.

Такимъ образомъ, при обработкѣ комедiи Менандра „*Περικειρομένη*“ мы имѣемъ возможность пользоваться четырьмя рукописями, изъ которыхъ три взаимно дополняютъ другъ друга, а четвертая, правда, уступая имъ въ значенiи, все таки представляетъ такой памятникъ, который, по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ (ст. 47: *ἔδυσχέρανε* вм. *ἔδυσχέρανε*) исправляетъ Каирскую. Всѣ эти четыре рукописи, взятыя вмѣстѣ, даютъ намъ комплексъ въ 448 стиховъ, кое-гдѣ прерываемыхъ болѣе или менѣе значительными лакунами, причемъ по рукописямъ стихи распредѣляются такъ: на долю Каирскаго кодекса приходится 324 стиха, на долю Оксиринскаго — 51, а остальное количество даютъ Лейпцигскiе пергаменные листки. Впрочемъ, по поводу послѣднихъ надо замѣтить, что хотя въ общемъ они и содержатъ 121 стихъ, однако изъ этихъ стиховъ 48 являются дублетами тѣхъ, которые имѣются также и въ Каирской рукописи (К 230—277 = L 14—61), а слѣдовательно, то новое, что дается Лейпциг-

1) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Caire 1907), 105 sqq.; Lefebvre², Papyrus de Ménandre (Le Caire 1911), 24—33 и XIV sq.

2) A. Koerte, Zwei neue Blätter der Perikeiromene (= Berichte der königl. Sächs. Gesellschaft der Wiss. zu Leipzig, phil.-hist. Cl., LX, 145—175).

3) Gerhard, Ein Heidelberger Fragment aus Menanders Perikeiromene (= Sitzungsberichte der Heidelberger Akad. d. Wiss., phil. hist. Cl., 1911, 4 Abhandlung, 3 sqq.).

скими листками, сводится всего на всего къ 73 стихамъ, имѣющимъ, впрочемъ, громадное значеніе для выясненія хода дѣйствія пьесы и многихъ связанныхъ съ нимъ подробностей.

Итакъ, все, что дошло до насъ отъ „*Περισχομένη*“, равняется 448 стихамъ¹⁾, т. е., приблизительно, половинѣ пьесы, если мы станемъ сводить размѣры послѣдней на 1000 стиховъ, руководствуясь въ данномъ случаѣ тѣми аналогіями, которыя даютъ намъ пьесы Плавта и Теренція. А впрочемъ, для рѣшенія вопроса о величинѣ комедіи, у насъ имѣются и другія, болѣе опредѣленныя данныя, къ разбору которыхъ мы и перейдемъ. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ четыре страницы двухъ Лейпцигскихъ листковъ пагинированы, причѣмъ пагинація, помѣщенная на верхнихъ краяхъ страницъ, даетъ слѣдующія цифры: \overline{va} , $\overline{v\beta}$, $\overline{\xi a}$, $\overline{\xi \beta}$, т. е. 51, 52, 61 и 62. Изъ этихъ цифръ ясно, что рукопись, къ которой принадлежали Лейпцигскіе листки, распадалась на кватерніоны и что, съ другой стороны, наши листки входили въ составъ четвертаго кватерніона рукописи, будучи въ немъ страницами 3—4 и 13—14, или, иначе, вторымъ его листомъ. А такъ какъ число строкъ на каждой страницѣ Лейпцигскихъ листковъ равняется 30, то, значить, между дошедшими до насъ страницами, т. е. между страницей 52 и 61, помѣщалось нѣкогда на двухъ листахъ (т. е. на лл. 3 и 4) 240 стиховъ, что вмѣстѣ съ дошедшими 120 составляло комплексъ въ 360 стиховъ. Далѣе, коль скоро первая страница Лейпцигскихъ листковъ была въ рукописи 51-ой, то ясно, что ей предшествовало 50 страницъ, или, иначе, 1500 стиховъ. Но такъ какъ все это количество (+ 360 стиховъ) не могло приходиться на одну „*Περισχομένη*“, то надо, вслѣдъ

1) Если не считать, что къ нашей пьесѣ относится и фрагментъ β , представляющій собой остатки 4 страницъ, которыя составляли нѣкогда одинъ листъ. Но этотъ фрагментъ, сохранившій только однѣ начала, да концы стиховъ, врядъ ли можетъ быть предметомъ изслѣдованія, хотя, если вѣрить Лефевру, въ немъ и встрѣчается *nota marginalis*: *Πολ* (i. e. *Πολέμων*), какъ будто бы и относящая его къ *Περισχομένη*. Во всякомъ случаѣ, сказать про этотъ фрагментъ что нибудь опредѣленное довольно трудно. Можно отмѣтить только, что сохранные имъ остатки стиховъ ясно указываютъ, что эти стихи входили въ составъ довольно оживленнаго діалога: въ пользу этого говорятъ частые параграфы, то и дѣло смѣняющіе другъ друга! Подробнѣе говорятъ о фрагментѣ β : Lefebvre², о. с., XIV sqq. и, въ особенности, Koerte², о. с., XXXVIII sq.

за Koerte, думать, что наша пьеса занимала въ Лейпцигской рукописи второе мѣсто и начиналась, приблизительно, съ 35 страницы, тогда какъ первая 34 страницы, вмѣщавшія около 1020 стиховъ, падали на долю той комедіи, которая предшествовала нашей и которая до насъ не дошла¹⁾. Всѣ эти расчеты, какъ бы шатки они ни были, подтверждаетъ, на мой взглядъ, и Каирскій кодексъ, къ которому намъ и слѣдуетъ теперь обратиться, тѣмъ болѣе, что если стихи, сохраненные Лейпцигскими листками, относятся къ серединѣ пьесы, то большая часть текста, сохраненнаго Каирской рукописью, отстояла, повидимому, не особенно далеко отъ самаго начала комедіи, къ сожалѣнію не сохранившагося. Итакъ, коснемся теперь Каирскаго кодекса.

Наша пьеса, въ ея настоящемъ видѣ, занимаетъ въ кодексѣ два листа: Е и J, или, иначе, 8 страницъ. Эти листы, входившіе въ составъ одного и того-же кватерніона, были въ немъ вторымъ и четвертымъ листами, а слѣдовательно, заключали въ себѣ страницы: 3—4, 7—8, 9—10, и 13—14, на которыхъ и сохранилось 287 стиховъ. Что же касается остальныхъ, утраченныхъ листовъ кватерніона, т. е. лл. 1 и 3, то на нихъ, считая на страницу круглымъ счетомъ по 35 строкъ, было 280 стиховъ съ небольшимъ, что вмѣстѣ съ сохранившимися 287 стихами давало сумму въ 570 строкъ безъ малаго, которыя и заполняли кватерніонъ въ его цѣломъ видѣ²⁾. Но, кромѣ отмѣченныхъ мною двухъ листовъ, на долю „*Περικειρομένη*“ приходится въ Каирскомъ кодексѣ еще маленькій отрывокъ K, содержащій въ себѣ (на recto и на verso) 37 стиховъ и относившійся нѣкогда къ второму листу того кватерніона, который слѣдовалъ за нашимъ, только что упомянутымъ³⁾. А такъ какъ число строкъ

1) Koerte², о. с., XXXIV sq.; Koerte, Zwei neue Blätter der Perikeiromene, 174 sq.

2) Значить, общій видъ кватерніона будетъ таковъ: <лсипа въ 2 страницы>, E₁₋₂, <лсипа въ 2 страницы>, J₁₋₂, J₃₋₄, <лсипа въ 2 страницы>, E₃₋₄, <лсипа въ 2 страницы>.

3) Определить съ приблизительной точностью то мѣсто, которое занималъ нѣкогда обрывокъ K, можно благодаря второму Лейпцигскому листку, т. е., благодаря страницамъ ξα и ξβ, которыя почти что продолжаютъ обрывокъ K, если не считать маленькой лакуны, приблизительно, въ 7—8 стиховъ, отдѣляющей ихъ отъ обрывка. См. по этому поводу Koerte, Zwei neue Blätter der Perikeiromene, 171 sqq.

на каждой страницѣ Каирской рукописи доходить до 35—38, то, значить, на обѣихъ страницахъ обрывка *K* не хватаетъ, приблизительно, 33 строкъ, что, вмѣстѣ съ сохранившимися 37, составляло 70. Итакъ, первыя четыре страницы второго кватерніона содержали въ себѣ круглымъ счетомъ 140 стиховъ, изъ которыхъ дошло до насъ всего на всего 37. Вслѣдъ за обрывкомъ *K* въ Каирскомъ кодексѣ идетъ лакуна, ибо на этомъ обрывкѣ кодексъ и кончается. Но, къ счастью, нѣкоторая часть этой лакуны восполняется вторымъ Лейпцигскимъ листкомъ, какъ бы играющимъ роль третьяго листа во второмъ кватерніонѣ Каирскаго кодекса и дающимъ намъ 60 стиховъ, т. е. число, которому не хватаетъ, приблизительно, 10 стиховъ для того, чтобы занять полностью предполагаемый нами третій листъ (т. е. первыя двѣ страницы) второго кватерніона. Если мы сложимъ теперь добытыя нами числа, то въ нашемъ распоряженіи окажется 210 стиховъ, а вмѣстѣ съ приведенными выше 570 у насъ получится сумма въ 780 стиховъ, къ которымъ надо прибавить еще 50, находящихся въ папирусѣ изъ Оксиринха.

Однако, текстъ, сохраненный Оксиринхскимъ папирусомъ, не примыкаетъ къ Лейпцигскому листку непосредственно, такъ что между ними надо предполагать наличность лакуны, по крайней мѣрѣ, въ 100 или въ 140 строкъ. Такимъ образомъ, размѣры нашей пьесы, если мы поведемъ счетъ отъ перваго, сохранившагося до насъ стиха Каирской рукописи, сведутся къ 920—930 стихамъ, не больше. Но первый стихъ „*Περὶ χειρομένη*“, какъ даетъ его Каирскій кодексъ, не былъ первымъ стихомъ комедіи въ ея цѣльномъ видѣ, ибо начало комедіи пропало.

Спрашивается теперь, можно ли опредѣлить съ приближительной точностью размѣры этого начала? Если мы обратимся къ Лейпцигскимъ листкамъ, то коль скоро мы считаемъ, что „*Περὶ χειρομένη*“ начиналась въ рукописи, къ которой они принадлежали, съ 35 страницы (см. выше), ясно, что первому стиху, сохраненному Лейпцигскими листками, предшествовало около 450 стиховъ. Между тѣмъ, первый стихъ Каирской рукописи отстоитъ отъ перваго стиха Лейпцигскихъ листковъ на разстояніи 340 стиховъ съ небольшимъ¹⁾. От-

1) Ср. Koerte², о. с., XXXV.

сюда видно, что пропавшее начало комедии равнялось 100 стихамъ съ чѣмъ-то, и что, такимъ образомъ, размѣры всей „*Περικειρομένη*“ сводились, приблизительно, къ 1020—1030 стихамъ, изъ которыхъ 20—30, по аналогіи съ „*Ἦρωσ*“ Менандра, могли приходиться на долю *ὁ π ὀ θ ε σ ι σ* и списка дѣйствующихъ лицъ пьесы.

Опредѣливъ, на сколько это было возможно, относительную величину интересующей насъ комедіи, мы можемъ перейти теперь къ разбору послѣдней, но предварительно намъ придется сказать нѣсколько словъ по поводу ея заглавія. Это заглавіе, собственно говоря, не сохранилось ни въ одной изъ упомянутыхъ нами четырехъ рукописей и, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ „*Περικειρομένη*“, а не съ какой-либо другой пьесой Менандра. Прежде всего, это явствуетъ изъ содержанія самой комедіи, косвеннымъ же подтвержденіемъ является то обстоятельство, что стихъ 408: *ὁ δ' ἀλάστορ ἐγὼ | καὶ ζηλότυπος ἄνθρωπος*, находящійся въ сценѣ, которую сохранилъ Оксиринхскій папирусъ, отнесенъ въ „Лексиконѣ“ Фотія какъ разъ къ „*Περικειρομένη*“¹⁾. Равнымъ образомъ, и слова: *τὸ δὲ κεφάλαιον οὐδέπω λογιζομαι | τὸν δεσπότην*, которыя приводятся въ схолии къ ст. 35 Аристофановскаго „Богатства“, какъ взятые изъ той-же „*Περικειρομένη*“, дѣйствительно, стоятъ въ текстѣ ново-открытой комедіи, какъ стихи 173—174²⁾. Слѣдовательно, данныхъ для фиксированія пьесы опредѣленнымъ заглавіемъ вполне достаточно, и мы можемъ не сомнѣваться въ томъ, что передъ нами — дѣйствительно то самое произведеніе Менандра, которое когда-то пользовалось громкою славой и отзвуки котораго можно найти у разныхъ писателей древняго міра³⁾.

1) Reitzenstein, Der Anfang des Lexicons des Photios, 71, s. v. *ἀλάστορ*. Этотъ стихъ былъ намъ извѣстенъ и раньше изъ Lex. Seguer. (= Bekker, Anecd. gr. 374), гдѣ, впрочемъ, онъ приводится безъ опредѣленнаго указанія пьесы, изъ которой взятъ. Тѣмъ не менѣе уже Meineke съ присущей ему проникательностью предполагалъ, что его надо отнести къ „*Περικειρομένη*“, — гипотеза, которая теперь подтверждается и Фотіемъ и Оксиринхскимъ фрагментомъ. См. Meineke, Menandri et Philemonis reliquiae, 137, а также Fragm. com. gr. IV, 186.

2) Scholia graeca in Aristophanem ed. Dübner, 327.

3) Кромѣ вышеприведенныхъ цитатъ слѣдовало бы отмѣтить еще Lucian. Dial. meretr. 9, 5 и 15, 3, гдѣ нѣкоторыя мѣста навѣяны, повидимому, соответствующими стихами нашей комедіи.

Сохранившіеся стихи пьесы распредѣляются по нѣсколькимъ дѣйствіямъ, причеиъ всего лучше представлеиъ второй актъ, на который падаетъ цѣлый рядъ сценъ; остальные же акты пострадали гораздо больше, и это обстоятельство сильно затрудняетъ возстановленіе общаго хода дѣйствія, тѣмъ болѣе, что пьеса отличается рѣдкой запутанностью интриги. Въ своемъ настоящемъ видѣ пьеса открывается монологомъ, который произноситъ „Невѣдѣніе“ (*Ἀγνοια*). Но и этотъ монологъ дошелъ до насъ не въ полной сохранности: ему не хватаетъ нѣсколькихъ, повидимому, немногихъ стиховъ, въ которыхъ „Невѣдѣніе“ должно было, во-первыхъ, сообщать зрителямъ о томъ, кого они передъ собой видятъ¹⁾, и, во-вторыхъ, привести начало той исторіи, изложенію которой посвящены его дальнѣйшія слова. Думать же, что монологъ „Невѣдѣнія“ и былъ началомъ комедіи, нельзя. Это явствуется изъ того, что „Невѣдѣніе“ упоминаетъ въ немъ о двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ пьесы, какъ о такихъ, которыхъ зрители уже видѣли (ст. 7 и 38). Но разъ это такъ, то мы должны думать, что монологу предшествовала особая вводная сцена (вѣрнѣе, что — двѣ сцены) на манеръ той, которую мы видимъ въ комедіи Менандра „Герой“. Эта сцена и открывала собой дѣйствіе или, точнѣе, была преддверіемъ къ нему, а уже за ней шелъ нашъ монологъ-прологъ, содержащій въ себѣ — говоря словами Лукіана — „изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла“ — *σύνπαντα τοῦ δράματος τὸν λόγον*²⁾.

Спрашивается, въ чемъ же заключались эти „обстоятельства“, а также, нельзя ли на основаніи ихъ опредѣлить, чего могла касаться вводная сценка комедіи? Отвѣтъ на все это даютъ намъ слова „Невѣдѣнія“. Изъ нихъ мы узнаемъ, что какая-то женщина, не отличавшаяся большими средствами, нашла двухъ брошенныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, которыхъ и взяла себѣ на воспитаніе. Но затѣмъ изъ двухъ найденышей она рѣшила оставить у себя только одну дѣвочку, а

1) По всей вѣроятности, *Ἀγνοια* давала эти объясненія въ такой-же формѣ, въ какой даютъ ихъ *Ἄηρ* у Филемона (Kock, II, 505, fr. 91) и *Ἐλεῦχος* у Менандра (Lucian. Pseudolog. 4). Ср. также то, что я говорю по поводу роли „Героя“ въ одноименной этому персонажу менандровской пьесѣ „Герой“ (стр. 97 сл.).

2) Lucian. Pseudolog. 4.

мальчика отдала богатой сосѣдкѣ, которой хотѣлось имѣть сына и которую, какъ видно изъ дальнѣйшаго, звали Мирриной. Когда дѣвочка, по имени Гликера, подросла, ея приемная мать, въ то время сильно нуждавшаяся въ средствахъ (ст. 6), не помѣшала ей сдѣлаться любовницей офицера Полемона, причѣмъ выдала её за свою родную дочь¹⁾. Такимъ образомъ, дѣвушка оказалась пристроенной; ея же приемная мать вскорѣ послѣ этого скончалась, но передъ смертью открыла своей питомицѣ тайну ея происхожденія, отдала ей найденныя съ нею распознавательные знаки (*γνώρισματά*), чтобы по нимъ дѣвушка могла отыскать своихъ родителей, а также указала ей и на ея родство съ юношей Мосхиономъ, жившимъ у Миррины на положеніи законнаго сына. Послѣ смерти старухи, Гликера, не желая открытіемъ тайны ставить своего брата въ неловкое положеніе, со дня на день откладывала минуту свиданія съ нимъ, довольствуясь тѣмъ, что истина была ей извѣстна. Но случилось такъ, что юноша, самъ того не подозрѣвая, ускорилъ развязку. Онъ замѣтилъ красавицу и, думая, что если она и не изъ числа настоящихъ гетеръ, то, во всякомъ случаѣ, приближается къ нимъ, смѣло повелѣлъ атаку, тѣмъ болѣе, что, избалованный женщинами (ср. стихъ 113), не привыкъ ставить преграды своимъ желаніямъ. Но въ тотъ моментъ, когда, подкарауливъ дѣвушку у ея дома, онъ сразу приступилъ къ ней съ ласками, а она, зная, что передъ ней находится братъ, на поцѣлуи отвѣчала поцѣлуями, — вернулся ея возлюбленный, Полемонъ, и полный ревности, не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, положилъ начало всѣмъ тѣмъ осложненіямъ, которыя и вызвали пьесу къ жизни.

Все это, мной изложенное, находится, за немногими исключеніями, въ монологѣ „Невѣдѣнія“. Но есть въ этомъ монологѣ и еще кое-какія частности, которыя являются своего рода путеводной нитью для реконструкціи вводной сцены, до насъ не дошедшей. „Вы уже видѣли дѣвушку“, говоритъ „Невѣдѣніе“, обращаясь къ зрителямъ, а немного ниже (стихъ 38), начавъ рассказывать о внезапномъ появленіи Полемона, — оно вдругъ прерываетъ свой рассказъ словами:

Но о дальнѣйшемъ онъ недавно самъ сказалъ.

1) Ср. Lucian. Dial. meretr. 6, гдѣ мать, вынуждаемая къ тому бѣдностью, совѣтуетъ дочери взяться за ремесло гетеры.

Отсюда ясно, что Полемонъ, еще до монолога „Невѣдѣнія“, выступалъ на сценѣ, и притомъ съ цѣлой рѣчью, ибо въ противномъ случаѣ слова „Невѣдѣнія“ были бы, по меньшей мѣрѣ, странны. Итакъ, пока мы можемъ констатировать, что вводная сцена заключала въ себѣ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ Полемона и Гликеру. Но каково же было содержаніе этой сцены? Изъ текста комедіи (ст. 48 и 53), изъ показаній разныхъ писателей древности, изъ заглавія пьесы, наконецъ, мы знаемъ, что Полемонъ оскорбилъ свою любовницу тѣмъ, что, въ припадкѣ бѣшенства, отрѣзаль у ней косу, въ силу чего пьеса и называется „*Περικειρομένη*“ или, какъ очень удачно переводитъ это слово Θ. Ф. Зѣлинскій, „Отрѣзанная коса“. Своей дикой выходкой, не сообразивъ всѣхъ ея послѣдствій, Полемонъ сдѣлалъ то, что поставилъ Гликеру не выше обыкновенной гетеры, обыкновенной продажной женщины, — онъ, такъ сказать, наложилъ на нее печать явнаго безчестія¹⁾. Но думать, что этимъ актомъ насилія была занята вводная сцена²⁾, или, что содержаніемъ послѣдней было появленіе плачущей Гликеры, за которой слѣдоваль Полемонъ, осыпавшій ее оскорбленіями, — врядъ ли возможно³⁾.

Первое предположеніе будетъ противорѣчить общему характеру греческой драмы и примѣняемымъ въ ней пріемамъ, а второе — не подойдетъ къ характеру Полемона, какимъ рисуется онъ въ нашей комедіи. Вѣдь изъ текста прежде всего явствуетъ, что встрѣча Гликеры съ Мосхиономъ произошла вечеромъ, а канунъ того дня, съ котораго начинается дѣйствіе. Съ другой же стороны, Полемонъ, который изображается по преимуществу человѣкомъ минуты, врядъ ли могъ откладывать до утра процедуру съ косою Гликеры.

1) Robert, Der neue Menander, 13, думаетъ, что *περικείρεσθαι* надо сопоставлять съ выраженіемъ: *σχαφίον κείρεσθαι*, т. е., иными словами, онъ полагаетъ, что Полемонъ остригъ Гликеру на манеръ того, какъ стриглись гетеры. Но мнѣ кажется, что это — невѣрно. Полемонъ просто отрѣзаль косу Гликеры, благодаря чему у послѣдней получилось нѣчто вродѣ *κουρὸν περιτόχαλος*. Ср. Hesych: *σχαφίον · εἶδος κουρῶσ τῆσ κεφαλῆσ, ὃ κείρεσθαι φασὶ τὰσ ἐταίρεσ τούσασ· εἶναι δὲ περιτόχαλον*.

2) Такъ думалъ Lefebvre, о. с. 106 sq.

3) Такъ полагаетъ Robert, Bemerkungen zur Perikeiromene des Menander [= Hermes, 44 (1909), 284, 2].

Гораздо естественнѣе думать, что онъ сразу, подъ вліяніемъ аффекта, совершилъ свой поступокъ, въ которомъ черезъ короткое время уже готовъ каяться¹⁾). Недаромъ же, нѣсколько ниже, рабъ Полемона, Сосія, говоритъ про своего барина (ст. 52 сл.):

Недавно нашъ боець такъ и ходилъ грозой,
Недавно женскихъ косъ не выносилъ... А нынѣ
Онъ плачетъ за столомъ!

Но изъ этихъ словъ, какъ бы мы ихъ ни понимали, явствуетъ одно, а именно, что Полемонъ поступаетъ обыкновенно сгоряча, безъ предварительнаго обдумыванія своихъ поступковъ, и что, слѣдовательно, оскорбленіе, которое онъ нанесъ Гликерѣ, должно было быть нанесено имъ сразу послѣ удаленія Мосхіона, или, иначе, что не оно было предметомъ содержанія вводной сцены.

Итакъ, обѣ указанная мной попытки реконструировать содержаніе вводной сцены слѣдуетъ признать за неудавшіяся. Гораздо правильнѣе будетъ, если за исходную точку для реконструкціи мы возьмемъ слѣдующія слова „Невѣдѣнія“, касающіяся Полемона (стихъ 38):

Но о дальнѣйшемъ онъ недавно самъ сказалъ.

На основаніи этихъ словъ можно предполагать, что сцена открывалась или рѣчью одного Полемона или діалогомъ между нимъ и его довѣреннымъ рабомъ Сосіей. Въ силу того, что Сосія выступаетъ въ сценѣ, идущей за монологомъ „Невѣдѣнія“, какъ лицо, уже извѣстное зрителямъ, — слѣдуетъ думать, что они видѣли его раньше. А такъ какъ они могли видѣть Сосію только въ начальной сценѣ, то ясно, что тамъ у него была нѣкоторая роль. Какъ бы то ни было, Полемонъ въ своей рѣчи долженъ былъ рассказывать о томъ, что сдѣлалъ онъ съ Гликерой, уличенной имъ въ невѣрности, а также долженъ былъ жаловаться на измѣну любимой женщины, послѣ чего, сопровождаемый Сосіей, уходилъ изъ дома, чтобы гдѣ нибудь — можетъ быть, въ загородномъ помѣстьѣ — размыкать свое горе въ кругу друзей и веселыхъ женщинъ²⁾). Что же касается Гликеры, то поводомъ къ ея

1) Точно такъ-же разсуждаетъ и Schmidt, Menanders Perikeiromene = Hermes, 44 (1909), 403 sq.).

2) Иначе Schmidt (о. с., 405), который думаетъ, что „die Gesell-

выходу на сцену могло быть **желаніе удержать** Полемона и оправдаться передъ нимъ¹⁾, — желаніе, которое оставалось невыполненнымъ и которое, въ свою очередь, могло дать поводъ къ жалобамъ на судьбу. Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы роль Гликеры въ начальной сценѣ была значительной. По крайней мѣрѣ, изъ словъ „Невѣдѣнія“: „вы её видѣли“, можно, думается мнѣ, заключать, что Гликера была просто-на-просто аксессуаромъ къ Полемону: она только дополняла его, весь же центръ тяжести лежалъ именно на немъ, а не на ней. Итакъ, Полемонъ уходилъ, а Гликера оставалась или одна, или же со своей служанкой Доридой, съ которой мы встрѣчаемся въ комедіи, какъ съ наперсницей Гликеры, глубоко ей преданной²⁾. Таковъ, приблизительно,

schaft versammelt sich in einem Wirtshause der Stadt“. Но противъ этого говоритъ ст. 174: *ἀν ἐξ ἀγορῆ θᾶτον πάλιν | ἔλθῃ* (sc. *Πολέμων*), изъ котораго видно, что Полемонъ находится не въ городѣ, а за-городомъ, въ деревнѣ.

1) Иначе Koerte², о. с., XXXVIII: procedit Glycera (послѣ ухода Полемона), quae condicionis iniquitatem lamentata vel sola vel cum Doride fugam e Polemonis aedibus parat. Что до Carps'a (о. с., 151), то онъ начинаетъ пьесу съ діалога между Полемономъ и Гликерой, съ діалога, къ которому онъ относитъ Men. fragm. 569 (= Kosk, III, 174). А затѣмъ, послѣ этого діалога, который замыкается уходомъ Полемона, начинается, согласно Carps'у, другая діалогическая сценка, участницами которой являются Гликера и Дорида, составляющія планъ о переходѣ изъ дома Полемона въ домъ Миррины, съ которой онъ и сговариваются.

2) Совершенно иначе рисуется ходъ дѣйствія какъ первой сцены, такъ и послѣдующихъ Робертъ. См. Robert, Scenen aus Menanders Komödien, 87; Der neue Menander, 13 сл.; Bemerkungen zur Perikeiromene des Menander (= Hegmes, 44, 274 sq.). Согласно его представлению, вводная сцена кончалась тѣмъ, что Гликера, оскорбленная Полемономъ, уходила отъ него въ сопровожденіи Дориды въ такое мѣсто, которое вполне соответствовало продажной женщинѣ, т. е. въ *πορνείον*. Къ *πορνείον* и посылается (стихи 58 сл. и 164 сл.) Полемономъ его рабъ Сосія для наблюденія за тѣмъ, не пришелъ ли къ Гликерѣ Мосхіонъ. Наконецъ изъ того-же *πορνείον* перебирается Гликера и въ домъ къ Мирринѣ (стихъ 73). Входитъ въ разборъ данныхъ, которыя привели Роберта къ его странной гипотезѣ, я не буду, ибо на несостоятельность ихъ уже указалъ Б. В. Варнеке въ своей книгѣ „Новыя комедіи Менандра“, 102, а за самое послѣднее время они были еще разъ детально разобраны и затѣмъ отвергнуты Шмидтомъ въ статьѣ „Menanders Perikeiromene“ (= Hegmes, 44, 405—407). Наконецъ, можно еще отмѣтить, что, по мнѣнію van Leeuwen'a (о. с., 74, 1), Гликера, послѣ нанесеннаго ей оскорбленія, не остается у Полемона, въ его домѣ, но уходитъ „ad amicam aliquam“, изъ жилища которой и перебирается затѣмъ къ Мирринѣ. Это предположеніе, какъ ни на чемъ не основанное, тоже не выдерживаетъ критики!

былъ ходъ дѣйствія вводной сценки, начинавшей собой пьесу. Въ ней зрители получали первые намеки на ту драму, которая должна была впослѣдствіи развернуться передъ ними. Но намеки эти были недостаточно еще ясны, а потому ихъ приходилось дополнять новыми, болѣе подробными свѣдѣніями, въ которыхъ давалось бы хоть какое нибудь обоснованіе для всего того, что зрители только что видѣли передъ собой, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводились бы тѣ факты изъ *τὰ προεγενημένα*, безъ знанія которыхъ зрителями весь ходъ дѣйствія могъ бы потерять въ наглядности. И вотъ, въ качествѣ выяснителя, выступала богиня „Невѣдѣнія“ со своимъ монологомъ, вполнѣ умѣстнымъ для новой комедіи, — монологомъ, послѣ котораго завязка пьесы получала полную законченность и дѣйствіе могло свободно идти впередъ, безъ всякой опасности остаться неяснымъ и недосказаннымъ.

Дѣйствующія лица.

Полемонъ, офицеръ, молодой человекъ.

Сосія, рабъ Полемона, его довѣренное лицо.

Гликера, любовница Полемона, молоденькая дѣвушка.

Дорида, рабыня Полемона, наперсница Гликеры.

Невѣдѣніе.

Мосхионъ, пріемный сынъ Миррины, юноша.

Давъ, рабъ, довѣренное лицо Мосхиона.

Привратникъ въ домѣ Миррины.

Патэкъ, богатый старикъ, купецъ, другъ Полемона.

Миррина, богатая, замужняя женщина.

Габротононъ, флейтистка.

Хоръ: онъ изображаетъ собой толпу подвыпившихъ юношей, пріятелей (?) Полемона. Особыхъ партій хоръ не имѣетъ. Онъ выступаетъ только въ концѣ cadaго дѣйствія въ качествѣ музыкально-вокальной интермедіи.

Рабы Полемона и Миррины. Они играютъ роль простыхъ статистовъ, простыхъ *καφά πρῶβωλα*.

[Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Коринѣ¹⁾].

1) Переводъ сдѣланъ по изданію А. Koerte², о. с., 62 sqq. Во вниманіе приняты также: Sudhaus, о. с., 36 sqq.; van Leeuwen², о. с., 74 sqq.; Robert, Der neue Menander, 94 sqq.; Carps, о. с., 151 sqq. и др.

Дѣйствіе первое.

Явленіе третье.

[Сцена представляет собой городскую улицу, на которой, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, расположены два дома: Полемона и Миррины¹). Вслѣдъ за уходомъ Гликеры въ домъ Полемона, сцена втеченіи нѣсколькихъ мгновеній пустуетъ, а затѣмъ на ней, какъ *deus ex machina*, появляется Невѣдѣніе].

Невѣдѣніе.

- Е₁ Одну лишь дѣвочку надумала старуха
Оставитъ у себя, а мальчика сбыла
Богатой женщинѣ, что здѣсь живетъ: ей сына
Хотѣлось ужъ давно! Такъ дѣло и сошлось ...
- (5) Промчался рядъ годовъ, пришла война, въ Коринѣѣ, 5
Что день, то больше бѣдъ: старухѣ нѣтъ житья!
Дѣвица же — еѣ вы видѣли — успѣла,
Пока что, подрости, и обрѣла дружка.
Онъ тоже вамъ знакомъ, онъ родомъ изъ Коринѣа,
- (10) Не человекъ, — огонь!²) Старуха и отдай 10
Ему красавицу, какъ дочь свою родную ...
Потомъ занемогла и, чувствуя, что къ ней
Подходитъ смертный часъ, не скрыла отъ дѣвицы
Судьбы ея, — о нѣтъ, сказала, что она
- (15) Подкидышъ, отдала пеленки ей, въ которыхъ 15
Нашла ее, и ей повѣдала затѣмъ,
Что есть у ней и братъ, пока ей незнакомый. —
Старуха чуяла всю шаткость дѣлъ людскихъ,
И думалось ей, что если у дѣвицы,
Помимо брата, нѣтъ родни другой, то братъ 20

1) Koerte² (о. с., XXXVI) предполагаетъ, что на сценѣ находятся не два, а три дома. Но мнѣ кажется, что противъ этого говорятъ слова Невѣдѣнія, указывающаго зрителямъ только на дома Миррины (ст. 2) и Полемона (ст. 25 сл.). Ср. также Gerhard, Zu Menanders Perikeiromene (= Philologus, 69 (1910), 11, 6). Гипотезу о трехъ домахъ выставляетъ также и van Leeuwen² (о. с., 74), но только у него этотъ третій домъ принадлежитъ не Патѣку, какъ думаетъ Koerte, а „какой-то подругѣ“ Гликеры.

2) Словомъ „огонь“ я перевожу стоящее въ текстѣ „σφοδρόσ“, которое будетъ почти что синонимомъ къ „προπέτης“.

- Поддержкой будетъ ей въ минуты затрудненій.
- (20) Къ тому жъ и предо мной, Невѣдѣнемъ, былъ страхъ,
 Чтобъ на невольный грѣхъ дѣтей я не толкнуло:
 Старуха видѣла, что юноша въ богатствѣ
 И въ буйныхъ кутежахъ свою проводитъ жизнь, 25
 Что молода еще питомица, красива, —
 Что другъ ея изъ тѣхъ, къ кому довѣрья нѣтъ!
- (25) Старуха умерла... Другъ дѣвушки — онъ воинъ —
 Недавно этотъ домъ купилъ себѣ... Съ тѣхъ поръ
 Красавица жила рукой подать отъ брата, 30
 Но истины она не вскрыла: вѣдь юнецъ
 Считался богачомъ, ну, ей и не хотѣлось
- (30) Мѣнять его судьбы, коль въ случай онъ попалъ!
 Но вотъ нашъ сорванецъ дѣвицу запримѣтилъ,
 Сталъ къ дому хаживать... Вчера же вечеркомъ, 35
 Когда, уславъ рабу, она въ дверяхъ стояла,
 Не долго думая, онъ подлетѣлъ, обнялъ
- (35) И началъ цѣловать, а дѣвушка — ни съ мѣста.
 Е₂ Ей было вѣдомо, что передъ нею — братъ!
 Но къ дому воинъ шелъ и все, что было, видѣлъ... 40
 А впрочемъ, обо всемъ онъ самъ вамъ разскажалъ!
 Братъ дѣвушки бѣжалъ, шепнувъ ей: „на досугѣ
- (40) Съ тобой мы свидимся“. Она жъ, кляня судьбу,
 Тихонько плакала о томъ, что ей мѣшаютъ
 Свободно дѣлать то, къ чему лежитъ душа. — 45
 Для счастья въ будущемъ я заварила кашу,
 Я воина за тѣмъ въ безумный гнѣвъ ввела —
- (45) Вѣдь по природѣ онъ совсѣмъ другой —, чтобъ легче
 Открылась истина и братъ съ сестрой нашли
 Родителей своихъ... Итакъ, кто недоволенъ 50
 Безчестьемъ дѣвушки, пусть свой измѣнитъ взглядъ.
 Вѣдь съ божьей помощью и зло къ добру приводитъ!
- (50) Прощайте зрители, ужъ не оставьте насъ
 Вы милостью своей, и пьесу поддержите!
 (Исчезаетъ).

Явленіе четвертое.

[На сцену входитъ рабъ Полемона, Сосія, и направляется къ дому своего барина. Видъ у него и недовольный и нѣсколько разстроенный].

Сосія.

- Недавно нашъ боець такъ и ходилъ грозой¹⁾, 55
 Недавно женскихъ косъ не выносилъ! А нынѣ
 Онъ плачетъ за столомъ... Его оставилъ я,
 (55) Когда несли ѣду: тамъ привалили гости,
 Друзья - приятели, чтобъ барину помочь
 Въ тоскѣ его. А онъ, не зная, какъ развѣдать 60
 Про здѣшнія дѣла, послалъ меня домой,
 Какъ будто за плащомъ, хотя плаща не надо.
 (60) Ну, просто хочеть онъ, чтобъ я прошелся здѣсь!

Явленіе пятое.

[Сосія хочеть подойти къ дому, но въ эту минуту дверь отворяется и на порогъ показывается Дорида, рабыня Гликеры. Не замѣчая Сосію, который притаивается, она говоритъ Гликерѣ, не выходящей изъ дома].

Дорида.

Я, барыня, сперва поосмотрюсь маленько!

Сосія (въ сторону).

Дорида, — такъ и есть! Ишь, гладкая какая! 65
 Живется, видно, имъ не дурно... Ну, а мнѣ
 Пора бы и идти! (Входитъ въ домъ Полемона).

Дорида (у дома Миррины).

Дай постучу я въ двери...

(Стучить. Прислушивается).

- (65) Не видно никого изъ челяди²⁾... Бѣда,
 Коль ты возьмешь себѣ въ любовники солдата!

1) Въ текстѣ: *ὁ σοβαρός ἡμῖν ἀρτίως καὶ πολεμικῶς*. Выраженіемъ „ходить грозой“ съ достаточной яркостью, думается мнѣ, передается греч. *σοβαρός*. Ср. Phot. Lexic. s. v. *σοβαρός*: *λαμπρός, ἐπαυρόμενος, τολμηρός, ἀθρόατος, ἕξω τοῦ δέοντος φερόμενος*.

2) Въ текстѣ стоитъ: *οὐδεὶς γὰρ αὐτῶν ἔστιν ἕξω*, что я и передаю словами: „не видно никого изъ челяди“. Подъ „челядью“ (*αὐτοί*) надо разумѣть, думается мнѣ, людей Миррины, а не Полемона, какъ думаетъ С a r r s (о. с., 159). Вѣдь Дорида, какъ принадлежащая къ дворнѣ Полемона, врядъ ли обозначила бы ее словомъ *αὐτοί*. Да къ тому же на предложенное мной толкованіе наводитъ, какъ мнѣ кажется, и союзъ *γὰρ*: Доридѣ приходится стучаться въ дверь къ Мирринѣ потому, что никого изъ рабовъ послѣдней на улицѣ нѣтъ!

На нихъ управы нѣтъ, и вѣрить имъ нельзя... 70

(Въ это время Сосія выходитъ отъ Полемона
и на минуту останавливается).

Да, вотъ хоть барыня, — ужъ какъ она страдаетъ
Отъ война... Рабы!

Сосія (уходя).

Мой баринъ оживетъ,

Узнавъ, что дѣвушка горюетъ... Мнѣ сдается,

(70) Онъ этого и ждалъ...

Явленіе шестое.

[Сосія уходитъ, а между тѣмъ дверь дома Миррины открыва-
ется и на порогѣ ея показывается привратникъ].

Дорид а.

Нельзя ли вызвать, рабъ...

Словами Дориды обрывается гесто листа Е и мы оказываемся передъ наличностью лакуны, приблизительно, въ 70 стиховъ. О томъ, какъ можно было бы возстановлять ее, я скажу ниже, а сейчасъ мнѣ придется разобрать въ деталяхъ діалогическую сценку, начинающуюся отъ ст. 61, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не мало трудностей, съ которыми до сихъ поръ еще не удалось справиться. Какъ явствуетъ изъ сценки, Дорида появляется передъ зрителями послѣ ст. 60, замыкающаго собой монологъ Сосіи, причемъ Сосія видитъ ее, хотя и не обращаетъ должнаго вниманія на ея слова, обращенныя къ Гликерѣ (ст. 61): этому мѣшаетъ красота дѣвушки, производящая на Сосію неотразимое впечатлѣніе (ст. 62). Благодаря этому Сосія сперва только смотритъ на Дориду, а затѣмъ, уйдя въ свои мысли о жизни обѣихъ женщинъ (ст. 63), не замѣчаетъ и того, что Дорида направляется къ дому Миррины: помня, что ему надо принести Полемену плащъ, онъ, не долго думая, идетъ къ дому Полемона и входитъ въ него (ст. 64), послѣ чего Дорида остается на сценѣ одна и сразу подходитъ къ жилищу Миррины, чтобы постучаться въ дверь и вызвать кого-либо изъ челяди. Такъ она и дѣлаетъ, причемъ, стоя въ ожиданіи у двери, она и произноситъ ст. 65—67, подъ самый конецъ которыхъ снова появляется Сосія, уже съ плащомъ въ рукахъ,

и слышитъ, такимъ образомъ, послѣднія слова Дориды, изъ которыхъ онъ выводитъ, что Гликера „горюетъ“. Обрадованный тѣмъ, что ему удастся хоть какъ нибудь успокоить Полемона, Сосія сразу уходитъ, упустивъ изъ виду возгласъ Дориды: „рабы“, и то, что она стоитъ у дома Миррины, а слѣдовательно, и слова Дориды: „нельзя ли вызвать, рабъ“, обращенныя либо къ привратнику, либо къ слугѣ Миррины, Даву, говорятся ею уже въ отсутствіи Сосіи.

Такъ хотѣлъ бы я объяснять сценку, хотя я и знаю, что и при этомъ объясненіи не устраняются нѣкоторыя частности, производящія довольно странное впечатлѣніе. Такъ, напр., мнѣ могутъ сказать, что слишкомъ мало времени дается Сосіи на удаленіе въ домъ и на выходъ оттуда. Далѣе, страннымъ можетъ показаться и то, что Сосія не обращаетъ вниманія на нахожденіе Дориды у дома Миррины и на ея слова: „рабы“. Но еще страннѣе будетъ, если мы, слѣдуя Gerhard'у¹⁾, предположимъ, что Сосія послѣ ст. 63 не уходитъ въ домъ Полемона, а остается на сценѣ вплоть до ст. 70 и сверхъ того является свидѣтелемъ всего дальнѣйшаго, ничѣмъ на это не реагируя. Равнымъ образомъ, невѣроятнымъ кажется мнѣ и предположеніе, высказанное Schmidt'омъ, согласно которому Сосія входитъ въ домъ послѣ стиха 70, т. е., послѣ того, какъ Дорида, на его глазахъ, стучалась въ дверь Миррины, а выходитъ въ моментъ разговора Дориды съ привратникомъ или съ Давомъ²⁾. И въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно непонятнымъ остается для насъ, почему Сосія, посланный на развѣдки и оказавшійся невольнымъ свидѣтелемъ важныхъ для его барина событій, не доложилъ о нихъ Полемону. Въдъ послѣдній, какъ это явствуетъ изъ ст. 165, ничего о нихъ не знаетъ! Правда, Gerhard³⁾, чтобы выйти изъ этого затрудненія, предполагаетъ, на основаніи ст. 166 слл., что Сосія не сдѣлалъ доклада лишь потому, что ему было жаль Полемона и не хотѣлось лишній разъ его тревожить³⁾.

Но, на мой взглядъ, во-первыхъ, изъ ст. 166 слл. нельзя сдѣлать такого вывода, а во-вторыхъ, неяснымъ будетъ для

1) Gerhard, о. с., 13.

2) Schmidt, о. с., 411.

3) Gerhard, о. с., 16.

меня, если принять гипотезу Gerhard'a, и дальнѣйшее поведеніе Сосіи, который, оставаясь спокойнымъ въ ст. 164 слл., приходитъ въ страшное волненіе въ ст. 176 слл., когда узнаетъ о переходѣ Гликеры къ Мирринѣ. Вѣдь если онъ присутствовалъ выше при переговорахъ Дориды съ людьми Миррины, то почему же теперь, послѣ того, какъ эти переговоры привели къ опредѣленнымъ результатамъ, онъ волнуется и возмущается, какъ человѣкъ, ничего подобнаго не подозрѣвавшій? Или, можетъ быть, намъ надо считать, какъ и дѣлаетъ это Sudhaus¹⁾, что посланецъ Полемона, являющійся передъ зрителями въ ст. 62 слл. и 164 слл., не есть Сосія, а просто одинъ изъ *οἰκέται Πολέμωνος*, и что Сосія вступаетъ въ дѣйствіе только со ст. 176 слл.? Но для подобнаго предположенія у насъ, въ сущности говоря, нѣтъ никакихъ данныхъ, если не считать, что отмѣченныя нами партіи Сосіи, какъ и партіи большинства дѣйствующихъ лицъ пьесы, не снабжены специальной помѣтой *Σω* (i. e. *Σωσίασ*), которая впервые встрѣчается при ст. 176. Однако, этого обстоятельства еще недостаточно для того, чтобы вводить въ дѣйствіе какое-то новое лицо, которое въ дѣйствіи затѣмъ не участвуетъ, да и вообще оказывается для него излишнимъ²⁾. Наконецъ, остается еще одна возможность, а именно, считать, что Сосія входитъ въ домъ послѣ ст. 64, выходитъ изъ него уже послѣ всѣхъ переговоровъ Дориды, и что ст. 68—70 произноситъ никто иной, какъ сама Дорида³⁾. Но, помимо всего прочаго⁴⁾, подобное распредѣленіе стиховъ невозможно уже потому, что въ рукописи ст. 68—70 отнесены не къ Доридѣ, а къ другому лицу, на что

1) Sudhaus, o. c., 38 и 44; Sudhaus, Der Kampf um die Perikeiromene (= Rhein. Mus. 64 (1909), 412); Sudhaus, Die Perikeiromene (= Rhein. Mus. 63 (1908), 289).

2) Ср. Robert, Zur Perikeiromene des Menander (= Hermes, 44 (1909), 271).

3) Leeuwen², o. c., 82; Carps, o. c., 159; Robert, Der neue Menander, 98.

4) Вѣдь ст. 68—70, вполне естественные въ устахъ Сосіи, будутъ не на мѣстѣ въ устахъ Дориды. И дѣйствительно, странно было бы Доридѣ говорить о томъ, что Полемонъ „обрадуется“, узнавъ „о слезахъ“ Гликеры, — странно потому, что Дорида вовсе не собирается дскладывать объ этомъ Полемену, а кромѣ нея, наперсницы своей барыни, о слезахъ Гликеры никому не извѣстно, да и не можетъ быть извѣстно.

и указываетъ соотвѣтствующій знакъ, а именно, двоеточіе¹⁾. Итакъ, по исключеніи всякихъ другихъ возможностей и предположеній, намъ остается одно: вернуться къ нашей гипотезѣ и исходить въ дальнѣйшемъ отъ нея, хотя, повторяю еще разъ, она въ свою очередь не свободна отъ кое-какихъ недостатковъ и неясностей, нами уже указанныхъ.

Переходимъ теперь къ приблизительной реконструкціи той части комедіи, которая слѣдовала за ст. 70 и которая могла сводиться къ семи десяти стихамъ съ небольшимъ, для насъ въ настоящее время утраченнымъ. Мы уже видѣли, что Дорида была послана Гликерой къ Мирринѣ, причемъ съ первыхъ же словъ Дориды (ст. 61) становится яснымъ, что она посвящена во всѣ планы своей госпожи. Въ чемъ же, спрашивается, заключаются эти планы? Гликера, оскорбленная Полемономъ (ср. ст. 48) и вмѣстѣ съ тѣмъ напуганная имъ (ст. 130 и 211), не желаетъ оставаться подъ его кровомъ, въ особенности послѣ того, какъ онъ не счелъ для себя нужнымъ выслушать ея оправданія или, вѣрнѣе, объясненія. Обида, ею незаслуженно испытанная, всецѣло овладѣваетъ ея душой (ср. ст. 315 сл.) и она, что вполнѣ согласуется съ ея характеромъ, сразу останавливается на планѣ покинуть своего сожителя. Но куда и къ кому идти? И вотъ она рѣшается отдаться подъ покровительство своей сосѣдки, Миррины, благо послѣдняя является пріемной матерью ея брата, главнаго виновника всего происшедшаго. Да къ тому же у Миррины она могла найти защиту не только противъ Полемона, но и противъ Мосхіона: для этой цѣли ей нужно было открыть только одно, а именно, тайну своего происхожденія и своего родства съ Мосхіономъ!²⁾ Остановившись на этой мысли, т. е. на необходимости перейти къ Мирринѣ, Гликера въ общихъ чертахъ повѣряетъ свой планъ Доридѣ, которая и является затѣмъ его исполнительницей. Изъ словъ же Дориды (ст. 70): „нельзя ли вызвать, рабъ“ явствуетъ, какъ мнѣ кажется, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ утраченныхъ для насъ сценахъ, должна была находиться и сама Миррина, какъ лицо, болѣе другихъ заинтересованное. Недаромъ же о Мирринѣ

1) См. Lefebvre², о. с., 25, pl. XVIII.

2) Все это очень хорошо выясняетъ Gerhard, о. с., 14.

упоминаетъ нѣсколько ниже и ея рабъ Давъ говоря, что она „εἰσάγει τὴν μέτραα“ (ст. 73). Итакъ, изъ всего этого можно заключать, что у Миррины была въ недошедшей до насъ части комедіи особая партія, особая роль. Что же касается общаго хода дѣйствія, то его можно было бы представлять себѣ такъ, какъ представляетъ его Koerte¹⁾, а именно: Дорида проситъ вызвать Миррину и, когда послѣдняя выходитъ къ ней, излагаетъ ей просьбу Гликеры, просьбу, на которую Миррина отвѣчаетъ согласиємъ. Тогда Дорида возвращается къ дому Полемона, вызываетъ свою госпожу и передаетъ ее Мирринѣ, которая вмѣстѣ съ ней и входитъ къ себѣ въ домъ. Что же до Дорида, то она слѣдуетъ за ними и остается въ домѣ Миррины до середины второго акта (ст. 170 слл.), послѣ чего снова возвращается въ жилище Полемона. А возвращается она туда потому, что, какъ выясняется это изъ дальнѣйшаго, она принадлежитъ Полемену, а не Гликерѣ, хотя и является ея довѣреннымъ лицомъ и наперсницей (ст. 404).

Таковъ могъ бы быть общій контуръ дѣйствія, что не мѣшаетъ, конечно, думать, что, кромѣ основной сцены, въ которой участвовали Миррина, Гликера и Дорида, были и другія, дополнительныя сценки, въ которыхъ выступали другія лица, между прочимъ Давъ, рабъ Миррины и довѣренное лицо ея сына, Мосхіона. По крайней мѣрѣ, когда лакуна кончается, мы видимъ передъ собой Дава, разговаривающаго по поводу переѣзда Гликеры съ другими рабами, играющими, впрочемъ, роль *χορὰ πρόσωπα*. Отсюда ясно, что Давъ тоже долженъ былъ принимать участіе въ дѣйствіи. Но такъ какъ правило о „трехъ актерахъ“ соблюдалось Менандромъ въ точности, то приходится предполагать или что роль Гликеры исполнялась простымъ статистомъ, или же что переѣздъ Гликеры и все, съ этимъ переѣздомъ связанное, занимало первую половину лакуны, тогда какъ остальная часть ея приходилась на выступленіе Дава и, можетъ быть, привратника. Какъ бы то ни было, когда лакуна обрывается, мы присутствуемъ уже при самомъ концѣ акта, который замыкается слѣдующими словами Дава, знаменующими приближеніе хора.

1) Koerte², о. с., XXXVIII.

Давъ.

- J₁ Рабы, глядите-ка, сюда идетъ ватага
 Подвыпившихъ юнцовъ... Хвалю я госпожу 75
 За то, что дѣвушку она къ себѣ пустила!
 Ужъ подлинно, что мать! Барченка бы найти!
 (75) Теперь бы въ самый разъ домой ему вернуться,
 Да поскорѣе бы, — такъ думается мнѣ!
 (Уходить въ городъ).

Музыкальная интермедія.

2.

Изъ перваго акта, поскольку онъ дошелъ до насъ, мы можемъ видѣть, какъ постепенно завязывается дѣйствіе, вызванное къ жизни поступкомъ Полемона, и какъ одно за другимъ начинаютъ выступать и вырисовываться передъ нами разныя лица пьесы, играющія въ ней важную роль. На протяженіи какихъ-нибудь 250 стиховъ (если включить сюда утраченныя сцены) Менандру удастся съ исчерпывающей полнотой ознакомить зрителей со всѣмъ тѣмъ, что имъ нужно знать, и въ то же время отмѣтитъ наиболѣе характерныя черты своихъ главныхъ персонажей, причемъ всё это дѣлается имъ какъ бы мимоходомъ, какъ бы случайно, а между тѣмъ каждая сообщаемая деталь является именно такой, которую и надо было освѣтить, ибо она важна для дальнѣйшаго. Правда, образы Полемона и Гликеры, Сосіи и Дава, еще не успѣли получить опредѣленности и законченности, но эти образы уже встаютъ передъ зрителями ввидѣ ясныхъ контуровъ, которые надо заполнить теперь живыми красками. Равнымъ образомъ, и дѣйствіе, хотя оно и не вошло еще въ намѣченныя рамки, успѣло тѣмъ не менѣе пріобрѣсти хорошую точку опоры для послѣдующихъ осложненій, которыя такъ любить Новая комедія. Однимъ словомъ, первый актъ нашей пьесы является настоящей завязкой, прекрасно задуманной и заключающей въ себѣ массу данныхъ для всевозможныхъ коллизій, недоразумѣній, комическихъ выходовъ и т. д. А хорошимъ примѣромъ одного изъ такихъ недоразумѣній служить заключающія первый актъ слова Дава. Вѣдь онъ, по-

раженный поступкомъ Миррины, принявшей къ себѣ въ домъ ту самую дѣвушку, къ которой, какъ ему извѣстно, стремится его молодой баринъ, Мосхіонъ, готовъ истолковывать этотъ фактъ, какъ желаніе матери убогаторить своего сына-баловня (ср. стихъ 74). Представить себѣ дѣло иначе онъ не можетъ, и вотъ, чтобы показать свою прозорливость, свое умѣніе читать наиболѣе сокровенныя барскія думы, онъ и приходитъ къ выводу о необходимости поскорѣ вернуть барченка, который послѣ своей вечерней продѣлки съ Гликерой еще не возвращался домой. Но съ другой стороны, Давъ, который съ такой поспѣшностью отправляется на розыски Мосхіона, руководствуется и иной, тайною мыслью, а именно, желая подслужиться, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ о личной выгодѣ, которая должна выпасть на его долю за выказанное имъ усердіе и смѣливость. Однимъ словомъ, первый актъ, даже въ томъ жалкомъ видѣ, въ которомъ онъ дошелъ до насъ, поражаетъ насъ своей жизненностью и живостью, т. е. тѣми качествами, которыя еще болѣе ярко проявляются въ „Третейскомъ судѣ“, но которыя, повторяю еще разъ, находятся на лицо и въ разбираемой нами пьесѣ, хотя въ ней и есть трафаретный монологъ Невѣдѣнія, вносящій въ дѣйствіе расхолаживающую насъ условность.

Что же касается второго акта, который можно было бы назвать актомъ постепеннаго усложненія завязки, положенной въ основаніе дѣйствія, то этотъ актъ сохранился довольно хорошо, и притомъ почти въ цѣлости. И дѣйствительно, онъ занимаетъ четыре, почти цѣлыхъ страницы (т. е. J₁—J₄), которыя, правда, пестрятъ мелкими лакунами, то и дѣло разрушающими связность изложенія, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ текстъ, позволяющій слѣдить за постепеннымъ развитіемъ дѣйствія и за постепеннымъ вырисовываніемъ отдѣльныхъ характеровъ, въ особенности же характеровъ Мосхіона и Дава. Такимъ образомъ, если въ первомъ актѣ намъ приходилось то и дѣло обращаться къ гипотезамъ, то при трактовкѣ второго акта мы окажемся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, что не исключаетъ, впрочемъ, наличности такихъ мѣстъ въ текстѣ, которыя до сихъ поръ, несмотря на интенсивную работу Koerte, Sudhaus'a, Schmidt'a и Robert'a, все еще не могутъ считаться дѣйствительно исправленными или, по крайней мѣрѣ, въ достаточной степени выясненными.

Μοσχίωνъ.

(90) Думать нечего, — отнынѣ станешь, Давъ, ты заправлять
Всей Элладою и будешь войска царскаго вождемъ!

Давъ.

Если сразу не зарѣжутъ, то отъ голода помру!

Μοσχίωνъ.

Выбирай тогда другое... Хочешь взять талантовъ семь 95
Ты сесама для торговли?

Давъ.

(95) Вотъ на рынкѣ торговать
Я хотѣлъ бы или сыромъ или такъ, по мелочамъ —
Весь бы слѣдъ мнѣ стать богатымъ, Зевсомъ я кля-
нусь! — такъ вотъ,
Мнѣ торговля эта будетъ по душѣ и по уму!¹⁾

Μοσχίωνъ.

Да за этимъ не погнался бѣ даже Критскій лежебокъ, 100
Ни старуха-овощница!

Давъ.

Наѣдаться жажду я, —
Рѣчь моя — моя натура!

Μοσχίωνъ.

(100) Мелко плаваешь, мой Давъ! —
Что-жъ веди торговлю сыромъ, и по своему живи!

Давъ.

Быть сему, какъ говорится! А теперь, барченокъ,
въ домъ

<Намъ съ тобой пора вернуться.>

1) Переводъ ст. 96—100 сдѣланъ мной примѣнительно къ тому, какъ
возстановляеть ихъ Sudhaus (= Негмес, 48 (1913), 145 sq.):

κα]τ' ἐμὲ ταῦτ' ἐ[μοί τ' ἀρέσκει] μᾶλλον. Μ. ἀλλὰ ταῦτα μὲν
οὐ]δὲ Κ[ρ]ῆς [τα]πε[ι]ν[ο]σ οὐδ]ὲ λ[α]χανόπω]λισεῦ[ξ]ατ' ἄν
γῶρασ. Δ. τὸ γαστριζέσθ' ἀρέσκει, [δέσποτ', εἶναι δ' οὐότροπος
φήμ', ἐφ' οἷς εἶρηκα τούτοις. Μ. μὰ [Δία, Δᾶ', οὐ μεγαλόφρων?
ἦσθας. ἀλλὰ τροπώλει καὶ τὰ [κατὰ σαντὸν πρόει.

Мосхионъ.

<Это вѣрно, что пора!>

105

Утѣшать красотку надо: запугаль ее совѣмъ¹⁾

J₂ Этотъ тысячникъ проклятый, въ шлемъ съ перьями.

Давъ.

О, да.

Мосхионъ.

(105) Въ домъ войдя, ты, Давъ, развѣдай потихоньку

обо всемъ:

Дома-ль мать, да чѣмъ дѣвица занята, да какъ меня

Встрѣтить думаютъ. А впрочемъ, для тебя въ

такихъ дѣлахъ

110

Указанія не нужны: ты — проныра!

Давъ (уходя).

Я пойду.

Мосхионъ.

Буду ждать тебя у двери, буду здѣсь пока бродить. —

(110) Это что нибудь да значить, что вчера, когда я къ ней

Подбѣжалъ, она осталась и дала мнѣ поцѣлуй, —

Видно, я хорошъ собою и при встрѣчахъ встрѣч-

нымъ милъ,

115

Видно, я, клянусь Аѳиной, увлекать гетерь могу.

Надо только Адрастеѣ помолиться горячѣй!

Явленіе второе.

[Изъ дома Миррины выбѣгаетъ Давъ. Видъ у него радостный, немножко лукавый. Ясно, что данное ему порученіе онъ выполнилъ].

Давъ.

(115) А красавица умылась и сидитъ себѣ —²⁾

Мосхионъ.

Люблю!

1) Конецъ ст. 103 переведенъ примѣнительно къ конъектурѣ *Sudhaus'a*, *Melandri reliquiae*, 40: *δεκατονμένην*.

2) Давъ рисуеъ Гликеру, словно „молодую“, поджидающую „молодого“. Эту же картину дорисовываетъ нѣсколько ниже и Мосхионъ (ст. 121). Самое начало стиха: *ἢ μὲν λέλονται* напоминаетъ *Aristoph. Pax*, 868: *ἢ παῖο λέλονται*, причеъ есть сходство и въ самой ситуаціи.

Давъ.

Мать все ходить, да хлопочеть, но объ чемъ, не знаю я.
Завтракъ загодя сготовленъ, — словомъ, видно по всему, 120
Что тебя, барчукъ, заждались...

Мосхионъ.

Я же медлю и томлюсь!
Ты сказала, что я вернулся?

Давъ.

И не думаль.

Мосхионъ.

Сбѣгай вновь, —
(120) И скажи, что я — у двери!

Давъ (уходя).

Видишь: бѣгомъ я бѣгу!

Мосхионъ.

Я взойду, она же вспыхнетъ и прикроется фатой:
Ужъ таковъ у нихъ обычай! Мать же, какъ домой приду, 125
Цѣловать начну безъ счета и верну ея любовь.
Буду нѣженъ свыше мѣры, буду жить, какъ мать велить:
(125) Вѣдь она тутъ хлопотала, словно для самой себя!
Дверь скрипитъ... вотъ кто-то вышелъ...

Явленіе третье.

[Изъ дома медленной, неувѣренной походкой выходитъ Давъ.
Мосхионъ смотритъ на него съ удивленіемъ, словно не вѣря своимъ
глазамъ].

Мосхионъ.

Что съ тобой случилось, Давъ?
Что такъ медленноходишь?

Давъ.

Эхъ, на то причина есть! 130
Дѣло — дрянъ! Прошелъ я, значить, прямо къ
матери твоей,
Говорю: „барчукъ вернулся“. А она въ отвѣтъ: „ему...
(130) Ты ни слова. Иль онъ слышалъ? Значить, ты
ему сболтнулъ,

Что напуганная, въ страхѣ, прибѣжала къ намъ она?“
 „Да“, шепчу. Она же гнѣвно: „провались ты“, говоритъ, 135
 „Съ глазъ моихъ долой, да живо“. —

Мосхiонъ.

Замолчи! Пропало все! —

Давъ.

Ну, и тѣмъ, что ты вернулся, недовольна.

Мосхiонъ.

Подлый рабъ,

(135) Ты еще глумиться будешь?

Давъ.

Я глумиться? Это мать —

Мосхiонъ.

Что ты брешешь? Иль дѣвица противъ воли къ
 намъ пришла,

Или, — я не понимаю! Да не ты ли самъ сказалъ 140
 Мнѣ въ лицо: „склонилъ дѣвицу я придти къ тебѣ“.

Давъ (возмущенно).

Сказалъ,

Что склонилъ придти дѣвицу, — хоть убей, не
 говорилъ!

Мосхiонъ.

Ты, кажись, не только въ этомъ, а во всемъ меня
 надулъ! —

(140) Отъ тебя еще я слышалъ, будто мать ты уломалъ
 J₃ Пріютить у насъ красотку мнѣ въ угоду —

Давъ.

Я сказалъ? 145

Да, сказалъ . . . припоминаю!

Мосхiонъ.

И что кажется тебѣ,
 Будто мнѣ играютъ въ руку?

Давъ.

Я не помню точныхъ словъ,
Знаю только, что старался.

Мосхионъ.

Ну, иди сюда!

Давъ (отходя).

Куда?

Мосхионъ.

(145) Недалеко, самъ узнаешь.

Давъ.

Что-то я еще хотѣлъ...

Подожди, барчукъ, немного!

Мосхионъ.

Шутки шутишь?

Давъ.

Нѣтъ, клянусь 150

Я Асклепиемъ! Послушай... Можетъ, ей не по душѣ,
Что тебѣ про все, что было, я повѣдалъ сгоряча, —
Можетъ, ей кой-что хотѣлось изъ твоихъ услышать
устъ

Прежде, чѣмъ тебѣ расскажутъ про побѣгъ ея: она
(150) Къ намъ пришла не какъ флейтистка или уличная шваль!

Мосхионъ.

Ты опять заводишь что-то!

Давъ.

Это „что-то“ и провѣрь! 156

Но оно, я знаю, цѣнно! Домъ оставила она —
Я не лгу — и въ домъ друга. Дня четыре или три
Пережди, — тебя оцѣнятъ. Коли такъ шепнули мнѣ,
(155) Значить, ты меня и слушай...

Мосхионъ.

Давъ, ну, гдѣ бѣ тебя сгноить, 160
Заковавъ покрѣпче въ цѣпи? Сколько времени водилъ
Взадъ — впередъ! Налгалъ недавно, правду вы-
молвилъ теперь!

Давъ.

Не шуми... мѣшаешь думать! — Тихо, словно и не ты,
Въ домъ входитъ-ка!

Мосхионъ.

Не сбѣжишь ты?

Давъ.

Я? Конечно, убѣгу!

(160) Припасенъ паекъ, — не видишь? Ну, Мосхионъ,
проходи: 165

Я съ тобой, — наладимъ дѣло!

Мосхионъ.

Признаюсь: ты побѣдилъ!

Давъ (въ сторону).

Охъ, Гераклъ, еще бы малость, и меня бы страхъ извелъ!
Вѣдь дѣльцо не такъ то просто, какъ сперва каза-
лось мнѣ. (Уходитъ).

Явленіе четвертое.

[Въ то время, какъ Мосхионъ въ сопровожденіи Дава входитъ въ домъ Миррины, на сценѣ показывается Сосія. У него въ рукахъ хламида и мечъ Полемона].

Сосія.

(165) Теперь послалъ меня съ хламидой и мечомъ,
Чтобъ могъ увидѣть я, что дѣлаеть красotka, 170
И разсказать потомъ. Эхъ, надо-бъ доложить:
„Прелюбодѣй — у насъ“, вотъ баринъ бы взметнулся!
Да больно жаль его! Подобныхъ горемыкъ
(170) Не видѣлъ и во снѣ...

[Сосія входитъ въ домъ Полемона, а изъ дома Миррины показывается въ этотъ мигъ Дорида, приходившая провѣдать Гликеру, и видитъ входящаго въ домъ Сосію].

Дорида¹⁾.

Наемникъ появился, —

Куда какъ во-время²⁾. Изъ рукъ вонъ тяжелы 175
 Становятся дѣла, клянуса Аполлономъ!
 Но позабыла я про главное какъ разъ:
 Что будетъ, если вдругъ нагрянетъ изъ деревни,
 (175) Хозяинъ мой, — тогда начнется кутерьма!
 (Отходить въ сторону).

Явленіе пятое.

[Изъ дома Полемона въ ужасѣ выбѣгаетъ Сосія. Обращаясь къ рабамъ, которые высыпаютъ вслѣдъ за нимъ, онъ, не помня себя отъ бѣшенства, кричитъ на нихъ, растерянныхъ и испуганныхъ].

Сосія.

Да какъ-же вы ее изъ дома упустили, 180
 Скоты, разбойники, — кто васъ просилъ пускать!

Дорида (въ сторону).

Ишь гнѣвается какъ! Дѣла, небось, неважны!

Сосія.

J₄ Она же прямо въ домъ къ сосѣдкѣ и прошла, —
 Къ любовнику... А намъ влетитъ теперь порядкомъ,
 (181) Охъ, здорово влетитъ!

1) Вслѣдъ за Koerte я считаю, что ст. 170 слл. произноситъ не Сосія, но другое лицо, а именно: Дорида. На смѣну лицъ указываетъ и рукопись постановкой параграфа. Другіе же издатели, какъ Carps (о. с., 177) и Sudhaus (о. с., 44) вводятъ смѣну лицъ только съ ст. 171. Наконецъ, Gerhard (о. с., 17) дѣлаетъ изъ ст. 170—175 продолженіе рѣчи Сосіи, а ст. 176 слл. влагаетъ въ уста внезапно появляющагося Полемона, что невозможно.

2) Такъ перевожу я стихъ 170 сл.: ὦ τῆς πικρᾶς ἐπιδημίας | ὁ ξένος ἀφίχται. Слово ἐπιδημία еполнѣ можетъ соотвѣтствовать русскому „прибытіе“, „появленіе“, что же касается слова ξένος, то оно можетъ значить здѣсь только „наемникъ“ и указывать на Сосію. Такъ думаютъ: Carps (о. с., 177), Sudhaus, Die Perikeiromene (= Rhein. Mus., 63 (1908), 290) и Robert (о. с., 276). Другого мнѣнія Koerte (о. с., XXXIX), который подъ ξένος разумѣетъ Мосхіона, и Gerhard (о. с., 17 sq.), который думаетъ, что ξένος это — Патэкъ.

Дорида.

Какъ онъ предрекъ, такъ съ нимъ 185
И распорядится нашъ воинъ!

Сосія (идя къ дому Миррины).
Постучаться
Мнѣ надо въ эту дверь!

Явленіе шестое.

[Дорида по прежнему стоитъ въ сторонѣ. Сосія стучится къ Мирринѣ. И вотъ дверь дома Миррины открывается, и на порогѣ показывается привратникъ].

Привратникъ.
Чего тебѣ, дубина?
Куда ты ломишься?

Сосія.
Ты здѣшній?
Привратникъ.
Хоть бы такъ, —
(185) Тебѣ-то что?

Сосія.
А то, что вы рехнулись, если
Свободную держать рѣшились взаперти, 190
Про мужа позабывъ!

Привратникъ.
Кто бы ни былъ ты, а видно, —
Пролаза ты и лгунъ!

Сосія (гнѣвно).
Иль думаете вы,
Что въ насъ нѣтъ злобности, что мы ужъ не мущины?

Привратникъ.
(190) Не больше четырехъ оболовъ вамъ цѣна!¹⁾

1) Обозначая слугъ Полемона словомъ *τετράβολοι*, привратникъ хочетъ уязвить этимъ Сосію, давая понять послѣдному, что онъ ставитъ и его и его товарищей не выше обычныхъ - наемныхъ солдатъ, получавшихъ въ день какъ разъ по четыре обولا. Равнымъ образомъ, такой же уничижительный оттѣнокъ влагается привратникомъ и въ слово *τετράβολος*, которымъ обозначаетъ онъ Полемона, какъ офицера-наемника, какъ *μισθοφόρος*.

И если баринъ вашъ — четыре драхмы стѣитъ 195
Онъ самъ — пойдетъ на насъ съ такими, безъ труда
Мы съ вами справимся!

Сосія.

Гераклъ, какая наглость! —
Скажи ты толкомъ мнѣ, гдѣ самъ, — да выходи¹⁾.

Привратникъ.

(195) Нѣтъ дома, дурачекъ!

Сосія.

А дѣвушка, — та въ домѣ?

Привратникъ.

Нѣтъ дѣвушки у насъ. Изъ вашихъ никого 200
Нѣ видѣлъ въ домѣ я!

Сосія.

Да съ кѣмъ ты шутики шутишь?
Чего болтаешь зря? — Ужо домишко вашъ
Мы штурмовать начнемъ, да сразу и разрушимъ!
(200) Иди, вооружай любовника!

Привратникъ.

Дуракъ,
Заладилъ, будто мы укрыли потаскушку! 205

Сосія.

Вотъ эти, что съ щитомъ, и пикнуть не дадутъ,
Какъ всё вверхъ дномъ пойдетъ, хоть имъ „цѣна обола
Въ четыре“.

Привратникъ.

Ишь, мужикъ, — вѣдь я съ тобой шутилъ!

1) При переводѣ ст. 194 я слѣдую конъектурѣ J e n s e n'a, которая стоитъ къ рукописному чтенію ближе, чѣмъ конъектура Koerte. Т. е., я читаю: *τοῦτο δ' εἶπέ μοι*. Что же касается дальнѣйшей части стиха, то тутъ я слѣдую Koerte: *ποῦ δ' αὐτός; ἔλθ' ἀνθρώπου παριών*. Подъ *αὐτός* Сосія разумѣетъ Мосхіона; въ словѣ же *παριών* заключается предложеніе привратнику подойти ближе, выйти на улицу: надо думать, что онъ во все время сцены стоялъ въ *πρόθυρον*!

Сосія.

(205) На васъ, на горожанъ —

Привратникъ.

Нѣтъ дѣвушки, — ты понялъ!

Сосія.

Я подниму копье.

Привратникъ (уходя).

Да ну тебя къ чертямъ! 210

Явленіе седьмое.

[Дорида, которая до сихъ поръ держалась въ глубинѣ сцены, теперь, послѣ удаленія привратника, выдвигается впередъ и заводитъ разговоръ съ Сосіей].

Дорида.

Ты, Сосія, присталь и, видно, не отстанешь —

Сосія.

Дорида, подойди, — по свойски я съ тобой
Расправлюсь. Это ты во всемъ и виновата!

Дорида.

(210) Скажи, пожалуйста! Я виновата въ томъ,
Что барыня сюда въ испугъ убѣжала, — 215
Подъ женскій кровъ?

Сосія.

Чего? Подъ женскій кровъ, сюда,
Въ испугъ?

Дорида.

Да, она ушла сюда, къ Мирринѣ,
Къ сосѣдкѣ. Пусть бы все сложилось, какъ хочу!

Сосія.

(215) Она ушла... къ дружкѣ: онъ здѣсь вѣдь обитаетъ!
.....¹⁾

1) Послѣ ст. 215 идутъ въ рукописи остатки еще одного стиха, которымъ и замыкается отрывокъ J₄.

3.

Чѣмъ кончался разговоръ между Доридой и Сосіей, мы не знаемъ, ибо, къ сожалѣнію, за послѣдними словами Сосіи идетъ въ рукописи лакуна, приблизительно, въ 70 стиховъ, послѣ которой пьеса вступаетъ уже въ новую фазу развитія. Сначала, въ первомъ актѣ, мы видѣли, какъ постепенно складывались тѣ данныя, которыя въ будущемъ должны были привести къ цѣлому ряду всевозможныхъ осложненій. Затѣмъ, во второмъ актѣ, начинало развертываться это будущее, уже переходящее въ дѣйствительность. Бесѣда Мосхіона съ Давомъ, а также столкновение Сосіи съ привратникомъ и съ Доридой, открывало серію тѣхъ complicatіонъ, которыми грозилъ первый актъ, главнымъ образомъ, благодаря своему концу, т. е. благодаря переѣзду Гликеры. Вокругъ этого переѣзда, одинаково важнаго, какъ для Мосхіона, такъ и для Полемона, и концентрируются всѣ страсти обѣихъ враждующихъ сторонъ, причемъ пока успѣхъ выпадаетъ какъ будто на долю Мосхіона, временно торжествующаго побѣду, тогда какъ противная сторона въ лицѣ Сосіи должна счесть себя побѣжденной. Сосія, представитель Полемона, дѣлаетъ напрасныя попытки добиться хотя бы минимальной выгоды для своего барина. Всѣ, чего онъ достигаетъ, сводится лишь къ тому, что, благодаря Доридѣ, онъ приходитъ къ окончательному убѣжденію въ дѣйствительности переѣзда Гликеры къ Мирринѣ. Между тѣмъ его положеніе становится затруднительнымъ: угроза добыть Гликеру вооруженной рукой терпитъ неудачу, нападки на Дориду приводятъ лишь къ вызывающимъ отвѣтамъ съ ея стороны. Что же, спрашивается, долженъ былъ дѣлать Сосія или, вѣрнѣе, что могло вывести дѣйствіе изъ того тупика, въ который оно попало?

Можно, конечно, предполагать, что Сосія послѣ разговора съ Доридой уходилъ къ Полемону, дабы сообщить ему о происшедшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить отъ него инструкціи насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій. Что же касается Дориды, то она, послѣ ухода Сосіи, могла оставаться еще нѣкоторое время на сценѣ и произносить монологъ, въ которомъ могла высказывать свои страхи и опасенія, какъ по поводу грядущей судьбы Гликеры, такъ и по поводу своей собственной участи¹⁾. Подобнымъ монологомъ Дориды

1) Ср. Gerhard, о. с., 22.

и могъ бы оканчиваться в т о р о й актъ, причемъ, лишь только сцена дѣлалась пустой, появлялся снова хоръ и заполнялъ наступающій антрактъ своимъ пѣніемъ и пляской. Таково было бы мое мнѣніе, но есть еще и другое, высказанное Koerte¹⁾ и сводящееся къ слѣдующему. Koerte думаетъ, что во время спора Сосіи съ Доридой на сценѣ появлялся самъ Полемонъ въ сопровожденіи Габротононъ (съ ней мы встрѣтимся ниже) и, послѣ перепалки съ Сосіей, уже готовъ былъ штурмовать домъ Миррины. Но въ этотъ моментъ приходилъ другъ Полемона, Патэкъ (онъ выступаетъ въ ст. 219 слл.), отговаривалъ Полемона отъ принятаго имъ намѣренія и, добившись отсрочки штурма, шель къ Мирринѣ для переговоровъ. Однако, въ подобной реконструкціи конца в т о р о г о акта есть, какъ мнѣ кажется, одинъ серьезный недостатокъ. И дѣйствительно, если допустить, что событія разворачивались такъ, какъ рисуетъ ихъ Koerte, то Патэку пришлось бы дважды отговаривать Полемона отъ штурма, что врядъ ли было бы сценично. Вѣдь когда, вслѣдъ за лакуной, снова начинается связанный текстъ, то мы опять присутствуемъ при уговорахъ Патэка на ту-же тему (ст. 219 слл.)!

А впрочемъ, у Koerte, поскольку дѣло касается прибытія Полемона и его столкновения съ Сосіей, есть, повидимому, нѣкоторая поддержка въ фрагментѣ β , о которомъ я уже упоминалъ выше (стр. 403, прим. 1) и который, представляя собой остатки 4 страницъ, даетъ обрывки оживленной діалогической сценки. Мало того, по мнѣнію Лефевра²⁾, на отрывкѣ β_1 дважды можно прочесть *nota marginalis* *Πολ* (i. e. *Πολέμων*). Наконецъ, такія выраженія, какъ *ἔσθηκας ἰερόσυλε* (β , v. 2) тоже могли бы говорить въ пользу предположенія, что на обрывкѣ β_1 шель разговоръ Полемона съ Сосіей. И вотъ, на основаніи всего этого, Koerte, правда, нѣсколько неуверенно говоритъ, что отрывокъ β_1 — β_2 можно было бы помѣщать вслѣдъ за послѣдними стихами отрывка J_4 . Но даже если это и вѣрно, мы все таки не можемъ допустить участія въ сценкѣ Патэка, ибо отр. β_1 — β_2 , въ крайнемъ случаѣ, указываетъ только на Полемона и Сосію. Какъ бы то ни было, до окончательнаго выясненія

1) Koerte², o. c., XXXVIII sq. и XL.

2) Lefebvre², o. c., XIV sq., pl. XLVI.

вопроса о мѣстѣ и значеніи фрагмента β , я не считаю для себя необходимымъ присоединяться къ мнѣнію Koerte и, во всякомъ случаѣ, не могу раздѣлить его мысли о выступленіи Патэка раньше третьяго акта. А такъ какъ Патэкъ выступаетъ въ сохранившейся до насъ части этого акта, какъ лицо, уже знакомое зрителямъ, то я хотѣлъ бы объяснять это слѣдующимъ образомъ. Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что Патэку удѣляется въ пьесѣ очень важная по своему значенію роль и что Патэкъ, какъ своего рода *deus ex machina*, если и не разбираетъ сразу всего узла интриги, то все таки мало по малу распутываетъ его благодаря тому, что своевременно вступаетъ въ дѣйствіе. Между тѣмъ, изъ всего второго акта и, въ особенности, изъ его заключительныхъ сценокъ явствуется, что дѣйствіе успѣло до такой степени запутаться, что для вывода его изъ этихъ тисковъ необходимо было появленіе такого лица, которое, по крайней мѣрѣ, хоть съ внѣшней стороны, казалось бы непричастнымъ ко всей завязавшейся путаницѣ. Но такимъ лицомъ и является какъ разъ Патэкъ, ибо разгорѣвшіяся страсти другихъ лицъ пока еще не могутъ его затронуть и взволновать: онъ ихъ еще не знаетъ, онъ въ нихъ еще не участвовалъ! Такъ вотъ я и думаю, что третій актъ могъ открываться появленіемъ Патэка, только что вернувшагося изъ путешествія, причемъ, хотя бы на манеръ Критона изъ *Adelphoe*, Патэкъ могъ выступать съ небольшимъ монологомъ. Этимъ путемъ зрители могли бы ознакомиться съ новымъ, неизвѣстнымъ имъ еще персонажемъ, а съ другой стороны, самъ Патэкъ успѣлъ бы войти въ дѣйствіе раньше, чѣмъ на сценѣ появится Полемонъ, уже вызванный Сосіей, если только правильно возстановляется нами самый конецъ второго акта. Ну, а затѣмъ могла происходить встрѣча Патэка съ Полемономъ, ознакомленіе перваго съ планами и намѣреніями второго и, наконецъ, идти та самая сцена, и начало которой сохранилъ первый Лейпцигскій листокъ и, въ частности, первая его страница, а именно: *va*¹⁾).

Мы могли бы теперь перейти къ самой сценѣ, но сперва,

1) Это начало, не сохраненное Каирской рукописью, сводится къ 13 стихамъ, а именно, къ ст. 217—229. Дальнѣйшая же часть сцены идетъ сперва, на протяженіи 48 стиховъ, по двумъ рукописямъ, по Каирской и по Лейпцигской (т. е. по E_{3-4} и по $\nu\alpha-\nu\beta$), а затѣмъ, начиная отъ ст. 277 и кончая ст. 300, по одной Каирской, по E_4 .

для ясности, намъ придется сказать нѣсколько словъ по поводу всѣхъ участвующихъ въ ней персонажей, а также затронуть нѣкоторыя частности, безъ выясненія которыхъ кое-что можетъ остаться непонятнымъ.

Въ сценкѣ, когда она начинается передъ нами, участвуютъ четыре лица: Полемонъ, Патэкъ, Сосія и Габротононъ, причемъ изъ этихъ лицъ новымъ для зрителей оказывалась только Габротононъ, изображавшая собой флейтистку, которая развлекала гостей Полемона во время той попойки, о которой нѣсколько выше упоминалъ Сосія (ст. 55 слл.). Что Габротононъ не принимала никакого участія въ дѣйствіи, какъ „лицо говорящее“, или, иными словами, что она находилась на положеніи *κωφὸν πρόσωπον*, — это доказано Робертомъ¹⁾ и принято остальными, а слѣдовательно, и не нуждается въ особомъ поясненіи. Но коль скоро это такъ, то, значить, дѣйствіе сценки сосредоточивалось только на трехъ лицахъ, которыя и вели между собой разговоръ, тогда какъ Габротононъ присутствовала лишь въ качествѣ аксессуара, наравнѣ съ толпой вооруженныхъ рабовъ Полемона, которыми предводительствовалъ Сосія.

Сосія, еще недавно грозившій привратнику штурмомъ дома Миррины, стоитъ на необходимости штурма и теперь²⁾, причемъ на его сторонѣ находится и Полемонъ. Но Патэкъ, уже разузнавшій отъ Полемона про причины всей происходящей сумятицы, отговариваетъ своего молодого друга отъ этого необдуманнаго шага, чѣмъ и возстановляетъ противъ себя Сосію, еще не забывшаго, что онъ и его товарищи были названы *τετράβολοι* (ст. 190). Поэтому Сосія старается набросить тѣнь на Патэка, какъ на лицо, которое недаромъ дѣйствуетъ въ пользу Миррины и которое, по всей вѣроятности, просто закуплено послѣдней (ст. 218 слл.). Эти слова Сосіи, которыми открывается сценка въ ея настоящемъ видѣ, позволяютъ намъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующимъ образомъ

1) Robert, o. c., 266 sqq. Ср. также Sudhaus, Der Kampf um die Perikeiromene (= Rhein. Mus. 64 (1909), 432).

2) Роль Сосіи можно было бы, до нѣкоторой степени, сравнить съ ролью Санги изъ Eupichus Теренція. Да и вообще вся сцена приготовления къ штурму, если не подробностями своими, то, по крайности, тѣмъ, какъ она задумана, заставляетъ вспоминать объ аналогичной сценѣ въ Eupichus (ст. 771 слл.). Вотъ только Полемонъ не похожъ на теренціевскаго Θрасона!

дорисовать ея, утраченное для насъ, начало. Можно думать, что въ этомъ началѣ Патэкъ, послѣ предварительной бесѣды съ Полемономъ, приводилъ послѣднему кое-какія основанія, говоряція противъ предпринятой имъ авантюры, причемъ въ числѣ этихъ основаній могъ фигурировать и намекъ на положеніе Миррины, съ которой нельзя поступать, какъ съ продажной женщиной, безнаказанно нанося ей обиды и оскорбленія. И надо полагать, что слова Патэка производили нѣкоторое впечатлѣніе на Полемона, который и начиналъ колебаться къ неудовольствію Сосіи, настроеннаго, какъ я уже говорилъ выше, очень воинственно. Поэтому-то Сосія и находилъ нужнымъ начать компанію противъ Патэка и поднять такимъ путемъ энергію своего барина, котораго, какъ рисуется онъ въ пьесѣ, хватало обыкновенно только на первое мгновеніе. И вотъ мы видимъ, что Сосія, то такъ, то иначе, старается отстаивать проигрываемую позицію, пока, наконецъ, Патэкъ не беретъ надъ нимъ окончательнаго верха и не направляетъ Полемона на иной путь, на путь мирныхъ переговоровъ. Тогда Сосія сходитъ со сцены, вся сценка теряетъ характеръ воинственнаго напряженія, и вся вторая половина ея (ст. 236 слл.) ведется уже въ иномъ тонѣ, въ тонѣ дружеской бесѣды, причемъ Полемонъ постепенно отказывается отъ всякой инициативы и передаетъ ее въ руки Патэка, который и выходитъ теперь на первый планъ.

Дѣйствіе третье.

Явленіе второе (?).

[На сценѣ находятся Полемонъ, Патэкъ, Сосія и Габротононъ, а также толпа вооруженныхъ рабовъ. Сосія, указывая Полемену на домъ Миррины и кивая притомъ въ сторону Патэка говорить съ большимъ оживленіемъ и убѣжденностью].

Сосія.

НА Повѣрь, отсюда онъ заплучилъ деньжонки,
И измѣнилъ тебѣ и войску твоему!

220

Патэкъ (Полемену).

Пойди-ка, да проспись! Оставь въ покоѣ битвы,
(220) Ты не въ своемъ умѣ, — тебѣ я говорю!
Пойми: ты — выпивши!

Полемонъ.

Я выпивши? Скорѣ
Я кубка не допилъ! Я былъ вѣдь на чеку, 225
Я соблюдалъ себя на всякій случай!

Патэкъ.

Ладно!

Послушайся меня!

Полемонъ.

Въ чемъ слушаться, скажи!

Патэкъ.

(225) На правильный вопросъ сейчасъ тебѣ отвѣчу.

Сосія.

Габротононъ, дай знакъ для боя!

Патэкъ.

Отошли...

Его сначала въ домъ и всѣхъ, что съ нимъ толпятся! 230

Сосія (Патэку).

Не ладно бой ведешь! (Полемону).

Сейчасъ на штурмъ пойдемъ,

А онъ вдругъ распустить войска твои желаетъ! —

Ев. Сгубилъ меня Патэкъ! Какой ужъ это вождь!

Полемонъ (Сосіи).

(231) Да убирайся ты!

Сосія.

И уберусь! (Къ Габротононъ).

Я думалъ,

Что пригодишься ты! Для штурма у тебя, 235

Какъ будто, средства есть! Габротононъ умѣтъ

Вскарабкаться, залечь... Куда бѣжишь, стой?

(235) Аль устыдилась вдругъ? Тебѣ-ль стыдиться, шлюха?

Явленіе третье.

[По знаку Полемона Сосія и рабы отходятъ къ дому Полемона, но пока что остаются на сценѣ. Между тѣмъ Полемонъ и Патэкъ продолжаютъ начатый разговоръ].

Патэкъ.

Вотъ если бы съ твоей законною женой
Случилось что нибудь подобное, Полемонъ, — 240

Полемонъ.

Да что съ тобой, Патэкъ?

Патэкъ.

А тутъ совсѣмъ не то!

Полемонъ.

Я на нее смотрѣлъ, какъ на жену!

Патэкъ.

Потише!

(240) Кто далъ ее тебѣ?¹)

Полемонъ.

Какъ кто? Сама...

Патэкъ.

Ну, вотъ!

Допустимъ, что сперва ты нравился, а нынѣ 245
Не нравишься! Найдя, что съ нею поступилъ
Ты унижительно, — она и удалилась!

Полемонъ.

Какъ? Унижительно? Вотъ этимъ словомъ ты
(245) Совсѣмъ меня забилъ!

Патэкъ.

Сознайся — я увѣренъ,
Что ты сознаешься — безумный, глупый шагъ 250
Теперь ты дѣлаешь! Скажи, куда несешься,
NB За кѣмъ бѣжишь? Она — сама себѣ глава!
Одно лишь средство есть, коль любишь и страдаешь, —
Словами убѣждать!

1) Ter. Adolph., 670 sqq.:

Qua ratione istuc? quis despondit? quis dedit?
Quoi quando nupsit? auctor his rebus quis est?

Полемонъ.

А тотъ, кто совратилъ
(250) Гликеру безъ меня, — онъ не обидчикъ развѣ? 255

Патэкъ.

Обидчикъ! Такъ къ нему ты жалобу вчиняй,
А за насиліе подъ судъ пойдешь. Для мести
Его проступокъ малъ, для жалобы — хорошъ!

Полемонъ.

Какъ? Даже и теперь? 1)

Патэкъ.

Да, и теперь, конечно!

Полемонъ.

(255) Клянусь Деметрою... нѣтъ словъ... осталось мнѣ 260
Повѣситься! Меня покинула Гликера,
Гликера кинула... Патэкъ, ты съ ней знакомъ,
Бесѣдовалъ не разъ, — такъ, если ты не противъ,
Пойди, поговори, будь отъ меня посломъ, —
(260) Молю тебя, Патэкъ!

Патэкъ (идя къ дому Миррины).

Какъ видишь, я согласенъ! 265

Полемонъ.

Конечно, говорить умѣешь ты, Патэкъ?

Патэкъ.

Да, такъ, посредственно!

Полемонъ.

Патэкъ, вѣдь это нужно!

Вѣдь въ этомъ лишъ и есть спасеніе мое!

Ну, если я когда Гликеру и обидѣлъ, —

Е₄ То все же я всегда во всемъ ей угождалъ! 270
(266) Да вотъ хотъ посмотри ты на ея наряды.

1) Т. е.: даже и теперь, когда онъ склонилъ Гликеру или заставилъ ее переѣхать къ нему, въ его домъ?

Патэкъ.

Прекрасны, знаю я!

Полемонъ.

Нѣтъ, посмотри, Патэкъ, —
Жалѣть меня тогда сильнѣе станешь!

Патэкъ (съ нетерпѣніемъ).

Боже!

Полемонъ.

Взойди, — наряды есть чудесные! Коль ихъ
(270) Надѣла бы она, вотъ ей къ лицу бы были! 275
Да видѣлъ ли ты ихъ?

Патэкъ.

Конечно!

Полемонъ.

Ну, а все жъ
На роскошь ихъ взглянуть тебѣ бы не мѣшало!
А впрочемъ, говорить о роскоши теперь,
Объ этихъ пустякахъ, — съ ума я, видно, спятилъ!

Патэкъ.

Какъ будто не совсѣмъ!

Полемонъ.

Такъ не совсѣмъ? Патэкъ, 280
(275) Взойди-ка, да взгляни...

Патэкъ.

Иди, — иду я слѣдомъ!

Явленіе четвертое.

[Полемонъ и Патэкъ удаляются. Послѣ ихъ ухода на сценѣ остаются только рабы Полемона, но и они начинаютъ мало по малу расходиться. Въ это время изъ дома Миррины показывается Мосхѳонъ. Нѣкоторое время онъ смотритъ на уходящихъ рабовъ, а затѣмъ быстро направляется къ нимъ, какъ бы съ намѣреніемъ ихъ прогнать].

Мосхионъ.

- Чего торчите здѣсь? Проваливайте, живо!
Ишь высыпали всѣ, стоятъ съ копьемъ въ рукахъ!
Да у такихъ, какъ вы, силенки не найдется,
Чтобъ ласточки гнѣздо разрушить, — хвастуны! 285
(Рабы уходятъ, остается одинъ Сосія).
- (280) „У нихъ наемники“, сказалъ мнѣ Давъ. И что же? —
Къ тому же Сосіи наемники свелись! (Презрительно.)
Вездѣ о нихъ кричатъ! Пришло такое время,
Когда отбоя нѣтъ отъ этой голытьбы:
Повсюду въ Греціи — причины я не знаю — 290
На нихъ теперъ пошелъ обильный урожай!
- (285) Но, думается мнѣ, что врядъ ли между ними
Найдется человѣкъ несчастнѣе меня!
(Какъ бы припоминая).
- Вернулся я домой... и сразу по иному
Повелъ себя, — не такъ, какъ прежде: не зашелъ 295
Я къ матери, къ себѣ не вызывалъ прислугу,
(290) Но въ спальню проскользнулъ сторонкою, — и тамъ
Уютно стало мнѣ. Я былъ душой спокоенъ!
А Дава отослалъ я къ матери: сказать
Онъ долженъ былъ о томъ, что я домой вернулся, — 300
И только. Но мой Давъ, увидя на столѣ
(295) Готовую ѣду, забылъ о порученьи
И насыщаться сталъ! А я себѣ лежу,
Да думу думаю: „пройдетъ еще минута,
И мать увижу я. Она мнѣ принесетъ 305
Отъ милой вѣсточку и скажетъ, чѣмъ могу я
(300) Снискать ея любовь“. Вотъ я о чемъ мечталъ!

4.

Конца монолога не сохранилось: въ рукописи снова идетъ лакуна, и на этотъ разъ очень значительная, ибо, согласно расчетамъ Кёрте, пропало около 160 стиховъ. Само собой разумѣется, что наличность подобнаго пробѣла сильно затрудняетъ возстановленіе хода дѣйствія. Вѣдь надо думать, что кромѣ конца монолога пропало еще нѣсколько сценъ, которыя должны были служить подготовкой дальнѣйшаго! Ввиду этого восполнить лакуну надлежащимъ обра-

зомъ врядъ ли мыслимо; но на основаніи текста, идущаго за ней, а также на основаніи монолога Мосхіона, можно все-таки предположить слѣдующее. Мать, которую Мосхіонъ под-ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, дѣйствительно, приходила къ нему, но только приносимая ею вѣсть оказывалась не со-отвѣтствующей его ожиданіямъ. Въ чемъ же, спрашивается, она заключалась? Надо думать, что Гликера или въ силу общанія, даннаго при переѣздѣ, или для того, чтобы ре-абилитироваться въ глазахъ Миррины, открывала послѣдней тайну своего происхожденія, тайну родства съ Мосхіономъ. Открытіе этой тайны было ударомъ для старухи. И вотъ она, не желая, вѣроятно, чтобы юноша, считавшійся ея сы-номъ, узналъ, какимъ образомъ попалъ онъ въ домъ къ своей названной матери, брала съ Гликеры слово не разгла-шать тайны, но оставить ее при себѣ. Что подобная клятва была взята съ дѣвушки, явствуетъ изъ стиха 361; время же, въ которое она была взята, можно установить съ помощью ст. 199 сл., гдѣ Давъ докладываетъ Мосхіону о выговорѣ, только что полученномъ отъ Миррины за излишнюю болт-ливость насчетъ Гликеры. Но если Миррина уже въ моментъ появленія Дава озабочена мыслью о необходимости скрыть отъ Мосхіона фактъ пребыванія дѣвушки въ ея домѣ, — то можно, думается мнѣ, считать, что въ это время тайна Гли-керы была ей уже извѣстна. Узнавъ эту тайну и взявъ съ Гликеры слово молчать, Миррина сумѣла бы, конечно, вы-вернуться изъ щекотливаго положенія, но ей помѣшала Давъ, предупредившій Мосхіона о переѣздѣ дѣвушки. Хо-рошо понимая, къ чему стремится Мосхіонъ и желая по-ложить серьезную преграду его поползновеніямъ, Миррина рѣшается на новый шагъ: она идетъ къ сыну и говоритъ ему, что всѣ его мечты насчетъ Гликеры несбыточны, ибо Гликера — ея дочь, нѣкогда ею брошенная¹⁾. Къ этому при-бавляетъ она еще, что временно тайна должна остаться не вскрытой и что Гликера дала ей въ этомъ слово (ср. ст. 361 сл.). Мосхіонъ не хочетъ вѣрить матери: ему кажется, что она его обманываетъ, но все-таки слова Миррины западаютъ ему въ душу и онъ, выбитый изъ колеи, не зная, что ему дѣлать,

1) Koerte², о. с., XLI; Sudhaus, о. с., 424; Gerhard, о. с., 25. Иначе Robert, о. с., 301 и Schmidt, о. с., 443.

выходить изъ дома и произносить свой монологъ, въ которомъ повѣствуетъ о всемъ случившемся. Монологомъ Мосхіона и могъ кончатся третій актъ, если не считать только, что за нимъ слѣдовала еще какая-нибудь сценка, въ которой Мосхіонъ сводилъ счеты съ обманувшимъ его Давомъ.

Если теперь мы обратимъ вниманіе на то, какъ до сихъ поръ развивалось дѣйствіе нашей комедіи, мы сразу замѣтимъ въ немъ извѣстнаго рода послѣдовательность, состоящую въ томъ, что дѣйствіе, сперва незначительное, постепенно растетъ, расширяется, захватываетъ всё большее число лицъ, осложняется вставочными эпизодами, неожиданными случайностями, и къ третьему акту превращается уже въ настоящую животрепещущую драму. Пустая искра, брошенная Мосхіономъ, мало-по-малу разрастается въ настоящій пожаръ, пламя котораго перебрасывается съ мѣста на мѣсто съ неудержимою силой и быстротой. Полемонъ и Мосхіонъ, Давъ и Сосія, Дорида и Миррина, — всё эти лица уже оказываются такъ или иначе задѣтыми, затронутыми. Пустой случай привелъ всѣхъ ихъ въ дѣйствіе, и въ угоду ему, этому случаю, идетъ чисто мышиная бѣготня, разгораются страсти, растетъ напряженіе. Только одинъ Патэкъ стоитъ пока, хотя и не въ сторонѣ отъ происходящаго, спокойно и величаво: пожаръ не коснулся его! Онъ еще можетъ соображать, направлять, присматриваться; онъ еще можетъ выступать въ качествѣ незаинтересованнаго лично зрителя. Но уже недалекъ тотъ моментъ, когда размахъ пущеннаго въ ходъ дѣйствія захлестнетъ и его, мудраго и краснорѣчиваго Патэка. Мы уже знаемъ, что Полемонъ просилъ его быть ходатаемъ передъ Гликерой; мы знаемъ, что тотъ же Полемонъ склонилъ его взглянуть на платья и драгоценности своей возлюбленной, служащія доказательствомъ любви Полемона и его щедрости; мы знаемъ, наконецъ, что полюбовавшись на нихъ, Патэкъ долженъ идти къ Гликерѣ, чтобы попытаться склонить её къ примиренію. Всё это намъ извѣстно, а потому вполне естественно, что въ четвертомъ актѣ мы встрѣчаемся съ Патэкомъ въ роли посла.

Къ сожалѣнію, и четвертый актъ начинается сценой, у которой не хватаетъ начала: мы попадаемъ прямо *in medias res*, попадаемъ въ самый разгаръ бесѣды между старикомъ и дѣвушкой. Оба они находятся на сценѣ около дома Мир-

рины, изъ чего явствуетъ, что Патэкъ нашель нужнымъ вести бесѣду внѣ жилища, считая, вѣроятно, что такимъ образомъ ему удастся избѣгнуть любопытства Мосхіона или Миррины. Изъ словъ Гликеры, начинающихъ собой дѣйствіе и являющихся отвѣтомъ на рѣчь Патэка, до насъ не дошедшую, видно, что эта рѣчь, съ которой Патэкъ обращался къ дѣвушкѣ, сводилась къ попыткѣ убѣдить еѣ вернуться къ Полемону и ни подъ какимъ видомъ не замѣнять его Мосхіономъ, т. е., иными словами, и Патэкъ, подобно Полемону, думаль, что дѣвушка перебралась къ Мирринѣ ради ея сына. Гликера, уже оскорбленная любовникомъ, уже обиженная его подозрѣніями, не можетъ вынести новой выходки, да еще со стороны человѣка, котораго она привыкла уважать. И рѣзкой ноткой негодованія звучать поэтому ея слова, въ которыхъ слышится оскорбленная женская гордость! Та неопытная, робкая Гликера, за которую нѣкогда боялась ея пріемная мать, исчезла: жизненный ударъ сразу превратилъ ребенка въ женщину, и первое серьезное горе вывело наружу сильный характеръ, который до тѣхъ поръ не имѣлъ случая проявиться. „Нѣтъ, Патэкъ ошибается: не выгода, не какой-нибудь низкій расчетъ былъ причиной ухода Гликеры отъ Полемона. Своимъ шагомъ она хотѣла добиться только одного, а именно: быть подальше отъ обидчика. Вотъ для чего она ушла къ Мирринѣ, вотъ чѣмъ объясняется ея переѣздъ“.

Гликера.

К₂ Ты разсуди, Патэкъ, ну, для какой бы цѣли
Искать мнѣ для себя у матери его
Пріюта? Въ толкъ ты взялъ? Чтобъ стать его женою?
Ужь, подлинно, что онъ какъ разъ по мнѣ! —

Чтобъ быть

(305) Его любовницей? Тогда бы укрывалась
Я отъ родныхъ его, — укрылся бы и онъ! ¹⁾ —
Однако, въ отчій домъ меня онъ вводитъ смѣло,
А я рѣшаюсь вдругъ рискнуть, вражду навлечь 315
И вамъ же поводъ дать для грязныхъ подозрѣній,

1) При переводѣ ст. 301—306 я принимаю ту реконструкцію ихъ, которую даетъ Sudhaus, Der Kampf um die Perikeiromene (= Rhein. Mus., 64 (1909), 427 sqq.).

- (310) Которыхъ мнѣ не смѣть, — ну, не безстыдна ль я?
И ты явиться могъ подѣ этимъ убѣжденьемъ?
И ты считать меня продажной тварью могъ?

Патэкъ.

- Всесильный Зевсъ! О нѣтъ! Ты доказала ясно, 320
Что ты... обижена! Я вѣрю, — да, но все жь
(315) Вернись къ Полемону.

Гликера.

О нѣтъ, пусть онъ глумится
Надъ косами другихъ!

Патэкъ.

Но вѣдь проступокъ свой...
Свершилъ онъ сгоряча!

Гликера.

Онъ оскорбилъ безбожно, —
Съ рабыней лишь одной такъ можно поступать! 325

Вся приведенная нами *in extenso* первая сохранившаяся часть бесѣды Патэка съ Гликерой важна для насъ не только съ литературной точки зрѣнія, но и какъ серьезное подспорье для реконструкціи дальнѣйшаго. Правда, продолженіе этой бесѣды дошло до насъ на *recto* того-же отрывка К, на *verso* котораго находятся ст. 301—318. Однако, это продолженіе отдѣлено лакуной, приблизительно, въ 16—17 стиховъ¹⁾; для насъ навсегда утраченныхъ. Такъ вотъ, на основаніи ст. 317 сл., мы можемъ, до извѣстной степени, угадать, каковъ былъ послѣдовательный ходъ бесѣды, приводившій въ концѣ концовъ къ тому результату, который вырисовывается передъ нами, вслѣдъ за окончаніемъ лакуны, въ ст. 320 слл. Вѣдь мы только что видѣли, что Гликера считаетъ себя оскорбленной поведеніемъ Полемона. По ея мнѣнію, онъ поступилъ съ ней, какъ съ простой рабыней. Но поступать съ ней такимъ образомъ онъ не имѣлъ права: она не рабыня, не подневольное существо, — нѣтъ, она свободная женщина, и ея происхожденіе какъ будто подтвер-

1) Koerte², о. с. 83.

ждаетъ, что на нее, на Гликеру, должны смотрѣть иначе, чѣмъ смотрять, т. е. не сверху внизъ, не какъ на что-то низшее, не достойное стоять на равной ногѣ съ остальными. Но гдѣ же, могъ спросить Патэкъ, тѣ доказательства, которыя говорятъ въ пользу благороднаго происхожденія Гликеры и которыя въ состояніи освѣтить все дѣло? Они на лицо, ибо въ распоряженіи Гликеры находятся распознавательные знаки, нѣкогда при ней найденные. Это заявленіе Гликеры о распознавательныхъ знакахъ, въ свою очередь, должно было привести Патэка къ ряду новыхъ вопросовъ, которые и могли служить обоснованіемъ для отвѣта Гликеры, начинающаго собой гесто отрывка К и касающагося какъ разъ вопроса о *γυωρίσματα*.

Въ такомъ родѣ могла бы вестись бесѣда послѣ ст. 319 и такимъ путемъ могъ бы подготавливаться переходъ къ дальнѣйшему, которое и раскрывается передъ нами въ ст. 320 слл.

Гликера.

К₁ <Есть вещи у меня, въ наслѣдство мнѣ достались>
(320) Отъ матери моей и отъ отца... Съ тѣхъ поръ
Привыкла я держать ихъ при себѣ —

Патэкъ.

Чего-же

Желаешь ты теперь?

Гликера.

Чтобъ ихъ мнѣ принесли!

Патэкъ.

Но, значить воинъ нашъ откинуть, какъ негодный? —
Что скажешь, милая?

Гликера.

Пусть все черезъ тебя 330

(325) Ведется!

Патэкъ.

Смѣхъ одинъ такъ поступать! Сначала
Подумать бы тебѣ —

Гликера.
Мнѣ лучше знать!

Патэкъ.

Молчу! —

Кто знаетъ изъ рабынь, гдѣ у тебя вещицы?

Гликера.

Дорида.

Патэкъ (вызывая раба).

Пусть сюда Дориду позовуть! —

А все же — время есть — Гликера, ради бога, 335
(330) Послушайся меня, — исполни мой совѣтъ!

Дорида (выходя отъ Полемона).

Вѣдь баринъ у себя, — онъ дома!

(Видя взволнованныя лица Гликеры и Патэка).

Что такое?

Что тутъ стряслось еще?

Гликера.

Шкатулку принеси, —

Ту... съ бездѣлушками. Ее на сохраненье 340
Тебѣ жъ я отдала! Чего ты медлишь, дрянъ?
(Дорида уходитъ).

Патэкъ.

(335) Я словно не въ себѣ! Зевесъ, о мой спаситель,
Проходить дрожь по мнѣ! Что это? Вѣдь, кажись,
<Рѣчь шла о пустякахъ, — о маленькой шкатулкѣ!>

Изъ послѣднихъ словъ Патэка мы видимъ, что та пу-
таница, въ которой до сихъ поръ были замѣшаны остальные
персонажи комедіи начинаетъ затягивать и его. Онъ, еще
недавно спокойный и величавый, вдругъ теряетъ свое само-
обладаніе. А между тѣмъ въ словахъ Гликеры нѣтъ, кажется,
ничего особеннаго: она упомянула только о какой-то шка-
тулкѣ, въ которой хранятся „разныя вещи“. Но, можетъ
быть, Патэкъ видѣлъ эту шкатулку? Врядъ ли, разъ она
находилась на сохраненіи у Дориды. Не вѣрнѣ ли будетъ
думать, что среди уборовъ и драгоценностей Гликеры, ко-
торыя Патэкъ недавно разсматривалъ въ домѣ Полемона,

было замѣчено имъ что-нибудь, возбуждившее въ немъ воспоминаніе о чемъ-то, давно забытомъ? И вотъ теперь при словахъ Гликеры это воспоминаніе снова приходитъ ему въ голову и онъ, правда, еще неясно начинаетъ чувствовать что-то, о чемъ пока не рѣшается говорить опредѣленно. Такимъ образомъ, и Гликера и Патэкъ волнуются. Но до какой степени различны тѣ причины, которыя вызываютъ это волненіе! Гликера волнуется, потому что ей хочется поскорѣ увидѣть дорогія ей вещицы, которыя докажутъ благородство ея происхожденія. Патэкъ же волнуется, потому что неясное предчувствіе говоритъ ему, что можетъ вскрыться одинъ фактъ изъ его жизни, который тяжелымъ камнемъ лежитъ на его душѣ и о которомъ никто кромѣ него не знаетъ. Однимъ словомъ, наступаетъ критическій моментъ и въ воздухѣ чувствуется приближеніе чего-то рѣшающаго: пьеса дошла до своего кульминаціоннаго пункта!

Стихомъ 337 кончается гесто обрывка К и мы снова оказываемся передъ лакуной, на этотъ разъ незначительной. По крайней мѣрѣ, Коерте опредѣляетъ ее въ 7 стиховъ. Но очень возможно, что она была нѣсколько больше, а именно, равнялась стихамъ 10, которые и представляли собой простой переходъ къ сценѣ „узнаванія“ (*ἀναγνωρισμός*), идущей вслѣдъ за лакуной. Что же касается вопроса о содержаніи этихъ утерянныхъ стиховъ, то оно могло сводиться къ слѣдующему. Непосредственно за словами Патэка (ст. 335 слл.) изъ дома Полемона выходила Дорида со шкатулкой, за которой она была послана, и передавала послѣднюю Гликерѣ, а сама снова удалялась къ Полемону, тѣмъ болѣе, что ея присутствіе на сценѣ было бы только задержкой для дальнѣйшаго хода дѣйствія. По удаленіи Дориды Патэкъ и Гликера принимались за разборку вещицъ, находящихся въ шкатулкѣ, а тѣмъ временемъ на сцену вступалъ новый персонажъ, какъ разъ нужный для послѣдующаго, т. е. Мосхіонъ, возвращающійся къ себѣ изъ города¹⁾. Замѣтивъ Гликеру и Патэка, но незамѣ-

1) Иначе думаетъ Коерте² (о. с., 85), который полагаетъ, что Мосхіонъ появляется послѣ ст. 343, и притомъ приходитъ не изъ города, а выходитъ изъ дома. Ср. однако Gerhard, о. с., 31. Совершенно нелогично считать, какъ это дѣлаетъ Robert (о. с., 297), что Мосхіонъ участвуетъ уже въ отрывкѣ К и что имъ произносится ст. 323: *ἀπῆλθῃσθε οὖν κοινῇ τὸν ἄνθρωπον*, или же, какъ дѣлаетъ это Sudhaus (о. с., 431), что

чаемый ими (ср. подобное же появленіе Онисима въ „Третьскомъ судѣ“), онъ оставался въ глубинѣ сцены и дѣлался, такимъ образомъ, свидѣтелемъ всего дальнѣйшаго разговора, — приемъ, къ которому не разъ прибѣгаетъ „новая“ комедія. Сверхъ того можно думать, что Мосхіонъ, увидѣвъ Гликеру и Патэка, дѣлалъ въ сторону нѣсколько замѣчаній, выражавшихъ его удивленіе и безпокойство по поводу неожиданнаго для него появленія Патэка, въ которомъ, что само собой разумѣется, онъ могъ усматривать только помѣху для своихъ плановъ. Какъ бы то ни было, Мосхіонъ продолжалъ держаться въ отдаленіи, а Патэкъ и Гликера, считая, что они одни и что ихъ никто не подслушиваетъ, обращались къ детальному разбору вещицъ, къ тому разбору, которому и посвящено начало сценки, идущей за лакуной и заполняющей собой страницы ξa и $\xi \beta$ Лейпцигской рукописи, уже не одинъ разъ нами упомянутой.

Патэкъ.

И эту вещь
 БА Тогда же видѣлъ я... На ней козель, какъ будто!
 Иль это быкъ, а можетъ звѣрь иной? 345

Гликера.

(340) Ты принялъ за козла, мой дорогой, оленя!

Патэкъ.

Рога я разглядѣлъ... А эта третья вещь —
 Крылатый будетъ конь! — Моей жены вещицы
 Я узнаю теперь... О бѣдная моя!

Мосхіонъ.

Нѣтъ, это, кажется, невысказано! Выходить, — 350
 (345) Моя родная мать свою родную дочь
 Позорно кинула¹⁾. Но если это — правда,

Мосхіономъ произносится ст. 335 слл. и что, начиная отъ этого стиха, Мосхіонъ уже находится на сценѣ. Всѣ эти мнѣнія, а равно и многія другія (они сведены у Gerhard'a въ его статьѣ, въ примѣчаніяхъ 48, 54, 57), я считаю за неприемлемыя и подробно разбирать ихъ не буду.

1) Видя вещи, разбираемыя и рассматриваемыя Патэкомъ, и вспоминая одновременно съ этимъ о словахъ Миррины, сказавшей, что Гликера — ея дочь, Мосхіонъ и произноситъ свои слова, которыя, конечно, не надо ста-

Но если дѣвушка — сестра моя, тогда
Конецъ... всему конецъ! Что я за горемыка!

Патэкъ.

Скажи, а что еще осталось отъ моихъ — ?¹⁾ 355

Гликера.

(350) Ты выясни сперва, про что спросить желаешь!

Патэкъ.

Гдѣ вещи ты взяла, что нынѣ при тебѣ?

Гликера.

Я съ ними найдена, когда была ребенкомъ.

Мосхионъ.

Еще на шагъ впередъ! Какъ будто волнъ прибой
Несетъ меня теперь судьбѣ моей на встрѣчу! 360

Патэкъ.

(355) Ты найдена одна? Вотъ ты о чемъ скажи!

Гликера.

О нѣтъ, со мною братъ былъ кѣмъ-то вмѣстѣ
кинуть!

Мосхионъ.

Одно сомнѣніе рѣшилъ ея отвѣтъ!²⁾

вить въ связь со словами Патэка: „моей жены вещицы / я узнаю теперь“. Мосхионъ разсуждаетъ независимо отъ Патэка, тѣмъ болѣе, что онъ находится всецѣло подъ вліяніемъ открытія, сдѣланнаго Мирриной. Да къ тому же Патэкъ вовсе не мужъ Миррины, и, наконецъ, слова Патэка о его покойной женѣ могли быть сказаны въ сторону. Вѣдь недаромъ Гликера на нихъ не реагируетъ!

1) Патэкъ не оканчиваетъ своей фразы, которая благодаря этому остается для Гликеры непонятной. Послѣ слова „моихъ“ — *τῶν ἐμῶν* можно дополнять или „вещей“ — *χρημάτων*, или же „дѣтей“ — *παίδων*. Патэкъ конечно, разумѣетъ послѣднее: ему хотѣлось бы узнать, что случилось съ его дѣтьми, въ особенности, съ сыномъ, ибо онъ уже начинаетъ полозрѣвать, что Гликера — его дочь.

2) Мосхионъ хочетъ сказать этимъ слѣдующее: „такъ какъ я сынъ Миррины, въ чемъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, и такъ какъ, съ другой стороны, у Гликеры былъ братъ, вмѣстѣ съ нею брошенный, то ясно, что я не могъ быть этимъ братомъ. Но разъ это такъ, то значитъ, Гликера вовсе не приходится мнѣ сестрой или, иначе, Миррина, моя мать, сказала мнѣ неправду, заявивъ, что Гликера — ея дочь, ея кинутая“.

Патэкъ.

Но какъ же это васъ потомъ разъединили?

Гликера.

Я объяснить могу: я знаю отъ другихъ!

365

(360) Но лучше о другомъ спроси: скрывать не буду,
Объ этомъ же молчать Мирринѣ я клялась!

Мосхионъ.

И вправду поклялась! Ея слова, какъ знакъ
Условный, ясны мнѣ! Гдѣ я? О, что мнѣ дѣлать?

Патэкъ.

А кто же подобралъ, кто выростилъ тебя?

370

Гликера.

(365) Нашла та женщина, что послѣ и взростила!

Патэкъ.

А можешь вспомнить ты про мѣсто, гдѣ нашла?

Гликера.

Тамъ, по ея словамъ, источникъ былъ... деревья!

Патэкъ.

ДВ Такъ мѣсто описалъ и бросившій дѣтей!

Гликера.

Но кто же это былъ? Повѣдай, если можно!

375

Патэкъ.

(370) Дѣтей подкинулъ рабъ, рѣшилъ ихъ кинуть я!

Гликера.

Ты кинуть могъ дѣтей, ты — ихъ отецъ? Зачѣмъ же?

Патэкъ.

Есть многое, чему съ трудомъ повѣришь ты!
Родивши васъ двоихъ, жена моя скончалась,
А за день передъ тѣмъ была еще бѣда —

380

Гликера.

(375) О боже, я дрожу! Бѣда, — скажи, какая!

Патэкъ.

Привыкшій къ роскоши, я сразу нищимъ сталь!

Гликера.

Какъ, сразу? О судьба, о боги! Что за ужась!

Патэкъ.

Шель слухъ, что мой корабль, съ товарами, погибъ,
Что волны залили его въ Эгейскомъ морѣ!

385

Гликера.

(380) О доля горькая!

Патэкъ.

И я рѣшилъ тогда,
Что мнѣ, убогому, не по плечу какъ будто
Ташить двѣ барочки, двоихъ дѣтей кормить!

Стихомъ 382 заканчивается наиболѣе хорошо сохранившаяся часть сценки, тогда какъ остальные 15 стиховъ, благодаря плохому состоянію рукописи, лишь отчасти поддаются переводу и во всякомъ случаѣ представляютъ такой текстъ, который никоимъ образомъ нельзя считать окончательно установленнымъ, несмотря на усилія разныхъ ученыхъ, въ особенности Sudhaus'a и Carps'a¹⁾, придать ему вполне удобочитаемую форму. Установленіе этого текста все еще продолжаетъ принадлежать будущему, причемъ въ первую голову требуетъ новой провѣрки рукописи, тѣмъ болѣе, что и чтенія, даваемая Koerte въ его второмъ изданіи комедій Менандра, не являются, на мой взглядъ, исчерпывающими. Вѣдь если судить по факсимилѣ, то многое можно прочесть нѣсколько иначе, чѣмъ оно читается у Koerte. Однако, я не буду приводить своихъ чтеній, такъ какъ я не вполне увѣренъ въ ихъ правильности и такъ какъ они покоятся исключительно на томъ, что даетъ, по моему мнѣнію, снимокъ. Ну, а насколько такія чтенія по снимку бываютъ обманчивы, объ этомъ лучше всего можно судить по дополненіямъ Carps'a, изъ которыхъ, согласно замѣчанію Koerte (о. с., 88), ни одно не соотвѣтствуетъ тому, что на самомъ дѣлѣ даетъ рукопись.

1) Sudhaus, Menandri reliquiae, 53; Carps, о. с., 209—211.

Ввиду всего этого я воздерживаюсь пока отъ какихъ бы то ни было дополненій и ограничусь только приведеніемъ того, въ чемъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Мы уже видѣли изъ всей приведенной нами сценки „узнаванія“, что Патэкъ при помощи задаваемыхъ имъ вопросовъ удостовѣрялся мало по малу какъ въ томъ, что Гликера приходится ему дочерью, такъ и въ томъ, что оба, брошенные имъ, ребенка были подобраны и спасены, отъ гибели. Но мы видѣли также, что Патэкъ, говоря съ Гликерой, не одинъ уже разъ пытался выяснитъ вопросъ о сынѣ (ст. 349 и 358), вопросъ, на который, однако, онъ все еще не получалъ опредѣленнаго отвѣта отъ своей дочери. Между тѣмъ, послѣ разсмотрѣнія вещицъ, предъявленныхъ Гликерой и признанныхъ Патэкомъ за собственность его покойной жены, Патэкъ могъ припомнить, что, кромѣ этихъ вещицъ, были еще другія, которыхъ онъ не видитъ и часть которыхъ была, по всей вѣроятности, предназначена, какъ *уворіомата*, для сына Патэка, для того мальчика, на слѣды котораго ему хотѣлось бы напасть. И дѣйствительно, въ текстѣ, который слѣдуетъ за ст. 382, мы присутствуемъ при разспросахъ Патэка по поводу этихъ вещей, при разспросахъ, тайною цѣлью которыхъ является желаніе старика получить, хотя бы косвеннымъ путемъ, какія нибудь свѣдѣнія о сынѣ. Такимъ образомъ, если первая часть сценки посвящена вскрытію происхожденія Гликеры, если вторая ея часть приводитъ мало по малу къ тому, что окончательно устанавливается отношеніе Патэка къ подкидышамъ, то въ третьей части сценки ставится на очередь вопросъ о мальчикѣ, хотя вся бесѣда и ведется такъ, что о самомъ мальчикѣ не говорится, а говорится только о вещахъ, изъ которыхъ кое-какія могли быть его собственностью. Какъ бы то ни было, когда въ ст. 385—386 мы получаемъ связный и удобочитаемый текстъ, то этотъ текстъ даетъ намъ отвѣтъ Гликеры на какой-то вопросъ Патэка, и притомъ отвѣтъ, вложенный въ слѣдующую, вполне опредѣленную форму:

385 Да, небольшой уборъ изъ серебра нашли
И ожерельице... Съ дѣтьми и это было!

Какъ реагировалъ на эти слова Патэкъ, а можетъ быть и подслушивавшій всю бесѣду Мосхіонъ, мы не знаемъ, ибо

стихи 387—389 дошли до насъ въ слишкомъ уже обрывочномъ видѣ. А впрочемъ, изъ словъ Патэка (?): *ἐκείνον ἀναθεωμένην* (ст. 387) и изъ отвѣта Гликеры: *εἶχε... οὐτ... ια μοι πάτερ* (ст. 389) можно, кажется, выводить, что давалось описаніе какой-то вещи¹⁾, послѣ чего разговоръ переходилъ на другой предметъ, на другое *γνώρισμα*, тоже находившееся при подкидышахъ, какъ явствуетъ это изъ ст. 390—391, представляющихъ собой вопросъ Патэка и отвѣтъ на него Гликеры:

Патэкъ.

390 А поясокъ тамъ былъ, — сказать объ этомъ можешь?

Гликера.

Да, вышить былъ на немъ дѣвичій хороводъ!

Что касается ст. 393 — 394, то отъ перваго, неизвѣстно кѣмъ произносимаго²⁾, сохранились слова: *οἴκουν συνῆκασ*, а отъ втораго — *χορῶν τε μίτρα πάντα*, причемъ этотъ второй стихъ, бывший репликой Гликеры, замыкалъ собой перечисленіе вещей и являлся вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода преддверіемъ къ выступленію Мосхіона, которое и должно было заканчивать всю сцену „узнаванія“.

Насколько можно судить по только что разобранному нами тексту, Мосхіонъ тоже имѣлъ въ немъ свою особую партію, которая, какъ и въ ст. 338—382, сводилась къ замѣчаніямъ и восклицаніямъ à part, выражавшимъ повышенное настроеніе юноши, хотя при настоящемъ состояніи текста и трудно сказать съ опредѣленностью, какія именно реплики принадлежали Мосхіону и какія, наоборотъ, произносились не имъ, а Патэкомъ. По крайней мѣрѣ, по этому поводу мнѣнія издателей расходятся! Но во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, будемъ ли мы слѣдовать, въ распредѣленіи репликъ Мосхіона, Koerte или Sudhaus'у, видно, что параллельно

1) Sudhaus (о. с., 53) возстановляетъ ст. 388—389 такъ:

Π. τίς [ἦ]ν ὁ πλοῆσας; οἶσθα γράμμα δη/λαδὴ;
Γ. εἶχε[ν τοι]οὔτ[ο ... „...].ιάμο[ν] πάτερ.

Стихъ 387 Sudhaus влагаетъ не въ уста Патэка, какъ дѣлаетъ это Koerte, а въ уста Мосхіона.

2) Koerte влагаетъ стихъ въ уста Патэка, а Sudhaus (о. с., 53) видитъ въ немъ реплику Мосхіона и придаетъ ему слѣдующую форму:

οἴκουν συνῆκασ, δ[ύστυ]χεσ, τῶ[ν σῶν κακῶν];

съ наименованіемъ вещей Гликерой, Мосхіону становится все труднѣе и труднѣе оставаться простымъ зрителемъ происходящей передъ нимъ бесѣды. Вѣдь недаромъ въ ст. 394, который, внѣ всякаго сомнѣнія, произносился и могъ произноситься только однимъ Мосхіономъ, онъ говоритъ про себя: *οὐκέτι κατέξω* — „нѣтъ, я не буду больше себя сдерживать“, причемъ къ Мосхіону же надо относить и ст. 395, а также ст. 396: *πάρειμι τοῦτον* — „я подойду къ нему“, — стихъ, послѣ котораго онъ и подбѣгаетъ къ Патѣку, встрѣчающему появленіе юноши возгласомъ (ст. 397): *ὦ θεοί, τίς ἐστίν οὗτος* — „о боги, кто это?“

Спрашивается теперь, что могло такъ сильно повліять на Мосхіона и что могло заставить его выйти изъ засады и подойти къ бесѣдующимъ? Да только одно, а именно, впечатлѣніе отъ словъ Гликеры, только что описывавшей какія-то вещи, ему, повидимому, тоже хорошо знакомыя. Однако, гдѣ могла видѣть ихъ Гликера и гдѣ могъ ознакомиться съ ними Мосхіонъ? Если я вѣрно понимаю общую ситуацію, то все это можно было бы объяснять слѣдующимъ образомъ. Врядъ ли нужно думать, что Гликера описывала и перечисляла вещи со словъ своей пріемной матери, ибо это было бы не достаточно естественно и не достаточно правдоподобно. Скорѣе слѣдуетъ предполагать, что Гликера видѣла ихъ у Миррины, въ ея домѣ, во время своей конфиденціальной бесѣды съ послѣдней, причемъ отъ Миррины могла она узнавать и о томъ, что всѣ эти вещи представляютъ собой *γυναικίσματα* Мосхіона. Что же касается самого Мосхіона, то само собой разумѣется, что до послѣднихъ дней онъ и не подозревалъ о существованіи этихъ вещей и объ ихъ тайномъ значеніи. И дѣйствительно, Миррина, которая выдавала себя за родную мать юноши, врядъ ли бы сочла нужнымъ знакомить его съ этими вещами, если не считать только, что одна изъ вещей находилась при Мосхіонѣ въ качествѣ простого амулета¹⁾. Но разъ это такъ, то остается только предполагать, что, когда Миррина говорила Мосхіону о томъ, что Гликера — ея дочь, она въ доказательство своихъ словъ показывала ему эти самыя вещи, какъ знакъ, по которому она и пришла къ сдѣланному ею выводу.

1) См. Gerhard, о. с., 32.

Какъ бы то ни было, Мосхіонъ, прослушавъ разсказъ Гликеры о тѣхъ вещахъ, которыя, хотя бы и частично, принадлежали ея брату, вмѣстѣ съ нею брошенному, и сообразивъ по нимъ, что именно онъ и является этимъ искомымъ братомъ, — Мосхіонъ, говорю я, не выдерживалъ своей роли соглядатая и бросался къ бесѣдующимъ, въ лицѣ которыхъ Случай возвращалъ ему отца и сестру, имъ нѣкогда утерянныхъ и до сей поры остававшихся ему неизвѣстными. Этимъ эффектнымъ выступленіемъ Мосхіона, которое клало конецъ всѣмъ поискамъ и разспросамъ Патэка, а также и тому недоразумѣнію, изъ за котораго началась вся путаница между Гликерой и Полемономъ, заканчивалась, въ сущности говоря, сцена „узнаванія“ и, хотя самое заключеніе ея до насъ не дошло, мы всё таки понимаемъ, что послѣ ст. 397 она уже не могла продолжаться долго. И дѣйствительно, чего еще могла бы она касаться? Единственное, что могло въ ней затрогиваться, должно было, какъ мнѣ кажется, сводиться къ кое-какимъ вопросамъ со стороны Патэка и, можетъ быть, къ небольшому объясненію между братомъ и сестрой, хотя послѣднее и не является чѣмъ-то безусловно необходимымъ и безусловно нужнымъ. Вѣдь несмотря на то, что сценка и выдержана, какъ мы увидимъ это ниже, въ трагическомъ тонѣ, незачѣмъ, однако, думать, что она замыкалась своего рода лирическимъ *intermezzo* на манеръ трагедіи. По крайней мѣрѣ, для Менандра, да и вообще для „новой“ комедіи, наличность подобнаго *intermezzo* ничѣмъ не засвидѣтельствована! Зато съ полной увѣренностью можно сказать, что, вскорѣ послѣ окончанія сценки, кончался и четвертый актъ, причемъ вполне возможно, что вслѣдъ за уходомъ Патэка, Гликеры и Мосхіона въ домъ Миррины шель еще какой нибудь монологъ, который могъ произносить хотя бы Полемонъ, заждавшійся возвращенія своего посла, Патэка, или же, что не менѣе вѣроятно, Дорида. Вѣдь не мѣшаетъ отмѣтить, что въ сохранившейся до насъ части пятаго акта, она оказывается вполне освѣдомленной обо всемъ происшедшемъ. Но разъ это такъ, то слѣдуетъ, кажется, думать, что Дорида, вернувшаяся передъ началомъ сцены „узнаванія“ къ Полемону, снова появлялась затѣмъ на сценѣ, чтобы послѣ произнесенія нѣсколькихъ словъ, объясняющихъ причину ея выхода, уходитъ въ домъ Миррины къ своей барынѣ. А

впрочемъ, все это одни предположенія, которыя очень трудно обосновать надлежащимъ образомъ, ибо данныхъ для этого обоснованія у насъ нѣтъ: вѣдь за ст. 397 снова идетъ лакуна, и на этотъ разъ довольно значительная, равняющаяся, по расчетамъ Koerte, не то 100, не то 160 стихамъ, — лакуна, на мѣстѣ которой помѣщался конецъ четвертаго и начало пятаго акта.

Само собой разумѣется, что восполнять подобную лакуну путемъ гипотезы не стѣдуетъ, ибо всякое такое восполненіе граничило бы съ простой фантазіей, чѣмъ и грѣшатъ, напр., почти всѣ реконструкціи Robert'a. Мы можемъ сказать только, что когда прерванное лакуной теченіе дѣйствія возобновляется, мы видимъ передъ собой Полемона, который оказывается вполне освѣдомленнымъ обо всемъ происшедшемъ. А такъ какъ, съ другой стороны, его партнеромъ, которому онъ и повѣряетъ всѣ свои чувства, является Дорида, то надо думать, что именно послѣдняя и была настоящей передаточной инстанціей, сообщавшей Полемену, что Гликера оказалась дочерью Патэка, что Мосхионъ приходится ей братомъ и что, наконецъ, Гликера потому именно и не оттолкнула юноши, что знала о своемъ родствѣ съ нимъ. Такимъ образомъ, Полемонъ сразу убѣждался во всей необдуманности своего поступка съ дѣвушкой и вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ, что она, имъ обиженная, вовсе не безвѣстное существо, а полноправная гражданка, да къ тому же дочь богатаго и всѣми уважаемаго Патэка.

Само собой разумѣется, что всѣ эти свѣдѣнія, передаваемая Доридой, должны были производить на Полемона удручающее впечатлѣніе, причемъ можно думать, что Менандръ, какъ глубокій знатокъ человѣческой души, не пропускать случая для того, чтобы поярче и понагляднѣе изобразить ощущенія своего героя, сознающаго, что все болѣе и болѣе увеличивается пропасть между нимъ и его бывшей возлюбленной и что, подобно съ этимъ, исчезаютъ одно за другимъ всякія средства, ведущія къ примиренію. И дѣйствительно, даже къ Патэку, къ своему недавнему другу, Полемонъ уже не могъ обратиться за содѣйствіемъ, ибо какъ ни какъ, а дѣвушка, оскорбленная имъ, была дочерью этого самаго Патэка. Оставалась, значить, одна Дорида, вѣрная наперсница своей барыни, отъ которой только и можно было

ожидать помощи, тѣмъ болѣе, что она лучше, чѣмъ кто либо другой, могла знать, что дѣлается на сердцѣ у Гликеры, и есть ли вообще хоть какая нибудь надежда на мирное окончаніе всей происшедшей путаницы. Поэтому-то, когда кончается лакуна и снова начинается связный текстъ, сохраненный Оксиринхскимъ папирусомъ, мы видимъ на сценѣ Полемона и Дориду, причемъ насколько первый чувствуетъ свое бѣзсиліе, настолько же вторая — свое превосходство. Вѣдь она понимаетъ, что Полемонъ — у нея въ рукахъ, и что прошло то время, когда его нужно было бояться. Теперь роли перемѣнились и бойкая Дорида на каждомъ шагу умѣетъ показать барину все свое значеніе, а онъ подчиняется ей и въ его словахъ уже не слышно никакого задора, который слышался еще въ недавней бесѣдѣ съ Патэкомъ. Къ сожалѣнію только, самое начало разговора между Доридой и Полемономъ не сохранилось, и мы благодаря этому вводимся прямо *in medias res*. А впрочемъ, отъ первой колонки папируса, предшествовавшей той, къ которой мы сейчасъ перейдемъ, дошло до насъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, позволяющихъ, какъ видно это по словамъ *λόγος* (строка 4) и *λέγει* (строка 6), заключать, что въ первой колонкѣ тоже шелъ діалогъ, надо думать, между тѣми-же Доридой и Полемономъ, что и ниже. Однако, ничего другого, болѣе положительнаго, изъ остатковъ первой колонки вывести нельзя, а потому, оставивъ ее въ сторонѣ, мы обратимся ко второй колонкѣ, дающей намъ сравнительно цѣльный текстъ, который сверхъ того снабженъ кое-гдѣ ремарками (ст. 411 и 425) и именами дѣйствующихъ лицъ (ст. 419, 432, 440, 442 и 446) и который я хотѣлъ бы переводить слѣдующимъ образомъ.

Полемонъ.

Повѣшусь, вотъ и все!

Дорида.

Ну, это — ни къ чему!

405

Полемонъ.

А что-же дѣлать мнѣ, Дорида? Я, злосчастный
(400) Не въ силахъ жить одинъ... безъ милой!

Дорида.

Да она

Къ тебѣ опять придетъ!

Полемонъ.

О боги, неужели?

Дорида.

Коль ты закаешься обиды наносить!

410

Полемонъ.

Не погрѣшу ни въ чемъ! Ты, милая, сказала

Мнѣ правду! Завтра же тебѣ я волю дамъ,

(405) А ты сейчасъ иди... къ Гликерѣ. Ей ты скажешь, —
Да выслушай! (Дорида, не слушая, уходитъ).

Ушла! Лукавый богъ Эротъ,

Осилить ты меня! И вовсе не любовникъ,

415

Нѣтъ, братъ ее ласкалъ! А я-то! Я, злодѣй,

Ревнивецъ, нашумѣлъ, набуйствовалъ, въ чемъ дѣло

(410) Не разобравъ, и вотъ почти что въ петлю влѣзъ!

Куда какъ хорошо! (Выходитъ Дорида).

Ну, какъ дѣла, Дорида?

Дорида.

Отлично! Барыня придетъ къ тебѣ!

Полемонъ.

Смѣешься!

420

Дорида.

Клянусь Кипридою, что нѣтъ! Сейчасъ она

Свершаетъ туалетъ, отецъ же съ ней бесѣду

О томъ, о семъ ведетъ... Эхъ, долженъ бы теперь

(415) На радостную вѣсть, на вѣсть о томъ, что милой

Живется хорошо, — отвѣтить жертвой ты!

425

Полемонъ.

Ей-богу, ты права! Для жертвоприношенья

Пусть поваръ — онъ у насъ — заколетъ намъ свинью!

Дорида.

Ну, а корзина гдѣ? Гдѣ прочее, что нужно?

Полемонъ.

(420) Ее потомъ зачнемъ! Все дѣло за свиньей! —
Да, надо бы еще вѣнкомъ мнѣ раздобыться 430
Здѣсь съ алтаря!

Дорида.

Ты въ немъ покажешься куда
Краснорѣчивѣе!

Полемонъ.

Ведите же Гликеру!

Дорида.

Она и такъ придетъ, а съ ней ея отецъ!

Полемонъ.

(425) Отецъ? Что дѣлать тутъ? (Полемонъ уходитъ).

Дорида.

Да что съ тобой, несчастный?
< Неужто передъ нимъ трепещешь? > Дверь 435
скрипитъ!
Пойду-ка въ домъ и я, — тамъ помогу, коль нужно!
(Уходить).

[Въ то время, какъ Дорида, вслѣдъ за Полемономъ, исчезаетъ въ домъ послѣдняго, изъ дома Миррины выходятъ Патэкъ и Гликера, оба спокойные и довольные].

Патэкъ.

Люба мнѣ рѣчь твоя: „отецъ, я съ нимъ мирюсь“.
Прощать, когда тебѣ вновь улыбнулось счастье, —
(430) Вотъ это — подлинно по-гречески, дитя! — 440
Полемона ко мнѣ пусть вызовутъ изъ дома!

Полемонъ.

Я самъ къ тебѣ иду... я жертву приносилъ,
Узнавъ, что въ кругъ родныхъ вошла моя Гликера, —
За счастье ея!

Патэкъ.

Прекрасныя слова!

(435) Ну, слушай мой отвѣтъ: тебѣ, чтобъ ты законныхъ
Дѣтей имѣлъ, я дочь вручаю —

Полемонъ.

Я беру. 445

Патэкъ.

И три таланта въ даръ.

Полемонъ.

И съ этимъ я согласенъ!

Патэкъ.

А чтобы впредь ни въ чемъ жены не обижать, —
Забудь-ка навсегда солдатскія привычки!

Полемонъ.

(440) Чуть было не погибъ, и вдругъ опять возьмусь
За глупости, — о, нѣтъ, не буду и перечить 450
Гликерѣ! Милая, ужъ ты прости меня!

Гликера.

Начало счастья для насъ съ тобой таилось
Въ неистовствѣ твоемъ —

Полемонъ.

Ужъ подлинно, что такъ!

Гликера.

(445) А потому тебя на этотъ разъ прощаю!

Полемонъ.

Патэкъ, пора бы намъ за жертву взяться!

Патэкъ.

Я 455

Устроить бракъ другой хотѣлъ бы: я для сына
Беру Филина дочь!

Полемонъ.

О боги, о земля!

5.

Такъ кончается пьеса въ ея настоящемъ видѣ, но не такъ, думается мнѣ, кончалась она въ то время, когда въ ней не было еще тѣхъ досадныхъ лакунъ, которыя на каждомъ шагѣ нарушаютъ теперь правильность ея теченія. Такъ,

прежде всего, приходится предполагать, что послѣ восклицанія Полемона шло еще нѣсколько заключительныхъ стиховъ, хотя врядъ ли количество этихъ стиховъ было настолько большимъ, чтобы составлять особую сценку, имѣющую самостоятельное значеніе. Далѣе, благодаря частымъ лакунамъ, многое въ „Отрѣзанной косѣ“ остается для насъ неяснымъ и недосказаннымъ. Между прочимъ, намъ довольно трудно угадать, какую роль въ пьесѣ игралъ Филинь, да и вообще принадлежалъ ли онъ къ числу настоящихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, или же его имя употреблено просто на просто, какъ первое попавшееся имя, нужное поэту для обозначенія отца будущей жены Мосхіона. Что до меня лично, то я готовъ былъ бы склониться къ послѣднему предположенію, тѣмъ болѣе, что подобные случаи не разъ находили себѣ мѣсто въ „новой“ комедіи, какъ видѣли мы это на Хэрестратѣ изъ „Третьякаго суда“, и что подтверждается также многими аналогіями изъ Теренція (ср., напр., Архонида изъ *Neautontimochemos*, упоминаемаго въ ст. 1065). Однимъ словомъ, Филинь, думается мнѣ, не выступалъ въ пьесѣ¹⁾, но зато на долю Миррины должна была выпасть особая роль, отъ которой, однако, не сохранилось ни одной строчки. А если все таки я настаиваю на реальности этой роли, то объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что Миррина была лицомъ слишкомъ уже заинтересованнымъ въ судьбѣ Мосхіона, чтобы не показываться передъ зрителями, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что о ней, какъ о дѣйствующемъ лицѣ, упоминаетъ въ концѣ перваго акта и ея рабъ, Давъ (ст. 73). Ввиду всего этого я, наравнѣ съ другими учеными, и ввожу Миррину въ число настоящихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и думаю, что, кромѣ конца перваго акта, она могла выступать, напр., въ той большой лакунѣ, которая идетъ теперь вслѣдъ за сценой „узнаванія“. Но какъ бы то ни было, опредѣлить надлежащимъ образомъ все значеніе роли Миррины мы не можемъ, равно какъ не можемъ мы и оцѣнить во всей ея полнотѣ роли Мосхіона, этого *adulescens*, выведеннаго на положеніи „любителя гетеръ“, т. е. въ той партіи, которая скорѣе подходила бы къ Хэрестрату, какъ свидѣтельствуеть объ

1) Также думаетъ и Schmidt, о. с., 444. См. еще Gerhard, о. с., 34.

этомъ Хорикій Газейскій (см. стр. 132). Всѣ эти и подобные имъ вопросы не могутъ быть разрѣшены нами такъ, какъ намъ хотѣлось бы этого, а вмѣстѣ съ ними не могутъ быть восстановлены и многія изъ тѣхъ подробностей, которыя занимали не мало мѣста въ дѣйствіи пьесы и безъ знанія которыхъ трудно отдать себѣ отчетъ во всѣхъ извивахъ ея интриги, не менѣ сложной и затѣливой, чѣмъ интрига, лежащая въ основаніи „Третьякаго суда“.

Но, несмотря на массу неяснаго и недосказаннаго, несмотря на сильную отрывочность и рядъ лакунъ, наша комедія всё-таки производитъ чарующее впечатлѣніе, особенно въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя дошли до насъ въ приближенной полнотѣ. Сюда относится, напримѣръ, второй актъ со всѣмъ разнообразіемъ своихъ перипетій, съ этой, на рѣдкость удачной, смѣшной лицъ, картинъ и положеній, не говоря уже о поразительной гибкости и естественности дѣйствія. Вѣдь это дѣйствіе несется такимъ самодовлѣющимъ порывомъ, оно развивается такъ просто и ненатянато, такимъ чисто-органическимъ путемъ, что рука комика, незамѣтно направляющая его, какъ будто совсѣмъ отсутствуетъ, чего нѣтъ, напримѣръ, въ „Саміанкѣ“, гдѣ дѣйствіе страдаетъ нѣкоторой условностью и принужденностью. Да и вообще во всей „Отрѣзанной косѣ“ тонко задуманная интрига проводится въ жизнь пьесы какъ-то сама собою, точно не на ней выстроена комедія, а наоборотъ она сама является естественнымъ результатомъ того, какъ идетъ дѣйствіе пьесы. Дѣйствіе же въ свою очередь идетъ такъ, какъ оно и должно идти въ силу характеровъ главныхъ персонажей. А все остальное, всѣ эти случайности, все это сцѣпленіе обстоятельствъ, происходитъ уже независимо отъ людей, просто благодаря *Tύχη*, какъ это часто бываетъ и въ настоящей жизни, а не только въ сценической фикціи. Однимъ словомъ, на всемъ ходѣ пьесы лежитъ печать опытной руки, которая умѣетъ вести дѣйствіе такъ, что не ощущаешь въ немъ ни вымученности, ни принужденія, или, иначе, въ „Отрѣзанной косѣ“ выступаетъ передъ нами первоклассный драматургъ, уже давно отрѣшившійся отъ тѣхъ недостатковъ, которые еще можно наблюдать въ „Саміанкѣ“. Но это и понятно. Время, въ которое написана „Отрѣзанная коса“, было временемъ расцвѣта Менандровскаго таланта, если только вѣрны тѣ хронологическія вычисленія, согласно

которымъ дата нашей пьесы падаетъ, приблизительно, на 304 г. до Р. Хр. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, въ монологѣ Невѣдѣнія (ст. 5 сл.) говорится о постепенномъ усиленіи „Коринѣскаго лихолѣтя“, во-вторыхъ, Мосхіонъ въ своей рѣчи (ст. 282 слл.) упоминаетъ о томъ, что вся Греція переполнена наемниками, отъ которыхъ нѣтъ отбоя, и, въ третьихъ, тотъ же Мосхіонъ въ своей бесѣдѣ съ Давомъ (ст. 89 слл.) изображаетъ положеніе „Эллинскихъ дѣлъ“ до такой степени безнадежнымъ, что вывести ихъ изъ тупика, по его мнѣнію, невозможно: вѣдь недаромъ же готовъ онъ поставить во главѣ Греціи Дава, и недаромъ послѣдній считаетъ это за своего рода смертный приговоръ (ст. 91). Спрашивается теперь, къ какимъ годамъ всего ближе подходила бы эта картина политической неурядицы, въ которой, помимо всего прочаго, наиболѣе важная роль приходилась на долю Коринѣа и его „бѣдствій“? Повидимому, такими годами будутъ годы 306—303, составляющіе періодъ „четырёхлѣтней войны“ (*ὁ τετραετής πόλεμος*)¹⁾ между Кассандромъ и Димитріемъ, — войны, во время которой особенно плохо пришлось Коринѣу, переходившему изъ рукъ въ руки²⁾. Но съ другой стороны, намъ извѣстно, что 303 г. до Р. Х. былъ годомъ особенно сильныхъ неудачъ Кассандра, и что къ этому же времени относится освобожденіе Греціи Димитріемъ отъ Македонскаго владычества. Отсюда ясно, что въ 303—302 гг. Менандръ не сталъ бы говорить устами Мосхіона о всеобщей политической разрухѣ и изображать положеніе Греціи въ безусловно черныхъ и безпросвѣтныхъ краскахъ. Но разъ это такъ, то правъ, повидимому, Коерте³⁾, относящій постановку пьесы къ 305—304 году, т. е. ко времени до окончанія войны, тогда какъ Capps⁴⁾ думаетъ, что „the date of composition of the play would fall in the neighborhood of 302 or 301, after peace had been established“.

Что же касается отношенія нашего поэта къ упоминаемымъ имъ политическимъ событіямъ, то это отношеніе можно было бы назвать безразличнымъ. Менандръ не реагируетъ

1) [Plut.] Vitae X orat. 851 d. (ed. Westermann, p. 92).

2) Plut. Vita Dem. 23; Diod. hist. XX, 100—103; Beloch, Griech. Geschichte, III, 1, 163 sqq.

3) Koerte², o. c., XLIII.

4) Capps, o. c., 146.

на факты, онъ только мимоходомъ отмѣчаетъ ихъ и, не вдумываясь въ причины, ихъ вызвавшія, ограничивается лишь слѣдующими словами по поводу наемниковъ :

Пришло такое время,
 Когда отбоя нѣтъ отъ этой голытьбы.
 Повсюду въ Греціи — причины я не знаю —
 На нихъ теперь пошелъ обильный урожай!

Если къ этимъ словамъ мы прибавимъ еще слова Невѣднїя о томъ, что, вслѣдствіе усиленія „лихолѣтя“, прїемная мать Гликеры лишилась своихъ послѣднихъ средствъ, то этимъ ограничится почти все, что поэтъ имѣетъ сказать по поводу политики. Политика не интересуеть его; онъ не вдумывается въ причины повсюдной неурядицы и повсюднаго развала; онъ находитъ достаточнымъ выразить черезъ посредство Мосхіона свое презрѣніе къ существующему порядку или, вѣрнѣе, беспорядку, и затѣмъ уже нигдѣ не упоминаетъ о немъ. Но даже и это мимоходное упоминаніе о политическомъ состоянїи Греціи врядъ ли имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе, т. е., иными словами, врядъ ли оно вызвано серьезною думой автора о судьбахъ его родины. Правильнѣе, думается мнѣ, будетъ смотрѣть на это иначе, а именно, правильнѣе будетъ, если мы поставимъ отрицательную оцѣнку политическихъ событїй и вообще упоминаніе о нихъ въ тѣсную связь съ тѣмъ, что главнымъ персонажемъ пьесы является военный и что, съ другой стороны, лицомъ, выносящимъ обвинительный приговоръ какъ ему, такъ и всему, что происходитъ въ государствѣ, — что этимъ лицомъ является Мосхіонъ, конкуррентъ офицера Полемона. Какъ таковой, Мосхіонъ только и можетъ критиковать все, къ чему имѣетъ прикосновеніе его противникъ, а слѣдовательно, этимъ по преимуществу и объясняется его презрительный отзывъ о наемникахъ вообще: вѣдь Полемонъ, какъ ни какъ, тоже является наемникомъ! Ну, а въ связи съ подобнымъ отношеніемъ Мосхіона стоитъ и такое-же отношеніе къ Полемену и его рабамъ со стороны всей челяди Миррины, что и проявляется съ особенной яркостью въ бесѣдѣ привратника съ Сосіей. Однако, если всё, отмѣченное мною, правильно, то во всѣхъ пассажахъ, касающихся политики, слѣдуетъ видѣть не столько личный взглядъ поэта, сколько желаніе обрисо-

вать обыкновенную бытовую обстановку на почвѣ столкновения двухъ элементовъ общества, а именно: мирныхъ гражданъ и военной касты, — этихъ вѣчныхъ враговъ еще со временъ Аристофана и его „Ахарнянъ“. Но только, если у Аристофана все это выписывается яркими и несмываемыми красками, такими же яркими, какъ и то время, въ которое онъ жилъ, то у Менандра, примѣнительно къ его эпохѣ, принципиальный споръ о войнѣ и мирѣ принимаетъ оттенокъ бытовой картинки, въ которой на первомъ планѣ стоитъ вовсе не отвлеченный вопросъ, а опредѣленныя фигуры людей, не отличающихся никакими возвышенными стремлениями и смотрящихъ на все исключительно съ точки зрѣнія личной выгоды и личныхъ побужденій довольно низменнаго характера.

Однимъ словомъ, если мы оставимъ въ сторонѣ quasi - политическіе выпады Менандра, не заключающіе въ себѣ ничего опредѣленнаго, то все остальное, что есть въ пьесѣ, будетъ относиться къ воспроизведенію на сценѣ той жизни, той обстановки, тѣхъ нравовъ и тѣхъ типовъ, которые были современны комику и которые до нѣкоторой степени уже извѣстны намъ по „Герою“ и „Третейскому суду“, по „Саміанкѣ“ и „Земледѣльцу“. Въдѣ „Отрѣзанная коса“, подобно вышеуказаннымъ пьесамъ, тоже ставитъ насъ передъ лицомъ обыденщины, въ которой могутъ измѣняться лишь однѣ внѣшнія стороны, но не самая суть, вѣчно остающаяся безъ перемѣны! По этой причинѣ герои „Отрѣзанной косы“ оказываются новыми лишь постольку, поскольку къ общему типу ихъ, какъ лицъ извѣстнаго круга, присоединяются чисто индивидуальныя черты, имъ присущія. Равнымъ образомъ, и жизнь, которой они живутъ, интересна для насъ главнымъ образомъ лишь постольку, поскольку она, обыденная, чело-вѣческая жизнь, получаетъ новые оттенки благодаря характерамъ ведущихъ её людей. Отсюда ясно, что на очеркѣ характеровъ и должно было по преимуществу сосредоточиться вниманіе комика, а также на проявленіяхъ тѣхъ душевныхъ движеній, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ характеромъ cadaго даннаго индивидуума. Такъ именно и поступаетъ Менандръ. И вотъ благодаря этому передъ нами проходитъ цѣлая вереница любопытныхъ образовъ, столь же занимательныхъ, какъ занимательно само дѣйствіе пьесы и ея интрига.

Лицомъ, κατ' ἐξοχήν вызывающимъ драматическія коллизіи, является Полемонъ. По природѣ вспыльчивый, дѣйствующій сгоряча, безъ заранѣе обдуманнаго плана, онъ не представляетъ собой человѣка сильной воли, сильнаго характера. Онъ въ полномъ смыслѣ этого слова — человѣкъ минуты, который никогда не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что будетъ результатомъ сдѣланнаго имъ шага. Быстро вспыхиваетъ онъ, быстро погасаетъ и, недавно еще бурный и гнѣвный, сразу становится безпомощнымъ и жалкимъ, не знающимъ, какъ поступить. Ни на какія хитрости онъ не способенъ, никакого умѣнія вести житейскія дѣла у него нѣтъ. Не обладаетъ онъ и даромъ слова: его рѣчь идетъ какимито скачками; ей недостаетъ послѣдовательности, логичности, и недаромъ Полемонъ, какъ человѣкъ недостаточно умный и образованный, съ обожаніемъ смотритъ на Патэка, который можетъ говорить краснорѣчиво и убѣдительно. Полемонъ умѣетъ только любить и любить глубоко, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ его любви не всегда застрахованъ отъ дикихъ выходовъ со стороны своего обожателя. Однимъ словомъ, грубая, казарменная обстановка наложила свою печать на Полемона, а такъ, по душѣ своей, онъ — человѣкъ мягкій, искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который умѣетъ сознавать свою вину, каяться въ ней и стараться всячески еѣ загладить.

Таковъ въ общихъ чертахъ образъ Полемона, какъ рисуется онъ въ пьесѣ, но въ основѣ этого тонко индивидуализированнаго образа лежитъ обычный, графаретный типъ „воина-болтуна“, — типъ, который такъ любила выводить „новая“ комедія и хорошими примѣрами котораго могутъ служить Пиргополиникъ изъ Miles gloriosus Плавта и Эразонъ изъ Eupichus Теренція, причѣмъ послѣдній примѣръ восходитъ, повидимому, къ Менандру. Этотъ обычный типъ, набрасываемый по большей части въ одномъ и томъ-же тонѣ и изображавшій собой пустого, глупаго, хвастливаго и богатаго воина-наемника, не чуждаго также грубости и жестокости, былъ, какъ я только что сказалъ, излюбленной фигурой „новой“ комедіи, которая такъ же не могла обходиться безъ него, какъ и безъ фигуры servus callidus¹⁾. Однако,

1) См. Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque, 121—125; Ribbeck, Alazon. Ein Beitrag zur antiken Ethologie (Leipzig 1882), 36 sqq.

развивая и углубляя этотъ типъ, начальные контуры котораго можно уже видѣть въ Ламахъ Аристофана¹⁾, представители новаго комическаго жанра должны были, конечно, то и дѣло вносить въ трафаретный образъ воина новые оттѣнки и новыя черты, которыя могли иногда видоизмѣнять его до неузнаваемости. Въ особенности же это стремленіе къ утонченію типа и къ ослабленію въ немъ типическихъ чертъ въ пользу чертъ индивидуальныхъ должно было сказываться у Менандра, который, какъ мы это уже не разъ видѣли, съ поразительнымъ искусствомъ умѣлъ дробить типы на характеры. И дѣйствительно, подобно тому, какъ изъ подъ его кисти выходили различные по деталямъ образы скупцовъ, юношей, гетеръ и т. д., точно также видоизмѣнялся у него и образъ воина, какъ доказываютъ это три, совершенно непохожихъ другъ на друга фигуры, а именно: Эразонъ, Полемонъ и, наконецъ, Эразонидъ, герой комедіи *Μισοθύμιστος*²⁾. Въ лицѣ Эразона мы видимъ передъ собой самаго ординарнаго *miles gloriosus*: хвастовство и неотесанность, грубость и недостатокъ настоящей храбрости, а также непомерная кичливость своимъ богатствомъ, — все это дѣлаетъ изъ него и комическую и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающую фигуру, дѣлаетъ трафаретный типъ, взятый въ обычномъ тонѣ, въ томъ тонѣ, въ которомъ оттѣнокъ комизма и сатиры почти что главенствуетъ надо всѣмъ остальнымъ. Иное дѣло — Полемонъ. Правда, въ немъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно различить кое-какія черты, сближающія его съ Эразономъ. Подобно послѣднему, онъ можетъ и способенъ идти на насиліе (ср. его поступокъ съ Гликерой или его желаніе штурмовать домъ Миррины); подобно Эразону, и онъ не отличается особеннымъ умомъ, а также не чуждъ и кичливости своимъ богатствомъ (ср. его слова по поводу уборовъ Гликеры). Однако, всѣ эти черты и нѣкоторыя другія, имъ подобныя, не представляютъ собой того главнаго, что именно и знаменуетъ его, какъ Полемона, какъ индивидуальную особь, рѣзко отличающуюся отъ обычнаго, ходячаго типа „хвастливаго воина“. То главное, что и дѣлаетъ Полемона

1) Süss, De personarum antiquae comoediae usu et origine, 45—49.

2) По поводу Эразонида см. Б. В. Варнеке, Къ исторіи типа „хвастливаго воина“, 1 слл. (= Сборникъ Харьковского ист.-фил. Общества въ честь проф. В. П. Бузескула, Харьковъ 1913).

Полемономъ, выражается въ первую голову въ искренности и глубинѣ его чувства къ Гликерѣ, а затѣмъ въ тонкости душевныхъ переживаній, хотя онъ и не умѣетъ высказывать ихъ съ такой полнотой, какъ Харисій, главный герой „Третьскаго суда“. Полемонъ гораздо проще Харисія, гораздо наивнѣе и, пожалуй, трогательнѣе, хотя, съ другой стороны, во всѣхъ проявленіяхъ его чувствованій и ощущается нѣкоторая доля комизма, которой, конечно, нѣтъ у Харисія, но которая есть у alter ego Полемона, Эразонида. Вотъ эта доля комизма тоже, какъ и многое другое, представляетъ собой пережитокъ, ведущій насъ къ типу „хвастливаго воина“, т. е. къ той основѣ, на которой и покоится образъ Полемона, очищенный Менандромъ отъ всякаго излишняго буффонства и каррикатурности. Такимъ образомъ, повторяю еще разъ, мы имѣемъ въ Полемонѣ, несмотря на наличность въ немъ ряда типическихъ чертъ, цѣльную и безусловно индивидуальную фигуру, набросанную яркими мазками и занимающую въ галлерей менандровскихъ портретовъ не менѣе видное мѣсто, чѣмъ Харисій.

Переходимъ теперь къ Эразониду, бывшему центральнымъ лицомъ въ комедіи Менандра *Μισοθύμενος*, — въ комедіи, отъ которой дошло до насъ нѣсколько разрозненныхъ фрагментовъ¹⁾ и одна, сравнительно большая, но плохо сохранившаяся сценка, переданная намъ Оксиринхскимъ папирусомъ 1013²⁾. Я не буду, конечно, входить здѣсь въ разборъ самой пьесы, какъ таковой, а также не буду касаться и тѣхъ деталей ея, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ самому Эразониду, — нѣтъ, я коснусь только характера послѣдняго. Въ лицѣ Эразонида мы снова имѣемъ передъ собой „хвастливаго воина“, тоже погрѣшившаго по отношенію къ своей возлюбленной, Кратей. Но тотъ грѣхъ, который совершенъ имъ, не имѣетъ ничего общаго съ проступкомъ Полемона. Вѣдь если послѣдній оттолкнулъ отъ себя Гликеру дикимъ проявленіемъ своей ревности, то Эразонидъ сдѣлался ненавистнымъ Кратей благодаря своему бахвальству и хвастовству, т. е. благодаря тѣмъ чертамъ,

1) Коок, о. с., 97 sqq.

2) Hunt, *The Oxyrhynchus Papyri*, VII, 103 sqq.; Koerte², о. с., 127 sqq.

которыя и входятъ, какъ непремѣнное условіе, въ типъ подлиннаго „miles gloriosus“¹⁾. И вотъ Кратея прерывала всякія сношенія съ Фразонидомъ, а онъ, брошенный дѣвушкой, становился жертвой несказанныхъ душевныхъ мученій, какъ явствуетъ это изъ отрывковъ 339, 337, 335²⁾, а также изъ стиховъ 18 и 40 слл. вышеупомянутой Оксиринхской сценки. Но притомъ, въ противоположность Полемону, Фразонидъ не рѣшается ни на какое насиліе, несмотря на то, что дѣвушка находится въ его власти (отр. 336). „Онъ стремится не къ грубому обладанію плѣнницей его женщиной, а къ тому, чтобы она раздѣляла и его чувства“³⁾. Т. е., иными словами, Фразониду въ сильной степени присуща душевная тонкость, присуща еще больше, чѣмъ Полемону, и особенно ярко сказывается она въ слѣдующихъ его словахъ, обращенныхъ имъ къ его отцу, когда оказалось, что Кратея, нашедшая своего родителя, представляетъ собой не *αἰχμάλωτος*, а свободную женщину (ст. 40):

*νῦν ἢ μακάριον ἢ τρισάθλιον πάτερ
δείξεις με τῶν ζώντων ἀπάντων γενόμενον.
εἰ μὴ γὰρ οὗτος δοκιμάσει με κυρίως
δώσει τε ταύτην, οἴχεται Φρασωνίδης.*

„Но эти слова къ отцу еще выше поднимаютъ Фразонида надъ общимъ уровнемъ разныхъ Пиргополиниковъ и Фразоновъ, приближая его вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу наиболѣе тонко чувствующихъ влюбленныхъ, выведенныхъ „новой“ комедіей“⁴⁾. Да, конечно, и приближаютъ притомъ настолько сильно, что типическія черты „война“ отходятъ въ Фразонидѣ на послѣдній планъ, тогда какъ на первое мѣсто выдвигается тонкость души и общее благородство, — особенности, которыя и дѣлаютъ изъ него такой же индивидуальный характеръ, какъ и только что обрисованный нами характеръ Полемона. Однако, если всѣ, сдѣланныя нами замѣ-

1) Lib. *ῥήτ. λόγος* (ed. Reiske, vol. IV, p. 512) = Коск, о. с., 97.

2) Коск, о. с., 98—99. Тѣ мученія, которыя испытывалъ Фразонидъ, довольно наглядно изображаетъ Аррианъ въ Dissert. Epict. 4, 1, 19 (ed. Schweighäuser): *ξίφος αἰτεῖ, καὶ πρὸς τὸν ὑπ' εὐνοίας μὴ δίδόντα χαλεπαίνει, καὶ δῶρα τῇ μισοσύγῃ πέμπει καὶ δεῖται καὶ κλάει* (= Коск, о. с., 97).

3) Б. В. Варнеке, о. с., 3.

4) Б. В. Варнеке, о. с., 4.

чанія правильны, то мы еще разъ получаемъ въ свое распоряженіе въ высшей степени наглядный примѣръ того, до какой степени умѣлъ Менандръ разнообразить наиболѣе шаблонные персонажи, унаслѣдованные имъ отъ его предшественниковъ. Съ другой же стороны, не менѣе любопытно и то, что грубый и комичный типъ „хвастливаго воина“ принялъ въ концѣ концовъ подъ рукою Менандра ярко-выраженный оттѣнокъ человѣчности и вмѣстѣ съ тѣмъ почти совсѣмъ утратилъ налетъ комизма, сдѣлавшись очень удачной вариацией типа *adulescens*, типа страдающаго отъ любви юноши. Мало того, какъ всякій *adulescens*, „хвастливый воинъ“, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ Фразонида ставится Менандромъ тоже подъ власть отца, который и выводится въ *Μισοφύγετος*, — новая подробность, до сихъ поръ еще не попадавшаяся намъ ни въ одной изъ тѣхъ пьесъ, которыя дошли до насъ отъ „новой“ комедіи¹⁾. Однимъ словомъ, подводя итогъ всему сказанному, мы можемъ еще разъ повторить то, что не однажды подчеркивалось нами, а именно, что условные типы, съ прикрѣпленными къ нимъ условными этикетками, по бѣльшей части не оставлялись Менандромъ въ той формѣ, въ какой они были ему переданы, — нѣтъ, онъ старался такъ или иначе ихъ индивидуализировать, оттѣнять, вкладывать въ нихъ побольше самобытныхъ чертъ и вообще, поскольку это было возможно, отходить отъ неподвижной традиціи, которая на каждомъ шагу старалась наложить на него свои тяжелые путы.

Что касается остальныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, то они очерчены Менандромъ соотвѣтственно важности и значенію ихъ ролей, т. е., иначе, не съ одинаковой равномѣрностью и силой, хотя нельзя отрицать и того, что ни одно изъ нихъ не представляетъ собой блѣднаго контура, не заполненнаго живыми красками. Возьмемъ, напр., образъ Гликеры, роль которой дошла до насъ только въ однихъ обрывкахъ.

Несмотря на неполноту этой роли, которой не хватаетъ главныхъ партій, образъ дѣвушки, какъ набросанъ онъ по-этомъ, вырисовывается передъ нами съ достаточной яркостью и вполне можетъ быть причисленъ къ числу лучшихъ жен-

1) Б. В. Варнеке, о. с., 4.

скихъ образовъ, попадающихъ въ менандровскихъ комедіяхъ. Приэтомъ, что особенно сильно бросается въ глаза въ характерѣ Гликеры, это — рѣшительность и сила воли, которыхъ нѣтъ ни у Памфилы изъ „Третьскаго суда“, ни у Хрисиды изъ „Саміанки“ и которая всего нагляднѣе выходитъ наружу въ бесѣдѣ ея съ Патэкомъ. Но если я не ошибаюсь, эти черты сказываются не сразу. Гликера въ изображеніи Невѣдѣнія и Гликера конца пьесы — не одно и то же лицо. Характеръ Гликеры образуется постепенно, подъ вліяніемъ событій, которыя и вырабатываютъ изъ неопытнаго полу-ребенка сильную женщину, знающую, чего она хочетъ, и умѣющую поставить на своемъ. И тѣмъ не менѣе, Гликерѣ вовсе не чужда нѣжность и мягкость, какъ видно это изъ ея примиренія съ Полемономъ, а также изъ ея отношенія къ сорванцу брату.

Но именно это красивое соединеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ и силы и слабости невольно напоминаетъ мнѣ многихъ героинь Еврипида, которыя тоже словно мужають подъ вліяніемъ падающихъ на нихъ ударовъ судьбы. Достаточно вспомнить Поликсену изъ „Гекабы“ или Ифигенію изъ „Ифигеніи Авлидской“, въ особенности — послѣднюю, которая, появляясь въ началѣ пьесы беззаботной дѣвушкой, превращается подъ конецъ ея въ настоящую героиню! Такъ вотъ этотъ градаціонный подъемъ характера или, вѣрнѣе, постепенное выясненіе его и кажется мнѣ выдержаннымъ въ духѣ Еврипида, съ той, конечно, разницей, что трагическіе тоны переведены у Менандра на общежитейскіе, сообразно съ общимъ настроеніемъ всей его пьесы.

Если, теперь, миновавъ Дориду, одну изъ типичныхъ представительницъ группы рабынь-наперсницъ, мы вернемся опять къ мужскимъ ролямъ, то сперва намъ слѣдовало бы остановиться на Патэкѣ, на этомъ родоначальникѣ „благородныхъ“ отцовъ, которыхъ такъ любила и до сихъ поръ еще любитъ французская комедія. Патэкъ, насколько можно судить по остаткамъ его партій, не представляетъ собой, какъ характеръ, чего либо интереснаго и тонко индивидуализированнаго. Его главный интересъ заключается въ его роли, — въ роли лица, направляющаго съ третьяго акта почти все дѣйствіе пьесы, что и дало мнѣ поводъ сравнить его въ этомъ отношеніи съ Клеанетомъ изъ „Земледѣльца“

(стр. 397). Въдь подобно Клезиету, онъ тоже глубоко вплетенъ въ интригу пьесы и, можетъ быть, вплетенъ еще глубже, еще искуснѣе, но во всякомъ случаѣ вплетенъ такъ, что безъ его воздѣйствія, пусть даже сперва незамѣтнаго, пьеса не получила бы и половины своей драматичности.

Однимъ словомъ, Патэкъ это — одинъ изъ тѣхъ рычаговъ дѣйствія въ античной драмѣ, къ числу которыхъ принадлежатъ и *deus ex machina* и такіе персонажи, какъ Критонъ изъ *Andria* Теренція, или тотъ *ξένος* изъ *Μισοῦμενος* Менандра, который появляется на минуту, дабы оказаться отцомъ Кратеи, возлюбленной Эразонида, и затѣмъ снова исчезнуть¹⁾. Вся же разница между Патэкомъ и вышеуказанными лицами состоитъ въ томъ, что онъ не разрушаетъ узла интриги, а незамѣтно и исподволь развязываетъ его, благодаря чему его воздѣйствіе не заключаетъ въ себѣ ничего насильственного или, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что было бы скомбинировано исключительно для выведенія пьесы изъ безвыходнаго тупика. Такимъ образомъ, я былъ бы не прочь видѣть въ персонажахъ, подобныхъ Патэку и Клезиету, своего рода измѣненнаго до неузнаваемости *deus ex machina*, и хотѣлъ бы разсматривать ихъ, какъ высшую стадію въ развитіи этого драматическаго эффекта, нѣкогда введеннаго въ драму Еврипидомъ и на долгое время оставшагося въ ней, какъ трудно отдѣлимый и вмѣстѣ съ тѣмъ привычный для всѣхъ пережитокъ.

Но если Патэкъ, какъ типъ и какъ характеръ, не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго, и если весь интересъ его сводится къ внѣшнимъ особенностямъ его роли, то ничего подобнаго нельзя сказать про *Μοσχίονα*, — про эту антитезу къ Полеону. Прежде всего, поскольку дѣло касается мѣста и значенія, отведенныхъ *Μοσχίονα* среди другихъ персонажей пьесы, то не мѣшаетъ отмѣтить, что *Μοσχίον* рисуется Менандромъ, какъ такой *jeune premier*, который диаметрально противоположенъ другому, а именно: Полеону, и который играетъ по отношенію къ послѣднему роль настоящаго контраста, его отгѣняющаго. Но подобная роль, какъ

1) *Simplific. Phys.*, p. 384, 13 (ed. Diels): *ὅταν λέγωμεν ὅτι ἀπὸ τύχης ἦλθεν ὁ ξένος καὶ λυτρωσάμενος τὸν ἀλχμάλωτον, ὡς ὁ παρὰ Μενάνδρῳ Δημέας τὴν Κράτειαν, ἀπῆλθεν* (= *Коск*, о. с., 243, fr. 939).

и роль Геты въ „Героѣ“ или Дава въ „Третьейскомъ судѣ“, нисколько не умаляетъ значенія Мосхіона, какъ самостоятельнаго характера, причемъ основной чертой этого характера является стремленіе показать себя опаснымъ для женщинъ сердцеѣдомъ, а слѣдовательно, и грозой для всѣхъ мужей и любовниковъ. Недаромъ Мосхіонъ все время противопоставляетъ себя и свою неотразимость Полемону, который, какъ ему кажется, можетъ возбуждать въ женщинахъ только одно отвращеніе и ужасъ (ст. 112 слл.), и недаромъ изъ поведенія Гликеры дѣлаетъ онъ сразу довольно рискованный выводъ о силѣ производимаго имъ впечатлѣнія (ст. 110 сл.). И однако, это комичное любованіе самимъ собою, а также непреодолимая склонность къ принятію интересныхъ позъ (ср. ст. 104 сл.), не мѣшаетъ Мосхіону оставаться, въ сущности говоря, „a pampered boy, always clinging to his mother's apron-strings“¹⁾, что и наблюдается въ дальнѣйшемъ его поведеніи, врядъ ли соответствующемъ его высокому мнѣнію о своей личности. „Нашумѣть и спрятаться“, — вотъ что могло бы служить его девизомъ, ибо довести что либо до конца онъ не въ состояніи, если только не приходитъ къ нему на помощь его злой геній, а именно, Давъ, то и дѣло направляющій его шаги и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекающій пользу изъ его суетности. А съ другой стороны, онъ всецѣло зависитъ отъ своей матери, которой въ глубинѣ души побаивается, какъ побаивается онъ и Полемона, хотя и называетъ его „ненавистнымъ для боговъ тысячникомъ“. Мало того, случайно рѣшившись на довольно дерзкій шагъ по отношенію къ Гликерѣ, онъ затѣмъ не умѣетъ взять въ руки настоящей инициативы, и если все таки дѣйствуетъ, то исключительно съ помощью и подъ руководствомъ того же Дава, т. е., иными словами, внѣшнее позерство и отсутствіе настоящей храбрости сказываются у Мосхіона въ каждомъ его дѣйствиіи, что и дѣлаетъ изъ него любопытную фигуру, къ которой, какъ правильно замѣчаетъ Capps²⁾, трудно найти соответствующую параллель въ другихъ произведеніяхъ греческой и римской комедіи.

Намъ остается разсмотрѣть еще образы трехъ рабовъ,

1) Capps, o. c., 143.

2) Capps, o. c., 143 sq.

выступающихъ въ „Отрѣзанной Косѣ“, а именно, образы привратника, Дава и Сосіи, очерченныхъ Менандромъ съ одинаковой силой и тщательностью. Остановимся, прежде всего, на привратникѣ. Типъ привратника, насколько я знаю, не попадался еще, какъ самостоятельный типъ, въ извѣстныхъ намъ отрывкахъ „новой“ комедіи. Что же касается „древней“, то въ ней зачатки этого типа можно было бы усматривать, пожалуй, въ Эакѣ изъ „Лягушекъ“ и въ рабѣ Агатона изъ „Θεσμοφορίазусъ“, а также въ слугѣ Еврипида изъ „Ахарнянъ“. Но всѣ эти примѣры, если и даютъ типъ привратника, то даютъ его едва-едва намѣченнымъ: по крайней мѣрѣ, опредѣленно проведена въ немъ только одна черта, а именно, грубость по отношенію къ проходящимъ. Зато въ прозаической литературѣ мы имѣемъ великолѣпную параллель къ привратнику изъ „Отрѣзанной косы“ въ томъ *θυρωρός*, котораго выводитъ Платонъ въ „Протагорѣ“ (р. 314 С) и который не только встрѣчаетъ Сократа, пришедшаго къ Калліи, нелюбезнымъ заявленіемъ: „барину некогда“ (*οὐ σχολή αὐτῷ*), но и припираетъ двери покрѣпче, дабы не впустить не въ пору явившихся гостей. Мало того, когда гости объясняютъ, что они пришли, собственно говоря, не къ Калліи, а къ остановившемуся у него Протагору, и просятъ доложить о нихъ, то и тогда, по словамъ Сократа, „μόλις οὖν ποτὲ ἡμῖν ἀνθρωπος ἀνέφξε τὴν θύραν“. Наконецъ, очень недурно рисуетъ намъ обычай привратниковъ и Филодемъ въ своемъ сочиненіи „*Περὶ κλισίων*“, какъ явствуетъ это изъ слѣдующаго пассажа: *ἐνίοτε γὰρ οὗτοι τῆσ φαντασίας αἴτιοι γίνονται πρὸς αἰγέλλειν οὐ θέλοντες ἢ σκορακίζοντες ἢ τι τοιοῦτον ἐπιλέγοντες καὶ οὐκ εὐχερέσ ἐστι τὸ πείθειν*¹⁾. Такъ вотъ совершенно такой-же типъ представляетъ собой и привратникъ въ домѣ Миррины, причемъ вся сценка, заключающая въ себѣ его перепалку съ Сосіей, можетъ быть названа великолѣпной жанровой картинкой, словно выхваченной изъ самой жизни. Какъ и полагается всякому привратнику, онъ, прежде всего, грубъ, а въ особенности грубъ съ тѣми, на кого, по его мнѣнію, можно смотрѣть сверху внизъ. Но, помимо грубости, ему присуща еще одна черта: онъ не прочь поглумиться надъ своей жертвой, не прочь ее облаять и вышутить, причемъ по

1) Philod. π. κλισίων XI, 28 (ed. Jensen).

мѣрѣ того, какъ она выходитъ изъ себя, онъ усиливаетъ свои выпады и дѣлается все болѣе и болѣе наглымъ и насмѣшливымъ. Мало того, онъ ни на минуту не теряетъ своей важности и величія. Наоборотъ, онъ все время потѣшается надъ Сосіей, какъ будто дѣлаетъ ему этимъ одолженіе, а когда послѣдній не въ шутку обижается на это, то привратникъ обзываетъ его „деревенщиной, не понимающей шутокъ“ и, напутствовавъ обычнымъ: *ἄλαγε εἰς κόρακα* (ср. филодемовское „*σορακίζοντες*“), захлопываетъ дверь. Однимъ словомъ, въ томъ привратникѣ, котораго выводитъ Менандръ, мы имѣемъ передъ собой великолѣпный типъ, набросанный крупными и яркими мазками, — типъ наглаго и зазнавагося раба, въ его отношеніяхъ къ тѣмъ, кто его слабѣе, но взятый приэтомъ только съ внѣшней стороны, со стороны исполненія имъ обязанностей привратника.

Что касается двухъ остальныхъ рабовъ, т. е. Дава и Сосіи, то оба они гораздо менѣе оригинальны и гораздо болѣе обычны, чѣмъ только что упомянутый *φουδρός*. По крайней мѣрѣ, къ нимъ, въ особенности же къ Даву, можно было бы подыскать въ „новой“ комедіи довольно близкія аналогіи, которыя кое въ чемъ совпадали бы съ ними. Но это не значитъ, конечно, что оба они выведены по одному и тому-же трафарету, или что въ нихъ нѣтъ никакихъ самобытныхъ чертъ. Помимо всего прочаго, они интересны уже по тому положенію, которое занимаютъ въ пьесѣ, являясь какъ бы контрастами другъ къ другу, хотя имъ и не приходится входить въ личное соприкосновеніе. Контрастъ же между ними заключается, прежде всего, въ томъ, что Давъ — это воплощенная энергія и сообразительность, тогда какъ Сосія — настоящій тяжкодумъ и растяпа. Вотъ основная черта, ихъ строго разграничивающая. Но кромѣ нея есть и другія, а именно: Давъ это — типъ „городского“ слуги, изучившаго въ совершенствѣ всѣ городскія повадки и умѣющаго кого угодно и когда угодно провести и вывести. Напротивъ того, Сосія, какъ и его хозяинъ, слишкомъ простъ, прямодушенъ и несообразителенъ: грубоватый и довольно неотесанный, онъ предпочитаетъ рѣшать все силой, причѣмъ изъ военныхъ приемовъ особенно хорошо понимаетъ и цѣнитъ „штурмъ“, на который и готовъ идти, очертя голову. Зато обходы и всякія отсрочки и промедленія ему не по душѣ, какъ и пока-

зываютъ это его совѣты, даваемые имъ Полемону. Наконецъ, Сосія, привыкшій къ походамъ и бивуачной жизни, не избалованъ жизнью, и сверхъ того, какъ постоянный соратникъ Полемона, преданъ ему „безъ лести“, хотя и не умѣетъ ничего для него устроить, коль скоро это заходитъ за предѣлы физическаго содѣйствія¹⁾. Однимъ словомъ, въ Сосіи Менандръ даетъ намъ типъ сильнаго и тупого солдата, преданнаго своему офицеру, не имѣющаго никакой личной инициативы и ужъ, конечно, не способнаго на борьбу съ Доридой и съ Давомъ, — на борьбу, въ которой онъ всегда остается въ проигрышѣ. Что же касается Дава, то помимо уже указанныхъ нами чертъ, сближающихъ его съ типомъ „комическаго“ слуги вообще, есть у него и другія черты, которыя должны быть отнесены туда-же и къ которымъ, между прочимъ, относится склонность Дава къ обжорству. Эту склонность самъ Давъ не только не отрицаетъ, но наоборотъ подчеркиваетъ, и подчеркиваетъ приэтомъ на каждомъ шагу какъ словами (ст. 99 сл.), такъ и поступками (ст. 294 сл.): достаточно вспомнить по этому поводу замѣчаніе Мосхіона о томъ, что Давъ, увлекшись объѣдомъ, забылъ даже о данномъ ему порученіи! Но коль скоро это такъ, то, значитъ, Давъ аналогиченъ, по крайней мѣрѣ, хотъ съ этой стороны, Гетѣ изъ „Героя“, да и многимъ другимъ рабамъ „новой“ комедіи, унаслѣдовавшимъ, въ свою очередь, указанную нами типическую черту отъ подлиннаго родоначальника типа раба вообще, а именно, отъ Каріона, героя „Богатства“ Аристофана. Такимъ образомъ, какъ для Дава, такъ и для всѣхъ прочихъ рабовъ „новой“ комедіи, выдержанныхъ въ томъ-же тонѣ, мы должны восходить къ Аристофану, что уже не разъ отмѣчалось мною, подобно тому, какъ для оцѣнки типа „благороднаго“ раба намъ слѣдуетъ обращаться къ Еврипиду, у котораго Менандровская комедія заимствовала этотъ типъ, до той поры необычный и какъ бы не подходившій къ тенденціямъ и цѣлямъ комическаго жанра.

Характеристиками дѣйствующихъ лицъ пьесы и можно было бы закончить общій разборъ послѣдней, но предварительно намъ нужно затронуть еще два вопроса, имѣющихъ,

1) Мнѣ кажется, что Саррс (о. с., 143) напрасно усматриваетъ въ Сосіи каррикатурныя черты: Сосія только комиченъ мѣстами, но не больше!

какъ мнѣ кажется, немаловажное значеніе и еще разъ поднимающихъ интересную проблему о зависимости Менандра отъ Еврипида и отъ трагедіи. При разборѣ нѣкоторыхъ пьесъ нашего поэта, въ особенности же „Третейскаго суда“ (стр. 255 сл.), нами было въ достаточной степени выяснено это воздѣйствіе, сказавшееся не только въ отдѣльныхъ частностяхъ, но и въ подробностяхъ болѣе существеннаго характера, напр., въ фабулѣ той или другой комедіи. Правда, усмотрѣть отраженіе еврипидовской драмы на фабулѣ намъ удалось только одинъ разъ, въ приложеніи къ „Третейскому суду“, ибо, поскольку дѣло касается „Саміанки“, мы этого воздѣйствія не видимъ (стр. 351 сл.). Но это не мѣшаетъ намъ снова поднять тотъ же вопросъ по поводу „Отрѣзанной косы“, тѣмъ болѣе, что онъ поставленъ въ наукѣ и разрѣшенъ въ положительную сторону Sehrt'омъ въ его работѣ „De Menandro Euripidis imitatore“, на которую мы уже имѣли случай ссылаться. Я вполне согласенъ съ Sehrt'омъ (о. с., 25), когда онъ говоритъ, что мотивъ ревности, разработанный въ „Отрѣзанной косѣ“, напоминаетъ намъ объ Еврипидѣ и объ его „Eifersuchtsdramen“, къ которымъ относятся, между прочимъ, „Андромаха“ и „Медея“. Это совершенно вѣрно, какъ вѣрно и то, что весь любовный мотивъ, въ разныхъ его выраженіяхъ, взять „новой“ комедіей у того-же Еврипида (см. стр. 1 сл.).

Однако, признавая этотъ фактъ, я не могу принять гипотезы Sehrt'a о прямой зависимости „Отрѣзанной косы“ отъ еврипидовскаго „Эола“, и не могу принять ее въ силу слѣдующихъ соображеній. Правда, въ „Эолѣ“ Еврипидъ разбираетъ любовь брата къ сестрѣ, т. е. Макарея къ Канакѣ, что напоминаетъ на первый взглядъ любовь Мосхіона къ Гликерѣ¹⁾. Но оставляя въ сторонѣ это кажущееся сходство въ мотивѣ, какое еще сходство находимъ мы въ дальнѣйшемъ? Да никакого! Наоборотъ, все дальнѣйшее или, вѣрнѣе, все остальное сводится къ сплошному различію. Такъ, прежде всего, въ драмѣ Еврипида нѣтъ главнаго, на чемъ, въ сущности говоря, и обосновывается вся пьеса Менандра, а именно, нѣтъ той подробности, что братъ влюбляется въ

1) См. Stob. Florileg. 64, 35 (= Nauck², Träg. gr. fragm., 366). Реконструкцію „Эола“ даетъ Welcker, Die griechischen Tragödien, II, 860 sqq.

сестру, не зная о ея родственной связи съ нимъ. А когда онъ, послѣ цѣлаго ряда перипетій, убѣждается въ неоспоримости этого факта, онъ, хотя и безъ особой радости, сразу оставляетъ всѣ свои прежніе планы и спѣшитъ быть признаннымъ за родного какъ сестрою, т. е. Гликерой, такъ и отцомъ, т. е. Патэкомъ. Напротивъ того, Макарей, не говоря уже о насилии, которое онъ совершаетъ надъ Канакой, настойчиво проводитъ мысль о томъ, что въ любви между братомъ и сестрой нѣтъ ничего грѣховнаго, но, наоборотъ, много естественнаго¹⁾. Такимъ образомъ, обѣ пьесы отъ начала до конца противоположны другъ другу и сопоставлять ихъ можно лишь при томъ условіи, если мы, вслѣдъ за Sehrт'омъ (о. с., 26), предположимъ, что „Menander hoc argumento ita est usus, ut id quod scelestum est in tragoedia omitteret“. Однако, если мы допустимъ это, то отъ всего argumentum только и останется различная трактовка различно взятаго мотива о любви брата къ сестрѣ, — мотива, который усложняется въ комедіи еще тѣмъ, что къ нему, тѣсно съ нимъ переплетаясь, присоединяется подробность о ревнивомъ мужѣ, которой въ трагедіи не находится на лицо и которая ведетъ насъ, повидимому, къ другому источнику всей фабулы, а именно, къ народному творчеству, къ народной сагѣ, какъ и думаетъ это Б. В. Варнеке²⁾.

Итакъ, я считаю безусловно доказаннымъ, что между „Эоломъ“ Еврипида и „Отрѣзанной косою“ Менандра нѣтъ связи ни внѣшней, ни внутренней, и что та параллель, которая проведена между ними Sehrт'омъ, покоится исключительно на недостаточно вдумчивомъ отношеніи къ сюжетамъ обѣихъ пьесъ³⁾.

Но хотя по вопросу о сюжетѣ нашей комедіи мы и держимся того взгляда, что на этомъ сюжетѣ не замѣтно ни

1) Ср. Dion. Hal. Rhet. 9, 11 (= Nauck², о. с., 365): *ἐν τῷ Αἰόλῳ ὁ Μακαρεὺς ἐστὶν οὐκ ἄλλοίῃσιν τῇ ἀδελφῇ καὶ λανθάνων καὶ συμβουλευῶν τῷ πατρὶ τὰς ἀδείφας τοῖς ἀδελφοῖς συνοικήσαι, ἵνα τὸ οἰκεῖον διοικήσῃται.* См. также Welcker, о. с., 864.

2) Б. В. Варнеке, Новая комедія Менандра, 65 сл.

3) Очень возможно, что слова Сирика въ „Третьей комѣ судѣ“ (ст. 124): „вѣдь съ помощью примѣтъ одинѣ сестры не взявъ | себѣ въ супружницы“ имѣютъ въ виду не трагедію, какъ предположилъ я выше (стр. 141, 1), а комедію, и въ частности „Отрѣзанную косу“.

малѣйшаго отраженія трагедіи и что напротивъ того этотъ сюжетъ можно называть чисто-комическимъ, мы должны признать все таки, что есть въ „Отрѣзанной косѣ“ одна подробность, которая носить на себѣ ярко-выраженный трагическій оттѣнокъ. Вотъ къ этой подробности мы теперь и обратимся.

При общей характеристикѣ менандровскаго творчества мнѣ уже приходилось говорить, что къ числу приѣмовъ, заимствованныхъ нашимъ поэтомъ у Еврипида, относится и тотъ сценическій эффектъ, который обозначается терминомъ ἀναγνωρίσιμος и сущность котораго сводится къ выясненію той или другой личности путемъ предъявленія ей или ея какихъ либо вещественныхъ доказательствъ. Вотъ этотъ способъ „узнаванія“, который Аристотель характеризуетъ, какъ „самый нехудожественный“ и который онъ относитъ насчетъ „недостатка фантази“¹⁾, примѣнялся, какъ мы это не разъ видѣли, въ „новой“ комедіи, и примѣнялся притомъ въ самой неограниченной степени (стр. 34). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, до открытія „Отрѣзанной косы“, мы не имѣли передъ собой ни одного образца, по которому можно было бы судить, какъ строились въ комедіи подобныя сцены „узнаванія“, хорошимъ примѣромъ которыхъ для трагедіи служитъ аналогичная сцена въ „Ионѣ“ Еврипида (ст. 1395 слл.)²⁾. Зато теперь, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Менандру, мы знаемъ, что эти сцены строились примѣнительно къ трагическому стилю, который и выдерживался въ нихъ съ рѣдкой опредѣленностью, какъ и доказываетъ это сохранныя вторымъ Лейпцигскимъ листкомъ сценка бесѣды между Патэкомъ и Гликерой (ст. 338—397).

Эта сценка начинается съ вынесенія шкатулки Гликеры, — той шкатулки, въ которой и находятся γυνώριματα дѣвушки, т. е., иными словами, сценка начинается совершенно такъ, какъ начинается она и въ „Ионѣ“, гдѣ Писія тоже выноситъ корзинку, въ которой хранятся σπερυνдіа Иона³⁾. Далѣе, если въ „Ионѣ“ идетъ перечисленіе трехъ вещей, а именно: ткани, двухъ золотыхъ драконовъ и оливковаго вѣнка, то это же число „три“ фигурируетъ и въ „Отрѣзанной косѣ“,

1) Arist. Poet. XVI. p. 1454 b: εἶδη δὲ ἀναγνωρίσεως, πρώτη μὲν ἡ ἀτεχνολάτη, καὶ ἡ πλείστη χωρῶνται δι' ἀπορίαν, ἢ διὰ σημείων.

2) Ср., впрочемъ, Plaut. Rud., 1154 sqq.

3) Ср. аналогичное начало сцены „узнаванія“ въ Rudens Плавта.

причемъ если Іонъ послѣ разсмотрѣнія третьяго знака признаетъ свою мать, Креузу, то и Патэкъ только послѣ предъявленія третьей вещи узнаетъ въ показанныхъ ему предметахъ вещи своей покойной жены. Но, конечно, все это — однѣ мелочи, и само собой разумѣется, что не въ нихъ заключается главная суть. А если я и остановился на нихъ, то исключительно для того, чтобы отмѣтить мимоходомъ любопытный фактъ, можетъ быть, даже случайнаго совпаденія деталей, если только оно дѣйствительно случайно, а не намѣренно.

Переходимъ теперь къ болѣе существенному и рассмотримъ сперва способъ построения сценки, т. е. внѣшнюю сторону ея структуры. Сценка распадается у Менандра на три части: въ первой и въ третьей идетъ *ἀναγνώρισμός* съ помощью „внѣшнихъ признаковъ“ (*διὰ σημείων*), а въ центральной — сообщаются тѣ подробности, благодаря которымъ картина „узнаванія“ много выигрываетъ въ ясности и полнотѣ, ибо въ ней даются детали относительно Патэка, обстоятельствъ его жизни и т. д. Однако, подобное тройное дѣленіе какъ будто не соотвѣтствуетъ тому, которое проведено у Еврипида въ его „Іонѣ“, гдѣ сценка дѣлится не на три, а на двѣ части. Но это кажущееся различіе сдѣлается для насъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ нашей сценкѣ участвуютъ три лица и что свѣдѣнія, даваемые Патэкомъ, должны относиться въ одинаковой мѣрѣ какъ къ Гликерѣ, такъ и къ Мосхіону, которые между тѣмъ признаются отцомъ не одновременно. И вотъ, для бѣльшаго удобства и бѣльшей стройности, сцены съ *ἀναγνώρισίῳ διὰ σημείων* ставятся по бокамъ, а между ними помѣщается центральная часть, имѣющая къ нимъ одинаковое отношеніе. Итакъ, различіе въ постройкѣ сценки „узнаванія“ у Менандра и у Еврипида не можетъ имѣть большого значенія и, во всякомъ случаѣ, не можетъ говорить въ пользу менандровской оригинальности. Но если въ данномъ случаѣ есть на лицо хотя бы кажущееся несходство, то во всемъ остальномъ Менандръ старается не отходить отъ трагическихъ прецептовъ, какъ бы подчеркивая этимъ свою зависимость отъ трагедіи тамъ, гдѣ ему приходится оперировать съ сценическими приѣмами, введенными въ жизнь именно трагедіей. И дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ первые 11 стиховъ (ст. 338—348), которые заклю-

чають въ себѣ выраженія, болѣе присущія комедіи, чѣмъ трагедіи, и общій тонъ которыхъ скорѣе можетъ быть названъ комическимъ, чѣмъ трагическимъ¹⁾, — если оставить въ сторонѣ эти стихи, то всѣ остальные, въ количествѣ 49, отличаются строго-выдержаннымъ трагическимъ стилемъ, который проявляется и въ общемъ тонѣ, и въ выборѣ реченій, и даже въ самой трактовкѣ стиха. Такъ, прежде всего, весь тонъ сценки поражаетъ читателя своей приподнятостью и недостаточной живостью, т. е. тѣми чертами, которыхъ какъ разъ не бываетъ у Менандра, когда онъ говоритъ своимъ языкомъ, языкомъ подлинной жизни. А получается этотъ тонъ благодаря двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мы не встрѣчаемъ въ стихахъ никакихъ *ἀντιλαβαί*, столь любимыхъ комикомъ, который нерѣдко для оживленія рѣчи распредѣляетъ одинъ стихъ между двумя и тремя лицами. Въ разбираемой же нами сценкѣ ничего подобнаго нѣтъ. Здѣсь каждое изъ лицъ, участвующихъ въ разговорѣ, произноситъ непремѣнно по цѣлому стиху, благодаря чему мѣстами получается настоящая *στιχομυθία*, столь обычная въ трагедіи и столь чуждая комическому жанру²⁾. Далѣе, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Sehrт (о. с., 28), среди многихъ стиховъ есть такіе полу-стихи, которые прибавлены просто „ad explendos versus“, но которые вовсе не нужны для самой рѣчи³⁾, — явленіе, довольно обычное для стихоміеіи, какъ таковой. Наконецъ, что касается выбора словъ, то и здѣсь обращаетъ на себя вниманіе необычное для комедіи примѣненіе трагическихъ оборотовъ и сравненій, частью прямо заимствованныхъ, частью образованныхъ по аналогіи съ трагической музой⁴⁾. Однимъ словомъ, вся сцена „узнаванія“

1) M a a s, Zu Menander (= Rhein. Mus., 48 (1913), 361 sq.). См. также Koerte, Zwei neue Blätter der Perikeiromene, 169 sq.; Sehrт, о. с., 27 sq.

2) На двѣ части распадается, повидимому, лишь одинъ стихъ 370, если только слово *ἐφόλγια* (м. б. *ἐφόλγιον*?) нужно дѣйствительно относить къ рѣчи Патэка, а не Гликеры.

3) Ст. 369: *εἰ θέμις καὶ μοὶ φράσον*; ст. 375: *ὡς τρέμω τάλαν' ἐγώ*; ст. 377: *ὦ θεοὶ, δεινοῦ πότμου*; ст. 362: *ποῦ ποτ' εἰμι γῆσ*.

4) Ср. ст. 379: *ἄγριον καλύψαι πέλαγος Αἰγαίαν ἅλσ* и Eur. Tro. 88: *ταράξω πέλαγος Αἰγαίαν ἅλσ* (Koerte); ст. 373: *ἢ μὲν τεκοῦσ' ὑμᾶς γὰρ ἐκλείπει βίον* и Soph. El. 1131: *ὡς ὄφελον πάροισθεν ἐκλείπειν βίον*; ст. 358: *πῶς οὖν ἐχωρίσθητ' ἀπ' ἀλλήλων δίχα* и Eur. Melan. fr. 484, 3: *ἐπεὶ δ' ἐχωρίσθησαν ἀλλήλων δίχα* (Koerte, Capps) и т. д.

выдержана до мельчайшихъ подробностейъ въ духѣ трагедіи, являясь совершенной противоположностью всѣмъ остальнымъ сценамъ нашей комедіи и, надо сознаться, противоположностью, которая вовсе не украшаетъ „Отрѣзанную косу“. И дѣйствительно, мы не видимъ здѣсь ни одного изъ присущихъ Менандру привлекательныхъ качествъ: нѣтъ ни живости, ни остроумія, ни выпуклости образовъ. Холодомъ и неестественной приподнятостью вѣетъ отъ всей сцены, которая и является ничѣмъ инымъ, какъ блѣдной копіей съ Еврипида, не передающей всѣхъ особенностей своего оригинала. Такъ, напр., не переданы присущія Еврипиду нѣжность и мягкость; не отмѣчено и не выражено то волненіе, которое должно было постепенно охватывать Гликеру и Патэка; не вложена, наконецъ, въ отвѣты и вопросы дѣйствующихъ лицъ необходимая доля патетичности, т. е., иными словами, нѣтъ на лицо какъ разъ того, что и украшаетъ сцену „узнаванія“ въ „Іонѣ“.

Итакъ, нами доказано, что и на „Отрѣзанной косѣ“, какъ и на всякой другой пьесѣ Менандра, можно замѣтить вліяніе Еврипида, и притомъ вліяніе прямое, выражающееся въ частичной передачѣ какъ тона трагедіи, такъ и нѣкоторыхъ ея пріемовъ. Правда, это вліяніе сказывается особенно разительно только на одной сценѣ; правда, эта сцена не является, несмотря на всю свою важность, центральной сценой, но все таки фактъ вліянія находится на лицо, усугубляясь еще и тѣмъ, что пьеса снабжена прологомъ, въ которомъ выступаетъ сверхчувственное существо, выдержанное въ еврипидовскихъ тонахъ (см. стр. 35 сл.). Зато если бы мы стали отыскивать въ нашей пьесѣ слѣды „древней“ комедіи, то мы не нашли бы ихъ, если только не считать за эти слѣды бесѣду Мосхіона съ Давомъ, носящую нѣсколько буффонный характеръ, или стремленіе Сосіи въ его разговорѣ съ Полемономъ прибѣгать къ чрезмѣрному пользованію военными терминами, которымъ онъ придаетъ иногда довольно обценный оттѣнокъ (см. 234), или же, наконецъ, обращенныя къ зрителямъ слова Невѣднія съ просьбой поддержать пьесу (ст. 50). Но всѣ эти частности такъ ничтожны по своему значенію, такъ немногочисленны, наконецъ, что не на нихъ останавливается вниманіе читателя. Оно останавливается на другомъ, — на серьезномъ тонѣ всей драмы, на серьезномъ от-

ношеніи поэта ко всей изображаемой имъ жизни и, въ особенности, на обрисовкѣ выводимыхъ имъ персонажей, въ которыхъ и заключается по преимуществу весь интересъ пьесы, не отличающейся въ данномъ смыслѣ отъ прочихъ комедій Менандра, этого изслѣдователя человѣческой жизни и частныхъ сюда людей.

И вотъ въ изображеніи думъ и плановъ этихъ людей, ихъ страстей и душевныхъ движеній, ихъ временныхъ удачъ и неудачъ проходятъ одинъ за другимъ акты нашей пьесы, пока, наконецъ, люди, вопреки своему ожиданію, не оказываются передъ такимъ результатомъ, который лежитъ внѣ ихъ силъ и способностей, передъ результатомъ, всецѣло зависящимъ отъ Случая (*Tύχη*). Этотъ Случай, не мѣшая людямъ ни въ чемъ, но наоборотъ давая имъ полную возможность проявлять всѣ присущія имъ черты и особенности, дѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что дѣйствіе, направляемое людьми, разрѣшается благополучно не благодаря имъ, а благодаря стеченію обстоятельствъ. И выходитъ такъ, что вся эта суета, которой наполнена наша пьеса, которой наполнена каждая человѣческая жизнь, объясняется лишь человѣческимъ невѣдніемъ, человѣческой слѣпотой. Люди страдаютъ и любятъ, ошибаются и дѣйствуютъ правильно, люди показываютъ всѣ закоулки своихъ тайныхъ мыслей, всѣ стороны своего быта, нравовъ и обычаевъ, — однимъ словомъ, люди живутъ лишь для того, чтобы въ одинъ прекрасный день увидѣть, какъ перемѣшались всѣ ихъ расчеты и планы, чтобы признаться въ томъ, что есть нѣчто, стоящее внѣ ихъ и имъ невѣдомое, — нѣчто, которое дѣлаетъ иногда такъ, что „и дурное приводитъ къ хорошему“. И если началомъ нашей пьесы была ошибка по невѣднію, то конецъ — есть настоящій апофеозъ *Tύχη*, предъ могучимъ кораблемъ которой человѣкъ есть ни что иное, какъ жалкая „барочка“ (*ἑφόλιον*), идущая на буксирѣ.

Приложеніе

(къ стр. 159—170).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу дать разборъ двухъ недавно появившихся статей, которыя посвящены „Третьейскому суду“ и въ которыхъ, вопреки установившемуся взгляду, нѣсколько иначе ставится вопросъ о взаимномъ соотношеніи отрывковъ NTM и VX, а также отрывковъ YR. Эти статьи принадлежатъ Robert'у и Sudhaus'у, причемъ вторая статья есть, въ сущности говоря, развитіе и частичное исправленіе первой, ибо основная мысль Robert'a принимается Sudhaus'омъ безъ всякихъ, хотя бы минимальныхъ ограниченій¹⁾.

Слѣдую Koerte²⁾, я въ своемъ изложеніи и пониманіи вышеуказанныхъ отрывковъ исходилъ изъ той мысли, что отр. M₁ (ст. 366—383) представляетъ собой непосредственное продолженіе отр. N₁ T₁ (ст. 358—365), что за ст. 383 идетъ лакуна въ 10 строкъ и что, наконецъ, отрывки N₁T₁M₁ образуютъ recto листа, тогда какъ N₂T₂M₂ (ст. 384—408) являются его оборотной стороною, его verso. Такимъ же образомъ смотрятъ на эту частность и Robert съ Sudhaus'омъ, но въ дальнѣйшемъ они уже отходятъ отъ Koerte, а потому намъ и нужно сперва изложить взгляды послѣдняго.

Согласно Koerte³⁾, за отр. NTM, составлявшими вторую половину третьяго листа перваго кватерніона (т. е. страницы 13—14) шли отр. YR, составлявшіе его четвертый листъ (т. е. страницы 15—16). Притомъ verso отр. YR (т. е. Y₂ R₂), или, иначе, стихи 408₁—414, 415—420, 420₁—420₆, примыкали, послѣ лакуны въ 10 строкъ, къ verso отр. M, т.

1) Robert, Zu den Epitrepontes des Menander (= Sitzungsber. der Königl. Preuss. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl., 1912, 404 sqq.); Sudhaus, Zu den neuen Bruchstücken der Epitrepontes (= Hermes, 48 (1913), 14 sqq.).

2) Koerte², о. с., 25—28.

3) Koerte², о. с., 29—32.

е. къ M_2 , будучи отдѣлены отъ стиховъ на *recto* отр. YR, г. е. Y_1R_1 , лакуной въ 14 строкъ. Что же касается отр. VX, то на нихъ Koerte смотрѣлъ, какъ на первыя двѣ страницы второго кватерниона, отдѣленные отъ YR лакуной въ 28 строкъ.

Сообразно этому и все дѣйствіе, развивавшееся на пространствѣ отрывковъ NTM + YR + VX, получало слѣдующую схему (стр. 159 слл.). За уходомъ со сцены Онисима (ст. 365) на сценѣ появлялся Смикринъ, вернувшійся изъ города, и въ ст. 366—383 заключался его монологъ. Затѣмъ шло появленіе повара (ст. 384), шли рѣчи à part повара и Смикрина (ст. 385 слл.), а потомъ отъ ст. 405 до ст. 420, разговоръ ихъ другъ съ другомъ. Наконецъ, послѣ ухода повара, нѣсколько стиховъ было занято монологомъ Смикрина, во время котораго слѣдовало появленіе новаго персонажа, Харисія (ст. 427). Вначалѣ оба дѣйствующихъ лица, какъ это не разъ наблюдается въ комедіи, не замѣчали другъ друга, а потомъ вступали въ оживленную бесѣду, которой и заканчивался актъ (ст. 427—431₅₅). Результатомъ же всѣхъ этихъ рѣчей à part и соотвѣтствующихъ діалоговъ было то, что Смикринъ не знавшій о присутствіи въ домѣ Харисія найденыша и о томъ, что послѣдній является будто бы сыномъ Харисія, прижитымъ отъ Габротононъ, узнавалъ про это отъ повара, выходившаго на сцену, дабы повѣдать про свои злоключенія, и принимавшаго сначала Смикрина за одного изъ гостей Харисія. Что же касается Харисія, то его выходъ на сцену объяснялся желаніемъ поэта показать зрителямъ тѣ чувства, которыя овладѣвали его героемъ послѣ открытія, сдѣланнаго Габротононъ, а также и тѣмъ, что ходъ дѣйствія требовалъ встрѣчи Харисія съ Смикриномъ.

Посмотримъ теперь, чтò дѣлаютъ съ вышеуказанными отрывками Robert и Sudhaus и какъ реконструируютъ они дѣйствіе пьесы. Исходя изъ того наблюденія, что отрывки VX, представляющіе собой длинную, узкую полосу папируса и дающіе на *recto* концы, а на *verso* начала стиховъ, могли бы быть разсматриваемы съ лицевой стороны (*recto*) за правую, съ оборотной же (*verso*) — за лѣвую часть обрывка M, сохранившаго на *recto* начальныя, а на *verso* конечныя буквы и слова, — исходя изъ этого наблюденія, уже сдѣланнаго и оставленнаго Лефевромъ¹⁾, оба уче-

1) Lefebvre², о. с., V—XIII, табл. XXXVII—XXXVIII и XLI.

ныхъ сопоставляютъ обрывки и дѣлаютъ изъ нихъ одинъ листъ, въ которомъ пропала середина¹⁾. Подкрѣпленіе же своему взгляду на подобное соотношеніе отрывковъ и Robert и Sudhaus видятъ, прежде всего, въ томъ, что, при такомъ устройствѣ реконструируемаго ими листа, ст. 374 M_1 : ζῆν αὐτὸν могъ бы быть заключительными словами ст. 431₉ $V_1 X_1$: μετὰ τῆσ] ψαλτρίασ; ст. 375 M_1 : πλέον ἡμε[ρῶν могъ бы играть такую же роль по отношенію къ ст. 431₁₀ $V_1 X_1$:...] ησ ἔφη и, наконецъ, ст. 381 M_1 : πυνθανόμενος оказался бы продолженіемъ ст. 431₁₅ $V_1 X_1$:...] ου τοῦτό γε²⁾. Сверхъ того, по мнѣнію Robert'a, и стихъ 369 M_1 : ὅλη γ[...] можно было бы отождествлять съ Меп. fr. 882 Kock: ἡ πόλις| ὅλη γὰρ ᾄδει τὸ κακόν, съ чѣмъ опять таки соглашается и Sudhaus. И вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ и тому подобныхъ соображеній, оба ученыхъ отходятъ отъ гипотезы Koerte и начинаютъ слѣдующимъ образомъ возстановлять ходъ дѣйствія, которое, благодаря сведенію въ одно цѣлое отр. M и отр. VX, получаетъ, конечно, другой характеръ и форму. Правда, поваръ принимаетъ въ немъ участіе, но это участіе ограничивается всего на всего нѣсколькими стихами, ибо, согласно Robert'у, поваромъ, котораго мѣстами прерываетъ Смикринъ, произносятся ст. 377—383+431₁₃—431₁₉ и ст. 431₂₂—431₂₈+ст. 384, а согласно Sudhaus'у, ст. 384—389, послѣ чего поваръ уходитъ. Что же касается причины появленія повара, то, по Robert'у (о. с., 412 sq.), поваръ просто на просто былъ выгнанъ Харисіемъ, когда хотѣлъ подслушать разговоръ послѣдняго съ Габротононъ, а по Sudhaus'у (о. с., 17), поваръ выходитъ, дабы высказать свое недоумѣніе и возмущеніе по поводу того, что весь приготовленный имъ обѣдъ остается втунѣ, ибо всѣ гости Харисія, по неизвѣстной ему причинѣ, „διασκεδάσσοντ' ἐκτός“ — foras dilabuntur³⁾. И вотъ, послѣ словъ

1) См. Robert, о. с., 406—407.

2) Ср. также: 431₄₅ $V_2 X_2$: ἐπάνω θ[...] и 408 M_2 : τὰς ὄφρῶσ; 431₃₄ $V_2 X_2$: με[θύουσι? и 397 M_2 : ἀριστ[?]ῶσι καί; 383 M_1 : ἐναγω[ρ]ίω и 431₁₈ $V_1 X_1$: τρόπω. См. Robert, о. с., 410 sqq.

3) Не правильнѣ ли однако было бы сказать по гречески (если такова, дѣйствительно, мысль ст. 387, дополненнаго Sudhaus'омъ): διασκεδάσσοντ' εἰς τὸ ἐκτός? Что до Robert'a (о. с., 415), то онъ думаетъ, что ст. 385—388 произносилъ Онисимъ убѣгавшій отъ Харисія, причемъ въ уста того-же Онисима вкладываетъ Robert и ст. 431₃₀—31 или, вѣрнѣе, слѣдующіе остатки этихъ стиховъ: πὰ[ξ? и κα[.

повара, уходящаго со сцены, начинается появленіе гостей, появленіе, которому предшествуетъ, впрочемъ, выходъ Харисія съ Габротононъ, сопровождаемый такимъ замѣчаніемъ Смикрина (ст. 431₃₂+396): *Χαρῖσιος παρῆλθε μετὰ τῆς ψαλῳδοῦ* (Sudhaus, о. с., 18). Спрашивается теперь, чѣмъ же обосновывается этотъ выходъ? Стихами 431₃₃—431₃₉+397—402, которые на разные лады дополняются Robert'омъ (о. с., 417) и которые содержатъ въ себѣ упреки Харисія по отношенію къ Габротононъ за то, что она опозорила его передъ его пріятелями, а затѣмъ просьбу Габротононъ послать за вещами найденыша (Sudhaus, о. с. 15). Но какъ ни странны подобныя разсужденія Sudhaus'a и Robert'a, еще страннѣе дальнѣйшее. Харисій и Габротононъ слышатъ доносящіеся изъ дома крики, въ которыхъ Харисій узнаетъ голосъ своего пріятеля Симміи (ст. 431₄₁+405), и вотъ, не желая встрѣчаться съ послѣднимъ, Харисій и Габротононъ уходятъ, надо думать, не въ домъ, ибо изъ дома въ этотъ моментъ появляется какъ разъ Симмія (см. Sudhaus, о. с. 19; Robert, о. с., 418 sqq.).

Изъ всего изложеннаго ясно, что въ реконструкціи дѣйствія, какъ возстановляютъ его Sudhaus и Robert, выходъ Харисія и арфистки ничѣмъ серьезнымъ не обоснованъ: они выходятъ для того только, чтобы сказать нѣсколько незначительныхъ словъ и затѣмъ удалиться, изъ опасенія встрѣчи съ Симміей. Что же касается всего послѣдующаго, то и оно, какъ мнѣ кажется, возстановляется обоими вышеназванными учеными тоже не съ достаточной правдоподобностью, причемъ возстановленіе Robert'a (о. с., 418 sqq.), въ общемъ разсуждающаго одинаково съ Sudhaus'омъ, грѣшитъ еще тѣмъ, что Robert, кромѣ Симміи, вводитъ въ дѣйствіе неупоминаемаго въ пьесѣ юношу Мосхіона. Ввиду этого я въ дальнѣйшемъ буду придерживаться главнымъ образомъ Sudhaus'a, разсужденія котораго кажутся мнѣ все таки болѣе естественными и простыми.

Итакъ, послѣ ухода Харисія и Габротононъ, на сценѣ появляется Симмія, который, не замѣчая сперва Смикрина, говоритъ со своимъ другомъ Хэрестратомъ обо всемъ, что только что произошло въ ихъ присутствіи, и такимъ путемъ ознакомляетъ подслушивающаго ихъ старика съ фактомъ предъявленія ребенка Харисію и со всѣмъ дальнѣйшимъ, о чемъ мы уже знаемъ, тогда какъ Смикринъ дѣлаетъ

соотвѣтствующія реплики à part (ст. 431₄₈—431₅₈+406—408). Но подъ конецъ Смикринъ не выдерживаетъ, и ст. 408 начинается уже его діалогъ съ друзьями Харисія, діалогъ, который и переходитъ затѣмъ на отр. YR, представляющие собой, по мнѣнію Robert'a и Sudhaus'a непосредственное продолженіе отрывковъ MVX или, иначе, четвертый листъ перваго кватерніона (т. е., страницы 15—16), а не первый листъ втораго, какъ думалъ это Koerte.

Относительно діалога Смикрина съ Симміей и Хэрестратомъ много говорить не приходится, ибо хотя подъ Симміей Robert и Sudhaus разумѣютъ друга Харисія, а не повара, какъ считаю я, общая суть діалога отъ этого, конечно, не мѣняется: Смикринъ всячески грозитъ Харисію, Симмія же старается успокоить раздраженнаго старика, что, впрочемъ, ему не удается! Во всякомъ случаѣ, относительно роли Симміи и Sudhaus и Robert согласны другъ съ другомъ. Зато нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ Хэрестратомъ, ибо, по мнѣнію Sudhaus'a, онъ представляетъ собой друга Харисія, а по мнѣнію Robert'a — отца (о. с., 423 sqq.). Впрочемъ, мысль Robert'a не нуждается въ особомъ опроверженіи: нѣсколько выше (стр. 187 сл.) я уже доказалъ, почему отождествленіе Хэрестрата, какъ такового, съ юношей оказывается для комедіи вещью недопустимой. Остается, значить, мнѣніе Sudhaus'a. Спрашивается, на чемъ оно основывается и что позволяетъ Sudhaus'у удѣлять Хэрестрату особую роль въ отр. YR? Да все та-же *nota marginalis*, которая стоитъ около ст. 427 и въ которой, какъ мы уже говорили (стр. 166, прим. 2), правильнѣе было бы видѣть *Χαῖρ* (т. е. *Χαρίσιος*), чѣмъ *Χαιρ* (т. е. *Χαιρέστρατος*). Но допустимъ даже, что мы неправы, а правъ Sudhaus, — какая же реплика достанется тогда на долю Хэрестрата и какіе еще стихи можно было бы относить къ нему на пространствѣ отрывковъ YR? Въ томъ то и дѣло, что никакихъ, въ томъ то и дѣло, что и самой реплики не сохранилось, а если даже она и была, то врядъ ли превосходила своими размѣрами полустишіе. Однако, что это за странная роль отводилась Хэрестрату въ пьесѣ, коль скоро нигдѣ во всемъ сохранившемся текстѣ нельзя найти такихъ слѣдовъ ея, по которымъ можно было бы обрисовать хотя бы ея контуры? Меня лично подобная частности и навела на мысль, которую я уже высказалъ (стр. 190 сл.), что Хэ-

рестратъ вовсе не участвовалъ въ пьесѣ, и при этой мысли я и остаюсь, несмотря на всѣ доводы Sudhaus'a.

Да, но если въ *nota marginalis* мы видимъ *Χαρ*, а не *Χαιρ*, и если, съ другой стороны, мы убѣждены въ отсутствіи для Хэрестрата всякой роли, то какъ должны мы смотрѣть на гипотезу Robert'a и Sudhaus'a, взятую во всей ея полнотѣ? Я лично смотрю на нее, какъ на нѣчто неприемлемое и въ высшей степени фантастичное, даже въ той трактовкѣ, какую даетъ ей Sudhaus. А убѣждаетъ меня въ этой мысли не только указанное мной соображеніе насчетъ Хэрестрата, но и другія подробности.

Такъ нѣсколько выше я уже указалъ на ничѣмъ необоснованное выступленіе Харисія и Габротононъ, въ которомъ, помимо всего прочаго, есть и еще одна странность, мной пока не отмѣченная. Согласно Sudhaus'у (о. с., 15), ст. 400 сл. принадлежатъ Габротононъ, причѣмъ въ этихъ стихахъ она, не обращая вниманія на упреки, дѣлаемые ей Харисіемъ (ст. 397: *νοῦ[ν] οὐκ ἔχεισ...*), какъ дополняетъ его Robert), говорить (кому? Харисію?) о необходимости принести вещи найденыша, взявъ ихъ у жены Сириска. Я не говорю уже о томъ, что подобное обращеніе нѣсколько странно и какъ будто не вполне подходитъ къ общей ситуации: ожидалось бы, кажется, что Габротононъ будетъ оправдываться передъ Харисіемъ, а не то что переводить рѣчь на вещи ребенка, одно упоминаніе о которомъ могло вывести Харисія изъ себя. Но еще страннѣе другое. Возстановляя ст. 501_б отр. U₂: *οἶδ* ... *αι* ... ε и придавая ему слѣдующую форму: [*λέγε μοι, πόθεν τὰ πε]οἶδ[έρι]αι' ἔ[χει]σ [τάδε*; — Sudhaus влагаетъ его въ уста Харисія, спрашивающаго Габротононъ, откуда она взяла вещи ребенка, его ожерелье (о. с., 14). Однако, подобный вопросъ будетъ противорѣчить ст. 400 сл., въ которыхъ Габротононъ, въ присутствіи Харисія, какъ разъ и говорила о необходимости принести эти вещи. Выходитъ, значитъ, что одно изъ двухъ невѣрно: или пониманіе ст. 400 сл., или же возстановленіе ст. 501_б. Но послѣднее безусловно правильно: для этого достаточно взглянуть на снимокъ¹⁾. Въ такомъ случаѣ неправильно первое!

1) Дополненіе Sudhaus'a настолько убѣдительно для меня, что я отказываюсь отъ своего прежняго предположенія, согласно которому ст. 501_б долженъ былъ произноситься Онисимомъ (см. стр. 181).

Наконецъ, безусловно невыдерживающимъ критики кажется мнѣ и это странное положеніе Смикрина, передъ которымъ, словно передъ зрителемъ, проходитъ одна группа лицъ за другой, причемъ каждая группа знакомитъ его все съ новыми и новыми подробностями, да еще расположенными такъ, что каждая послѣдующая оказывается сильнѣе предшествующей, благодаря чему получается своего рода *κλίμαξ*. Что же касается Смикрина, то онъ все время дѣлаетъ только однѣ замѣчанія въ сторону, и это на пространствѣ 40 стиховъ, несмотря на то, что передъ нимъ проходитъ самъ Харисій, съ которымъ онъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ и на котораго такъ негодуетъ. Не знаю, правъ ли я, но мнѣ лично кажется, что Менандръ не сталъ бы вводить въ свою пьесу такую странную группировку эффектовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли опустилъ бы случай свести лицомъ къ лицу Смикрина съ Харисіемъ, тѣмъ болѣе, что Харисій еще не показывался передъ зрителями, которые знаютъ о немъ лишь по наслышкѣ, со словъ Онисима, Смикрина и Габротононъ. Однимъ словомъ, всѣ приведенные мной доводы заставляютъ меня отнести къ гипотезѣ Sudhaus'a и Robert'a отрицательно, и видѣть въ ней окончательное разрѣшеніе труднаго вопроса объ отрывкахъ MVX я никоимъ образомъ не могу. Напротивъ того, я считаю, что гипотеза Koerte имѣетъ за собой гораздо больше преимуществъ, и, пока новое сличеніе разобранныхъ нами отрывковъ не докажетъ ея несостоятельности, я остаюсь при ней, хотя и знаю, что и въ ней, какъ во всякой гипотезѣ, есть свои слабыя стороны.

Die russischen Sekten.

II.

Die Weissen Tauben oder Skopzen.

Von

D. Karl Konrad Grass,
Professor für exegetische Theologie.

V o r w o r t.

Sollte man finden, dass im ersten Bande mehr Schwung ist, als im zweiten, so dürfte sich nicht der Verfasser verändert haben, sondern der Gegenstand ist ein andersartiger. Das Chlütentum verhält sich zum Skopzenthum wie helle Begeisterung zu finsterem Fanatismus. Man mag sich wohl ein wenig von ersterer anstecken lassen, aber nicht von letzterem. Für die Ekstatiker kann man immerhin einige Sympathie aufbringen, nicht aber für die physischen und geistigen Krüppel. In der That ist es schwer, ein Buch über ein Objekt zu schreiben, mit dem man nicht im geringsten sympathisiert. Dazu kommt noch eins. Obgleich über die Chlüsten viel mehr geschrieben worden ist, als über die Skopzen — jene sind die eigentlichen Lieblinge der russischen Sektenforschung — so ist doch das authentische aktenmässige Material über diese um soviel grösser, als sie viel mehr verfolgt worden sind und werden. Da nun die Absicht des Verfassers darauf geht, dieses Material wenn auch formell in starker Verkürzung, so doch in sachlicher Vollständigkeit zu bieten (vergl. B. I. S. V), damit der abendländische Leser instand gesetzt sei, selbständig zu urteilen, so begleitete ihn bei diesem Bande noch viel mehr als beim ersten die ständige Sorge, ihn nicht allzusehr anwachsen zu lassen. So verkürzte und unterdrückte er denn lieber eigene Reflexionen, als den Stoff.

Um nur überhaupt vorwärtszukommen, hatte der Verfasser den auf die Chlüsten und den auf die Skopzen bezüglichen Stoff für die Bearbeitung vollständig von einander getrennt. Obgleich ihm der letztere bei der Abfassung des I. Bandes im allgemeinen bekannt war, so war ihm doch nicht das Detail gegenwärtig. Was er durch Abwägung der Aufstellungen der Forscher gegeneinander dort als das Richtige erkannt hatte, dafür bietet oft

das über die Skopzen vorhandene Material die aktenmässige Bestätigung.

Das stärkere Anschwellen des Stoffes im Vergleich mit dem I. B. ist freilich auch dadurch bedingt, dass der Verfasser sich der hier bietenden Möglichkeit, auch die Ausbreitung der Sekte darzustellen, nicht entschlagen wollte. Denn diese Möglichkeit ist nur für die Skopzen vorhanden, für keine andere russische Sekte, eben weil sie bei weitem ammeisten verfolgt worden sind. Es haben die betreffenden Abschnitte daher nicht nur Bedeutung für diesen Band (sie entlasten auch seinen darstellenden Teil von vielen Zitaten, die so in ihrem geschichtlichen Zusammenhang geboten werden), sondern fürs ganze Werk. Sie zeigen an dem einzig darstellbaren Paradigma, wie eine Sekte sich trotz aller Verfolgung im Lauf von zwei knappen Menschenaltern (60 Jahren) über das ganze weite russische Reich auszubreiten imstande ist, wo nur irgend russische Bevölkerung vorhanden ist.

Der im Prospekt angekündigte § 8. über das Verhältnis zum Chlüstentum konnte jedoch wegbleiben, weil sich der diesbezügliche Stoff vollständig auf die früheren §§ verteilen liess. Im geschichtlichen Teil wurde gezeigt, wie das Skopzentum im Chlüstentum entstanden ist und auch weiterhin in ihm sein fruchtbarstes Propagandagebiet hat. Im darstellenden Teil wurde fortlaufend auf Gleichheit und Unterschiede aufmerksam gemacht. Wenig Nachrichten gibt es darüber, wie die beiderseitigen Sektierer sich zu einander stellen. Wie schon Seliwanow gleich bei seinem ersten Auftreten von vielen Chlüsten gehasst wurde (s. S. 43, 49 ff., 54 ff.), so scheint solches das den Chlüsten geradezu charakteristische Verhalten gegenüber den Skopzen zu sein (s. z. B. S. 493, 574). Dass das Skopzentum die Verfolgung zum grossen Teil von ihnen auf sich abgelenkt hat¹⁾, ist den Chlüsten nicht zum Bewusstsein gekommen. Ihnen

1) Da es immer mehr durchgehende Praxis geworden ist, dass die Gerichte die unverschnittenen Mitglieder skopzischer Gemeinden freilassen, so würde die Verfolgung der Chlüsten wohl überhaupt aufgehört haben, wenn die Einleitung des Verfahrens gegen sie nicht den Konsistorien kompetierte, denen die Skopzen als Kriminalverbrecher vollständig entzogen sind (letzterer Umstand ist auch der Grund, warum sich die Priester unvergleichlich weniger mit ihnen literarisch beschäftigen, als mit sonstigen Sektierern). Die Konsistorien überweisen die Chlüsten (früher auch andere Sektierer) schliesslich zur Aburteilung den weltlichen Gerichten, die sich dem oft nicht

erscheint das Skopzentum, das die asketische Konsequenz für sich hat, nicht nur als die gefährlichste Konkurrenz bei der Propaganda, sondern als ein Gegner, der ihren Bestand direkt bedroht, da sie immer wieder nicht ihre schlechtesten Leute an ihn verlieren. Das Umgekehrte aber, dass Skopzen zum Chlüstentum übertreten, scheint so gut wie garnicht vorzukommen. Die Skopzen erwidern diese feindlichen Gefühle freilich nicht, da sie die Chlüsten als Leute ansehen, die von allen am besten für das Skopzentum prädisponiert sind, — auch in dieser Hinsicht ihrem Stifter folgend (s. S. 374').

Sind die Skopzen unsympathisch, so sind sie deswegen noch nicht uninteressant. Diese wildgewachsenen Sekten haben ihren eigenartigen Reiz. R. M. Meyer hat mit Recht von der „archai-

entziehen können, zumal die Chlüsten die (unberechtigte [vergl. B. I. S. 434 ff.]) Anklage auf kultische und widernatürliche Unzucht als auch in ziviler Hinsicht schuldig hinstellt. Dieser Verdacht hat sie auch der Anwendung des Erlasses der Religionsfreiheit auf sie beraubt.

1) Wenn freilich Liprandi behauptet, dass zur Zeit des Aufkommens des Skopzentrums, um die 1780-er Jahre, in Moskau ein Unionsversuch von beiden Sekten gemacht worden sei, so erscheint das als wenig glaublich, obgleich er sich dafür auf „einige Überlieferungen“ beruft (gemeint wohl: unter den Sektierern selbst kursierende Überlieferungen). Denn die Masse der Chlüsten wird nie zu derartigen Verhandlungen zu haben gewesen sein. Das Resultat soll nach denselben Überlieferungen ein durchaus negatives gewesen sein, da während der Verhandlungen der beiderseitigen Lehrer es zum Streit gekommen, der in ein Handgemenge ausgeartet, wobei ein Skopze einem chlüstischen Lehrer mit einer Geißel (chlüst) das Auge ausgeschlagen, weswegen die „Christowschtschina“ von nun an Chlüstowschtschina genannt worden. — Letzteres beweist, dass es sich hier blos um eine skopzische (spöttische) Erklärung des Namens der Gegner handelt, die zugleich die eigene Überlegenheit symbolisch zum Ausdruck bringen wollte. — Später hat Re-utski in seinem von mir für den I. B. übersehenen Artikel „Die Moskauer Gottesleute“ (Russ. Bote 1882, B. 159 S. 1—79) von dem Moskauer Chlüstenschiff Jakob Schigarjows behauptet, dass es sich um 1800 nach der Glaubenslehre in Union mit den Skopzen befunden, deren Lieder es den chlüstischen sogar vorgezogen (S. 58 f.), worin ihm später andere Chlüstenschiffe im Lephortowschen und Serpuchowschen Stadtteil ähnlich waren, die auch die Andachtsversammlungen und Riten mit ihnen gemein hatten. Da aber das von Reutski als rein chlüstisches in Anspruch genommene Schiff seines Veters Wasili Schigarjow nach dem authentischen Zeugnis Saltükows (s. S. 345) vielmehr ein skopzisches war, so vermute ich, dass erst recht es sich bei jenen Schiffen einfach um skopzische handelte.

schen Einfachheit“ der russischen Sekten und ihrer „atavistischen Legende“ geredet (Mythologische Studien aus der neuesten Zeit, Archiv für Religionswissenschaft B. XIII. 1910 S. 272, 283 f.). Nun sind die Skopzen freilich eine junge Sekte, haben vieles Archaistische der chlüstischen Sekte, die ich für uralt halte (s. B. I. S. 646 ff.), abgestreift, und ihre Legende ist sehr kompliziert. Aber in einer Hinsicht erinnern sie gar an die Christen der ersten Jahrhunderte, trotzdem sie wohl die schlimmste Karikatur des ursprünglichen Christentums darstellen. Ich denke an die äussere Lage, in der sie lebten und leben. Wie zeitweilig die christlichen Gemeinden im römischen Reich in der Form der Häterien eine gewisse rechtliche Existenzberechtigung fanden, so genoss wenigstens in Petersburg selbst die unter Seliwanows direkter Leitung stehende skopzische Gemeinde längere Zeit Duldung, indem sie sich den Anschein zu geben verstand, zu den pietistischen Gesellschaften zu gehören, wie sie Alexander I. protegierte (sie gewann sogar Anhänger unter dem kaiserlichen Hofgesinde, vergl. Philipp. 4,22). Die einzige verfolgte religiöse Genossenschaft im russischen Reiche, wie es die Christen im römischen Reiche waren, sind die Skopzen freilich auch nach Erlass der Religionsfreiheit noch nicht, da auch die Chlüsten noch verfolgt werden. Doch wird auch diese Parallele bald in Kraft treten, da man sich doch allmählich von der Unschädlichkeit der Chlüsten obrigkeitlicherseits überzeugen wird. Die Skopzen aber kann kein Staat dulden (Rumänien kann es doch nur, weil es sich bei seinen Skopzen um eine gegen die eigene Bevölkerung abgeschlossene Ausländerkolonie handelt). Um eine von der Obrigkeit selber inszenierte systematische Verfolgung handelt es sich in Russland aber für gewöhnlich (doch s. S. 470 ff.) ebenso wenig, wie im alten römischen Reich. Die Skopzen leben wie die ältesten Christen trotz der gegen sie erlassenen Gesetze zumeist so lange in einer Gegend unangefochten, bis sich ein privater Kläger findet. Die Anklage geschieht sehr oft aus eigennützigen Motiven, um sich zu rächen oder sich eines unbequemen Gläubigers oder Erbberorzugten zu entledigen (s. S. 413, 475 Anm., 444, 542). Wie bei den ältesten Christen so ist auch bei den Skopzen — wenigstens bei den vollberechtigten Gliedern der skopzischen Gemeinden — mit der Anklage auch die Verurteilung gegeben, da wie jener religiöse Zugehörigkeit an einem untrüglichen Merkmal zu erkennen war, der Weigerung, dem Kaiserbilde zu opfern, so diese die Verstümmelung vollständig überführt. Der Unter-

schied, dass es sich dort um den Erweis eines angeblichen, hier eines wirklichen Verbrechens handelt, fällt nicht ins Gewicht, da er nur für den Standpunkt unserer modernen Beurteilung vorhanden ist. Die rechtliche Lage der Angeklagten hier und dort ist ganz dieselbe.

Ganz ungesucht ist die Darstellung der Geschichte der Skopzensekte zu einem Paradigma dafür geworden, dass unter den geschichtsbildenden Mächten die bedeutende Persönlichkeit die stärkste ist. Man kann ruhig behaupten, dass wenn Seliwanow nie existiert hätte oder rechtzeitig unschädlich gemacht worden wäre, es keine Skopzensekte gäbe. Die starken asketischen Triebe des russischen Volkes hätten allein ebensowenig, wie es anderswo in der Welt geschehen ist, eine derartige Sekte erzeugt. Dazu mussten sie mit den volkstümlichen, sich an den Tod Kaiser Peters III. heftenden Phantasieen die seltsamste Verbindung eingehen, was nur in einer zu dieser ganz bestimmten, so nicht wiederkehrenden Zeit lebenden Einzelpersonlichkeit möglich war, die eine starke sein musste, um sich durchzusetzen.

Schliesslich will mich bedünken, dass diese wirkliche Geschichte eines Pseudomessias der neueren Zeit mehr als die erdachten ¹⁾ zur Lösung der Frage nach der psychischen Gesundheit Jesu beiträgt. Wer mit mir Seliwanow, trotzdem er sich nicht nur für Christus, sondern für den Kaiser Peter III. hielt, für geistig gesund hält, der wird erst recht Jesum dafür halten. Freilich hat sich jener wie dieser auch nicht seine Rolle von

1) Nicht erst seine Anhänger, sondern Seliwanow selbst hat auch Details seines Lebens mit solchen im Leben Jesu nach den Evangelien in Analogie gesetzt (vergl. z. B. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 18, 30 f.). Aber es sind auch wirkliche Analogien vorhanden. Über Ursprung und Vorleben Seliwanows bis zu seinem Auftreten sind wir noch schlechter orientiert als bei Jesus: sie liegen völlig im Dunkeln (*ἀπάτωρ, ἀμήτωρ, ἀγενεαλόγητος* Hebr. 7, 3). Auch für die Entstehung und Einwurzelung dieser neuen Kastratenreligion genügt eine ganz kurze Tätigkeit des Stifters (1772—75), der aus ihr durch Eingreifen der Regierung herausgerissen wird. Aber Seliwanow ist für jene der Jesus und der Paulus in einer Person. Aus der sibirischen Versenkung wieder emporsteigend, breitet er in mehr als zwanzigjähriger Tätigkeit die Sekte über ganz Russland aus. — Die freilich von ihm selber für seine Anhänger verfasste „heilige Schrift“ („Evangelium“ und „Apostolos“) bietet auch in der Geschichte ihrer handschriftlichen Überlieferung allerlei Parallelen zum N. T. (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 63 ff.).

VIII

seiner Umgebung aufdrängen lassen, wie jene Christusse der Poesie, und beider Auftreten und Tätigkeit ist nicht spurlos vergangen, sondern beide haben eine sich immer wieder erneuernde Gemeinde hinterlassen. Woran es liegt, wenn letzteres nicht der Fall ist, kann man an Persönlichkeit und Geschichte des Nachtreters Seliwanows, Lisin, studieren (§ 7, 3).

Das vollständige Erscheinen des II. Bandes hat sich infolge der Notwendigkeit verzögert, die Materialsammlungen zu ergänzen. Zu dem Zwecke verbrachte ich abermals mehrere Ferien in Petersburg und fand hier in der Akademie der Wissenschaften das schon früher bewährte Entgegenkommen des Direktors der russischen Bibliothek Akademikers Dr. A. Schachmatow, des Konservators Dr. O. von Lemm, ferner verpflichtete mich der Bibliothekar und Konservator W. Srešnewski. In der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek erhielt ich diesmal dank der Liebesswürdigkeit des Direktors Geheimrat D. Kobeko die Erlaubnis, in der betreffenden Abteilung der Bibliothek selbst zu arbeiten, was wesentliche Zeitersparnis mit sich brachte. Einiges, was in diesen beiden grössten Bibliotheken Petersburgs und in der Universitätsbibliothek nicht zu finden war, erhielt ich dank der Freundlichkeit des Professors D. N. Glubokowski und des Gliedes der Archivkommission des Departements der Allg. Angel. des Ministeriums der Innern Angel. Staatsrat N. Laschkow aus der Bibliothek der Geistlichen Akademie und der dieser Behörde. Die Empfehlung des letzteren an den Bibliothekar Mogilanski verschaffte mir auch Zutritt zu den in der Bibliothek der ethnografischen Abteilung des Museums Alexanders III. aufbewahrten den Sektierern abgenommenen Gegenständen, die sich früher — vor dem Erlass der Religionsfreiheit — in dem besondern „Kabinett für Raskolnikensachen“ beim Ministerium der Innern Angeleg. befunden (die den Raskolniken abgenommenen wurden damals ihren jetzigen Vorstehern zurückgegeben). Hier sah ich viele Ölgemälde Seliwanows, sonstige Skopzen darstellende und von Skopzen angefertigte Bilder (s. S. 489 Anm., 821 Anm.) und andere zum skopzischen Kultus gehörende Gegenstände (auch chlystische, z. B. den Tisch Danila Philippowitschs und Iwan Suslows unter № 3, vergl. B. 1. S. 26 und 28 Anm., doch ohne die von Liprandi erwähnten Porträts jener). Als ich den Wunsch äusserte, dasjenige von den Bildern, welches auf mich den porträtähnlichsten Eindruck machte, zu fotografieren, gab mir Laschkow eine Empfehlung an Exzellenz Wirklichen Staatsrat Ostaph-

jew, da er die wichtigsten Bilder bereits fotografiert. Auch er bezeichnete, ehe ich noch darauf zu sprechen gekommen, das von mir gemeinte als das porträtähnlichste. Dem Umstande, dass er mir bereitwilligst seine Photographie überliess, verdankt dieser Band die Reproduktion. Schon auf einer meiner ersten Reisen (1904) hatte auf meine Bitte Pastor E. Hoheisel die der Bibliothek der Kasaner Geistlichen Akademie gehörende sehr selten gewordene bunte Holzschnittreproduktion des Porträts Seliwanows aus späterer Zeit, wohl aus dem Ende seines Petersburger Aufenthalts, welches Nadeschdin (S. 163, Anm. 217) für das ähnlichste erklärt (№ 1 der seinem Buche beigelegten Zeichnungen, vergl. S. 134 dieses B. ¹⁾) fotografieren lassen. Doch ist die Photographie naturgemäss nicht deutlich genug, um vervielfältigt zu werden (eine farblose Reproduktion bieten neuerdings Roschdestwenski und Uspenski auf Tafel № 9 ihres Werkes, vergl. S. 988 dieses B.).

An unsrer Universitätsbibliothek hat mich Bibliothekar A. Rastorgujew fortlaufend gefördert, ebenso die Bibliothekarsgehülfen W. Hansen, A. Suchodejew und J. Smigrodski. Auskünfte über die richtige Übersetzung seltener Ausdrücke und die Betonung gaben mir auch für den II. Band meine russischen Kollegen.

Meine Helfer aus der lutherischen Pastorenschaft Russlands sind leider seit dem Erscheinen der I. Hälfte dieses Bandes alle gestorben: Pastor Mag. A. Hakkarainen in Petersburg, Oberpastor L. Backman in Moskau und Pastor W. Thumim in Schemacha, zuletzt in Riga. Backman hat die I. Hälfte noch durchsehen können, doch hier nur Druckfehler zu korrigieren gehabt (Brief vom 29. Sept. 1909). Um Ersatz zu erhalten, versandte ich vor drei und zwei Jahren einen Aufruf an alle russländischen Pastoren, dem ich das scharfe Wort v. Haxthausens über die wissenschaftliche Lässigkeit der deutschen Literaten Russlands, insbesondere der lutherischen Prediger, an die Spitze stellte (aus seinen „Studien über die innern Zustände . . . Russlands“ I. S. 343 Anm.). Dass dieser Aufruf mit der spezifizierten Bitte um Mitarbeit keinen durchschlagenden Erfolg hatte, hängt wohl damit zusammen, dass die russländischen Pastoren in so grossen Gebieten (oft einem ganzen Gouvernement) oder in so grossen Gemeinden arbeiten,

1) Es ist sehr auffällig, dass das Original sich im Museum Alexanders III. nicht befindet, da es nach Nadeschdin a. a. O. in Petersburg dem Skopzen Leónow weggenommen worden.

dass sie tatsächlich für wissenschaftliche Arbeit keine Zeit haben. Nur vom Pastor in Batum A. Bernhoff erhielt ich einige Zuschriften über die Molokanen, vom Pastor in Kursk A. Baschwitz einige Mitteilungen über die Skopzen (s. S. 493), ferner von diesem, den Pastoren J. Stenzel in Krasnojarsk und A. Wegener in Wiborg und dem Fräulein K. Nikiforow in Moskau auf die Sektierer bezügliche Ausschnitte aus Lokalblättern. Wegener verschaffte mir auch ein seltenes Buch. — Allen, die auf die angegebene Weise meine Arbeit unterstützt (s. auch S. 945 Anm., 979, 986), spreche ich auch hier meinen verbindlichsten Dank aus.

Das Erscheinen des III. abschliessenden Bandes (über die Duchoborzen und Molokanen und deren zahlreiche Denominationen) ist infolge dessen sehr in Frage gestellt, dass der bisherige Absatz in umgekehrtem Verhältnis ¹⁾ zu dem Wohlwollen steht, das sich in den Rezensionen gegenüber diesem Werk ausspricht. Desto dankbarer bin ich für dieses. Es handelt sich um die Absicht, nachzuweisen, dass auch das Duchoborzen- und Molokanentum, von denen das letztere mit seiner c. halben Million Anhänger besonders Gewicht hat, Abspaltungen der russischen Kirsche selber sind und nicht — wie in Russland angenommen wird — abendländischem Einfluss ihren Ursprung verdanken (auch ihre letzte Wurzel ist das Chlüstentum, nur hat sich dieses in ihnen nach einer ganz andern Richtung hin weiterentwickelt, als im Skopzentum, nämlich nach der antiritualistischen ²⁾). B. I. und II. bilden insofern zusammen bereits ein Ganzes, als sie die geheimen russischen Sekten nebst ihren Denominationen vollständig darstellen (es müsste also nur das unterstrichene Wort in den Haupttitel eingeschoben werden, falls der III. Band nicht erscheint). — Ferner ist es mir eine Genugtuung, dass der Einfluss dieses Werkes in der russischen Sektenforschung spürbar wird. Nur habe ich es nicht veranlasst, dass die betreffenden Forscher nicht notieren, dass sie von ihm

1) Von dem auch aus eignen Mitteln (vergl. B. I. S. III) aufgewandten Vermögen ist bisher nichts zurückgekommen.

2) In dem Artikel „Russische Sekten“ in dem Handwörterbuch „Die Religion in Geschichte und Gegenwart“ stellte ich sie noch nicht nach eignen Forschungen dar, sondern ebenso wie die in ihrem Ursprung auf den Einfluss fremder Religiosität zurückgehenden Sekten (vergl. B. I. S. VII) nach dem Buche von Prof. T. Butkewitsch, Übersicht über die russischen Sekten und ihre Denominationen, Charkow 1910.

abhängig sind oder sich haben anregen lassen, da ich auch die kleinste Arbeit, die ich benutzte, namhaft gemacht habe.

Auch bei der Ausarbeitung dieses Bandes (vergl. B. I. S. X) begleitete den Verfasser das Erstaunen, wie unbekannt doch Russland im übrigen Europa ist, unbekannter als etwa die Türkei! Dass es z. B. dort tanzende Derwische gibt und an den Harems Eunuchen, weiss nicht nur der Gebildete. Wie wenige aber wissen davon, dass es in Russland Hunderttausende tanzender Christen gibt und von ihnen ein starker Bruchteil verschnitten ist! An diesem Unbekanntsein Russlands, das gewiss einen starken Machtfaktor für dasselbe bedeutet, ist m. E. nicht so sehr die Absperrung der russischen Grenze durch das Passwesen oder etwaige sonstige staatliche Arkandisziplin schuld, als die merkwürdige Beziehungslosigkeit der abendländischen Kultur im Verhältnis zur russischen. Z. B. haben auch in den baltischen Provinzen nur diejenigen, die zeitweilig im eigentlichen Russland gelebt, eine deutlichere Kunde von den russischen Sektierern, als man sie ausserhalb des russischen Reichs besitzt.

Jurjew-Dorpat in Livland, Parkstrasse № 2, im Oktober 1913.

Das Recht der Übersetzung wird vorbehalten.

§ 3. Aus der weiteren Geschichte der Sekte.

Es hat keinen Zweck, die in der russischen Literatur und Presse zerstreuten Nachrichten über das Vorkommen der Skopzen in der bisherigen Weise auch für die Zeit von 1832 bis zur Gegenwart zu bieten. Denn wie und wann die Sekte in die bis dahin von ihnen freien Gebiete (vergl. S. 447 f.) gedrungen und wie und wann die Maschen des Netzes, das ihre bisherige Verbreitung grafisch darstellen würde, immer dichter geworden, dafür lässt sich aus den Nachrichten auch nicht einmal ein ungefähres Gesamtbild entwerfen. Dazu sind sie viel zu sporadisch. Ferner kommt für diese spätere Zeit nicht mehr das Interesse in Betracht, das uns bis hiezu hauptsächlich geleitet hat, nämlich die Beteiligung Seliwanows selber an der Ausbreitung nachzuweisen. Unsere Aufgabe kann es fortan nur sein, dem abendländischen Leser im Wesentlichen dieselbe geschichtliche Kunde von den Skopzen zu verschaffen, die der Russe aus seiner Literatur und Presse erhalten kann. Diese ist hier aber zum bei weitem grössten Teil in der Form von Mitteilungen über Skopzenprozesse vorhanden, indem sich eine Auswahl aus der gewaltig grossen Menge der tatsächlich geführten vollzogen hat. Gewiss sind sehr verschiedenartige, z. T. willkürliche Gründe dafür massgebend gewesen, warum der eine Prozess eine Darstellung gefunden hat, der andere nicht. Da aber ein Heer von Mitarbeitern nötig wäre, um die Akten aller Skopzenprozesse im weiten Reiche studieren zu lassen und auf diesem Wege eine Auswahl nach gleichmässigen Gesichtspunkten zu treffen, so bleibt mir nichts anderes übrig, als die russische Auswahl zu bieten. Dem Leser bleibt dabei immer noch der Vorteil, alle Prozesse, die in Russland die literarische Aufmerksamkeit auf sich gezogen haben, hier zusammengestellt und in wesentlich verkürzter und geordneter Darstellung zu finden, während der Russe die oft sehr langatmigen Darstellungen, die zumeist nur Darbietungen von Rohmaterial sind, sich mühsam zusammensuchen muss. Denn zu einer Übersicht gibt es in der russischen Literatur nur Ansätze (der relativ vollständigste bei Kutepow S. 234—268: V. Periode der Geschichte des Skopzentrums 1832—1880).

a. Der Panowsche Prozess in Saratow (1833—1837).

Über diesen grossen Prozess und das Skopzenschiff, das in ihn verwickelt war (vergl. oben S. 441), berichtet Melnikow (a. dort a. O., z. T. auch 2. B. S. 79—83) nach der Akte № 33 vom Jahre 1834 im Departement der Allgemeinen Angelegenheiten des Ministeriums der Innern Angeleg.; nach den Niederschriften des Saratower Gefängnis Priesters N. Waserski (vergl. B. I S. 155), die er dem Bischof Jakow Wetscherkow vorgelegt; nach der ihm von diesem Bischof übergebenen „Niederschrift, worauf sich die Skopzen gründen“, die später, frühestens in den vierziger Jahren, von den Saratower Skopzen selbst verfasst worden; und nach der anonymen „Erzählung eines Augenzeugen über die Handlungen des hochwürdigen Jakow in Sachen der Bekehrung von Raskolniken des Saratower Gouvernements von 1832 bis 1839“, St. P. 1862. — Schon Kutepow (S. 237—242), welcher sonst Melnikow nur exzerpiert, hat nach letzterer Erzählung, die er nach der Zeitschrift „Häusliche Unterhaltung“ (1861, S. 764—767 und 809) zitiert, ihn hie und da korrigiert oder ergänzt. Ich bin in letzterem noch weiter gegangen (wozu mich ein in der Petersburger Akademie der Wissenschaften vorhandenes Exemplar der sehr selten gewordenen Separatabzüge in den Stand setzte).

Zu dem Prozess kam es so. In der nach der „Erzählung“ (S. 30 f.) bereits seit 1829 in Saratow existierenden, nach Melnikow erst von Bischof Jakow nach seinem Amtsantritte (1832) begründeten „Missionsgesellschaft und Bruderschaft“ zur Bekehrung von Raskolniken, zu welcher an dreissig Personen gehörten, waren die eifrigsten Mitglieder die Saratower Kaufleute Rodiön Ponomarjow, S. Tschekenjów, A. Šaletnów und der Kleinbürger A. Ljubimow. Da sie ein frommes Leben führten und sich im Geheimen versammelten, wurden sie von den in Saratow sehr verbreiteten Anhängern der Skopzensekte, die aus dem Kreise Atkars hierher gedrungen war, für ihnen nahestehende Sektierer gehalten. Ihr Anführer und Hauptpropagandist, der Kaufmann W. Panow, suchte ihre Bekanntschaft und kam auf ihre Unterredungen mit Raskolniken, in der Hoffnung, sie allmählich zu sich herüberzuziehen. Trotz all' seiner Vorsicht im Reden über Glaubensfragen erriet Ponomarjow nach und nach, dass er Skopze sei, und machte davon und dass, wie es scheine, die Skopzensekte in Saratow bereits Wurzel gefasst, dem Bischof Mitteilung. Dieser interessierte sich lebhaft für die Wirksamkeit

der Bruderschaft, sodass ihre Mitglieder zu ihm jederzeit freien Zutritt hatten. Der Bischof wandte sich an den Saratower Gouverneur Perewéršew mit der Bitte, um Aufdeckung und Vernichtung der in Saratow aufkeimenden Skopzenhäresie. Perewéršew antwortete in offizieller Relation, es gäbe im ganzen Saratower Gouvernement keine Skopzen. Überhaupt begünstigte er nicht des Bischofs Vorgehen gegen die Raskolniken und Sektierer ¹⁾.

Darauf wandte sich Jakow an den Stabsoffizier des Gendarmeriekorps des Saratower Gouvernements Major P. Bükow, der ihm aufrichtig ergeben war und ihn in seinen Bestrebungen unterstützte. Auf dessen Rat überredete der Bischof Šaletnów, mit Panow und seinen Anhängern in nähere Beziehung zu treten und sich scheinbar der Sekte anzuschliessen, um ihre Geheimnisse zu erfahren. Die (nach Melnikow unbegründete) Furcht Šaletnows vor gewaltsamer Verstümmelung beschwichtigten seine Freunde und Bükow mit dem Versprechen, ihm auf ein verabredetes Zeichen zu Hülfe zu kommen. Šaletnow überstand wohlbehalten alle mystischen Prüfungen, wurde in das Schiff Panows aufgenommen und nahm an den skopzischen Gottesdiensten teil. Der Zumutung, sich verschneiden zu lassen, wich er unter verschiedenen Vorwänden immer wieder aus. Das Drängen der Skopzen wurde aber immer stärker und wegen seiner erneuten Furcht vor gewaltsamer Verstümmelung veranlassten der Bischof und Bükow auch S. Tschekenjów und A. Ljubímow, in das Skopzenschiff einzutreten, damit sie im Falle der Gefahr Šaletnow zu Hülfe kommen könnten. Auch sie überstanden alle Prüfungsriten, wurden in einige Geheimnisse der Sekte eingeweiht und vermochten gleichfalls, unter allerlei Vorwänden Aufschub der Verschneidung zu erlangen. Über alles Erlebte berichteten sie dem Bischof und stellten ihm von den Hauptgliedern der Sekte angefertigte Niederschriften ihrer Lieder zur Verfügung. Von seiner Aufnahme erzählte Tschekenjów dem Bischof und vor Gericht folgendes: „Als ich vor Panow niederkniete und ihn um Aufnahme in ihre Gesellschaft bat, innerlich aber zu Gott betete, er möchte mir helfen, unbeschädigt aus dieser Prüfung herauszukommen, geriet Panow plötzlich ausser sich, begann häufig und schwer zu

1) Melnikow behauptet (S. 127) unter Berufung auf die Akte № 33, die Saratower Stadtpolizei hätte jährlich 1000 Rubel von den Skopzen erhalten und dafür für das Geheimbleiben ihrer Versammlungen gesorgt. Der Polizeimeister Oberst Jewréinow habe sie protegiert, wie auch der Gouverneur selbst.

atmen und verlor dabei fast völlig den Atem. Er schwankte und fiel den neben ihm Stehenden in die Arme. Alle stimmten im Chor an „Christós ist auferstanden“ und fassten ihren Profeten unter die Arme. Als Panow nach einiger Zeit zu sich kam, sagte er den Skopzen: „Aus diesem Menschen wird entweder ein grosser Profet werden, oder von ihm wird für uns alle Unglück kommen“.

Die Behauptung der „Erzählung“ (S. 68), Šaletnow selber sei nach seinem Eintritt in alle Geheimnisse der Sekte eingeweiht worden, schränkt Melnikow durch die Bemerkung ein, die Genossen hätten keinerlei Angaben über Peter III. = Seliwanow, Akulina Iwanowna und Schilow gemacht, von denen in der Akte überhaupt nicht die Rede sei. Jakow selber habe von der skopzischen Legende erst 1847 durch ihn erfahren. Dass sie aber auch den Saratower Skopzen selbst unbekannt gewesen, sei durch die Besuche Panows bei den Miljutins in Alatür (vergl. oben S. 366 f.) ausgeschlossen. Immerhin erfuhren die Genossen genug, um sich und Bükow davon zu überzeugen, Panow und seine Anhänger seien tatsächlich Skopzen. Bükow meldete darüber nach Petersburg an seine Oberbehörde und bat um die Erlaubnis, sie bei einer ihrer Versammlungen zu verhaften. Aber bevor noch diese eintraf, hatten bereits die Petersburger Skopzen davon erfahren und ihre Saratower Glaubensgenossen gewarnt. Die Folge war, dass die auswärtigen Skopzen sofort Saratow verliessen und die hier ansässigen sich so verhielten, dass die vom Gouverneur Perewersew infolge eines aus Petersburg eingetroffenen Befehls auf formalem Wege getroffenen Massnahmen zu ihrer Aufspürung erfolglos blieben. Er beeilte sich nach Petersburg zu melden, dass obgleich es viele Rasnolnikensekten in Saratow gäbe, die Skopzensekte hier bestimmt nicht existiere, wofür er sich fest verbürge. — Die Bükow endlich gegebene Erlaubnis, die Skopzen festzunehmen, kam so zu spät.

Es dauerte ein halbes Jahr, bis die Skopzen wieder zusammenzukommen wagten. Unterdessen hatte auch Rodion Ponomarjow auf das Zureden Jakows und Bükows hin, scheinbar dem Versuche Panows, ihn für die Sekte zu gewinnen, nachgegeben, war wiederholt in dem Hause des Skopzen Larión Bekétow, in dem sich die skopzische Betstube befand, gewesen und hatte dabei alle Ein- und Ausgänge kennen gelernt. Auf der ersten Versammlung sollte er feierlich aufgenommen werden. Sie wurde auf die Christwoche 1833 angesetzt. Es kamen bereits Profeten und Profetinnen angereist, so aus Moskau der Kaufmann Baibaków, aus dem Dorfe Perejésd (Kreis Atkars), aus

Samara u. a. O. Diese Versammlung beschloss Bükow zur Ausführung seines Vorhabens zu benützen. Die Nacht war dunkel, dabei herrschte ein starkes Schneegestöber, sodass die Skopzen nur um so sicherer zusammenkamen. Eine Stunde vor der Versammlung kam Ponomarjów zum Bischof, um sich seinen Segen zu holen, und begab sich von ihm direkt zu Bükow, der alles vorbereitet hatte. Er hiess Ponomarjów eine Gensdarmenuniform anziehen, ein Kommando als Bauern verkleideter Polizisten zu Fuss anführen und mit ihnen alle Ein- und Ausgänge des Beketowschen Hauses besetzen. Er selbst wollte mit einer uniformierten Abteilung zu Pferde folgen. Das Haus Beketows lag im Hofe, in der Nähe des Gartens. Durch die Dunkelheit und das Unwetter begünstigt näherte sich die erste Abteilung demselben unbemerkt. Einige überkletterten in einem Augenblick den Zaun, ergriffen die als Wachen aufgestellten Skopzen, öffneten das Tor und besetzten alle Ausgänge, die anderen umstellten das Haus. Bükow wurde das sofort zu wissen gegeben und er erschien unverzüglich mit den Gensdarmen zu Pferde. Er und Ponomarjów kamen ebenso unbemerkt ins Haus hinein. Denn in merkwürdiger Sorglosigkeit hatten die Skopzen die Türen ins Vorhaus und ins Vorzimmer nicht verschlossen und, eifrig beschäftigt mit Radenije und Gesang, nichts gehört. Von hier traten die beiden ungehindert in den grell mit Lampen erleuchteten Saal ein und überraschten die Sektierer völlig. In der Mitte stand ein mit weissem Tuche bedeckter Tisch, auf dem Kreuz und Evangelium lagen. Zu seiner rechten Seite standen die Männer, barfuss, alle weissgekleidet, mit einem weissen Tüchlein und einem angezündeten Wachlicht in der linken Hand; zur linken Seite die Weiber, in weissen Saraphanen, den Kopf mit einem weissen Tüchlein umbunden, die linke Hand in gleicher Weise bewehrt wie die Männer. Erschreckt durch das plötzliche Erscheinen der Gensdarmen liefen sie in verschiedene Zimmer auseinander, die drei Genossen aber hängten sich gemäss Verabredung, wie in grossem Schrecken an die angereisten Profeten und schrien kläglich: „Helft ihr Angestammten, rettet, wir gehen zugrunde!“ Diese suchten sich vergeblich loszureissen, das Kommando trat ins Haus, fesselte zuerst die Profeten und Profetinnen, dann die andern, setzte sie auf die Pferde und brachte sie, 30 an der Zahl, in Bükows Haus.

Wie sich später herausstellte, hätte die Verhaftung im entscheidenden Augenblicke fast der Protoiere G. Tschernüschéwsky

verhindert. Dieser, der das Vertrauen des früheren Bischofs besessen hatte, arbeitete überhaupt dem gegenwärtigen entgegen, ja hatte ihn bei dem heiligen Sinod denunziert, dass er eine geheime Sekte protegiere, womit er die Missionsgesellschaft meinte. Dabei stand er in Verbindung mit dem Gouverneur und Polizeimeister. Durch einen früheren skopzischen Katechumenen hatte er von der Versammlung zur Aufnahme Ponomarjów erfahren, davon unverzüglich dem Polizeimeister Mitteilung gemacht und ihn gedrängt, Ponomarjów zu verhaften. Aber Jewre-inow hatte aus Courtoisie gegen die Skopzen sich nicht gleich dazu entschliessen können.

Sofort nach der Einbringung wurde das erste Verhör mit ihnen abgehalten, wobei sie alles eingestanden und den Zweck ihrer Versammlung angaben. Am nächsten Morgen meldete Bükow dem Gouverneur, dass er „gewisse sonderbare Leute“ festgenommen habe. Als dieser sofort zu ihm fuhr, um sie sich anzusehen, und die weissgekleideten Leute erblickte, fragte er: „Was ist das für ein Volk?“ „Das sind Skopzen, Eure Exzellenz,“ antwortete Bükow. Der Gouverneur gab sich gezwungen den Anschein, als ob er sich über die Aufspürung der Leute freue, die nach seiner kürzlichen Meldung ans Ministerium in Saratow nicht existierten. Sie wurden ins Gefängnis abgeführt.

Bei den weiteren von ihm veranstalteten Verhören hatte Bükow verabsäumt, Deputierte von der Kaufmannschaft hinzuzuziehen, sodass die Verhöre ungültig waren. Bei dem weiteren Gang des Prozesses widerriefen die Verhafteten — von wem dazu angestiftet, ist unbekannt — ihre früheren Aussagen, die sie nur infolge der Drohungen des Gensdarmerieoffiziers gemacht. So zog sich die Sache vier Jahre lang hin. Sie wurde so gedreht, dass Ponomarjów als das Haupt der Sekte erschien, was die Angeklagten versicherten. Seinen drei Genossen wurde verboten, während der Dauer des Prozesses Saratow zu verlassen, sie konnten nicht die Jahrmärkte zu Nischni-Nowgorod besuchen und wurden dadurch ruiniert. Als die Sache in den Magistrat kam, sagten die Bürgermeister, von denen der eine ein Molokane, der andere ein Raskolnik war, öffentlich zu Ponomarjów: „Wie Täubchen! Du bist zu uns gekommen, um Sekten zu entdecken: warte, wir werden dich einstecken!“ Aber schliesslich gelang es Ponomarjów doch, sich zu rechtfertigen und bei der Konfrontation seiner und seiner Freunde mit den Skopzen diese, die sich in ihren Aussagen verwirrten, zu überführen, wozu besonders

auch ihre von Panow und andern niedergeschriebenen Lieder dienten, die der Bischof der Akte beigelegt hatte. Die Profeten, Profetinnen und hervorragendsten Glieder des Saratower Schiffes wurden nach Sibirien verschickt, ausser Panow, der sich zur Rechtgläubigkeit bekehrte ¹⁾, die übrigen unter polizeiliche Aufsicht gestellt. Dessen Aussagen, wie die der andern Skopzen, besonders eines erst kürzlich (1832) aufgenommenen Saratower Kleinbürgers, namens Kurilkin, der sich gleichfalls bekehrte, ferner die Angaben der vier Genossen gaben nun von dem Saratower Skopzenschiff folgendes Bild:

Panow war nicht nur Haupt des Saratower Skopzenschiffes, sondern ihm waren auch andere Schiffe unterstellt, weswegen er oft von Saratow entfernt war, um sie zu besuchen. Andererseits pflegten auf den Saratower Skopzenversammlungen auch Profeten von auswärts zugegen zu sein: aus Moskau, aus dem Dorfe Dálni Perejésd, aus Samara, aus Tula. Die Versammlungen fanden gewöhnlich bei Beketow statt, hauptsächlich in den Nächten von Sonnabend auf Sonntag. Kurilkin, der durch Vorlesen und Erläuterung von Schriftstellen von einem Skopzen zum Beitritt zur Sekte geneigt gemacht worden war, wurde einmal von Beketow gefragt, ob er das „Taubenbuch“ gelesen habe. Auf seine verneinende Antwort bemerkte Beketow: „Wenn du wünschst, kannst du es sehen; bete nur zu Gott und Er wird es dir enthüllen. Doch muss man warten, bis Panow ankommt.“ Als Kurilkin von dessen Rückkehr erfahren, begab er sich ins Haus Beketows und wurde Panow vorgestellt. Zuvor hatte er gemäss der Anweisung Beketows drei Tage gefastet und gebetet. Es fand nun der feierliche Aufnahmeakt statt. Darauf begann die Radenije. Nachdem Panow vor den Ikonen unter Bekreugung mit beiden Händen gebetet, kniete er nieder und begann zu profetisieren. Während dessen sagte der Skopze, der Kurilkin bekehrte, zu ihm: „Siehe da ist es, das Taubenbuch.“ Darauf knieten alle nieder und beteten Panow an. Jener Skopze sagte zu Kurilkin: „Siehe da eine lebendige Ikon, vor der man sich verbeugen muss.“ Ferner sagten er und Beketow zu ihm unter Hinweis auf Panow: „Siehe da ein wahrhaftiger Gott; mit seinen Lippen redet der Heilige Geist.“ Ausser Panow gerieten auf weiteren Versammlungen auch die anderen Profeten, besonders der

1) Nach Melnikow kann diese Bekehrung nicht aufrichtig gewesen sein, da er nichts von den Personen der skopzischen Legende verriet (vergl. oben S. 452).

aus Tula, ausser sich und weissagten. Panow pflegte während der Radenije allein zur Seite zu stehen und zu schnellerem Sichdrehen anfeuernd zu rufen: „Das Fleisch schonet nicht, mit Marfa (= Martha, vergl. B. I. S. 306 f.) habt kein Mitleid.“ Bei Beketow wurde bei der Haussuchung ein Exemplar einer mit Erlaubnis der Moskauer geistlichen Zensur gedruckten Lithografie gefunden, auf deren Mitte Jesus Christus als guter Hirt mit einem Schaf in den Armen zu sehen ist, rund um aber Engel, die sich im Reigen an den Händen gefasst haben. Darüber steht „Wahrhafte Darstellung der Busse“. Panow gab an, dass der Ritus der Radenije von diesem Bilde hergenommen sei.

Panow verstand zu lesen, war aber sonst ganz ungebildet. Wenn seine Anhänger Fragen an ihn stellten, so antwortete er oft dunkel und unverständlich. Aber das schadete seinem Ansehen nicht, sondern sie sagten: „Er redet durch den Heiligen Geist, aber uns ist wegen unserer Sünden die himmlische Sprache unverständlich.“ Er legte ihnen oft Fasten auf, zuweilen für vierzig Tage völlige Enthaltung von Nahrung nach dem Beispiele Christi. Einige Fanatiker erfüllten das buchstäblich und starben an Hunger. Die Skopzen bestatteten sie mit grossen Ehren, weil sie in der Nachfolge des Lebens Christi als Gerechte ihr Leben geopfert. Ihre Gottesdienste machten grossen Eindruck auf die Rechtgläubigen, die zugelassen wurden, besonders die volkstümlichen Lieder. So sagte ein Saratower Totengräber und Kirchhofswächter, ein guter, ehrlicher und frommer Mann gleich auf der ersten Andacht, die er mitmachte, in vollem Entzücken: „Ich habe zwanzig Jahre lang mir Errettung gegraben, aber dieser eine Abend hat meiner Seele mehr Nutzen gebracht, als diese zwanzig Jahre.“

Zu dem Aufnahme ritus gehörte im Saratower Schiff eine Art Taufe: den Neophyten führte man dreimal um einen Tisch, auf welchem Kreuz und Evangelium lagen, und sang dabei dreimal den Tropar „Im Jordan taufe ich mich Dir, Herr!“ Anstelle der Wassertaufe aber war die „Feuertaufe“, die Verschneidung mit einem weissglühenden Messer getreten (mit dem sie den Männern die Kugeln, den Weibern die Brustwarzen wegbrannten), wofür sie sich auf Matth. 3, 11 beriefen, während der Zustand der Betäubung infolge der Drehungen und Tänze „Taufe mit Heiligem Geist“ hiess. Dem neu Eintretenden gab man das Gebot: „Der Unverheiratete heirate nicht, der Verheiratete scheidet sich!“ (vergl. B. I. S. 15). Ihre Tanzversammlungen nannten sie das „Apostolische geheime Abendmahl“ (vergl. B. I. S. 121 u. 109). Die heiligen

Sakramente (russ. = Geheimnisse), sagten sie, wurden nur bis auf Konstantin und seine Mutter Jeléna vollzogen. Denn vordem wurden sie geheim vollzogen, nachher aber vor allem Volke, ja zu Ostern sogar bei geöffneten Türen (des Allerheiligsten). Der Tulasche Profet sagte einmal: „Was für ein Geheimnis ist dabei? Ich war einmal bei uns in Tula in der Kathedrale, den Dienst verrichtet (der Bischof) Damaskin. Die Zarischen Türen sind sperrangelweit offen, offen vollzieht er die Sakramente. Der Protodiakon schreit mit deutlicher Stimme: „Katechumenen, gehet hinaus!“ Aber vorne an steht der deutsche Gouverneur und kehrt sich nicht im geringsten daran.“ „Ich war in Kasan, da war es noch besser“, sagte darauf Beketow. „Ich war dort bei den Gebeinen des Heiligen Guri. Der Archieré Philaret hält den Mittagsgottesdienst ab, vollzieht ebenfalls das Sakrament, die Zarischen Türen sperrangelweit aufreissend, der Stadtteilsaufseher, ein Tatar, treibt aus der Kathedrale die überflüssigen Leute hinaus und verfügt selbst über alles in der Kirche. Siehe da Sakramente! Was sind das für Sakramente? Greuel der Verwüstung und weiter nichts.“

Auch sonst enthält der Bericht Melnikows mancherlei Instruktives für Kultus und Lehre der Skopzen, auch eine ganze Reihe Lieder und einige Profezeiungen. Ich habe hier nur das gebracht, was einen älteren Typus aufweist, als was sonst mitgeteilt wird. Dieser ältere Typus ist zumeist der chlüstische (vergl. die obigen Verweisungen auf B. I). Man wird annehmen dürfen, dass das Schiff Panows ursprünglich ein chlüstisches war und als ganzes zum Skopzenthum übergetreten ist. Aus der älteren chlüstischen Gepflogenheit erklärt es sich, dass Panow noch „wahrhafter Gott“ (vergl. oben S. 455) und wie Melnikow ausdrücklich angibt „Gott Jisús Christós und Heiliger Geist“ genannt wurde. Die skopzische Dogmatik hatte in praxi die Verehrung des früheren Chlüstenchristus hier noch nicht zu verdrängen vermocht.

b. Der Prozess in Jassy (1835).

Obgleich im Jahre 1830 das Skopzenthum in Jassy völlig vernichtet schien (vergl. oben S. 439), entstand bereits 1835 wieder ein neuer grosser Skopzenprozess. Über ihn berichtet P. Sürku (Die russischen mystischen Sekten in Rumänien, Christliche Lektüre 1879 I. S. 36—39) nach Melchisedek, Lipovenismulu S. 422—424 und Manual. administr. II. S. 693—694). Er wurde infolge der geheimen Denunziation zweier Skopzen an den Metropolitan Melchisedek nach erfolgter Zusammenberufung des Rats

unter Vorsitz des Hospodar vor dem Departement der Inneren Angelegenheiten, in welches die Angeber gerufen wurden, und vor dem Aga geführt und ergab folgendes:

Das Haupt der Sekte war Lawrénti Tschíkow, der alle möglichen Massnahmen getroffen, um die wirkliche Anzahl der Skopzen in Jassy geheim zu halten. Diese belief sich auf mehr als 60, obgleich seit dem letzten Prozess viele gestorben oder geflohen waren. Vier von ihnen wurden als Verschneider nachgewiesen, darunter zwei Profeten, von denen der eine ein Rumäne war. Sie hatten viele verstümmelt. Auch zwei Frauen erwiesen sich als verschnitten. Sonst war von den Angeklagten selbst über die Sekte nichts herauszubringen.

Der Landtag schlug vor, die Skopzen als Kriminalverbrecher aus dem Gebiet des Fürstentums zu verbannen, — ausser denjenigen, die in der Sekte keine besondere Rolle gespielt und nicht nachgewiesenermassen freiwillig die Verschneidung angenommen, auch niemand anders verschnitten, falls sie genügende Garantien dafür böten, dass sie sich völlig von der Häresie lossagen, von jeder in Jassy in Zukunft noch vorkommenden Verschneidung oder dem Eintreffen neuer Sektierer der Obrigkeit Anzeige machen. Der Hospodar bestätigte diesen Vorschlag und übertrug die Ausführung dem Departement und dem Aga. Die Sektierer wurden ausgetrieben ausser denen, die die Rechtgläubigkeit annahmen. Für sie wurde vom Metropolit die Kirche des heiligen Charalampus bestimmt und ihre geistliche Bedienung dem Geistlichen an derselben, einem Griechen, übertragen, der bald durch ihre reichlichen Opfer reich wurde, da sie alle rechtgläubigen Riten mitmachten. ¹⁾

1) Nach Melchisedek gab es zur Zeit der Abfassung seines „Lipovenismulu“ (Sürku nennt das Jahr nicht, doch scheint es 1871 zu sein), wieder mehr als 100 Skopzen, welche Zahl nicht nur durch Übersiedler aus Russland, sondern auch durch neue Proselyten in Rumänien zustande gekommen. 1859 wurde (Sürku S. 41—61) nahe der russischen Grenze, in Ismail, eine ganze Skopzengemeinde entdeckt, bestehend aus 13 Personen, an deren Spitze ein russischer Flüchtling Grigóri Jákowlew stand. Man fand bei ihm ausser vielen verdächtigen Instrumenten und Arzneimitteln auch allerlei Manuskripte, die z. T. russische Lieder zum Preise Seliwanows, Schilows und der Akulina Iwanowna enthielten, ferner Briefwechsel mit Skopzen in Galatz und im Gouv. Rjašan; andere waren mit unverständlicher Schrift geschrieben. In seinem Hause wurden zwei jüngst verschnittene Knaben verhaftet, die ihn als ihren Verschneider angaben. Der

c. Der Zarénkosche Prozess in Kronstadt (1839).

Dass das Kronstädter Skopzenschiff (vergl. oben S. 191 f., 339 f.) noch ca. 20 Jahre fortbestanden hat, beweist der kriegsgerichtliche Prozess von 1839, dessen Akten Melnikow im Auszuge mitteilt (Materialien etc. 1873, 1. B. S. 177—192). Danach hatte der Oberpriester der Armee und Flotte dem heiligen Sinod gemeldet, dass er auf geheime Weise von der Existenz einer Sekte in Kronstadt erfahren habe, die wahrscheinlich die Skopzensekte sei und aus 20 Personen verschiedenen Berufs, hauptsächlich aber Militärs bestehe, unter Leitung des Sekondleutnants Fjódor Zarénko aus der 3. Transportschiffbesatzung als sogenannten Hauptprofeten. — Bei der Haussuchung wurde bei Zarénko u. a. ein handschriftliches Heft gefunden, betitelt „Von dem freiwilligen Leiden unseres Herrn Jisús Christós“, Verse, ein „Sendschreiben“, ein Porträt Peters III., ein Schüsselchen mit Baranki (Fastenkringel). Seine und der andern Inhaftierten Aussagen vor der Kronstädter Polizei und später vor dem Kriegsgericht zeigen Wahrheit und Lüge wunderbarlich gemischt. Einen

Prozess wurde aber von dem Ismailer Tribunal so lässig geführt, dass während der Überweisung der Protokolle an die Kriminalpalate zu Jassy die unterdessen in Freiheit gesetzten Skopzen aus Ismail verschwunden waren. 1861 wurden sie vergeblich aufgefordert, vor der Palate zu erscheinen. 1864 bestätigte sie das freisprechende Urteil des Tribunals. Zum Schluss zählt Sürku die zur Zeit der Abfassung seines Artikels vorhandenen skopzischen Gemeinden in Rumänien auf und gibt die ungefähre Anzahl ihrer Glieder an (S. 61—65): 1) In Jassy ca. 150 Skopzen; die Männer sind alle Droschkenkutscher und beschäftigen sich nebenbei mit Bienenzucht; 2) in Bukarest 135, die ebenfalls Droschkenkutscher sind und deren Equipagen und Pferde hier als die besten gelten; 3) in Galatz 205; 4) in dem heute zu Russland gehörigen Nikolájewka am Schwarzen Meer, wohin Grigori Jakowlew geflohen war, 57; 5) im benachbarten Nowotró-izka 18; 6) in Wasiljewka 16; 7) in Tscheschmele 8. — Wenn neuerdings (Missionsrundschau 1909, S. 1456) Kalnew Budapest als das Weltzentrum des Skopzentums für die Propaganda in Europa und Russland bezeichnet hat, so dürfte das Druckfehler für Bukarest sein, zumal auch er sagt, dass dort fast alle Droschkenkutscher russische Skopzen seien. Aber auch für Bukarest scheint mir jene Behauptung wenig Wahrscheinlichkeit für sich zu haben. Dazu sind die russischen Grenzen viel zu abgesperrt, als dass die skopzische Propaganda vom Auslande aus geleitet werden könnte. Zufluchtsort für die russischen Skopzen bei Verfolgung mag es sein, woraus sich erklären würde, dass gelegentlich Verschneider und Propagandisten von dorthier kommen.

wahrheitsgetreuen Eindruck machen, wie auch anerkannt wurde, u. a. folgende Aussagen. Zarénko sagte aus, ihn hätten 1834 zwei Kronstädter Unteroffiziere für die Skopzengesellschaft gewonnen. „Als Gott erkenne er den wahrhaften Christos an, glaube aber auch, dass es eine Dienerin (Gottes) Akulina Iwanowna gab, von welcher nicht dem Fleische nach, sondern durch den Heiligen Geist der Lehrer und Beter, ihr Heiland Pjotr Fjódorowitsch geboren wurde, aber es war auch sein Gehülfe Aleksándr Iwanowitsch, ein Knecht Gottes, in dessen Grabe in Schliselbúrg das Brod geweiht wurde (die bei ihm gefundenen Baránki) . . . Das Sendschreiben und die Verse habe er im Jahre 1836 von Klim Petrów in Nowgorod erhalten, welche sie auch beim Sichdrehen singen . . . Verschnitten wurde er das erste Mal in Nowgorod am 18. Dezember 1835 von dem Unteroffizier a. D. Klim Fedótow, bei seiner Durchreise durch Nowgorod auf Urlaub, und das zweite Mal, als er durch Nowgorod zurückreiste, im Februar 1836 von demselben Fedótow“ . . . Sie beten, wenn sie sich versammeln, vor den heiligen Ikonen, er verbeugte sich aber auch vor der Darstellung des Herrschers Pjotr III. in hellblauem Schlafrock . . . Profeten nenne man unter ihnen den Dentschik Awdé Andréjew und den Schreiber Ignátow, sich selber aber halte er nicht für einen Profeten, da er von nichts geweissagt habe, aber er könne Beter genannt werden . . . (S. 179). Den Untermilitärs, die zur selben Sekte gehören, habe er tatsächlich erlaubt, sich in seinem Quartier zur Andacht zu versammeln . . . (S. 187). Zu ihrer Gesellschaft gehöre auch der Kaufmann Solodównikow, der in St. Petersburg lebe ¹⁾ . . . (S. 184; auch Aussage des Fähnrichs Panków.)

Der Trainsoldat Maksím Danílow gab an, „dass er an den Herrn Jisus Christos glaube, an die Gottesmutter Akulina Iwanowna, den Heiligen Aleksándr Iwanowitsch und den Profeten Pjotr Fjódorowitsch, d. i. an den Kaiser Pjotr III. . . . In den Dienst wurde er 1825 vom Gutsbesitzer dafür abgegeben, dass er Unzucht und darin lebende Leute floh, Widerwillen hatte gegen Saufen und Fressen, was bemerkend der Gutsbesitzer ihn so

1) W. Dahl (vergl. S. 1 Anm.), der in seiner ersten „Denkschrift über die Skopzen, vorgestellt vom Minister der Innern Angelegenheiten (Grafen) L. A. Perowski in den Reichsrat und das Ministerkomitet“ (1843, abgedruckt bei Melnikow. Materialien etc. 1873, 1. B., S. 240—248) ein kurzes Referat über den Kronstädter Prozess bietet (S. 244 f.), behauptet, dass damit der unterdessen verstorbene leibliche Bruder des bekannten Solodównikow (bei dem Seliwanow lebte, vergl. oben S. 202 ff., 380 f. u. 386), ebenfalls ein reicher Kaufmann, gemeint sei. Da ihm aber nichts nachgewiesen wurde, so wurde er nicht verfolgt (doch vergl. dazu oben S. 203, Anm.).

ansah, als ob er einen andern Glauben bekenne, in welcher Zeit er noch nicht verschnitten war; aber zur Zeit des Durchzuges ihrer Abteilung durch Nowgorod sah er dort seinen Landsmann, den Unteroffizier des dortigen Gefängnisses Klim Fedótow, welcher ihn zu sich in sein Quartier einlud und ihm das Hodensäckchen mit einem Rasiermesser wegschnitt . . . Als er aber in den Flottendienst in Kronschtát eintrat, wusste niemand von seinem Verschnittensein und zu der Zeit kannte er auch nicht Skopzenversammlungen in Kronschtát, sondern ging zu dem Magistratswachtmeister Jephimówitsch und zwei skopzischen Wächtern, um zusammen die heiligen Bücher zu lesen und Gott zu preisen. Aber vor sechs Jahren siedelte er zusammen mit dem Sekondleutnant Zarénko, der gleichfalls Skopze sei, in ein Quartier über und während seines Wohnens mit ihm kamen sie zu ihm, um zu Gott zu beten und die im Besitze Zarénkos befindlichen Psalmen zu singen, die von den heiligen Vätern verfasst sind. (Folgt Aufzählung von 8 Personen, die zu ihm kamen.) Mit ihnen assen sie auch in der Stadt Schliselburg im Grabe des bestatteten heiligen Knechtes Aleksandr Iwanowitsch geweihtes Brod, der dafür gemartert wurde, dass er denselben Glauben angenommen, wie sie . . . Die Darstellung, die einen Greis mit unbedecktem grauem Haupt und Bart vorstellt, gekleidet in einen hellblauen Schlafrock mit schwarzer Verbrämung, sitzend auf einem Lehnstuhl mit einem über die Knie gebreiteten roten Tüchlein, sei der Russländische Kaiser Pjotr III., der Verteidiger ihres Glaubens, welcher auch in gegenwärtiger Zeit lebe und den Heiligen Geist in sich habe und dessen baldige Ankunft sie erwarten“ . . . (S. 179 f.).

Schliesslich seien noch die Aussagen zweier Militärmusikanten aufgeführt, die zur Skopzensekte gehörten, aber noch nicht verschnitten waren: „Sie würden deswegen auf der Hauptwache gefangen gehalten, weil sie nicht beabsichtigten, sich von der Skopzensekte zu trennen, deren Beten sie für das allerheiligste hielten, und sie seien völlig überzeugt, dass der entschlafene Kaiser Pjotr III. erscheinen werde als Jisus Christós zu ihrer Errettung. Im Gegensatz dazu würden keinerlei Überredungen, noch die allergrausamsten Strafen sie zur Überzeugung veranlassen, sie hätten sich geirrt, und wann sie sich durch Gebet und Fasten vorbereitet und dazu der Wille Gottes sei, so würden sie sich verstümmeln, ohne irgend ein Verbot zu beachten.“

Das Kriegsgericht verurteilte gemäss den „Artikeln des Kriegsreglements“ Zarénko zum Feuertode, den Trainsoldaten Danilow, einen Denschtschik, der hartnäckig alles abgeleugnet, und die beiden Musikanten zum Verlust der Tressen und zweimaligem Spiessrutenlaufen durch 500 Mann, wozu der Kommandierende der I. Schulschiffequipage noch Degradierung und Verschickung fügte. Aber der Hauptkommandeur des Kronstädter Hafens Vizeadmiral Dellingshausen milderte die Strafe Zarénkos zum Verlust des Adels, Degradierung zum gemeinen Soldaten

und Versetzung in das Kaukasische Korps, die der andern zu einmaligem Spiessrutenlaufen, Degradierung und Versetzung ebendorthin. Die übrigen Skopzen wurden nur mit Kirchenbusse belegt.

d. Der Prozess der Invalidenkompanie in Maran (1842—43).

Melnikow teilt Auszüge aus den „Akten eines 1842 und 1843 im Kaukasus geführten Prozesses über Skopzen der mobilen Invalidenkompanie № 95“ mit (Materialien etc. 1873, I. B. S. 206—224), der besonders durch einen von ihnen geschriebenen Brief von Interesse ist, welcher eines der wenigen authentischen Dokumente für die skopzische Legende ist. Diese Invalidenkompanie war aus den in das Kaukasusgebiet verschickten Skopzen (vergl. oben S. 449) 1837 auf Befehl des damals in Grusien weilenden Kaisers Nikolai I. „zur Flössung des Kronsproviantes auf dem Flusse Riön“ (zuerst unter № 115) formiert worden und bestand aus ca. 150 Skopzen, welche in der Stadt Marán z. T. in kleinen Häuschen zu je zwei und drei Mann, z. T. in einer kleinen Kaserne (33 Mann) einquartiert waren, und 14 Unteroffizieren unterstellt waren, die aber besonders wohnten, ebenso wie der Stabs- und der Oberoffizier. Die Kompanie war in zwei Abteilungen eingeteilt. Zur ersten gehörten die, welche ihre Verirrungen aufgegeben hatten oder wenigstens ihre Verschneidung bereuten, zur zweiten 62 hartnäckige Skopzen, welche man im Verdacht hatte, dass sie Propaganda trieben. Doch hatten sie sich bis zum Jahre 1842 scheinbar ruhig verhalten. Aber in diesem Jahre hatte der Soldat Phrol Basjuków, der aus dem Militärhospital zu Kuta-ís zurückgekehrt war, wo man ihn auf Fallsucht behandelt hatte, den Offizieren erklärt, er hätte sich nur als fallsüchtig angestellt. Tatsächlich sei er gesund und ein „seliger Profet“, was Iwan Kókorew und die übrigen Leute der zweiten Abteilung bestätigten: „Er ist unser Profet, d. h. was er uns sagt, in dem allen gehorchen wir ihm, abgesehen von Sachen des Dienstes.“ Als Geheimnis teilte Basjuków mit, dass sie die Ankunft des Israelitischen Zaren im Jahre 1845 erwarteten, dass dieser Zar niemand anders sei, als der in Gott ruhende Kaiser Peter III., der gleichfalls Skopze sei. In der Tat befanden sich in allen ihren Häusern unter den Heiligenbildern ein Porträt Peters III. Die Offiziere schlugen vor, Basjukow und Kokorew als die Profeten, welche die übrigen

mit derartigen Reden beunruhigten, aus der Abteilung zu entfernen, und zwar den ersteren in ein Irrenhaus zu stecken, den andern nach Sibirien zu verschicken. Das wurde vom General Golowin auch verfügt, nachdem Basjukow noch einen von Kokorew geschriebenen (er selbst war Analphabet) Brief an die Kaiserin nebst einem schwarzen Seidentuch als Geschenk an dieselbe einem der Offiziere übergeben hatte. Da nun reichten 43 Mann aus der zweiten Abteilung, um ihre Solidarität mit den beiden Gemassregelten zu erklären (wohl von ihnen dazu veranlasst) folgenden Brief ein: ¹⁾

„Seiner Hochwohlgeboren, dem Herrn Major und Kavalier Püschkin.

Unser Glauben und Sekte sind dem Zaren Nikolai Páwlowitsch bekannt und wen wir als Israelischen Zaren anerkennen, dass er uns richten wird und die ganze Welt, alle Zaren und Könige und er wird (versammeln) uns, seine treuen Kindlein, und die ungetreuen Skopzen vor allen Zaren und Königen in Moskwá (alle Zaren und Könige werden zusammenkommen); und welchen wir anerkennen als unsern Vater und Israelischen Zaren, er ist Pjotr III., welcher im Jahr 1762 herrschte, in eben demselben Jahr verschwand er vom Thron, ging, um in Russland zu leiden, ging in Bettlergestalt, aber darauf wurde er nach Irkutsk verschickt und war dort vierzig Jahre; aber als der Zar Pawel I. Zar wurde, im Jahre 1796, da erfuhr er es und forderte aus Irkutsk (seinen Vater) d. i. Pjotr III. in den Palast und damals begann Pawel Petrówitsch Pjotr III. zu fragen: „Bist du mein Vater?“ er jedoch, Pjotr III., antwortete Pawel I.: „Ich bin nicht der Sünde Vater, sondern ich bin der Reinheit Vater. Wenn du so leben wirst, wie ich (,) Gott diene, (und Gott dienen,) so werde ich dir Vater sein.“ Da hielt Pawel I. seinen Vater heimlich im Palast; aber als Pawel I. die Dinge nicht einhielt, welche Pawel I. Pjotr III. befahl, da erzürnte (während des Mittagessens) Pjotr III. über Pawel I., dass er die Reinheit nicht einhielt, schlug Pawel Petrowitsch mit einem silbernen Teller auf den Kopf, jedoch Pawel I. geriet da ebenfalls in Zorn, setzte Pjotr III. in den Kerker, und er sass im Kerker. Aber als Aleksandr Pawlowitsch Zar wurde, im Jahre 1801, und von jemand erfuhr, dass sein Grossväterchen Pjotr III. im Kerker sitzt, forderte er, dass man ihn zu ihm führe, und da begann Aleksandr Pawlowitsch unter vier Augen Pjotr III. zu fragen: „Bist du mein Grossväterchen?“ er sagte Aleksandr Pawlowitsch: „Ja so ist es, dass du mein Enkel bist.“ Da freute sich Aleksandr Pawlowitsch sehr darüber und fragte nach seinem Wunsche: „Willst du mit mir im

1) Das Eingeklammerte sind Verbesserungen, welche die Sektierer an ihm vorgenommen, bevor sie ihn zum zweiten Mal einreichten (vergl. unten). Sonst unterscheiden sich die beiden Briefe nur durch die Interpunktion. Ich habe immer die bessere bevorzugt.

Palaste leben, oder wo ist es (dir) gefällig?“ Und Pjotr III. wünschte da, im Armenhause zu leben, darauf ward er auch ins Armenhaus gebracht und es befahl der Zar Aleksandr Pawlowitsch dem Aufseher des Armenhauses: „Was dieses Greislein verlangt, das gib ihm auch.“ (Aber) nicht lange Zeit befand er sich im Armenhause, als (und da) alle Skopzen von ihm erfuhren, und sie begannen den Zaren Aleksandr Pawlowitsch zu bitten, ihn zu ihnen zu entlassen, und da schrieb man (sich) Pjotr III. als Petersburger Kleinbürger an. Da kauften die Petersburger Skopzen gemeinsam ein Haus für ihren Vater, den Israelischen Zaren, d. h. Pjotr III. Da regierte er als Zar über Israel, sass auf dem Throne 20 Jahre, und es kamen zu ihm von ganz Russland die Skopzen und (aber es) glaubten ihm, aber Grosse und Machthaber (,) nannten ihn Israelischen Zaren, Erlöser. Aber hernach wurde ein Senator hochmütig und fragte den Zaren Aleksandr Pawlowitsch nicht um Erlaubnis, und nahm ihn, den Israelischen Zaren, vom Throne, um Mitternacht, und schickte ihn weg. Da erfuhr von ihm der Zar Aleksandr Pawlowitsch, liess sein Auge traurig blicken: „Ich habe jetzt keinen Profeten.“ „Ich werde ihn nicht weit senden“ (er sandte ihn nicht weit), in die Stadt Suśdal, in das Spasowskoĭ (Spasski-) Kloster, (und) dort sass er, unser Israelischer Zar, d. h. Pjotr III., 12 Jahre. Aber als Nikolai Pawlowitsch Zar geworden war und sechs Jahre regiert hatte, und da war es unserem Israelischen Zaren gefällig, zwei Brave zu senden, um (sich) dem Zaren zu erklären, (und) sich von ihm Gnade zu erbitten, ein Bittgesuch einzureichen. Und sie reichten beim Zaren Nikolai Pawlowitsch ein Bittgesuch ein, dass er den Israelischen Zaren in Freiheit entlasse. Da forderte der Zar Nikolai Pawlowitsch im Jahre 1832 aus dem Suśdalschen Kloster unseren Israelischen Zaren, d. i. Pjotr III., zu sich. Und er war im Geheimen im Palaste, niemand wusste von ihm, nur der Zar Nikolai Pawlowitsch wusste und schrieb durch (seinen) Ukaś im Geheimen dem Archimandriten des Suśdaler Spasowskoĭ (Spasski-) Klosters vor, er solle einen Sarg machen lassen, und allen Skopzen erklären, sie sollten kommen, um ihren Lehrer, das Greislein zu bestatten, und in diesem (mit dem ganzen) Kloster bestatteten sie ihn, als ob er sein Leben geendet hätte, und darauf wurden vom Zaren Nikolai Pawlowitsch in S. Peterburg Affichen (dim.) verbreitet: „Auf welchen ihr hofftet und auf den ihr wartetet, er ist verstorben.“ Aber in Wirklichkeit bekennen wir alle, unsere ganze 2-te Abteilung, dass unser Vater, der Israelische Zar, d. i. Pjotr III., noch lebt, und als er bei Nikolai Pawlowitsch im Palast war, im Jahre 1832, fragte ihn der Zar Nikolai Pawlowitsch: „Du nennst dich Israelischen Zar und du hast Profeten?“ er antwortete ihm: „Ich habe einen Profeten, euren Sohn Aleksandr Nikolájewitsch.“ Da sagte der Zar Nikolai Pawlowitsch: „Du bist Israelischer Zar, aber ich irdischer; mögen deine Kinder, die Skopzen erfahren, wohin ich dich senden werde.“ Aber was das anlangt, dass wir uns die Stirn rasiert haben, um deswillen weil wir Zusammenrottungen (uns zu verschneiden) nicht vermeiden konnten, so war es auch unmöglich zu unterlassen, dass wir die Stirn rasierten, gemäss unserem

Gesetz.¹⁾ Aber was den Zarischen Dienst anlangt, so sagen wir uns niemals los, sind bereit zu dienen gemäss der Dienstpflicht. Aber für unseren Glauben und Sekte wünschen wir um der Liebe Gottes willen für einander immer den Kopf darzubieten, aber trügerisch nicht zu leben, und dafür, wie wir uns verpflichtet haben, Gott Bürgschaft zu leisten, um bis zum Ende unseres Lebens nicht zu trügen, so wie die bösen Skopzen leben, haben Gott Bürgschaft geleistet, das Gesetz einzuhalten, aber darin haben sie ihm getrogen, wandten sich Üppigkeit (plur.) zu und bringen über uns üble Nachrede für immer“. (Es folgen 43 Unterschriften).

Die drei Skopzen, deren Namen in der Unterschrift vorneanstanden, wurden als die Hauptanhänger der Sekte nach Sibirien verschickt, die übrigen vor dem Bataillon-Kommandeur „gestraft“, d. h. wohl ausgepeitscht (gemäss Vorschrift des Generals Golowin vom 31. Oktober). Trotzdem wurde von 33 derselben nicht lange hernach (am 9. oder 10. April 1843) bei einer Revision der Kompagnie dem revidierenden Oberst derselbe Brief noch einmal übergeben. Dieser teilte dem kommandierenden General der grusinischen Bataillone mit, dass die Alphabeten unter ihnen mit ihren fünf nach Sibirien verschickten Genossen korrespondieren und deren Anweisungen heimlich der Abteilung übermitteln. — Damit schliesst Melnikow seinen Aktenauszug. Aber aus seinem früheren kurzen Referate über die Angelegenheit in den „Weissen Tauben“ (S. 404 Anm.) geht hervor, dass sie damit noch nicht zu Ende war. Sondern als die Skopzen sahen, dass ihr Brief an den Obersten unberücksichtigt blieb, reichten sie (das Datum wird von Melnikow nicht angegeben) dem beim Statthalter des Kaukasusgebiets Grafen Woronzów detachierten Fürsten Golizün eine Art „Evangelium“ in Form

1) Kutepow hat das Rasieren der Stirn buchstäblich verstanden (S. 247 Anm.) und vermutet, dass dieses sich bei den Skopzen sonst nicht findende Emblem von Basjukow und Kokorew erfunden sei. Er könnte sich dafür auf eine Stelle der Akten berufen (bei Melnikow S. 221 f.), wonach von einem der Offiziere nach der Entfernung der beiden Hauptanführer die Meldung eingetroffen, die Skopzen hätten „irgend ein Unterscheidungsmerkmal angenommen, nämlich sich den Kopf zu rasieren.“ Ich vermute, dass die Meldung eben die Einsendung dieses Briefes (mit einem Begleitschreiben) war und es sich hier nur um ein Missverständnis des fraglichen Ausdruckes handelt. Der Text beweist m. E., dass er nur eine uneigentliche Bezeichnung der Verschneidung ist, zumal die Lesart „skópischtscha“ (Zusammenrottungen) für „skopítsja“ (sich verschneiden) nur auf schlechter Orthografie beruht.

einer Bittschrift ein. Am 27. Dezember 1845 (unter № 2809) meldete ferner der Kommandeur der 1. Brigade der grusinischen Bataillone dem Statthalter, die Skopzen wünschten gleichfalls nach Sibirien verschickt zu werden, um mit jenen ihren Genossen wieder vereinigt zu sein. Aus der Bittschrift teilt Melnikow nun folgende Bruchstücke mit, die gleichfalls für die Kenntniss der skopzischen Legende von Interesse sind:

„Von der Ankunft unseres Herrn Jisús Christós mit dem fürchterlichen schrecklichen Gericht“ (lehren wir), wie die heilige Schrift bezeugt. In kurzer Zeit muss der Heiland kommen und wird das Gericht auf Erden vollziehen und wird (seinen) Thron mitten in der Welt aufrichten . . . Zu der Zeit wird er von allen Rechenschaft fordern, warum das Allerhöchste Licht solche Leiden erlitt (preterpél), das zarische Blut nicht schonte (šchalél), er zog freiwillig zu Leiden (strádü) aus, verliess seinen Thron in der Stadt (gráde) Piter und wollte nicht irdischer Zar sein und liess die Regierung des Reiches, fuhr mit seinen nahen Freunden nach Ranboun ¹⁾ zur Besichtigung seiner geliebten holsteinischen Truppen. Er hatte sich kaum zu entfernen vermocht, so nahm man noch in derselben Nacht die Sachen in Angriff und leistete für Jekaterina den Eid. Pjotr III. hörte davon, da rieten ihm, die nahen Freunde, er solle sich in sein Vaterland, nach Golschtinija ²⁾ entfernen und dort alle nötigen Massnahmen zur Wiederherstellung seiner Verhältnisse treffen, Unterstützung bei den fremden Mächten suchen. Er setzt sich auf ein Schiff und will über die Kronstädter Kette ³⁾ übersetzen, aber dort war zuvor benachrichtigt worden und man liess ihn nicht. Nachdem er nach Ranboun zurückgekehrt war, sendet Pjotr III. bald nach einander zwei Briefe an die Kaiserin Jekaterina, die den Zarenthron bestiegen hatte, indem er in beiden Briefen selber freiwillig auf die Krone verzichtet, nicht wünscht, im Russländischen Reich als Zar zu herrschen, solches für eine grosse Bürde haltend. Jekaterina umgekehrt sendet ihm ein Schriftstück des Inhalts, er möchte zu allgemeiner Beruhigung des Russländischen Volkes den freiwilligen Verzicht eigenhändig in gehöriger Form aufsetzen. Als Pjotr III. das Schriftstück von Jekaterina erhalten, da setzte er feierlich mit eigner Hand den Verzicht auf den russländischen Thron auf, setzte mit folgendem Inhalt auf: „In kurzer Zeit habe ich tatsächlich die Schwierigkeit und Bürde meiner selbstherrlichen Regierung des Russländischen Reiches erkannt. Meine Kraft reicht dazu nicht aus, nicht nur über die selbstherrliche, sondern über jegliche wie auch immer geartete Regierung im Russländischen Reiche zu verfügen, weil ich die innere Veränderung spürte, die zum Zerfall seines Vollbestandes und damit zur Bedeckung mit ewiger Schande sich neigt. Um deswillen gedachte ich selbst unpar-

1) = Oranienbaum.

2) Russ. Bezeichnung von Holstein.

3) = Kordon.

teilisch und ungezwungen hierdurch nicht nur dem gesamten Russländischen Reiche, sondern auch der ganzen Welt feierlich zu erklären, dass ich auf die Regierung des Russländischen Reichs für mein ganzes Leben verzichte, nicht wünschend, über die selbtherrliche oder irgend eine andersgeartete Regierung während meines ganzen Lebens zu verfügen. Ich verzichte darauf, im Russländischen Reich zu herrschen, desto mehr sonst irgendwo, oder durch irgend welche Hilfe mir zu suchen, worin ich meinen aufrichtigen Schwur vor Gott und vor der ganzen Welt darbringe, ich bringe keinen geheuchelten dar. Diesen ganzen Verzicht schrieb und unterschrieb ich mit meiner eigenen Hand am 19. Juni 1762.“ Pjotr III. wollte sich nicht am zeitlichen Leben ergötzen, sondern entschloss sich lieber mit dem Gottesvolke zu leiden, hielt solches mehr für Reichtum für sich als den PETERSCHEN Schatz, weil er auf die himmlische Vergeltung blickte, verliess er Piter“ . . .

e. Der Zarjów'sche Prozess in St. Petersburg (1843—49) und die Tätigkeit der Liprandischen Kommission (—51).

Über einen 1843 begonnenen Petersburger Skopzenprozess, der den Anlass zu einer energischen Verfolgung der Skopzen in ganz Russland gab, berichtet Melnikow bloss in einer „Anmerkung“ (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 160—163) zu den von ihm abgedruckten „Nachrichten über Seliwanow, die dem Ministerium der Innern Angelegenheiten vom Tobolsker Kaufmann Wasili Popów am 9. April des Jahres 1847 zugestellt worden“ (nebst zwei Liedern über ihn: S. 154—160). Danach hatte Popow in Petersburg eine Restauration unterhalten, in welcher die Skopzen verkehrten. Nachdem er 1841 bis Oktober 1843 so alle ihre Geheimnisse kennen gelernt — tatsächlich gehörte er selbst zu ihnen, da er verschnitten war; denn seine Angabe, das sei nur wegen einer venerischen Krankheit geschehen, ist offenbar lügenhaft —, machte er über sie Anzeige in einem Brief an den Minister der Innern Angelegenheiten Grafen Perówski, den er, als er ohne Folge blieb, wiederholte. Beide Briefe unterschrieb er mit dem fingierten Namen „Wawílow“. Er berichtete, dass im Hause Glaśunóws sich eine Betstube befinde, in welcher die Rolle des Hauptprofeten Nikífor Zarjów spiele, Glieder des Schiffes seien ausschliesslich Militärpersonen aus den Garderegimentern und Kronstädter Transportschiffbesatzungen. Infolgedessen wurde 1844 die Betstube von dem im Dienst des Ministeriums stehenden Staatsrat G. Liprandi aufgedeckt, wobei auch Popow als Teilnehmer an der Radenije verhaftet wurde. Das wurde der Anlass

zur Einsetzung einer besonderen Kommission zur Erforschung der Skopzenhäresie, deren Vorsitzender eben Liprandi wurde. Der Petersburger Prozess wurde in der Folge dem Kriegsgericht übergeben, aber Popow war auch weiterhin (bis zum Jahre 1847) Liprandi bei der Aufdeckung der Geheimnisse der Sekte behülflich.

Einen Auszug aus den Akten des Prozesses und der Kommission bietet nun die „historische Denkschrift über die Skopzensekte in Russland von 1843—1870“, verfasst von N. Baščénow und der „Missionsrundschau“ vom Priester W. Prósorow zur Veröffentlichung zur Verfügung gestellt (1905 I. S. 78—92, 266—269, 883—891). Danach hatte der „Beamte der 13. Klasse“ Wawilow am 20. November 1843 dem Minister geschrieben, er habe im Hause Glašunows in der Grossen Meschtschanskaja-Strasse eine versteckte Betstube mit fünf Türen, aber ohne Fenster entdeckt, die von einer Lampe erleuchtet werde. In der Stube befanden sich nur Stühle längs den Wänden und an Stelle der Heiligenbilder verdächtige Porträts, die „als Handleitung dienten bei der Ausbreitung der Skopzensekte durch Zarjow“. Dieser sei Begründer und Unterhalter der Betstube, unlängst verschnitten, wie seine jungen Kinder dafür Beweis seien. Die Versammlungen fänden vor Sonntag und Montag statt. Im selben Hause lebe bei dem Buchdrucker Larión ein Knabe, den Zarjow aus der Leibeigenschaft losgekauft und unlängst verschnitten habe (nach Akte № 292, 1. B. von 1847). Den zweiten Brief, der eine fast buchstäbliche Wiederholung des ersten ist, erhielt der Minister am 25. November (ebenda 2. B. und Akte № 278 von 1843). Er war der Anlass zu einer Haussuchung, welche Liprandi übertragen wurde (a. zuletzt a. O.). Bereits am nächsten Sonntag, um 10 Uhr abends, stand dieser mit dem Stadtteilspristaw vor der Tür des Zarjowschen Quartiers, nachdem alle Ausgänge durch Polizeioffiziere und niedere Polizisten besetzt waren. Als auf ihr Klopfen und Klingeln wohl von innen gefragt wurde, wen sie wünschten, aber nicht geöffnet wurde, gab sich der Pristaw als solchen zu erkennen und verlangte Einlass, weil er in den Hausbüchern (= Einwohnerlisten) etwas nachzusehen habe. Da öffnete Zarjow selbst, mit einem Licht in der Hand und in einem roten halbsammetnen Schlafrock. Vergeblich versuchte er die Beamten von dem weiteren Eindringen in die Wohnung zurückzuhalten. Die dritte Stube, in welche sie kamen, „war ohne Fenster, erleuchtet von einer Lampe vor den Ikonen, neben denen zu beiden Seiten ohne jeden Zwischenraum zwei grosse Porträts

hingen“ (a. a. O.). Das eine stellte dar „einen Skopzen in hellblauem Schlafrock mit schwarzer Verbrämung aus Zobelfell, mit einem um den Hals gebundenen weissen Tüchlein, auf einem Lehnstuhl sitzend, die rechte Hand auf einen roten Tisch mit einem Fusse gelegt“; auf dem andern war derselbe Skopze dargestellt „in der rechten Hand ein weisses Tuch mit zur einen Hälfte hellblauen, zur andern roten Blümlein, aber auf dem Tische befindet sich ein Körbchen mit einer Rebe und zwei Pfirsichen“ (Akte № 292, I. B., von 1847). „Einige grosse Wachslichte lagen in Unordnung auf einem kleinen Tischchen vor den Heiligenbildern, aber inmitten des Zimmers war ein Teppich ausgebreitet, an dem zu sehen war, dass man ihn zu beseitigen gesucht hatte“ (Akte № 278 von 1843).

Hinter der Betstube befand sich noch eine Räumlichkeit, in welcher durch den Spalt der verschlossenen Tür Licht zu sehen war. „Was ist da noch?“, fragte Liprandi. „Nichts, ein Zimmer“, antwortete Zarjow, und in demselben Augenblick erlosch das Licht. Auf den Befehl, ein Licht zu bringen und die Tür zu öffnen, konnte Zarjow nicht nur nicht antworten, sondern er konnte sich auch nicht vom Platze rühren, so erschreckt war er. Man öffnete ohne ihn die Tür und das herbeigebrachte Licht beleuchtete eine ganze Gruppe von erstaunten und erschreckten Personen. Es waren fünf Bauern verschiedener Gouvernements, ein Petersburger Kleinbürger und ein Unteroffizier¹⁾. Bis zur Herbeiholung des Polizeiarztes wurden noch drei weitere Skopzen entdeckt, die im Hause Glasunows lebten, ein Bauer und zwei Kleinbürger (a. a. O.). Bei der sofort vorgenommenen medizinischen Besichtigung erwiesen sich zwei als bloss verschnitten, die übrigen zehn, darunter auch Zarjow, als vollständig („reinweg“) verstümmelt. An zwei wurden Ketten gefunden, an dem einen kupferne nach Art eines Panzerringes, an dem andern schmiedeeiserne, je an 20 Pfund wiegend (Akte № 292, I. B., von 1847).

Die Wohnungen wurden versigelt und die Verhafteten in Einzelhaft untergebracht.

Bei einer nochmaligen Haussuchung wurden allerlei verdächtige Gegenstände gefunden: Porträts von Skopzen und allegorische Bilder, eiserne Ketten²⁾ und Bandagen, Kräuter, Pflaster,

1) Dass auch die andern Soldaten waren, wie Melnikow behauptet, wird in dem Aktenauszuge nicht angegeben, sondern vielmehr, dass sie alle in der Druckerei Glasunows angestellt waren. Auch der Unteroffizier hatte ein ähnliches Metier: er war Schriftgesser in der Druckerei des Seeressorts.

2) Nadeschdin redet ausführlicher (S. 173) von „bleiernen und eisernen Ketten, sehr schwer, wie ersichtlich zum Tragen am Gürtel

Wundwässer, Rasiermesser. Wie die Verhafteten aus 6 verschiedenen Gouvernements stammten, so wurden auch Briefe von Skopzen aus den allerentferntesten Gegenden Russlands gefunden, ferner zwei Handschriften: die eine enthielt die „Leiden und das Sendschreiben des Erlösers“, die andere war mit „ verabredeten Zeichen geschrieben und blieb daher unentziffert“ (Akte № 278 von 1843 ¹⁾).

Die Untersuchung zog sich in die Länge, da die Verhafteten hartnäckig alles ableugneten. Liprandi hielt es für nötig, „eine strenge formale Untersuchung anzustellen und sie auf alle in der Hauptstadt befindlichen Skopzen auszudehnen“ (a. a. O.). Der Minister Perowski wollte der Untersuchung noch grössere Dimensionen geben und gründete eine „besondere Untersuchungskommission zur gehörigen Nachforschung in Sachen der entdeckten Versammlung“ (Akte 292, 1. B., von 1847). Sie bestand gemäss dem Projekte Liprandis aus fünf Beamten unter seinem Vorsitz. „Sie sollte sich nicht auf die schnellste und genaueste Ermittlung der gesetzwidrigen Handlungen der Teilnehmer an der entdeckten Versammlung beschränken, sondern alle möglichen Massnahmen zur vollen

eingerrichtet, auch ein Panzer wurde entdeckt, gemacht aus kleinen kupfernen Ringen, zum Anziehen auf den nackten Körper unter das Hemd“; nennt ferner „heilige Zwiebacke“, „Radenija-Hemdlein“ und einen „Pass von besonderem Format und Aussehen“, geschrieben mit kirchenslavischen Buchstaben, versigelt mit dem Sigel des „Allerhöchsten Schöpfers Gottes und des Vaters und des Sohnes und des Heiligen Geistes, des Allerhalters von Himmel und Erde“, in welchem es heisst, dass „dieser Pass aus der Stadt des Höchsten, Grossen, Zaren und Heilandes ausgegeben sei“ und dass durch ihn der, welchem er ausgegeben worden (ein Eigenname ist nicht angegeben) „in Freiheit von Gott selbst entlassen sei.“ Aus der Herausgabe derartiger Pässe durch Zarjow (welcher Name von ihm eigenmächtig angenommen worden sei) schliesst Nadeschdin, dass er nach dem Tode Michaila Našarow Solodownikows im Jahre 1840 (doch vergl. oben S. 386) nicht nur der Leiter der Petersburger Skopzen sei, sondern eine besondere Stellung in der Sekte überhaupt eingenommen habe. Der vorgeführte Aktenauszug bestätigte diesen Schluss nicht. In der Tat sagt auch Nadeschdin ausdrücklich, dass nicht einmal, wer in Petersburg nach 1840 die Obergewalt habe, bekannt sei. Mit grosser Sicherheit handelt Arsenjew (Die Sekte der Skopzen in Russland 1874, S. 42—45) über Zarjow als Nachfolger Seliwanows in der Oberleitung der ganzen Sekte, ohne aber anderes Material gehabt zu haben, als das von Nadeschdin gebotene.

1) In einer Fussnote (4. zu S. 82 in der „Missionsrundschau“) wird bemerkt, dass diese gegenwärtig weder in den Akten des Ministeriums, noch in dem „Kabinett mit Raskolnikensachen“ zu finden sei.

Aufdeckung des Skopzentums und der Hauptschuldigen an seiner Ausbreitung ergreifen“ (Akte № 278 von 1843).

Nachdem die Kommission die ganze Voruntersuchung bereits abgeschlossen hatte, befahl der Kaiser, dem der Minister darüber berichtet, den Prozess wegen seiner Wichtigkeit und weil ein Unteroffizier in denselben verwickelt war, dem Kriegsgericht zu überweisen.

Das Urteil wird nicht mitgeteilt. Aber aus dem Artikel W. Tolstois „Von den grossrussischen popenlosen Raskols in Transkaukasien, I. Die Skopzen“ (Lesungen etc. 1864, 4. B. V. S. 50 ff.) erhellt wenigstens, dass Nikifor Zarjow 1849 nach Schemacha¹⁾ verschickt wurde.

1) Nach dieser Stadt wurden schon seit einiger Zeit Skopzen deportiert. Am 11. November 1835 wurde ihnen z. B., wie andern Anhängern der als „sehr schädlich“ anerkannten Sekten, nur in 7 transkaukasischen Städten, darunter auch Schemacha, das Bürgerrecht zu gewinnen erlaubt (Sammlung von Verordnungen auf dem Gebiete des Raskol, I. Band. Verordnungen des Ministeriums der Innern Angelegenheiten, London 1863, 1. Lief. S. 130). — Zarjow brachte den Schemachiner Skopzen das „Sendschreiben“ und die „Leiden“ Selivanows mit (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 62—65 und 74 [1839 hier ist Druckfehler]) und versicherte, dass dieser sich auf dem „Irkutskischen Berge“ befinde. Aber nicht alle waren damit einverstanden, sondern versicherten, dass er sich ins Ausland begeben, aber wohin genauer, sei unbekannt. Einige wenige meinten, er sei nach Westen ins gelobte Land gegangen. Von der Beerdigung in Sušdal meinten sie alle, dass man lügenhafter Weise einen andern untergeschoben habe, um die Hoffnung der Skopzen zu schwächen. Auch sonst scheint Zarjow unter den transkaukasischen Skopzen eine Rolle gespielt zu haben, neben einer aus dem Tambowschen Gouvernement dorthin verschickten Anna Andrejewna. Diese hatte im Exil allerlei ergänzende Extraverschneidungen für das weibliche Geschlecht erfunden. Sie verstümmelte die Leiber ihrer Anhängerinnen aufs entsetzlichste und pflegte sie dann. Dadurch gewann sie grosses Ansehen bei den Skopzen und Skopzinnen. Letztere beschlossen bei einer gemeinsamen Beratung, sie von nun an „die Immerjungfrau“ zu nennen, setzten sie auf einen Thron und beteten sie an. In der Tat hielt sie selbst sich für heilig, alle übrigen Skopzinnen aber für Sünderinnen, weswegen sie bei einer Begegnung sich niemals vor ihnen verbeugte. Die Skopzinnen hofften, sie würde nicht sterben, sondern wie Henoch lebendig in den Himmel erhoben werden. Als sie nun gestorben war, nachdem sie noch alle Skopzinnen getröstet und vermahnt hatte, hofften sie wenigstens, ihr Leib würde in den Himmel erhoben werden. Als er aber statt dessen zu stinken anfang, barst und sich mit Würmern bedeckte, trösteten sie sich damit, dass er ja nur Erde sei, die Seele aber sei im Augenblick des Todes in den

Die Petersburger Kommission gab mit dem Übergange des Prozesses Zarjows und seiner Anhänger ins Kriegsgericht ihre Tätigkeit nicht auf. Sie ermittelte noch andere Skopzen in der Hauptstadt und in anderen Städten, „welche bisher der Regierung nicht bekannt gewesen waren“, sei es vermittels der Angaben der Arretierten und der bei ihnen gefundenen Korrespondenz oder durch besondere von ihr angeworbene Agenten (darunter einige Skopzen: Akte №№ 292, 2. B., und 269 von 1847¹⁾). Die der Regierung bereits bekannten Skopzen der Hauptstadt wurden von der Polizei vor die Kommission gefordert und von neuem besichtigt, wobei die Angaben über die Zeit ihrer Verschneidung sich in einigen Fällen als unrichtig erwiesen (Akte № 278 von 1843 und № 248 von 1847). Überhaupt war die vom Ministerium der Kommission zur Verfügung gestellte Liste der St. Petersburger Skopzen fürs Jahr 1842 (ca. 150 Personen) sehr nachlässig geführt, oft war eine und dieselbe Person doppelt aufgeführt, die Namen anderer waren verstümmelt. Nicht besser stand es mit der Moskauer Liste. Zur genaueren Ermittlung der Moskauer Skopzen und zur Anleitung der dortigen Untersuchungsrichter wurde Liprandi zweimal (1844 und 45) von der Kommission nach Moskau abdelegiert²⁾. Die Nachrichten, die sie über Skopzen in den Gouvernements erhielt, wurden von der Kommission den Gouvernementsobrigkeiten übermittelt zur Ausführung der Untersuchung an Ort und Stelle nach ihren Angaben, indem vom Resultate ihr Mitteilung gemacht werden musste (z. B. Akte № 571 von 1844 und № 91 von 1849). Aber Sektierer, die die besondere Aufmerksamkeit auf sich gelenkt hatten, wurden von den Gouvernementsbehörden an die Kommission geschickt und ihr vorgestellt, so z. B. die Edelfrau Perfiljewa aus dem Gouvernement Kostromá (Akte № 269 von 1847, vergl. oben S. 377 Anm.). In der Akte wird auf ungefähr 200 Briefe hingewiesen, die ihr

Himmel erhoben worden. — Sonst hatten die Schemachiner Skopzen zwei Anführer, von denen der eine noch Seliwanow gesehen hatte, der andere von den Moskauer Häuptern eingeseget war. Sie wurden von den Skopzen überaus verehrt und ihnen wurde in jeder Hinsicht gehorcht.

1) Nach einer Notiz Liprandis selber in der Zeitung „Gólos“ (Die Stimme) 1869 № 62 „Einige Worte über die Skopzen in Anlass des Morschansker Prozesses“ waren derartige Agenten nur in Petersburg angeworben. Denn ausserhalb Petersburg habe die Kommission nur vermittels Briefwechsels mit den Behörden gearbeitet.

2) Nach Liprandi a. a. O.; ausserdem auch nach Riga.

weggenommen worden waren (es ist unbekannt, wo sie geblieben sind).

Unter der Leitung Liprandis beschäftigte sich aber die Kommission auch damit, Auszüge aus den Akten früherer Skopzenprozesse zu machen, die sich in den Archiven fanden (Akte № 278 von 1843, №№ 38 und 100 von 1845), wie sie auch alle skopzischen Gegenstände und Schriftstücke besichtigte, die bei den Haussuchungen gefunden worden waren und ihr vorgestellt werden mussten. In dem Bericht des Departements der Allgemeinen Angelegenheiten für das Jahr 1844 heisst es über diese Tätigkeit der Kommission: „Sie enthüllte auf allergründlichste Weise alle Regeln und Riten der Skopzensekte, die von den Sektierern in der grössten Verborgenheit gehalten worden waren. Bisher hatte die Regierung die Skopzen als Leute anerkannt, die mehr oder weniger der Lehre der heiligen Kirche folgen und mit Genauigkeit alle ihre Riten ausführen: durch die Untersuchungskommission aber wurde ermittelt, dass diese Sektierer die Riten der Rechtgläubigkeit einzig zur Verhüllung ihrer Verbrechen ausführen, in Wirklichkeit aber eine vollständig abgetrennte Häresie hegen, die dem christlichen Glaubensbekenntnis fremd ist. Das wird bestätigt durch die von der Kommission gesammelten Bücher, Handschriften, Porträts von Personen, die von den Sektierern für Heilige gehalten werden, und andere Gegenstände, die nicht nur die Skopzen ihrer schädlichen Verirrungen überführen, sondern auch ihrer Handlungen zum Schaden der Allgemeinheit.“ Ferner wird bemerkt, dass die Kommission in diesem einen Jahr 55 Skopzen in Petersburg überführt hatte, die bisher der Regierung nicht bekannt gewesen waren, darunter zwei Verschneider, 28 in Moskau (die Liprandi „in aller kürzester Zeit und ohne Anwendung besonderer Massregeln und Mittel“ dort entdeckt hatte: Akte 233 von 1844), 17 in den Gouvernements, zusammen 100 Personen (Akte № 38 von 1845). Auf grund des gesammelten Materials verfasste auf Veranlassung des Ministeriums der Innern Angelegenheiten der bei ihr angestellte Staatsrat N a d e s c h d i n seine „Untersuchung über die Skopzenhäresie“¹⁾. Bereits 1845 wurde sie auf Befehl des Ministers gedruckt, aber in einer ganz begrenzten Anzahl von Exemplaren, da sie als Staatsgeheimnis galt. Als 1855 der Minister dem Kaukasischen Statthalter Generaladjutant M u r a w j ó w auf seine Bitte ein Exemplar übersandte, fügte er hinzu: „Gemäss der Art der in dieser Untersuchung enthaltenen Nachrichten und einem besondern darüber bestehenden Allerhöchsten Befehl bildet die Beschreibung der Skopzenhäresie ein streng geführtes Staatsgeheimnis und ist nur einer überaus kleinen Anzahl

1) Doch vergl. oben S. 1 Anm.

von Personen bekannt, auf denen das besondere Vertrauen der Regierung ruht, und daher halte ich es für überflüssig, hinzuzufügen, dass das übersandte Exemplar der Beschreibung der Skopzenhäresie ausschliesslich zum Gebrauch Eurer Hohen Exzellenz dienen und der Aufbewahrung in vollständiger Verborgenheit unterliegen soll“ (Akte № 199 von 1855) 1).

Die Kommission hatte auch nachgewiesen, dass die der Regierung bekannten Skopzen äusserst nachlässig überwacht worden. Sie entfernten sich willkürlich von den ihnen angewiesenen Wohnorten (z. B. Akte № 287 von 1843, Akte № 560 von 1844), liessen sich zur Kleinbürger- und Kaufmannschaft anschreiben (z. B. Akte № 56, 297, 378 von 1845, № 292 von 1847), aus der Bürgerliste einer Stadt in die einer andern umschreiben (Akte № 292 von 1844), bekleideten Wahlämter, waren z. B. Richter, Kirchenälteste, Direktoren von Banken, ja sogar Staatsbanken. Ja es wurden eine Reihe von Skopzen entdeckt, die Staatsbeamten oder Militärs waren (1 Major, 1 Stabskapitän, 2 Kapitäne, 1 Sekondleutnant, 1 Fähnrich), und gerade diese fehlten in den offiziellen Listen (Akte № 278 von 1843, № 323 von 1845, № 56 von 1846, № 343 von 1848). Die Entdeckung von 100 Skopzen im Laufe eines einzigen Jahres, von denen 83 in den beiden Hauptstädten lebten, legte die Vermutung nahe, dass die tatsächliche Anzahl der Skopzen im ganzen Reiche die offiziell bekannte bei weitem übertreffe, zumal da die in den Gouvernements geführten Listen wohl noch unvollständiger waren, als die hauptstädtischen, schon aus dem einen Grunde, weil die Polizeiverwaltungen der ersteren nicht ebenso viele Mittel zur Beobachtung der Sektierer besaßen. Weiter angestellte Nachforschungen bestätigten diese Vermutung vollauf, wenn sie auch nicht die wirkliche Anzahl ans Licht brachte.

Der Minister Perowski ging seit 1844 mit grösster Strenge gegen die Skopzen vor. Er forderte die Akten aller Skopzenprozesse ein, die entgegen den bestehenden Gesetzen nicht dem Ministerium zur Durchsicht übergeben worden waren, — mochten sie auch 20 und mehr Jahre zurückliegen. Er verschärfte die

1) Baschénow bemerkt, dass wie in diesem Buche nur die im ersten Jahr ihrer Tätigkeit von der Kommission beschafften Materialien verarbeitet sind, nicht die späteren, — so auch nicht die von ihr veranstalteten Auszüge aus den Akten früherer Prozesse. Diese sind nicht mehr aufzufinden, wie überhaupt die Hälfte des Materials, das der Kommission vorgelegen, nicht mehr vorhanden ist, sodass gegenwärtig das Buch Nadeschdins in entsprechender Weise zu ergänzen überaus schwer wäre.

Strafen, die die Kriminalgerichte verhängt hatten und die längst abgeüsst waren (z. B. Akte № 450 von 1843), alle skopzischen Wahlbeamten wurden aus ihren Ämtern entfernt (Akte № 166 von 1844), aus den Kleinbürger- und Kaufmannslisten wurden die gestrichen, die ohne Angabe ihrer Verstümmelung sich hatten eintragen lassen, und unter Verlust aller Eigentumsrechte zur Ansiedlung verschickt (z. B. Akte № 317 von 1846). Erst recht verfuhr er streng mit den neuentdeckten Skopzen, ohne auf irgend eine Fürsprache hochgestellter Personen zu hören (z. B. Akte №№ 175, 225 von 1846) oder irgend auf das Alter Rücksicht zu nehmen. Sieben- bis neunjährige Kinder und sieben- bis neunzigjährige Greise wurden mit den sonstigen Verschnittenen nach Transkaukasien oder Sibirien verschickt (z. B. Akte № 423, 439, 466 von 1845, № 599 von 1851, № 513 von 1852).

Diese Strenge machte auf die Skopzen scheinbar einen starken Eindruck. „Die St. Petersburger Skopzen“, die ihren aufrichtigen Wunsch verlaublich hatten, auf eigene Kosten alle Kuppeln der Preobraschénski-(Verklärungs-)Kathedrale zu vergolden, „einzig“ aus Eifer um die Schönheit des heiligen Tempels, klagten gleichzeitig bitter, „dass ihre Lage gegenwärtig überaus bedrängt sei, besonders „infolge der Begründung der Untersuchungskommission zu ihrer Prüfung, des grössten Unglücks für sie.“ — „Gegenwärtig“, schrieb 1850 ein Moskauer Skopze an einen eingekerkerten Glaubensgenossen, „kann nach den neuen Gesetzen jeden Beschnittenen das allerausschweifendste und unzünftigste Frauenzimmer für einen kupfernen Kopeken nach Sibirien oder in den Kaukasus verschicken, wenn die eiserne Skeletthand Poliphems, des Sohnes Posidons dazu hilft“ (gemeint ist Liprandi). — Tatsächlich aber zeigen die Prozessakten, dass in den vierziger und fünfziger Jahren die Sekte überall im Reiche in starker Zunahme begriffen gewesen ist. Wann die Kommission aufgelöst worden ist, darüber gibt es keine genauen Nachrichten. Ihre letzten Rapporte beziehen sich auf das Jahr 1851 (Akte № 250 von 1851). Dazu stimmt, dass Liprandi selbst später (vergl. Anm. I zu S. 472) erklärte: „Ich habe in der Kommission zur Prüfung der St. Petersburger Skopzen vom November 1843 (wann ich ihre Betstube während der Versammlung in die Hand bekam) bis zum Mai 1851 den Vorsitz geführt.“

f. Der Prozess der Miljutins in Alatür (1851—57).

Melnikow erzählt, ohne seine Quelle zu nennen (Materiellen etc. 1873, I. B. S. 55), dass nach dem Tode Seliwanows in Susdal im Jahre 1832 die Skopzen geplant hätten, ihr „Davids

Haus“, ihr „oberes Jerusalem“ in die Stadt Alatür im Gouvernement Simbirsk in das Haus der Miljutins (vergl. oben S. 107 f., 366 f., 441) zu verlegen. Möglicherweise habe dieses die Aufmerksamkeit der Regierung auf die Alatürer Skopzen und ihre Lehrer, die Miljutins und Mironow, gelenkt. Diese hätten diesmal zwar der Verfolgung zu entgehen vermocht, aber den Plan, ihr Haus zum Mittelpunkt aller skopzischen Schiffe zu machen, aufgeben müssen. Noch in den vierziger Jahren lebten sie ganz wie Einsiedler, nur das Volksgerede wusste von Radenija und Verschneidungen in ihrem fest verschlossenen Hause (S. 125).

Das reiche Material, das Melnikow (S. 59—124) und Krüschin (Versuch einer Erforschung der Skopzensekte im Simbirsker Gouvernement; S. 488—526) mitteilen, stammt aus einem erst 1851—57 geführten Prozesse. Er war dadurch entstanden, dass durch die örtliche Polizei einige Skopzen in einem Dorfe des Alatürer Kreises entdeckt worden waren und die Untersuchung mehr als 50 Angehörige der Sekte enthüllte, wobei die Propaganda Semjon Miljutins und seiner Tochter ans Licht kam. Doch bezieht sich das von Melnikow gebotene Material hauptsächlich auf Kultus und Lehre (enthält auch viele Lieder) und ist in dieser Hinsicht eine der Hauptquellen für die Kenntnis des Skopzentums überhaupt. Aber nur wenig ist es, was er darüber hinaus speziell über das Alatürer Skopzenschiff aus den Akten bietet. Weit reicher sind die Mitteilungen Krüschins, welcher selber während des Prozesses im Simbirsker Gouvernement gelebt hat, sich viel mit Semjon Miljutin und andern in den Prozess verwickelten Skopzen unterhalten hat, auch allerlei von dem mitteilt, was das Volksgerede über sie wusste¹⁾. Als seine Haupt-

1) Doch verhält er sich zum letzteren z. T. selber skeptisch, so z. B. zu dem unter den Bauern des Alatürer Kreises verbreiteten Gerede, „dass auf den Andachten bei Miljutinski aus einem mit Wasser angefüllten Böttich eine weisse Taube erschien, unter deren Flügeln Gold für die Anwesenden hervorrollte“ (vergl. B. I. S. 278 f., 230 ff.). Denn in den Erzählungen der Skopzen (vor Gericht), die an den Andachten teilgenommen, sei keinerlei Bestätigung derartiger Gesichte enthalten. — In dieser Legende hat sich nur das sonstige Gerede verdichtet, dass die Miljutins mit Geld für die Verschneidung Propaganda machten, das daher unter denselben Verdacht fällt. — Krüschin berichtet, dass noch gegenwärtig (1867) nicht nur derartiges Gerede, sondern wirkliche Erinnerungen an Semjon Miljutin und seine Sekte in Alatür lebendig seien, wie denn als ein merkwürdiges Denkmal jedem Fremden die von einem hohen Zaune umgebene Häuserreihe am Rande der Stadt gezeigt würde, welche einst Miljutin gehört.

quelle aber bezeichnet er das „aufrichtige“ Eingeständnis eines Bauern aus einem Dorfe des Kreises Alatür vor Gericht, das ihm erst den Schlüssel zum Verständnis des Skopzentrums geboten. Die Hauptdaten sind nun folgende:

Im Jahre 1832 liess sich der Verwandte der Miljutins, Kirill Mirónow (vergl. oben S. 366), der 1831 wegen seines Verschnittenseins ohne sonstige Bestrafung aus seinem Regiment mit der Anweisung seines Heimatsorts als Wohnort ausgeschlossen worden war, unter Mitwirkung der örtlichen Polizei in die Bürgerliste eintragen und siedelte sich gegenüber dem Hause Semjon Miljutins in einem besonderen Hause an. Unter seiner Mitwirkung nahm die Propaganda Semjons unter den Bauern alsbald einen grossen Aufschwung: „Dem äusseren Anschein nach ein musterhafter Christ, ein strenger Asket, galt Kirill Mironow in den Augen der Bauern, die er an sich zog, als irgend ein Glaubensheld; dem Skopzendum bis zum Fanatismus ergeben, des Lesens kundig, wohlbewandert in der Ausdeutung der Texte der heiligen Schrift zu gunsten des Skopzentrums, verfolgte Mironow mit einer gewissen Verbhrtheit den Bauern, den er sich zum Opfer gewählt, mit Überredungen, ins Skopzendum einzutreten, und selten konnte sich einer von seinem verderblichen Einfluss befreien.“ Dazu kam, dass die Umstände ihm günstig waren. Gerade damals waren Streitigkeiten zwischen den verschiedenen Denominationen des Raskols im Alatürer Kreise ausgebrochen, die einen Teil seiner Anhänger an der Vollkommenheit ihres Glaubens irremachten, sodass sie sich dem Chlüstentum zuzuneigen angingen. Bei ihnen fand daher die skopzische Propaganda einen vorbereiteten Boden. Eine offene Tür für die Propaganda war aber bereits in der Gürtelfabrik der Miljutins gegeben, in der ca. 200 Frauen und Mädchen arbeiteten: nachdem man sie mit der skopzischen Lehre erfüllt hatte, wirkte man durch sie auf ihre männlichen Anverwandten. Aber auch zu direkter Einwirkung gab die Fabrik Gelegenheit, indem die Miljutins die Dorfmarktplätze bereisten und den Bauern ihre Erzeugnisse auf Kredit gaben. Das strenge häusliche Leben der Miljutins, ihre zur Schau getragene Ergebenheit gegenüber der Kirche, ihr Eifer, jedem armen Bauern zu helfen und in ihrem Hause jedem Heimatlosen einen Zufluchtsort zu gewähren, machte auf die Bauern einen grossen Eindruck. Keinen liessen sie ohne Wohltat von sich und jeder, der ihr Haus verliess, half das Gerücht von ihrem vorbildlichen Leben verbreiten. Indem sie Alatürschen Händlern Protektion und Beihilfe bei ihren Handelsgeschäften zuteil werden liessen, brachten sie sie zuerst

in Abhängigkeit von sich und verbreiteten dann auch unter ihnen die skopzische Lehre. Die örtliche Obrigkeit war ihnen wohlgesinnt und die Geistlichkeit hielt sie für der Kirche ergeben, für die sie freigebigen Eifer zeigten. So begann dann seit 1832 Semjon Miljutin fast offen für das Skopzentum zu wirken und die Andachten in seinem Hause, die früher geheim gehalten wurden, wurden fast öffentlich abgehalten, indem nicht nur alle die, welche in der Fabrik zu tun hatten, zugelassen wurden, sondern durch einen ihm bekannten Skopzen jeder zu ihnen Zutritt erlangen konnte. Wer einmal dagewesen war, kehrte leicht wieder, da das enthaltsame Leben der Skopzen gefiel und Miljutin jedem freundlich entgegenkam. So mehrten sich die Adepten des Skopzentrums und wurden ihrerseits zu Agitatoren und Propagandisten unter ihren Dorfgenossen. Um 1845 gab es bereits Skopzen in 10 Kirchdörfern des Alatürschen Kreises, in je einem Dorfe vier anderer Kreise des Gouvernements Simbirsk und in Simbirsk selbst. Doch hatten sich die Miljutins mit ihrer Propaganda nicht auf das Gouvernement Simbirsk beschränkt, sondern ihre Helfershelfer auch in Städte anderer Gouvernements gesandt, so nach Kaſan, Süſrán, Samara, wo sich Glaubensgenossen befanden, die sie wohl aufnahmen. In Simbirsk fanden unter Leitung des dorthin von den Miljutins abdelegierten Unteroffiziers Gúſchtschin besondere Andachten im Hause eines Skopzen statt, der bereits 1827 sich für sein Verschnittensein hatte verantworten müssen (oben S. 441 erwähnt). An diesen Fahrten nahm auch die in den Versammlungen als Profetin auftretende Kleinbürgerin Fedóra Iwánowna teil. — Die Betstube im Hause Miljutins in Alatür befand sich in der unteren Etage eines besonderen Flügels, in welchem seine Tochter Natalja Semjónowa lebte. Sie war sehr geräumig und wurde „Hauptbetstube“ genannt. Gegenüber der Eingangstür hing das Porträt Seliwanows, rechts davon das Schilows, aber links das Semjon Miljutins selber. Ausserdem aber gab es auch Heiligenbilder. Unter dem Porträt Seliwanows stand auf einem (nach Melnikow mit einem kostbaren Teppich bedeckten) Podium ein grosser Lehnstuhl (nach Melnikow mit rotem Sammet bezogen und mit goldenen Posamenten und Troddeln geschmückt). Auf ihm sass bei den Andachten Semjon, auf den drei Stufen aber, die auf das Podium hinaufführten, sassen seine Tochter (die nach Melnikow als Gottesmutter galt) und Mironow. Längs den Wänden standen (nach Melnikow mit Seide bezogene türkische) Diwane für die

Teilnehmer an den Andachten. — Erst wenn sich alle bereits versammelt hatten — an grossen Feiertagen waren es hundert und mehr Personen —, erschien Miljutin (nach Melnikow in einem seidenen Schlafrock), feierlich schritten ihm seine Tochter ¹⁾ und Mironow voraus. Ausser der erwähnten Kleinbürgerin fungierte als Profetin eine Bäuerin Aksínja, als Profet Mironow, weitere Profeten gab es nicht im Simbirsker Gouvernement. Miljutins Tochter Natalja Semjónowa verteilte nach den Radenija und Profezeiungen alle Anwesenden (nach Melnikow aus einem silbernen vergoldeten Teller in Form eines kirchlichen Diskos auf einem hohen Untersatz) weisse Zwiebacke von kubischer Form (nach Melnikow mit eingeschnittenem Kreuz), die durch Hinablassen in das Grab Schilows durch einen Spalt in der Grabplatte geweiht worden.

Der durch den „Primod“ feierlich aufgenommene hiess von nun an „Israel“. Auch die Verschneidung geschah anfangs nach feierlicher Radenije der Gesellschaft in einem an die „Hauptbetstube“ stossenden Nebenzimmer durch einen besondern „Verschneider“. Die aber an der Folge der Verschneidung starben, wurden auf dem Felde hinter dem Garten Miljutins von denen, die bei ihm dienten, begraben. Wenigstens erzählten Bewohner Alatürs, dass sie dort nicht selten frische Gräber bemerkt, die aber alsbald wieder verschwanden. Aber seit den vierziger Jahren wurden die Verschneidungen in den Dörfern, in welchen Skopzen lebten, bei einem von ihnen an verborgenem Ort vollzo-

1) Melnikow erwähnt am Anfang des Abschnitts, in welchem er den Aufschwung der Sekte Miljutins schildert, auch noch die Schwester Miljutins Natalja Michailowa (vergl. oben S. 366), die ein ungewöhnliches Gedächtnis besessen, sodass sie das ganze Neue Testament und viele Teile des Alten auswendig gekannt. Sie hätte nicht nur in Alatür, sondern auch in der Petersburger Skopzengesellschaft als „Gottesmutter“ gegolten. Sie wie ihre Nichte seien von seltener Schönheit und scharfen Verstandes gewesen. Dies und ihre früheren Reisen zu Seliwanow (a. a. O.) hätten bei den Skopzen die Meinung veranlasst, sie seien nicht von gewöhnlicher Herkunft, sondern Hofdamen, die um der Errettung der Seele willen den Hof und ihre Verwandten verlassen. Krüschin berichtet das nur von der Schwester Miljutins und zwar am Ende des Abschnitts über die Lehre und die Aufnahme in die Sekte (S. 501—512). Bei der Schilderung des Prozesses und der durch ihn enthüllten Gottesdienste im Hause Miljutins erwähnt er ihrer überhaupt nicht. Es scheint daher, dass sie noch vor dem uns hier beschäftigenden Zeitraum bereits gestorben war.

gen. Den Verschnittenen hielt man acht Tage lang in einer unter der Diele des Bauernhauses befindlichen Kammer verborgen. Semjon Miljutin erlebte das Urteil nicht, sondern starb 1857 im Gefängnis; bald nach der Befreiung aus dem Gefängnis starb auch seine Tochter. Mironow und die übrigen wurden nach Sibirien verschickt. 1867, als Krüschin seine Materialien sammelte, war von einer Weiterexistenz der Sekte im Simbirsker Gouvernement seit 1852 nichts zu hören gewesen.

g. Der Plotizünsche Prozess in Morschansk (1868—69).

Eregte der Prozess der Plotizüns in Morschansk hier und überhaupt im Gouvernement Tambów, zu dem die Stadt gehört, das grösste Aufsehen, so wäre das nicht weiter verwunderlich gewesen. Denn der Hauptangeklagte Maksim Kusmin Plotizün war ein sehr reicher Kaufmann, der einen schwunghaften Exporthandel mit Talg, Honig und Wachs trieb, und viele waren von ihm abhängig oder standen in Beziehung zu ihm ¹⁾. Aber nicht nur die Bewohner von Morschansk spalteten sich infolge dieses Prozesses in zwei Lager ²⁾, sondern die russische Bevölkerung von Russland überhaupt, soweit sie für die Presse erreichbar war ³⁾. Denn diese selbst nahm, z. T. in sehr leidenschaftlicher Weise, teils für ihn, teils gegen ihn Partei. Das könnte verwunderlich erscheinen. Denn das durch den Prozess zum Vorschein kommende Material über die Sekte war bei weitem dürf-

1) So wurde der Moskauer Zeitung „Gleichzeitige Nachrichten“ nach der Verhaftung Plotizüns am 7. Febr. aus Morschansk geschrieben (Nr. 40 vom 11. Februar. Morschansk): „Wie konnte es geschehen, dass ein Mensch (verhaftet wurde), vor dem sich die hiesige städtische Gesellschaft neigte, auf den die Gutsbesitzer ganze Stunden an der Pforte devot warteten, vor dem sich früher gelegentlich das ganze Gouvernement in der Person seiner obersten Beamten neigte, der die Verschickung eines Untersuchungsrichters und die Verabschiedung einer ganzen Gerichtsbehörde veranlasst hat“

2) A. a. O. (Nr. 71 v. 14. März. Morschansk): „Auf den Strassen, in den Kneipen, in den Privathäusern, in den Läden, im Klubb, mit einem Wort überall sind ein und dieselben Fragen zu hören: „Was gibts Neues? Was ist's mit Plotizün? . . . Die ganze Stadt ist in zwei Parteien aus einandergegangen . . . die andere kleinere tritt für Plotizün ein.“

3) So heisst es z. B. in einer Korrespondenz aus Moskau vom 6. März in den „Moskauer Nachrichten“ (Nr. 51 vom 7. März): „Seit mehr als zwei Monaten bilden den Gegenstand der Unterhaltung in allen Kreisen der Gesellschaft — wer hätte es gedacht — die Skopzen.“ Ferner berichtet der „Gerichtliche Bote“ (Nr. 40 vom 18. Febr. 1869): „Der Morschansker Prozess interessiert tatsächlich alle Schichten der Petersburger Gesellschaft.“

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученые Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Бударевскій.**
